А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ • А. Н. ОСТРОВСКИЙ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

ПЬЕСЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1987

84 Р 1
О 77

Иллюстрации и оформление
О. Б. Рытман

$О\frac{4702010100—1361}{080(02)—87}$ 1361—87

Текст печатается по изданию: А. Н. Островский. Полн. собр. соч. в 12-ти томах. Тт. 1—5. — М.: Искусство. 1973.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ ПУСКАЛСЯ В ПЛЯС, ИЛИ ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО ТОЛЬКО ОДИН ШАГ

В одном из грязных переулков, которых так много между Мясницкой и Сретенкой, есть домик очень непривлекательной наружности; три маленькие окошечка смиренно смотрят на улицу, а дощатая кровля во многих местах поросла мохом. Рядом с домом — будка с белыми колоннами. Этот домик, со множеством прочих близ стоящих, принадлежит одной почтенной персоне, которая была где-то секретарем, чуть ли не у крепостных дел, но по причине слабости здоровья и трясения рук вышла в отставку; вот (эта-то персона), чтобы иметь всегда хлеб насущный, и скупила весь квартал, а пустопорожние места застроила новыми лачужками и отдает внаймы по уголкам. Так вот, в описанном-то домике живут два рода жильцов: во-первых, квартальный надзиратель Ерофеев с женой и, во-вторых, Зверобоев, чиновник.

Первую, лучшую половину (два окошка на улицу) занимал квартальный. Его нечего описывать, он не имел ничего особенного, был обыкновенный квартальный надзиратель, форменный, поседевший и растол-

стевший на службе царю и отечеству. Жена его — это дело другого роду, нельзя не описать, не из дюжинных; она довольно хороша собой, лет с небольшим двадцать, личико беленькое, румяненькое, волосы черные, бровки колесом, говорят, будто она их подкрашивает, ну да это грех невелик,— и по-французскому знает. Она слывет в околодке дамой образованной. С ней, брат, не сговоришь, одним словом ограничит, говорит Иван Иванович Зверобоев, сосед их. И на фортепьяне забавляется, поет «Безумную» и «Ты не поверишь» без нот и половину романса «Талисман» по нотам; когда ее просят спеть другую половину, она говорит, что еще разыгрывает (вот уже года четыре). Она недавно вышла замуж больше из интересу, а говорит, что из любви, но вы не верьте ей. Она немного кокетничает, как говорит Иван Иванович Зверобоев, мигая одним глазом, и особенно не может равнодушно смотреть, когда по переулку едет офицер с черным или белым пером. Зовут ее Анисьей Павловной.

Другую, худшую половину (одно окошко на улицу и притом верхнее стекло открывается в виде форточки) занимает Иван Иванович Зверобоев. Он ходит в серых брюках, в белом пикетовом жилете летом, а зимой в форменном и во фраке с светлыми пуговицами. Шляпа у него прежде была горохового цвету, а теперь, говорят, купил черную,— все это может быть. Служит он хорошо, забыл только в каком месте (кажется, в сиротском суде), имеет знак беспорочной службы и уж чуть-чуть не титулярный. От роду ему лет сорок, росту небольшого, немножко рябоват. Лицо цвету светлокоричневого с красными крапинками, волосы заметно редеют, особенно на висках и на маковке; впрочем, он хочет казаться молодым человеком. Он имеет претензию на ум и с особенною важностию и смелостию повторяет суждения, вычитанные из журналов, об наших писателях. Особенно он пленяется Пушкиным,— он купил у Сухаревой башни один том сочинений Пушкина, который и лежит у него всегда на столе. Говорят, будто он и сам писал стихи, и поэтому приходил к нему А. П. Славин просить оных для помещения в «Литературный кабинет», но он из скромности не дал, и поэтому публика не знает ничего об этих грехах его. Говорят также, что он жил на Зацепе, на квартире у одной купчихи третьей гильдии, и, чего злые люди не

навыдумывают, будто бы так, не платя за квартиру. Когда заговорят с ним об этом, то он всегда сморщит лицо свое и с важностию говорит, что точно жил на Зацепе, но, по разным сплетням, а более потому, что там нет хорошего общества, переехал сюда. Итак, это дело темное, может быть последствия откроют. Теперь приступим к повести.

Была осень. Таинственный полусвет вечера воцарялся над Москвой. Солнце гасло, утопая в розовом море зари. Грустно смотреть, как догорает день осенью. Только одно солнце и живит умирающую природу, и оно гаснет, как гаснет последний румянец на щеках умирающего. Иван Иванович сидел в своей комнате у окошка и наслаждался картиной вечера. Последние лучи солнца отражались на его стеклах, против него в почтительном отдалении сидел пожилой человек в драповом сюртуке, остриженный в скобку. Это был один купец соседний, которого мучила жажда просвещения, и он ходил к Ивану Ивановичу за книжками.

— Ну что, батюшка, читали книжку-то? — сказал Иван Иванович.

— Читал, да только не всю.

— А почему же не всю? — спросил Иван Иванович с удивлением.

— Да так-с, занятного-то ничего нету-с.

— Ах, что вы говорите, Пушкин был величайший поэт, он, так сказать, облагородил русский стих, он первый, так сказать, приучил нас читать легкую поэзию.

— Оно, может быть, что другое и хорошо. А тут такое, что порядочному человеку совестно читать-с.

— Да вы что читали-то?

— А вот как какой-то граф к помещице в спальню пришел. Ей-богу, неблагопристойно-с.

— Это, батюшка, значит, что вы отстали от веку, который беспрестанно подвигается и быстрыми шагами идет вперед.

— Вы это про кого говорить изволите, я что-то не понял-с. А вот послушайте лучше мое глупое слово.

— Что такое вы хотите сказать?

— Да вот-с в «Библиотеке для чтения», я брал ее у приятеля недавно, там под статьею «Гиморой» сказа-

но — статья не для дам; ну, так и тут бы оговорку сделать — статья, дескать, не для дам, там пускай себе читают, да сочинитель-то по крайности прав, не так ли-с?

— И, да разве вы не видите, что это каламбур. Бар Бар уж такой писатель, что вечно каламбуры пишет.

Тут почтеннейший гость раскланялся и ушел домой. Иван Иванович принялся в десятый раз с громкими восклицаниями читать «Нулина». Потом поужинал и лег спать, как и все порядочные чиновники, в десятом часу.

Вы думаете, что и конец; нет, это еще только начало. Иван Иванович долго лежал, устремивши взоры в потолок, и думал о чем-то, потом погасил свечку и завернулся в одеяло. Но сколько он ни старался, уснуть никак не мог. Воображение его, настроенное чтением «Нулина», и соседство хорошенькой жены квартального рисовало ему разные курьезные вещи, и вместе с тем что-то тяжелое давило ему сердце. Вот он встал с постели, высек огню, закурил трубку и сел под окошко.

На улице было грязно и темно, хоть глаз выколи; по расчетам полиции, должен был светить месяц, потому и не зажигали фонарей, а почему месяца не оказалось, неизвестно. Только один фонарь подле будки изливал тусклое сияние, и лучи его падали прямо на окошко. Ивану Ивановичу было душно, он опять походил по комнате, подошел к окну и открыл форточку, но это не помогало, какое-то неизвестное томленье тревожило его душу. Вот он встал на колени на окошко и положил свою голову в форточку, свежий ветер дул ему прямо в лицо, крупные капли дождя капали с крыши прямо ему на нос — это его немного освежило. Он взглянул на будку — хохол будочник сидел на скамейке и что-то мурлыкал. Меланхолия отражалась на его лице и во всех движениях. Вот подошел к нему другой будочник, гораздо <1 нрзб>.

1. Що, Трохиме, а який час?
2. Та вже часов дисять е.
1. Еге, а где ты був?
2. Та с фартальным ходили.
1. А где ж вин дивався?
2. Та где,— у Браилови.

1. Еге — а що там?

2. Та що, яки-то немци гуляют.

1. Еге.

2. И музыка грае и якого-то вальца танцуют.

1. Еге, а горилку пьют? — сказал, делая горлом, как будто что глотает.

2. Та як пьют, без усякой лепорции.

1. Ну, а вин що?

2. Пив, пив и горилку, и пиво, и усе, та як у пляс пустится, так у во всей официи, бида.

1. Еге.

2. Я ну швыдче от биди втикати.

В голове Ивана Ивановича родилась ужасная мысль. Квартального нет дома, Анисья Павловна одна, подумал Иван Иванович, и граф Нулин пришел ему на память. «Авось»,— сказал Иван Иванович с глубоким вздохом. Тут он слез с окна, надел халат и начал ходить по комнате, собираясь с духом; душа его вертелась между страхом и надеждою. Вот он подошел к двери, взялся за скобку, подумал немного и опять назад. Тут он начал гадать, зажмурил глаза, хоть в комнате было так темно, как в царстве Плутона, повертел пальцем кругом пальца и начал медленно сводить; первый раз сошлись, второй — нет и третий сошлись, в четвертый — нет. Потом раза три он подходил к двери, наконец решился. Дверь скрипнула. Анисья Павловна лежала на постели и читала что-то, вдруг она опустила книгу и устремила свои огненные взоры на Ивана Ивановича: он сконфузился решительно.

— Я так-с, я, ей-богу, ничего-с, не нарочно погасил свечку-с,— пробормотал Иван Иванович и, остановившись у дверей, целомудренно запахнул руками халат свой кругом шеи.

— Взойдите, Иван Иванович,— сказала Анисья Павловна, наивно улыбаясь.

Иван Иванович нерешительными шагами подошел к кровати.

— Как это вам не стыдно, Иван Иванович, ходить к даме в спальню,— сказала Анисья Павловна шутливым тоном.

Иван Иванович хотел что-то сказать, но запутался в словах.

— Сядьте, Иван Иванович, что вы стоите.

Иван Иванович сел на стул подле кровати. Молчание.

— Ах, вы не поверите, как мне бывает скучно, Иван Иванович,— сказала Анисья Павловна, повысивши голос на два тона и прищурив глазки. По коже Ивана Ивановича пробежал мороз с головы до пяток и обратно.

— Муж редко бывает дома, все одна да одна, да вот до которой поры нейдет, ужасная скука.

— Да они, я думаю, и не придут-с,— сказал Иван Иванович с пленительной улыбкой, потом покраснел и замолчал.

— Ах, Иван Иванович, что это вы так конфузитесь? — сказала Анисья Павловна тоном откровенности.— Вот я знаю одного студента, такой молодой, с черными усиками, тот гораздо развязнее.

— Вы читали «Графа Нулина»? — сказал Иван Иванович ободрясь.

— Так что же, вы боитесь такой же развязки; может быть, я буду не так строга.

Но оставим их и посмотрим, что делается на улице.

Женщина немолодых лет, покрытая красным платком по голове и в коричневом драдедамовом салопе, подошла к будке.

— Служивой!

— Що тоби?

— Не знаешь ли, голубчик, где тут живет чиновник Зверобоев? Ах, батюшки мои, замучилась, с самых вечерен ищу, с Зацепы шла.

Будочник. Та бог его знае, как его знать, чего не знаешь.

— Да скажи, пожалуйста, батюшка, уж так и быть, пятачка не пожалею, только бы найти бездельника.

Будочник. Та-а бог его знае.

— Чай, ведь видишь поутру, в присутствие-то ходят, такой маленький, плешивенький.

Будочник. Та как его знать, чего не знаешь.

— В серых штанах ходит.

Будочник. Да много их тут в серых штанах ходит. Как его знать, чего не знаешь.

— И в белой пуховой шляпе. Одна в Москве.

Будочник. Такого видал.

— Скажи же, голубчик, сделай милость, развяжи меня, с вечерен ищу, с Зацепы шла.

Будочник, почесывая затылок.— Шляпа-то важная.

— Да говори же скорей, измаялась, вся душа изныла.— Толкает его под бок.

Будочник. Та що ты дерешься; не в указные часы по вулицам шатается, та еще и дерется, та еще, може, так, потаскуша якая.

— Нет не потаскуша, а купчиха московская, мой муж-то две медали имел.

<Будочник>. Видали-ста мы вашего брата. Вот его фатера,— сказал он, с пренебрежением показывая на дом,— ступай соби.

Вдруг сильные удары посыпались в окошко.

— Не муж ли это, посмотрите, Иван Иванович,— сказала Анисья Павловна. Иван Иванович приподнял занавеску, взглянул в окно и начал уничтожаться, даже заметно было, как он уменьшается,— в продолжение одной минуты он уменьшился в полтора раза.

— Что там? — сказала Анисья Павловна.

— Так, ничего, пьяный какой-то ломится.

Вот стук начал утихать. Иван Иванович несколько успокоился. Вдруг дверь растворяется настежь, и московская купчиха является в передней. Иван Иванович прыгнул туда же, захлопнул за собою дверь и заслонил своей персоной.

— Так-то ты, бездельник, делаешь, так-то ты за мою хлеб-соль да за доброе сердце благодаришь, и глаз не кажешь, и не видать тебя, с вечерен ищу, с Зацепы шла,— и она прослезилась. Иван Иванович хотел говорить, но язык прильнул к гортани.

— Так ты меня совсем покинуть хочешь, нет, не позволю, не дам себя в обиду, чтобы ты надо мною, над беззащитной вдовой, насмеялся, до енарала пойду.

— Ах, какой вы непостоянный кавалер, Иван Иванович,— послышался голос Анисьи Павловны из другой комнаты.

— Это еще <кто> там у тебя, пусти меня, варвар, уж и обзавестись успел, пусти, я там крамболя наделаю.

Иван Иванович защитил собою дверь. Анисья Павловна находилась в осажденном положении, дама в

красном платке уже начала приступ, как вдруг является квартальный надзиратель, поддерживаемый будочниками. Тут началась ужасная сцена: одна бросилась на квартального с упреками за распутство, другая на Ивана Ивановича с упреками за неверность. Мое перо не в состоянии достойно описать этого. Впрочем, я после справлялся, и мне сказали, что скоро все утихло и кончилось мировой.

1843 г. Декабря 15

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Милостивые государи и государыни, спешу поделиться с вами моим открытием. 1847 года, апреля 1 дня, я нашел рукопись. Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сего времени в подробности неизвестную и никем еще из путешественников неописанную. До сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей ее, то есть образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности,— все это было покрыто мраком неизвестности.

Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечье. Впрочем, о производстве этого слова ученые еще спорят. Некоторые производят Замоскворечье от скворца; они основывают свое производство на известной привязанности обитателей предместьев к этой птице. Привязанность эта выражается тем, что для скворцов делают особого рода гнезда, называемые скворечниками. Их вот как делают: сколотят из досок ящичек, совсем закрытый, только с дырочкой такой величины, чтобы могла пролезть в нее птица, потом привяжут к шесту и поставят

в саду либо в огороде. Которое из этих словопроизводств справедливее, утвердительно сказать не могу. Полагаю так, что скворечник и Москва-река равно могли послужить поводом к наименованию этой страны Замоскворечьем, и принимать что-нибудь одно, значит — впасть в односторонность.

Итак, имя и положение этой стороны были нам известны; все же остальное, как я сказал, покрыто было непроницаемой завесой. Остановится ли путник на высоте кремлевской, привлеченный неописанной красотой Москвы — и он глядит на Замоскворечье, как на волшебный мир, населенный сказочными героями тысячи и одной ночи. Таинственность, как туман, расстилалась над Замоскворечьем; сквозь этот туман, правда, доносились до нас кое-какие слухи об этом Замоскворечье, но они так сбивчивы, неясны и, можно сказать, неправдоподобны, что ни один еще благомыслящий человек не мог из них составить себе сколько-нибудь удовлетворительного понятия о Замоскворечье. Эти слухи такого рода, что многие пришли в недоумение, верить им или нет. (Вот здесь-то заслуга моего открытия.) Например, я недавно слышал, как один почтенный и во всех отношениях заслуживающий уважения человек рассказывал, что за Москвой-рекой есть дом, каменный и каменным забором обнесен; только кто в нем живет, этого никто в мире не знает. А потому, видите ли, не знают, что ворота железные и уж несколько лет заперты; а что люди живут в этом доме, на это есть ясные признаки: и шум слышен, и собаки лают, и по ночам огонь виден. Еще рассказывают, что там есть такие места, что и жить страшно.— Отчего же страшно? спросите вы.— А вот отчего, скажут вам: там есть место, называемое Болвановка.— А почему она Болвановка? — Потому что там стоял татарский бог; по-нашему сказать идол, а по-татарски — болван. Вот и извольте жить на этом месте! На таких местах хозяева от своих домов отказываются, никто не нанимает, не покупает, да и самим жить жутко. Или вот, не очень давно, один молодой человек уверял, что за Москвой-рекой есть улицы верст по двенадцати длины, и это показание одна дама почтенных лет и солидной наружности подтвердила следующими словами: «Что мудреного, батюшка, я как-то ездила в Царицыно, так проезжала это Замоскворечье — ехали, ехали, и конца

ему нет!» Так вот что говорят про Замоскворечье! Но вы, почтенные читатели и читательницы, этим слухам не верьте. Это все пустяки. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, мы можем теперь черпать сведения о Замоскворечье из чистого источника. Источник этот — найденная мною рукопись; она носит заглавие: «Записки замоскворецкого жителя». После первых порывов радости и возблагодарив судьбу за эту находку, я стал ее рассматривать. И вот что оказалось: рукопись эта писана на серой бумаге в четвертку, порусски и кудрявым почерком; имени автора нигде не видно. Подозревать, что это перевод какой-нибудь древней, например, греческой рукописи, было бы с моей стороны очень смело, тем более что я совсем не знаю по-гречески; да и самое содержание показывает, что это, должно быть, оригинальная русская рукопись. Как далеко ни ездил Геродот, а в Замоскворечье всетаки не был. Впрочем, мы от этого ничего не теряем. Наш неизвестный автор с такой же наивной правдивостью рассказывает о Замоскворечье, как Геродот о Египте или Вавилоне. Тут все — и сплетни замоскворецкие, и анекдоты, и жизнеописания. Автор описывает Замоскворечье в праздник и в будни, в горе и в радости, описывает, что творится по большим, длинным улицам и по мелким, частым переулочкам. Вот уж это, почтенные читатели, сущая правда; это не слухи какие-нибудь, а рассказы очевидца. Уж сейчас видно, коли человек говорит правду.

Сведения, сообщенные этой рукописью, я поверил на месте и дополнил своими примечаниями. Из этих источников я составил замоскворецкие очерки, и на первый раз вот вам:

1

ИВАН ЕРОФЕИЧ

Иван Ерофеич, приказный, сын бедных, но благородных родителей, живет на Зацепе, имеет жену и четырех детей. Наружность Ивана Ерофеича... но... позвольте, почтенные читатели, я боюсь и за себя и за Ивана Ерофеича; боюсь, что вы, поглядев на лицо и на костюм Ивана Ерофеича, не захотите выслушать моего рассказа, отвернетесь от Ивана Ерофеича и не

захотите выслушать его оправдания, как не слушают оправдания вора, пойманного с поличным. Итак, я не покажу вам Ивана Ерофеича. Но Иван Ерофеич просится в свет; у него есть своя гордость — гордость унижения, гордость мученика. Он молит меня неотступно из своего Замоскворечья: покажите, говорит, меня публике; покажите, какой я горький, какой я несчастный! Покажите меня во всем моем безобразии, да скажите им, что я такой же человек, как и они, что у меня сердце доброе, душа теплая. А гибну я оттого, что не знал я счастия семейной жизни, что не нашел я за Москвой-рекой женщины, которая бы любила меня так, как я мог любить. Оттого я гибну, что не знал я великого влияния женщины, этой росы небесной. Я бы и сам пошел в моем рубище по всем дворам, пошел бы к вельможам и к знатным людям и сказал бы им то же, что вам говорю; да человек-то я маленький, и ходу мне никакого нет.

Бедный Иван Ерофеич! И жаль мне тебя, да делать нечего. И показал бы тебя, да боюсь. Ты не знаешь, какое у нас деликатное общество, и показаться мне с таким приятелем mauvais genre[1] будет очень совестно. Оттого совестно, что все — люди как люди, а ты, Иван Ерофеич, такой неопрятный, такой небритый; оттого, что ты, Иван Ерофеич, никогда путем не причешешься, не умоешься, и вицмундир твой всегда чем-нибудь выпачкан. Неужели ты не видишь, Иван Ерофеич, как над тобой смеются замоскворецкие барышни, когда ты проходишь в присутствие? Неужели ты не слышишь, как беспощадно шутят над тобой товарищи? — Нет, ты все слышишь; да ты на все рукой махнул, ты давно притерпелся ко всему этому. Ах, Иван Ерофеич! Иван Ерофеич! Не хорошо, братец, так запускать себя! Хоть бы ты шинель-то переменил, а то ведь срам сказать, ходишь ты зиму и лето в своей допотопной шинели. Ну, погляди ты на себя хорошенько: бархатный воротник у твоей шинели сложен совершенно как хомут, капишон у тебя со складками и всегда как-то раздут, так что сверху он шире, чем внизу. А еще как увидит тебя какой-нибудь юмористический писатель, да опишет тебя всего, и физиономию твою опишет, и вицмундир твой, и походку твою, и табакерку твою опишет, да еще и нарисуют тебя в твоей шинели в разных положе-

[1] Дурного тона *(фр.)*.

ниях, тогда уж вовсе беда — засмеют тебя совсем. Уж я, право, не знаю, что мне с тобой делать. Нет, уж как ты ни проси, а я тебя не покажу. Мне на первых-то порах не хочется, чтоб меня обвинили в незнании приличий. А лучше я выпишу целиком из рукописи, что рассказывал о тебе сослуживец твой, Иван Яковлич, неизвестному автору «Записок о Замоскворечье». И тебе не обидно, и мое дело сторона.

РАССКАЗ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА

(из найденной рукописи)

...Посмотрели бы вы на Ивана Ерофеича лет десяток тому назад,— начал Иван Яковлич,— такой ли он был, как теперь. Какой был бойкий, с какими способностями! Кажется, как бы дать этому человеку образование порядочное, так быть бы ему оберпрокурором. Один в нем недостаток — характер слабенок очень; вот отчего он и погибает. Батюшка-то его был человек небогатый, поучил его, что называется, на медные деньги, да и определил к нам в суд. А определивши-то, сам умер скоропостижно. Поживи его отец еще лет пять, может быть и не было бы того, что теперь. А то остался Иван Ерофеич без всякой поддержки; мать старуха была женщина слабая, точно запуганная какая: покойник-то, правду сказать, был крутенек, особенно хмельной. В сыне своем она души не чаяла, звала его Ванечкой, умником. У нее только и слов было, что про Ванечку: «Какой он у меня умник, какой деловой, как меня любит, как покоит». А Ванечка начал пошаливать. Деньжонки-то, что остались после отца, были у него в руках; ну, известно дело, человек молодой, воли-то прежде не имел, где уж ему быть хозяином. Тут он стал носить жилеты модные и галстухи всякие разноцветные, ходил из суда в трактир завтракать, начал ездить домой на лихих извозчиках. А у нас народ, знаете, какой: те же самые, которые хвалили его в глаза и ходили с ним завтракать на его счет, соберутся в кучку, да и подсмеиваются над ним; жаль, дескать, малова-то, глуп еще. А особенно один много ему зла сделал. Был у нас чиновник, аристократа из себя корчил, вот он и привязался к Ивану Ерофеичу: глуп еще, говорит, надо ему свет показать. И показал ему свет.

Раз приходит ко мне Петр Иваныч, сосед. Слышал, говорит, как Иван-то Ерофеич гулять начал? — А что? я говорю.— Вот недавно, говорит, у цыганок в один вечер рублей триста оставили.— Да от кого же ты слышал? говорю я ему.— Как от кого? говорит: да мой Гриша был с ним. Приехал, говорит, домой-то пьянехонек. Я было на него, знаешь ли, прикрикнул: как, мол, ты смеешь в таком виде домой являться.— Да что же, говорит, тятенька, ведь я не на свои пил, Иван Ерофеич угощал. И то сказать, человек молодой, отчего не выпить, коли кто попотчует: позови меня, и я бы поехал. Я вижу, дело плохо; рассказал все матери, чтобы она как-нибудь его останавливала. Уж мне и жаль было старуху-то, да нечего делать. Вот она поплакала, поплакала, да и задумала его женить, авось, дескать, остепенится, и невесту было нашла.

Так вот-с, задумала мать женить Ивана Ерофеича. Да тут опять беда вышла: как-то угораздило его в цыганку влюбиться. А уж этот народ, знаете, какой! Оберут до ниточки. Мы было думали, что тут наш Иван Ерофеич совсем пропадет; и от службы было отстал. Да, слава богу, недолго у них это продолжалось. А надо правду сказать, такая была хорошенькая, и цыганского-то в ней мало было, такая была беленькая, а глаза черные, и ресницы такие длинные. Надей звали-с. Ну, уж до женитьбы ли тут ему было? Так у них это дело с невестой-то и разошлось. Знать, уж судьба такая. А старухе-то больно хотелось его женить. Потом и с цыганкой-то он порасстроился. Он было ей и часики купил золотые, и сережки, и то, другое; да ведь уж как хотите, а выше лба глаза не бывают. Он бы то подумал: что он такое, так, мальчишка, можно сказать, ничего не значущий, ни орловских, ни подмосковных отчин у него нет; ломбардных билетов тоже не бывало. Так уж где тут! Знаете пословицу: хороши, да не наши. А вот как посватался один секретарь, да купил Наде-то домик тысяч в двадцать пять, так дело-то вышло почище. Тут Иван Ерофеич начал тосковать очень, даже хотел на Кавказ служить ехать; да мать уговорила. Да он бы и не поехал; это он так, с горя задумал. Словно ребенок был, ничего в нем постоянного-то не было.

Скоро потом умерла у него и мать. В Замоскворечье говорили, что от огорченья, а по правде сказать, так от

старости. Иван Ерофеич остался круглым сиротой. Деньжонок-то, которые ему отец оставил, стало не надолго. Тут он начал трудиться. Стал входить в дело. А способности-то у него на это были. Года три он денно и нощно занимался делом, то в присутствии, то дома. Все эти три года он совершенно отдалился ото всех. Бывало, сидит в своей каморке за делом, и ни за что его не вытащишь оттуда. А квартира у него была такая грязная, дрянная. Как-то он, знаете ли, совсем перестал заниматься собой; такой стал неопрятный, только об одном деле и думает. Тут он стал и водочки придерживаться, да ведь и нельзя без этого, сидишь, сидишь над делом-то, голова закружится; надобно чем-нибудь развлечься, а как выпьешь-то, все как будто повеселее. Ну, да и компания-то такая, все народ пьющий; соберутся человек пяток, как не выпить лишнего! Через три года его сделали столоначальником; завелись у него лишние деньжонки. Но уж в это время Иван Ерофеич привык к неряшеству, так это в нем и осталось; а лишние деньги-то при первом удобном случае пропивал с товарищами, а иногда и один — и этот грех за ним водился.

В это время с ним случилось одно происшествие. Переезжая с квартиры, из угла в угол, он попал на Зацепу, в дом мещанки Мавры Гурьевны (по простонародному произношению Агуревны) Козырной. Это уж его и доконало совсем. Мавра Агуревна была вдова, и бедовая такая была баба. Ну, да уж я вам расскажу про нее сначала. Мавра Агуревна была сирота купеческого роду и жила за Москвой-рекой на опеке у дяди купца, русака. Дядя ее был человек очень богатый, а жил просто, ел деревянной ложкой из деревянной чашки, сам мел двор и носил ключи на поясе. Было у Мавры Агуревны денег тысяч десять положено на ее имя в Опекунский совет, да дядя обещал еще дать за ней тысячек пять. За этой Маврой Агуревной много народу волочилось, только она никому не поддалась, а вышла замуж по любви за мещанина Козырнова. Этот Козырной имел за Москвой-рекой две табачные лавочки, ходил в синем казакине и плисовых шароварах, играл отлично на торбане и был гуляка страшный. Он несколько раз посягал на приданое Мавры Агуревны, и всегда она ему, как говорится, подавала карету. Мавра Агуревна не только не давала ему своих денег,

но обирала часто и у него. Особенная способность была у Мавры Агуревны прятать деньги; бывало, Козырной с похмелья перероет все мышьи норки в доме и не найдет ни одного гривенника. Но Козырной не унывал: он имел случай всегда быть пьяным. Оттого имел случай, что любили его купеческие детки да приказчики. Бывало, разгуляются где-нибудь, сердечные, сейчас и шлют за ним, чтобы он им сыграл венгерку на торбане. Так уж тут он чужого вина не жалел. А как это случалось очень часто, так он и спился совсем, да, должно быть, от этого и помер. Мавра Агуревна была баба не промах, она, овдовевши-то, устроила свои делишки как нельзя лучше. Приведя все в наличные деньги, она отдавала их по мелочи, по пятьдесят, по сто, по двести рублей, под верные залоги и зажила припеваючи. Домик ее был завален и заставлен вещами всякого рода: там были и фортепьяны, и столы, и комоды, на столах часы разных форм; по углам под простынями висели салопы, шинели теплые и холодные, в шкапах серебро, белье столовое и, словом, все, что может в нужде заложить человек. И все это редко возвращалось хозяевам, а большею частию переходило на толкучий в руки торговок, приятельниц Мавры Агуревны. А сама-то она была белая, да румяная, да такая проворная. Ходила она по-русски, в платочке; бывало, повяжет платочек с бантиком, да как-то немножко на сторону, наденет шелковую шубку да синие чулки со стрелками — загляденье просто! Идет, бывало, словно лебедь плывет. Сюда-то и переехал Иван Ерофеич. Мало-помалу Мавра Агуревна прибрала его к рукам. Да это и не мудрено было сделать: она была такая бойкая, а он такой вялый, что без няньки и жить не мог.

Правда в пословице-то говорится, что человек предполагает, а бог располагает. Бывало, Иван Ерофеич строит воздушные замки: вот и так-то буду жить, и этак-то. Спросишь, бывало, у него, что, мол, ты, Иван Ерофеич, все за делом сидишь; человек ты не интересан, что, дескать, убивать-то себя понапрасну.— Как! говорит, понапрасну! Ну что, говорит, моя теперь за служба, пропадешь совсем. А вот, говорит, я узнаю дело хорошенько, так могу занять место повиднее. Потом, говорит, женюсь. Ты знаешь, говорит, что мне нельзя жить без женщины: видишь, какой я неряха,

никакого у меня порядку нет. Некому меня ни остановить, ни приласкать. Иногда приходят такие мысли, для чего, мол, я живу на свете-то. А будь у меня жена-то молодая, стал бы я ее любить, лелеять, старался бы ей всякое удовольствие сделать. Да и о себе-то бы лишний раз вспомнил, почаще бы в зеркало взглядывал. Стал бы деньги копить, завели бы знакомство, стали бы ездить с женой в театр, на гулянье. Ах, говорит, Иван Яковлич, как бы полюбила меня порядочная женщина, бог знает, чего бы я не сделал для нее. А теперь как-то ни на что глядеть не хочется. Сидишь дома в халате да потягиваешь; а ведь этак дальше да дальше, да, пожалуй, и пропадешь совсем. Хорошо задумывал Иван Ерофеич, да не так бывает у нас за Москвой-рекой. У нас молодые чиновники не женятся, потому что нечем содержать жену, потому что никто не отдает порядочной невесты за младшего помощника столоначальника.

Так вот-с, с одной стороны, жизнь Ивана Ерофеича улучшилась. В комнате его было чисто, манишку всегда носил белую, стол был хороший, мундир вычищен... Да зато с другой стороны, нельзя сказать, чтобы ему было хорошо. Мавра Агуревна так им командовала, что чудо. Бывало, пошлет его в лавочку за чем-нибудь, а он идет, не смеет ослушаться. Право, такой вялый стал. А Мавра Агуревна привыкла на чужие вещи смотреть, как на свою собственность, так и обращалась с ним, как будто его заложил ей кто-нибудь. Деньги у него обирала, говоря ему, что это для его же пользы делается, что он пропьет же их. К товарищам пускала его очень редко, и то на срок, и делала ему страшные выговоры, когда он опаздывал. Водки давала ему известную порцию и больше ни под каким видом. Раза два или три в год позволяла она ему пригласить товарищей, и тогда скрывалась куда-нибудь, либо уходила со двора. Иногда вечером взгрустнется Ивану Ерофеичу, и он начнет издали разными намеками объяснять Мавре Агуревне, что такой-то, дескать, чиновник именинник, что он у него давно не был, что истратит он на извозчика не больше полтинника и придет в своем виде и не позже десятого часу. На это Мавра Агуревна обыкновенно отвечала ему, что если ему делать нечего, так лучше послать за соседкой да поиграть вечер-то в дурачки, чем пьян-

ствовать. Ведь и правду сказать-с: точно лучше в дурачки играть, чем пьянствовать. И с этой стороны Мавра Агуревна была совершенно права перед ним. А все-таки неприятно. Вы представьте себя на месте Ивана Ерофеича: ведь чиновник-с, до тридцати лет дожил, не мальчик какой-нибудь, и ни в чем не иметь воли! И то, подумаешь, ведь не крепостной какой-нибудь. Да что же с ним будешь делать, уж такого был слабого характеру. Любил, что ли, он ее очень, или так уж потерялся совсем, право не знаю. Бывало так, что, выходя из присутствия, позовешь его обедать в трактир, а он должен отказаться, потому что боится опоздать и чтобы не забранила его Мавра Агуревна очень.

Как ни тяжела казалась ему эта неволя, но все еще, скрепя сердце, можно было снести ее. Да вот беда: товарищи его начали подсмеиваться над ним. Какой-то досужий чиновник сочинил картинку, в которой представил, как Мавра Агуревна дерет Ивана Ерофеича за хохол и приговаривает: «Ах ты, соня! а еще чиновник называешься!», а он, стоя на коленях, говорит: «Виноват! не буду!» Над этой картинкой смеялись все; она переходила в суде из стола в стол и даже удостоилась милостивой улыбки секретаря. Ну, уж это совсем сконфузило Ивана Ерофеича, и такая жизнь ему опротивела, а вырваться как-нибудь из этой беды не было у него сил. Вот он стал задумываться все дальше да дальше, больше да больше — стал такой грустный. Наконец вот что случилось. Это было летом. В одно утро Мавра Агуревна, поручив Ивана Ерофеича попечениям кухарки, пошла к Троице. Иван Ерофеич стал как-то веселее обыкновенного; он шутил с товарищами, острил, смеялся, чего прежде с ним не было; мы думали, думали, что это сделалось с Иваном Ерофеичем; насилу-то дознались от него, что Мавра Агуревна ушла к Троице. Вот однажды отправился он с нами обедать в Малый московский[1]. Тут мы, признаться сказать, выпили как водится. Пошел у нас крупный разговор, начали смеяться над Иваном Ерофеичем, что он не умеет с бабой справиться, что он башмак и прочее. А уж и он-то был хмелен.— Нет, говорит, господа, не хочу больше жить за Москвой-

[1] Трактир против присутственных мест. *(Прим. авт.)*

рекой, нынче же вечером, говорит, перееду; я, говорит, своему слову господин.— Да переезжай, Иван Ерофеич, ко мне, говорю я ему.— Изволь, брат, говорит, нынче же перееду. Вы еще, говорит, не знаете, каков я; я себе сказал: «Полно, Ванька, дурачиться, перестань, говорю, ну и полно, и... будет». Ведь в самом деле он сдержал свое слово. Возвратясь домой в вечерни, он отослал куда-то кухарку, уложил на извозчика свое имущество и отправился ко мне. А я тогда жил у Харитонья в Огородниках. Он мне после-то сказывал, что всю дорогу он дрожал, как в лихорадке, что боялся оглянуться на Замоскворечье, словно сделал там какое-нибудь душегубство. Он поминутно погонял извозчика; ему так и мерещилось, что вот из Замоскворечья долетают до него слова: «Иван Ерофеич, Иван Ерофеич, а куда это ты едешь, любезный?» Наконец кое-как добрался он до моей квартиры. А у меня вечеринка была, то есть не то чтобы бал какой, а так, по случаю пятницы. Завтра, дескать, суббота, день неприсутственный, так и можно и тово... Молодые чиновники играли в преферанс по копейке серебром; а мы, постарше-то, за пуншем сидели. Вдруг входит Иван Ерофеич.— Вот и я здесь, говорит, да так бойко, так весело. Сам себя обманывал. Начались шутки, и Иван Ерофеич не отставал от прочих. А все-таки можно было заметить, что у него эта веселость была поддельная и что на сердце у него было очень не покойно. Карты были брошены; началась круговая; забренчала гитара, и Иван Ерофеич первый затянул: «При долинушке стояла». Потом пошла плясовая, и Иван Ерофеич первый и плясать пошел. Я вам говорю, что сам себя обманывал. Наконец и в самом деле стал он как будто попокойнее сердцем. Вот, думал он: выпью хорошенько, авось пройдет! Но это средство обмануло его; все, что он прятал на сердце, полилось во всеуслышание.

— Посудите, люди добрые, посудите,— заговорил он.— Что ж это такое в самом деле. Я не крепостной какой-нибудь, кажется. Я, говорит, чиновник и, кроме своего начальства, никому не подвластен. Вот и все тут. Да я и знать никого не хочу! Я благородный человек. Что она мне? Я, говорит, ее знать не хочу. Она не жена моя, чтоб надо мной командовать.— Известное дело, не жена, говорю я ему, ну и брось ты ее,

Иван Ерофеич, ну и плюнь на нее; много этой дряни-то.— Нет, ты постой, говорит, Иван Яковлич, ты вот послушай, что я тебе скажу: то есть не жена она мне; ну и положим, что не жена, а, брат, лучше жены. Куда жена! Мать родная того для меня не сделает, что она для меня делала! А как, говорит, я против нее поступил! Ну-ка скажи, говорит, как я против нее поступил! Нешто благородные люди так делают? Ан нет, говорит, не делают! Сапожник какой-нибудь так сделает; подлец какой-нибудь. Вот и выходит, что я, говорит, подлец против нее. Мы начали над ним смеяться, что он баба, что Мавра Агуревна ему наперстками водку отмеривает. Стали ему говорить, что мы теперь уж его не пустим к Мавре Агуревне, как он ни плачь. Один у нас чудак такой был, начал передразнивать Ивана Ерофеича, развесил губы, заплакал. «Прощай, говорит, Мавра Агуревна! Прощай, голубушка ты моя!» Тут было Иван Ерофеич опять расхорохорился.— Я, говорит, никого не боюсь; я, говорит, сам себе господин. А потом, знаете ли, как-то у него вдруг это сделается, и опять за свое.— И не останавливать, говорит, нашего брата нельзя; что ж, говорит, и сопьешься, и смотаешься, и ни на что не похоже. Вот они, говорит, у Иверских ворот стоят, посмотрите на них. Не скоро разберешь: свинья или человек. А сам, знаете ли, в слезы. Даже жалко было смотреть на него. Насилу мы его уложили. И во сне-то все говорил: я чиновник, а не крепостной; а все больше Мавру Агуревну вспоминал. Так он у меня и остался; и субботу пробыл и воскресенье. Тосковал было немножко, да уж я все развлекал его как-нибудь. То в карточки поиграем, то погулять пойдем. В воскресенье-то вечером у нас беда и случилась.

Иван Ерофеич лежал на диване, а я сидел у окошка; вечер такой был чудесный, где-то вдали музыка играла; начал месяц всходить, вот я и засмотрелся. А уж было поздно. Вдруг слышу разговор у будки. А рядом с нами была будка-с. Будочник был хохол, да такой чудак, что у него ни спроси, ничего не знает. Такая уж у него была и поговорка: «А как его знать, чего не знаешь». Право, словно философ какой, стоит на одном, что ничего не знает и знать ему нельзя; а если что и знает, так уж это как-нибудь нечаянно. Бывало, спросишь у него в шутку: да как же ты, бра-

тец, пятнадцать лет здесь стоишь, а ничего не знаешь. А он посмотрит на тебя, да еще улыбнется: экой, дескать, ты, барин, глупый; да как же его знать, чего не знаешь.

Вот я смотрю, что за разговор у будки. Вижу, женщина какая-то спрашивает у будочника: — Где тут живет Иван Яковлич? — А, дескать, это про меня, думаю я себе, послушаю, что дальше будет. У будочника один ответ: — Та бог его знае, как его знать, чего не знаешь.— Чай, ведь видишь, говорит она ему, поутру в присутствие ходит. Мундир на нем такой зеленый с светлыми пуговицами.— А как, говорит, его знать; много, говорит, их тут в мундирах ходит. Кто его знае! — Скажи, говорит, кавалер, сделай милость, развяжи ты меня, с вечерен ищу, с Зацепы шла.

Я вижу, что будочник будет говорить одно и то же, крикнул ей из окошка: — Я, мол, Иван Яковлич, что вам угодно? — Не прошло, сударь ты мой, одной минуты, как она очутилась у нас в комнате. Я глядь, а это Мавра Агуревна. Иван Ерофеич так и обмер: ни жив ни мертв, без языка человек совсем.— Так-то ты, начала она, за мою хлеб-соль, да за доброе сердце со мной поступаешь. Ишь куда тебя нелегкая-то занесла! с вечерен ищу, с Зацепы шла! И полились у нее слезы в три ручья. Иван Ерофеич хотел что-то сказать, да язык у него не ворочался.— Скажи, говорит, варвар, ты меня совсем, что ли, покинуть хочешь? Так нет, говорит, не позволю, не дам себя в обиду. Чтоб ты надо мной, над беззащитной вдовой, насмеялся после! Ты думал, говорит, что ты дуру нашел! Нет, говорит, погоди, не на такую напал. Ты дешево со мной не разделаешься. А хочешь ты, я, говорит, завтра к вашему енаралу пойду? Что ж вы тут станете делать; уж такая женщина была. Так и увела Ивана Ерофеича на Зацепу. Потом, в наказание за побег, заставила его жениться на ней. Тут уж он совсем потерялся, стал пить запоем, дела запустил. Зато Мавра Агуревна нос подняла. Я, говорит, чиновница. У меня, говорит, муж благородный. Стала ходить в чепчиках; у обедни дает мужу свой салоп держать; денег Ивану Ерофеичу уж совсем не дает. Каждое первое число сама ходит в суд и стоит в приемной, дожидается, чтобы, как получит Иван Ерофеич жалованье, тут же, не выпуская из суда, и отобрать у него. Да, к несчастию, еще у

них детей человека четыре. А Иван Ерофеич уж больно плох стал, крепко стал придерживаться к пенничку. Так вот, батюшка, вам и Иван Ерофеич, тот самый, что ходит по Замоскворечью в такой странной шинели.

Примечание нашедшего рукопись. Таких шинелей осталось три за Москвой-рекой: одна у Ивана Ерофеича, другая у одного купца, который жил до сорока лет порядочно, то есть по обычаю праотцев, а на сорок первом загулял. Обрил бороду, нашил себе модного в то время платья, между которым и эту шинель, стал ездить в театр и прочее... Потом он опять остепенился, отрастил бороду и уже лет десять живет опять мирно и чинно; о проступке его давно позабыли бы за Москвой-рекой, если бы не уличала его шинель, которую он носит. Третья шинель у баса каких-то замоскворецких певчих.

<2>

КУЗЬМА САМСОНЫЧ

(из найденной рукописи)

Рождение Кузьмы Самсоныча было обильно благими предзнаменованиями. Он родился в середу на масленице, в ту самую минуту, как первый блин, ворча и подпрыгивая на раскаленной сковороде, вылезал из печи. По этому случаю отец Кузьмы Самсоныча сказал новорожденному такое приветствие: будешь ты и толст и богат, да и жить будешь весело, коли угораздило тебя родиться на масленице. В ночь накануне этого дня бабушка Кузьмы Самсоныча видела сон, будто она во пиру была и захмелела очень. И в ту же ночь у кухарки квашня ушла. Все это, по решению семейного совета, предвещало новорожденному изобилие благ земных. И точно, предзнаменования не обманули. Кузя, как русский богатырь, рос и толстел не по дням, а по часам, на радость родителей и удивление Замоскворечья.

Здесь я нелишним считаю сказать нечто о виновниках бытия Кузьмы Самсоныча. Отец его, Самсон Савич, богатый купец, был в большом почете и уважении за Москвой-рекой. Как он сделался богатым, этого решительно никто не знает. Самсон Савич, по

замоскворецким преданиям, был простым набойщиком в то время, как начали заводиться у нас ситцевые фабрики; и вот в несколько лет он миллионщик, растолстел, выстроил каменные хоромы, расписал их удивительнейшим образом, ездит на орловских жеребцах и — словом — катается, как сыр в масле. Маменька Кузьмы Самсоныча, то есть супруга Самсона Савича, по имени Акулина, по отчеству Климовна, была взята из-за ткацкого станка из Покровского или Преображенского, уж не помню. В девстве своем она отличалась необыкновенно сильным и звонким голосом и изумительной плотностью тела, чем и прельстила Самсона Савича. Бывало, как выдет она в праздник в хоровод, только и слышно кругом нее: «Господи! Да что ж это за девка здоровенная, словно она на наковальне молотками сколочена». Теперь уж немного таких женщин осталось, как Акулина Климовна.

Кузьма Самсоныч был единственный сын у своих родителей, и потому он безраздельно пользовался всеми плодами родительской нежности. Не было на свете таких булок и ватрушек, которыми бы не питали его. Вот уж можно сказать, что для своего Кузиньки они ничего не жалели. И вырос Кузя среди пирожного и творожного, как телец упитанный. Физическое воспитание было кончено, надобно было подумать о нравственном. И думали-думали долго, года два, наконец положили поручить воспитание его дьячку того прихода, в котором жили. Этот дьячок занимался за Москвой-рекой первоначальным образованием юношества; он был человек пожилой, солидный, ходил с косой, в длиннополом сертуке и в шляпе с широкими полями, в руках носил толстую суковатую палку. А чтобы наука пошла впрок малолетнему, присудили на семейном совете отслужить в день пророка Наума [1] молебен и с того же дня начать азы. К тому же времени Максимке велено было выточить из лучинки указку, а он был художник на эти вещи. Максимка был сирота, дальний родственник Тупорыловых, и жил у них для посылок и для разного домашнего обиходу. С самых ранних лет предоставленный себе самому и судьбе, Максимка рос в чужой семье. Не было челове-

[1] 1-го декабря. Наше простонародие, осмысля по-своему имя пророка (наводит на ум), с этого дня начинает ученье малых ребят. *(Прим. авт.)*

ка в доме, от хозяина до последней кухарки, который не щелкнул бы Максимку хоть один раз в день под предлогом нравоучения; дескать, для твоей же, дурак, пользы, после сам благодарить будешь, что тебя, дурака, уму-разуму учили. Хозяин, имея в виду сделать из Максимки для себя конторщика, отдал его сначала в приходское училище, а потом в уездное. И умудрил же бог этого Максимку. В уездном училище он был первым учеником; первым шалуном был между товарищами, то есть во всяком деле коноводом и зачинщиком; знал все породы голубей; никто лучше его не умел пустить змея с трещоткой. Деятельность его была изумительна, он не знал ни минуты покоя; то в училище, то в город, то на соседний пустырь в бабки поиграть с приятелями, то на Москву-реку рыбу ловить, то где-нибудь свадьбу смотреть, а то где-нибудь случится за Москвой-рекой храмовой праздник, так ему нужно поспеть и ко всенощной и к обедне, потому что ни один приход не обходится без мальчиков, которые добровольно прислуживают при богослужении, а ему все эти мальчики за Москвой-рекой были короткие приятели. И нельзя ж ему было не побывать у них на празднике и не пособить им. В своем приходе он с приличной важностью ходит с кружкой по церкви за старостой, то раздувает кадило, то вдруг бросится на колокольню перезваниваться, и все это живо и аккуратно. Подойдут ли зимние праздники, рождество, например, опять для него работа. Сначала [возьмет] себе в адъютанты двух или трех мальчишек и пойдет по знакомым купцам Христа славить. Взойдут в дом, прямо к образам, запоют — Христос рождается,— а потом станет рацею сказывать. Какие рацеи сказывал! Как говорил! С чувством, с декламацией! Потом на святках наряжаться станет, то медведем, то гусем, а то заломит шапку на сторону, привесит кузовок и запоет:

Ах, патока, патока!
Пареная патока!
Пришел дядюшка Ераст,
Он плясать очень горазд!
и прочее.

Либо оденется степным мужиком, сделает из лычек себе бороду, подпояшется туго-претуго, приложит руку к щеке и затянет, ломая язык, на степной манер:

Сидит моя женка,
Ровно перепелка,
Я за то ее люблю,
За то поцитаю,
Што цопорно ходит,
Хорошо гуляет.

Либо:

[Зима, зимушка, зима,
Студяна больно была,—
и прочее.]

А как плясал! Все русские пляски знал. Все песни, все поговорки и пословицы. На всякий спрос у него был бойкий ответ. Максимка за словом в карман не полезет, говорили в доме. Он был наделен от природы здоровьем сверхъестественным: перемены температуры не имели на него никакого влияния. Он это доказывал самым ощутительным образом: например, в трескучие морозы выскакивал из горячей бани и валялся в снегу. Падал и с качелей, и с яблонь, и с голубятни, и с колокольни, и оставался невредим. И никого он в доме не боялся, и ничем его нельзя было удивить. Он каким-то чутьем понимал самые тонкие отношения между лицами того семейства, в котором жил; он очень хорошо подмечал слабости окружающих его лиц и умел ими пользоваться. Он знал, чем пугнуть приказчика, что припомнить ключнице; знал, чем подслужиться хозяйке и какую сплетню рассказать бабушке Кузьмы Самсоныча. Одним словом, этот Максимка был сорви-голова.

Наконец день пророка Наума приближился, азбука была куплена; Максимка выточил указку; все было готово, оставалось приступить к науке. Для первого урока дьячок был приглашен на дом. Тут составилась трогательная картина: помолившись богу, усадили Кузиньку за стол и дали в руку указку, причем Кузя так горько и жалостно плакал, что возбудил сострадание во всех окружающих; посадивши верхом на нос очки, которых каждое стекло было немного меньше каретного колеса, поместился подле Кузи дьячок, кругом стола обступили мать, бабушка и Максимка, из дверей выглядывали домочадцы. Так началось ученье Кузиньки. Продолжалось оно не так торжественно. Каждое утро Кузя, надев сумку, наполненную книгами и булками, ходил к дьячку в сопровождении Максимки. Так ходил он ровно два года; а через два

года кончил курс ученья, преподаваемого дьячком, то есть выучил азбуку, что называется от доски до доски, потом прочел часослов, а наконец, псалтырь; тем и дело кончилось. Азбука, которую Кузя выучил наизусть и с которой замоскворецкое юношество обыкновенно начинает свое образование, книга очень замечательная и за Москвой-рекой в большом почете; потому я нелишним считаю рассказать ее содержание. Сначала в этой азбуке буквы разных форм и размеров, потом всевозможные склады, потом целые слова; далее необходимые для жизни правила, как то: будь благочестив, уповай на бога, люби его всем сердцем; далее четыре стихии, пять чувств и наконец: «Помни последняя твоя — смерть, суд и геенну огненную». По окончании этого курса образования родители стали заботиться о дальнейшем образовании Кузиньки. И для этого нашелся человек.

По замоскворецким улицам ходил молодой человек. Ходил он степенно, мерным шагом, повеся голову и нахмурив брови, отчего лицо его принимало какое-то грозно-задумчивое выражение. Его звали за Москвой-рекой ученым. Он и точно занимался уроками; но в учености его еще более убеждала его физиономия и одежда. Он ходил в очках, носил длинные волосы, только очень странно их причесывал, напомадивши чем-то. Он устроивал их на каждом виске в виде локона, а на лбу делал хохол, или а ля кок, как говорят у нас за Москвой-рекой. Прическу эту вы можете видеть почти у каждой цирульни на вывеске, а также на модных картинках журналов двадцатых годов. Сверх партикулярного платья этот ученый носил гимназическую шинель, воротник которой отворачивал наподобие штатской. Звали его Петр Иваныч Смирнов. Сделался он замоскворецким ученым следующим образом: смолоду он был отдан родителями в гимназию, но, дошедши в восемь лет только до пятого класса, он был исключен за неспособность. Странный был человек этот Петр Иваныч; поглядеть на него, так малый хоть куда: и видный, и, как кажется, неглупый, а придет в гимназию, так никуда не годится, просто дрянь. Посмотрите на него, когда он дома: вы увидите мужчину лет двадцати, который сидит, задумавшись, над тетрадью, в этой тетради собрано множество разного рода стихотворений, от од Ломоносо-

ва до водевильных куплетов; вдруг он начинает их читать с жаром и трагической декламацией, либо сам примется писать стихи или повесть и напишет нисколько не хуже известного нашего автора <нрзб.>, однако и не лучше. Зато посмотрите на него в гимназии: он сидит на последней лавке в самом углу подле печки, устроив лицо и всю фигуру свою самым робким и бессмысленным образом. Он никак не может совладать ни с алгеброй, ни с логикой, ни с правописанием, ни с новыми языками, тогда как какой-нибудь двенадцатилетний мальчишка, который играет дома в бабки или ездит верхом на палочке, постигает одним взглядом, без всякого труда, и алгебру, и все премудрости гимназические, и учится бойко, как будто шутя,— на удивление учителей и всего начальства. Это какая-то штука, которой я вам объяснить не умею. А есть такие люди, ей-богу, есть. В восемь лет Смирнов не выучился ничему в гимназии, кроме греческих спряжений, которые он знал в совершенстве. На девятый год его исключили, тут-то он и сделался ученым. Он думал так: «Если я в восемь лет не выучился сам учиться, так нагляделся по крайней мере, как других учат». И стал он учить ребят за Москвой-рекой; это ему посчастливилось, уроков у него было много, и прослыл он ученым, иначе его и не звали за Москвой-рекой. Репутация его была составлена. Только барышни замоскворецкие подсмеивались над ним из-за коленкоровых занавесочек, когда он, наморщив брови, с учительской важностью проходил по улице. Эти барышни распустили про него молву, будто он доискивается, на чем свет стоит. Такие проказницы! А уж какие насмешницы, не приведи господи!

Для дальнейшего образования Кузиньки пригласили Смирнова. Он обязался его учить священной истории, первым правилам арифметики и русской грамматике и взял за это рубль ассигнациями за урок. С приличной важностью принялся наш ученый за свое дело; он перенял все приемы у своих учителей, чем много выигрывал в купеческих домах. Он очень любил давать уроки при большом обществе, особенно когда соберутся пожилые женщины. С таинственной важностью рассказывал он тут, каким трудным наукам их учили в гимназии и какие большие уроки задавали. Купчихи только ахали: «Господи, дескать, ка-

ких-каких наук нет на свете». И выучил Кузю учитель священной истории и арифметике, а грамматике по непредвиденным обстоятельствам не успел. (Об этом после Кузя, когда сбирался писать драму, очень жалел, да уж было поздно.) Обстоятельство, которое помешало Кузе выучиться грамматике, было следующего роду. Маменька Кузи после обеда имела обыкновение наливать из стоящей на окне бутыли в чайник какой-то влаги, а из чайника наливала она в чашку и, присутствуя при уроке Кузи, очень часто к ней прикладывалась. Учитель, как человек любознательный, пожелал испробовать этот напиток. Акулина Климовна охотно позволила. Ученый попробовал, и напиток этот ему очень понравился. Уроки пошли веселее и занимательнее. Только вот странная вещь: к концу каждого урока между учителем и Акулиной Климовной начиналось какое-то очень фамильярное обращение. Это в доме заметили, и кончилось тем, что ученого прогнали, а Кузя остался без грамматики. Тут Кузя узнал свободу. «Будет учиться,— сказал Самсон Савич,— ну его к лешему, это ученье, давай, Кузя, в город ездить, пора привыкать». И начал возить с собой по утрам Кузю в город, а по вечерам Кузя, под руководством Максимки, испытывал всю прелесть путешествия по заборам и крышам.

Теперь поговорим об Кузе, потому что теперь только начал развиваться его природный характер. Время ученья в истории его жизни было каким-то эпизодом, который никак не вяжется с целым. Кузя был очень бойкий мальчик и очень красивой наружности. У него были темно-русые волосы, карие глаза, только нос немножко портил: будь этот нос подлиннее, был бы совсем другой вид; вообще физиономия его была как будто не кончена. Таков был и характер Кузи, энергический, когда он затевал что-нибудь, и слабый в исполнении, любознательный, но боящийся труда, сопряженного с наукой. С таким характером Кузя, естественно, должен был находиться под влиянием двух сил: одна сила внутренняя, движущая вперед, другая сила внешняя, замоскворецкая, сила косности, онемелости, так сказать, стреноживающая человека. Я не без основания назвал эту силу замоскворецкой: там, за Москвой-рекой, ее царство, там ее трон. Она-то загоняет человека в каменный дом и запирает за ним

железные ворота; она одевает человека ваточным халатом, она ставит от злого духа крест на воротах, а от злых людей пускает собак по двору. Она расставляет бутыли по окнам, закупает годовые пропорции рыбы, меду, капусты и солит впрок солонину. Она утучняет человека и заботливой рукой отгоняет ото лба его всякую тревожную мысль, так точно, как мать отгоняет мух от заснувшего ребенка. Она обманщица, она всегда прикидывается «семейным счастием», и неопытный человек не скоро узнает ее и, пожалуй, позавидует ей. Она изменница: она холит, холит человека, да вдруг так пристукнет, что тот и перекреститься не успеет. Еще была одна черта в характере Кузи — это стремление к самоулучшению; но в этом стремлении ему не на что было опереться. Мы видели, как он был образован, а с таким образованием часто кажется лучшим то, что только ново, а совсем не хорошо. При таких обстоятельствах Кузя всегда находился под чужим влиянием; он не надеялся на себя и искал руководителя. Иногда он попадал удачно на человека, а иногда ошибался. Хотя какой-то инстинкт вел его всегда прогрессивно, от одного влияния к другому, лучшему, но выбраться из-под этой опеки он никогда не мог. Много было преград ему на пути к улучшению себя, к очеловечению: и лень, и необразованность, и Замоскворечье с своей притягательной силой. Как он боролся с своими врагами и кто победил, мы увидим из его жизни.

Когда прогнали учителя, Кузе было четырнадцать лет, а Максимке лет пятнадцать. С этого дня Кузя совершенно подчинился Максимке. Максимка посвятил Кузю во все свои таинства, ввел его в свое общество. Кузя со всем ребяческим восторгом бросился вслед за Максимкой во все шалости. Они вдвоем выделывали такие проказы, что удивляли весь околодок. Они изобрели машину доставать из чужого сада яблоки. Ловили чужих голубей, а чтобы приучить их к себе, подстригали им крылья. Пока отрастали у бедного голубя крылья, он привыкал к своему новому жилищу и уж после не расставался с ним. Они ставили для птиц западни и скворечники. Но Кузя както не удовлетворялся этим, ему хотелось завести у себя все эти затеи в большем размере. Они составляли с Максимкой разные планы и проекты, что и как за-

вести у себя. Но для осуществления этих планов требовались деньги, а их ни у Кузи, ни у Максимки не было. Впрочем, и это препятствие скоро устранилось. Однажды Максимка притащил под полой пару козырных и докладывал Кузе, что за голубей просят целковый, что это очень дешево и упускать случая не надобно. Кузя отвечал, что у него нет ни копейки. Тут Максимка отвел его в сторону и пошептал ему что-то на ухо. После этого Кузя куда-то сбегал, и голуби были куплены. Потом недели через две из этой пары расплодилось у них пар до ста; как они расплодились, знал только Кузя да Максимка. С этих пор они нашли средство приводить все свои затеи, чего бы они ни стоили, в действительность. Целое лето провели они в таких невинных удовольствиях и достигли совершенства: турманы их одноплекие взлетали выше всех голубей замоскворецких и едва заметными серебряными точками чертили круги на голубом небе. Покажется ли на горизонте громовая туча и поплывет на Замоскворечье, из рук Кузи вырывается бумажный змей, взвивается высоко-высоко, уставляет на тучу свои нарисованные глаза и, извивая кольцами хвост свой, страшно ворчит на нее, как будто он хочет испугать тучу и заставить ее воротиться назад.

Так прошло лето, и Кузе стали надоедать эти невинные забавы первых лет. Наступила скучная осень, и летние удовольствия сменились однообразием купеческой жизни. Поутру Кузя с отцом ездили в город и бывали там до вечерен; потом приезжали домой, пили чай, часов до шести, а в восемь часов ужинали туго-на́туго и ложились спать. Между чаем и ужином папенька и маменька Кузи молча сидели по углам и вздыхали о своих прегрешениях — другого занятия у них не было. А как Кузе вздыхать еще было не о чем, то он и скучал невыносимо. Между тем во флигеле, где жили приказчики, время шло гораздо веселее. Кузя недолго думал, он решился пристать к их обществу. Приказчики Тупорылова были народ веселый, они умели разнообразить время. Один из них был мастер играть на гитаре, другой — петь цыганские песни, третий был очень искусен доставать где-то мадеру, а Максимка плясал за всех. Как только погасали огни в хозяйском доме, так у приказчиков начинался пир горой. Кузя в скором времени сделался душой этого об-

щества: он очень ловко пел «За Уралом, за рекой», а венгерку танцовал в совершенстве. Был еще у Тупорылова приказчик, который смотрел на все эти потехи очень равнодушно и большею частию засыпал, как только они начинались. Он был пожилой человек, довольно полный, с порядочной лысинкой, одевался прилично и скромно и смотрел очень солидно. Его очень уважали в доме, и хозяин имел к нему полное доверие. Купцы в городе все были о нем хорошего мнения и ставили его в пример своим детям и приказчикам. Звали его Тихоном Иванычем. Много маменек с нежностью посматривали на Тихона Иваныча как на жениха, лучше которого, по их понятиям, нельзя было и выдумать. «Это ли не жених,— говорили они,— и смирный, и непьющий, и ничего такого не слышно». Только маменьки замоскворецкие ошибались немножко, они не знали за Тихоном Иванычем одного художества; да и знать было трудно, он так умел это скрывать ото всех. Под покровом ночи, когда спит Замоскворечье, проносился он на лихом извозчике в цыганский табор и обратно. Знали это только верный его извозчик да те из приказчиков Тупорылова, которых он иногда брал с собой. Расчетливый и деловой, Тихон Иваныч во время этих секретных отлучек не жалел денег. Как только он появлялся к цыганам, старые и молодые цыганки встречали его с восторгом и криком: «А, батюшка, а, Тихон Иваныч, от тебя только и пожить»,— полдюжины шампанского на стол, и начиналось разливанное море.

Кузя обратился к Тихону Иванычу с просьбой показать ему в натуре то, что до сих пор он видел в приказчицком флигеле только в копии. «Коли есть деньги,— сказал Тихон Иваныч,— так поедем хоть нынче, только смотри никому не сказывай».— «Что вы это, Тихон Иваныч, как можно, да вот дай бог провалиться на этом месте, дай бог с места не сойти, если я кому скажу»,— говорил Кузя, прыгая от радости, и отправился с Максимкой свидетельствовать свою кассу. Кузя с той поры, как купил первую пару голубей, завел у себя сохранную казну. На чердаке, подле трубы, вырыл он ямку и прятал туда деньги, которые неосторожно попадались ему под руки: тут были и ассигнации, и монеты всякого рода. По освидетельствовании донесли Тихону Иванычу, что денег вот столь-

ко-то, а коли, мол, мало, так можно еще достать. «Достаточно,— сказал Тихон Иваныч,— раза на три хватит». И с этого дня Кузя начал с Тихоном Иванычем посещать тихие места по ночам. Они забирались куда-нибудь подальше, где бы глаз человеческий не мог их видеть, например в Перово, на Конную, в Грузины, одним словом в тишину, как они говорили. В эту зиму Кузя объездил все места, знакомые Тихону Иванычу. Летом разъезжали они по рощам, и Кузя узнал все притоны, все углы, куда забивается разгульная русская молодость от надзору родителей. Много в это время из ящиков и сундуков Самсона Савича перешло денег сначала на чердак, а потом к торбанистам и цыганкам и всякого рода досужим людям. Наконец это стало надоедать Кузе. Кузя с самого начала чувствовал, что есть удовольствия чище этого, и стал искать их.

В это время судьба свела его с одним молодым купцом, с Савой Титычем Агурешниковым. Что это за лицо! Боже мой! О, Сава Титыч, где я возьму краски, чтобы нарисовать тебя! Вы Саву Титыча наверно видали: он бывает во всех публичных местах. Издали он очень похож на льва, а рассмотрите поближе, так увидите, что это за зверь.

Сава Титыч — сын богатого русского купца и воспитан точно так же, как Кузьма Самсоныч, если не хуже. Разница между ними только в том, что Сава Титыч во время неопытной юности попал в руки одному актеру, который за неисчислимое количество бутылок шампанского образовал его по-своему, то есть одел его во фрак, отучил от тривиальных привычек и слов, вроде следующих: оттéлева, отсéлева, áхтер, каплимéнт, э́вося, э́втот, намня́сь и прочее. Образованный таким образом, Сава Титыч стал с презрением смотреть на своих собратов. Но вот что беда: после такого образования он сделался совершенно формой без содержания.

И сделалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона,—

как говорит Крылов. Он отверг все старое, все наследство предков и умственное и нравственное, а из нового-то взял только один фрак. И стал Сава Титыч ничем, так, нуль во фраке. Дома, в семействе, ему нечего делать, там оскорбляют его и кучерской костюм

отца, и простонародные ласки матери, и запах щей, и все. Общество свое он считает необразованным. Да и что ему делать дома, он человек светский и без общества жить не может. Он почти каждый день бывает в театре, он занимается литературой, он трется кругом образованных людей, бывает во всех собраниях и на всех публичных балах. Хотя драматическое искусство на него не действует, а если действует — так усыпительно; хотя из толстой книги журнала, которую подает ему мальчик в кофейной, он не понимает ни одной фразы; хотя в образованном обществе ему так же неловко и дико, как во французском театре,— да ему что за дело, он бывает в обществе затем только, чтобы людей посмотреть да себя показать. Может быть, вы скажете, что, живя таким образом, без всякого дела, не думая и не чувствуя, пропадешь с тоски. Не бойтесь за Саву Титыча, у него есть работа. Единственный труд и забота его состоят в том, чтобы смотреть на людей, по его мнению достойных подражания, да потрафлять у себя точь-в-точь, как у них. Моделью ему служат в иных случаях аристократия, а иногда французские актеры и приказчики модных магазинов. Он неутомимо преследует таких людей, подглядывает, как шпион, что они делают в такой-то час дня, что едят, как одеваются, как говорят, какие принимают позы, какое вино пьют и какие курят сигары — все это он перенимает и воспроизводит довольно карикатурно. Все чувства у него правратились в одно зрение. Свой собственный ум и вкус, как предметы необразованные, Сава Титыч старался заморить поскорее, он давно перестал им верить и изгнал из головы своей вместе с суеверными рассказами бабушки. Никакого следа развития, никаких признаков собственной мысли не рассмотрите вы у Савы Титыча в самый сильный микроскоп. Отсутствие внутренней жизни и совершенная безличность — вот отличительные черты Савы Титыча. Он как будто не живой человек, а модная картинка, бежавшая из последней книжки парижского журнала. Так вот каков Сава Титыч, ни больше ни меньше, а посмотрите, как он горд: он считает себя представителем молодого купеческого поколения. И к несчастью, это почти правда: «Bourgeois gentilhomme» [1] Мольера у нас современная пьеса. Только Моль-

[1] «Мещанин во дворянстве» *(фр.)*.

еров мещанин перед нашими очень миниатюрен; русский человек меры не знает.

Как только попал Кузя в руки к Саве Титычу, так началась переделка. Густые шелковистые волосы Кузи, которыми он так ловко потряхивал, пали под ножницами Дени; вместо длинного сертука Винтерфельд сшил такой фрак, каких и в самом Париже немного. В этом костюме Кузя был очень неловок, он не знал, куда деть руки, как держать голову, все движения его были как-то судорожны. Он чрезвычайно конфузился, а если случалось ему взглянуть в зеркало, то он опускал голову с видом совершенного отчаяния. Варвары, дескать, варвары, что вы со мной сделали! Погубили малова ни за́што ни про́што. Но Сава Титыч скоро вывел его из этого отчаянного положения, он выучил его, как держать себя: грудь вперед, голову кверху, руки по швам. Так разгуливали они по Сокольникам и по Парку, выступая, как гуси, и поводя глазами, как восковые фигуры с механикой. С наступлением зимы Сава Титыч стал возить Кузю в театр и в собрания. В театр Кузя ездил с охотой, эта забава ему очень нравилась, и он всегда сетовал на Саву Титыча за то, что тот, одевшись совсем и надевши даже белые перчатки, дожидался девятого часу, чтобы приехать в половине спектакля, и за то, что Сава Титыч уезжал всегда в начале последнего акта. Иначе Сава Титыч не делал единственно потому, что хотел казаться львом. Саву Титыча очень беспокоили внезапные восторги, которые находили на Кузю во время спектакля. Он долго и со тщанием поучал Кузю, что восхищаются только в райке и что в первый ряд кресел ездят совсем не за этим, а затем, чтобы видели, что ты сидишь в первом ряду, и сидишь чинно и ничему не удивляешься; да и удивляться-то нечему, потому что это только так — «представление» и больше ничего. Но как ни бился Сава Титыч, а не мог отучить Кузю от дурной привычки восхищаться. В собрании Сава Титыч с Кузей расхаживали таким же гусиным шагом, как и на гуляньях, молча и не обращая ни на что внимания, и путешествовали так до первой встречи с каким-нибудь любителем шампанского из артистов. Тут они садились, выпивали бутылку шампанского и опять отправлялись показывать себя до новой встречи. Так они проводили вечера, а день в кофей-

ной, где собиралось своего роду общество. Общество это делилось на две половины: одна половина постоянно говорила и сыпала остротами, а другая половина слушала и смеялась. Замечательно еще то, что в эту кофейную постоянно ходили одни и те же люди, остроты были постоянно одни и те же, и им постоянно смеялись. Года два Кузя пробыл под опекой Савы Титыча; в эти два года он очень переменился как внутренним, так и внешним образом: на румяном и беззаботном лице его стали показываться признаки раздумья. Он стал чувствовать всю пустоту той жизни, в которую увлек его Сава Титыч; он лучше Савы Титыча понимал людей и скоро заметил, что порядочные люди или смеются над ними, или жалеют их. Сава Титыч был счастливый человек и не замечал, что был смешон до крайности, а Кузя был не таков, он это очень хорошо чувствовал. Положение его стало невыносимо, а выходу из него не было. С одной стороны, было перед ним образованное общество, он чувствовал, что связь, соединяющая это общество, прекрасна, что ему, человеку независимому и у которого впереди огромный капитал, был бы рай в этом обществе, но между ним и этим обществом была бездна. С другой стороны, перед ним было общество его собратов, подкрашенное воспоминаниями детства; но между ним и этим обществом был фрак. А надевши фрак, трудно переменить его на кафтан.

Из этого положения вывело его новое знакомство. Жил за Москвой-рекой один молодой человек, он кончил курс в университете и жил учителем в одном богатом доме. Чуден казался этот человек среди Замоскворечья. За Москвой-рекой не живут своим умом, там на все есть правило и обычай, и каждый человек сообразжает свои действия с действиями других. К уму Замоскворечье очень мало имеет доверия, а чтит предания и уповает на обряды и формы. На науку там тоже смотрят с своей точки зрения, там науку понимают как специальное изучение чего-нибудь с практической целью. Научиться медицине — наука; научиться сапоги шить — тоже наука, а разница между ними только та, что одно занятие благородное, а другое нет. Науку как науку, без видимой цели, они не понимают. И потому если вы встретите ученого, который станет вам доказывать материальную пользу своего предмета или

станет хвалить свой предмет, понося прочие, так знайте, что этот ученый или родился за Москвой-рекой, или жил там довольно долго. Если вы встретите студента, который рассуждает так: «Все наука да наука, нужна нам очень в жизни эта наука; нам бы только как-нибудь четыре года промаяться да чин получить — вот и вся наука»,— так знайте, что это студент замоскворецкий, а если он приезжий, так верно, квартирует за Москвой-рекой. Итак, за обилием преданий и обычаев, ум был для Замоскворечья вещь не только не нужная, но иногда и опасная, а наука — вроде крепостного человека, который платит барину оброк. От этого-то и чуден казался для Замоскворечья Х. Х., которому наука взошла в кровь, который, кроме ума, не признавал над собой владыки. Он не имел никакого сообщения с Замоскворечьем и никакого знакомства, он заключился в маленькой комнатке, обложил себя книгами и жил в мире мечтательном, любимым автором его был Жорж Санд. Он читал его и перечитывал и, бродя без цели по улицам Замоскворечья, мечтал о героях и героинях его романов. Он заглядывал в окна, думая встретить <...> [1]. Он не знал Замоскворечья, и ему позволительно было так думать. А Замоскворечье знало его и думало о нем по-своему. Замоскворецкие Лелии жалели его, как человека погибшего, или презирали его, как басурмана, который не ходит в баню по субботам и по постам ест скоромное.

Примечание нашедшего рукопись. Эту безмятежную и однообразную тишину, в которой пребывает Кузьма Самсоныч, нарушает изредка только старинный знакомый его, а именно Максим Ферапонтыч (бывший Максимка). Это лицо автор замоскворецких записок упустил из виду; но я случайно напал на след и скоро отыскал Максимку. Вот вкратце его история: Максимка из мальчишек сделался приказчиком Тупорылова, бойкостью и аккуратностью взошел в доверенность и за старостию лет Тупорылова управлял почти всей его торговлей, потом, как говорит один мой знакомый купец, дерзнул против хозяина тысяч на десять и пожелал быть сам хозяином. Теперь он подрядчик,

---

[1] В рукописи пропущено место для вставки, видимо, имени кого-то из героев Жорж Санд.— *Ред.*

берется за всевозможные дела и всюду дорогу знает. Товарищи его не любят за то, что он очень сбивает цену. Приезжает он иногда к Кузе затем, чтобы перехватить деньжонок на какую-нибудь аферу. За такое одолжение он делает могарычи, то есть великолепнейшие обеды и пиры, большею частию где-нибудь за городом, и тут с компанией гуляют напропалую. Компанию эту составляют всё деловые люди.

<3>

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ В ПРАЗДНИК

Когда у нас за Москвой-рекой праздник, так уж это сейчас видно. И откуда бы ты ни пришел, человек, сейчас узнаешь, что у нас праздник. Во-первых, потому узнаешь, что услышишь густой и непрерывный звон во всем Замоскворечье. Во-вторых, потому узнаешь, что по всему Замоскворечью пахнет пирогами [1].

Но я, благодаря удобному случаю, опишу праздничный день с начала до конца по порядку. У нас праздник начинается с четырех часов утра: в четыре часа все порядочные люди, восстав от сна, идут к обедне. Посетители ранних обеден здесь резко отличаются от посетителей поздних. Первые большею частию солидные люди: купцы, пожилые чиновники, старухи купчихи и простой народ. Вообще все старшие в семействе ходят к ранней обедне. И здесь вы не увидите ни разноцветных нарядов, ни карикатурного подражания высшему обществу, а напротив того — истинная и смиренная набожность равняет все звания и даже физиономии. Тут нет для почетных лиц почетных мест, где кто стал, там и молится. Вот пришел купец, миллионщик, лицо почетное, помолился, ему все кланяются; вот входит его последний работник, которому задний двор всегдашнее пребывание,— пришел, поклонился три раза, встряхнул кудри и стал кланяться на все стороны, и ему все кланяются. И как торжественно в тишине и полусвете ранней обедни текут от алтаря громкие возгласы вечной истины.

[1] Здесь надобно заметить, что нигде нет таких больших и громогласных колоколов, как у нас за Москвой-рекой, и нигде в другом месте не пекут таких пирогов, запах которых распространяется по целому кварталу. С этой стороны похожа на Замоскворечье только Таганка. *(Прим. авт.)*

Но вот отходит обедня, народ выходит из церкви, начинаются поздравления, собираются в кучки, толки о том, о сем, и житейская суета начинается. От обедни все идут домой чай пить, и пьют часов до девяти. Потом купцы едут в город тоже чай пить, а чиновники идут в суды приводить в порядок сработанное в неделю. Дельная часть Замоскворечья отправилась в город: Замоскворечье принимает другой вид. Начинаются приготовления к поздней обедне: франты идут в цирульни завиваться или мучаются перед зеркалом, повязывая галстух; дамы рядятся. Что это у нас за франты за Москвой-рекой, как одеваются; вот уж можно сказать, что со вкусом. У нас никогда по моде не одеваются, это даже считается неблагопристойным. Мода — постоянный, неистощимый предмет насмешек, а солидные люди при виде человека, одетого в современный костюм, покачивают головой с улыбкой сожаления; это значит: человек потерянный. Будь лучше пьяница, да не одевайся по моде. Не только у нас за Москвой-рекой, да и в остальной-то части Москвы не все понимают, что мода есть тот же прогресс, хотя чисто фактический, бессознательный, а все-таки прогресс, А попробуйте убедить в этом, так вас сочтут за вольнодумца и безбожника. А у нас за Москвой-рекой понятия о моде совершенно враждебные. У нас говорят: «С чего это вы взяли, чтобы я стал себя уродовать,— талия черт знает где; что я за паяц, чтобы стал подражать моде. Надо уметь одеться к лицу, что кому пристало». И одеваются к лицу. В костюмы своего изобретения. Например, зеленый плащ и белая фуражка без козырька или узенький фрак, до бесконечности широкие шаровары и соломенная шляпа. И с какой торжественной улыбкой, с каким гордым взглядом ходит по Замоскворечью человек, одетый к лицу; тогда как в душе человека, который надевает модный фрак или сертук, совершается драма; он раз пять подходит к зеркалу поглядеть, не смешон ли он; если идет куда, то крадется сторонкой, точно контрабандист; а взгляните на него попристальней, так он переконфузится до смерти. Но об моде когда-нибудь в другой раз, а теперь о празднике. Но виноват, позвольте, надобно что-нибудь сказать о дамских нарядах. Вы увидите часто купца в костюме времен Грозного и рядом с ним супругу его, одетую по последней парижской картинке.

Впрочем, этого нельзя сказать обо всех, и есть великолепные исключения. Некоторые дамы имеют обыкновение изменять модным костюмам, прибавляя что-нибудь своего изобретения. Это обыкновенно так делается: приезжают в магазин, выбирают себе шляпку, чепчик или мантилию, по нескольку раз примеривают, разглядывают со всех сторон и говорят, что это очень просто, и велят при себе прибавить что-нибудь — цветочков или ленточек, чтобы было понаряднее. А понаряднее значит у нас поразноцветнее. Нелишним считаю сказать, что некоторые дамы имеют к иным цветам особую привязанность, одна любит три цвета, другая четыре; и что бы они ни надели, все любимые цвета непременно присутствуют на их костюме. Барышни относительно цветов разделяются на две половины: одни любят голубой цвет, а другие розовый. Молодые люди также не совсем равнодушны к голубому цвету, и на редком вы не встретите что-нибудь голубенькое. Причины этому, я полагаю, следующие: первая, голубой цвет — цвет небесный, а душа в невинном состоянии находится с лазурью небесною в дружественном отношении; вторая, голубой цвет значит верность. Впрочем, я это только полагаю, а наверное сказать не смею. Так вот-с, начинаются поздние обедни — там вы увидите и франта, одетого к лицу, и купчиху mille colorum[1]. Обедни продолжаются часу до двенадцатого. Потом все идут обедать: к этому времени чиновники и купцы возвращаются из городу. С первого часа по четвертый улицы пустеют и тишина водворяется; в это время все обедают и потом отдыхают до вечерен, то есть до четырех часов. В четыре часа по всему Замоскворечью слышен ропот самоваров; Замоскворечье просыпается и потягивается. Если это летом, то в домах открываются все окна для прохлады, у открытого окна вокруг кипящего самовара составляются семейные картины. Идя по улице в этот час дня, вы можете любоваться этими картинами направо и налево. Вот направо, у широко распахнутого окна, купец с окладистой бородой, в красной рубашке для легкости, с невозмутимым хладнокровием уничтожает кипящую влагу, изредка поглаживая свой корпус в разных направлениях: это значит по душе пошло, то есть по всем

---

[1] Пестро одетую *(фр.)*.

жилкам. А вот налево чиновник, полузакрытый еранью, в татарском халате, с трубкой Жукова табаку — то хлебнет чаю, то затянется и пустит дым колечками. Потом и чай убирают, а пившие оные остаются у окон прохладиться и подышать свежим воздухом. Чиновник за еранью берет гитару и запевает: «Кто мог любить так страстно», а купец в красной рубашке берет в руки камень либо гирю фунтов двенадцати. Что вы испугались? Как же не испугаться: да зачем же у него камень-то в руках,— ведь это шутки плохие. Нет, ничего, не беспокойтесь! Он гражданин мирный. Вот посмотрите: подле него, на окне, в холстинном мешочке, фунтов восемь орехов. Он их пощелкивает, то по одному, то вдруг по два да по три,— пощелкивает себе, да и знать никого не хочет. Нет, вы, пожалуйста, не беспокойтесь. После вечерен люди богатые (то есть имеющие своих лошадей) едут на гулянье в Парк или Сокольники, а не имеющие своих лошадей целыми семействами отправляются куда-нибудь пешком; прежде ходили в Нескучное, а теперь на Даниловское кладбище. А если праздник зимой, так проводят время в семействе. Общества совершенно нет, в театр не ездят. Разве только на святках да на масленице, и тогда берут ложу и приглашают с собой всех родных и знакомых. Смотреть ездят: Русалку, Пилюли, Аскольдову могилу и прочее. Вот что еще замечательно, что водевиль, дающийся после пьесы, считается продолжением ее. Ложатся спать в девятом часу, и в девять часов все Замоскворечье спит. По улице нет никого, кроме собак. Извозчика и не ищите.

ПЬЕСЫ

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА

ЛИЦА:

Антип Антипыч Пузатов, *купец, 35 лет.*
Матрена Савишна, *жена его, 25 лет.*
Марья Антиповна, *сестра Пузатова, девица, 19 лет.*
Степанида Трофимовна, *мать Пузатова, 60 лет.*
Парамон Ферапонтыч Ширялов, *купец, 60 лет.*
Дарья, *горничная Пузатовых.*

Комната в доме Пузатова, меблированная без вкуса; над диваном портреты, на потолке райские птицы, на окнах разноцветные драпри и бутылки с настойкой. У окна, за пяльцами, сидит Марья Антиповна.

Марья Антиповна *(шьет и поет вполголоса).*

Черный цвет, мрачный цвет,
Ты мне мил завсегда!

(*Задумывается и оставляет работу*). Вот уж и лето проходит, и сентябрь на дворе, а ты сиди в четырех стенах, как монашенка какая-нибудь, и к окошку не подходи. Куда как антиресно! *(Молчание.)* Что ж, пожалуй, не пускайте! запирайте на замок! тиранствуйте! А мы с сестрицей отпросимся ко всенощной в мо-

настырь, разоденемся, а сами в Парк отличимся либо в Сокольники. Надо как-нибудь на хитрости подыматься. *(Работает. Молчание.)* Что ж это нынче Василий Гаврилыч ни разу мимо не прошел?.. *(Смотрит в окно.)* Сестрица! сестрица! офицер едет!.. поскорей, сестрица!.. с белым пером!

Матрена Савишна *(вбегает)*. Где, Маша, где?

Марья Антиповна. Вот, посмотрите.

Смотрят обе.

Кланяется. Ах, какой!

Прячутся за окно.

Матрена Савишна. Какой хорошенький!

Марья Антиповна. Сестрица, посидимте здесь: может быть, назад поедет.

Матрена Савишна. И, что ты, Маша! Приучишь его, он и будет каждый день по пяти раз мимо ездить. После с ним и не развяжешься. Уж я этих военных-то знаю. Вон Анна Марковна приучила гусара: он ездит мимо, а она поглядывает да улыбается. Что же, сударыня моя: он в сени верхом и въехал.

Марья Антиповна. Ах, страм какой!

Матрена Савишна. То-то и есть! Ничего такого не было, а слава-то по всей Москве пошла... *(Смотрит в окно.)* Ну, Маша, Дарья идет. Что-то она скажет?

Марья Антиповна. Ах, сестрица, как бы она маменьке не попалась!

Вбегает Дарья.

Дарья. Ну, матушка Матрена Савишна, совсем было попалась! Бегу я, сударыня, на лестницу, а Степанида Трофимовна прямехонько так-таки тут и была. Ну, за шелком, мол, в лавочку бегала. А то ведь она у нас до всего доходит. Вот вчерась приказчик Петруша...

Марья Антиповна. Да они-то что ж?

Дарья. Да! кланяться приказали. Вот, сударыня, прихожу я к ним: Иван Петрович на диване лежит, а Василий Гаврилыч на постели... или, бишь, Василий Гаврилыч на диване. Табаком накурили, сударыня,— не продохнешь просто.

Матрена Савишна. Да что говорили-то?

Дарья. А говорили-то, сударыня ты моя, чтобы непременно, говорит, нынче в Останкино приезжали, этак в вечерни, говорит. Да ты, говорит, Дарья, скажи, чтобы беспременно приезжали, хоть и дождик будет, все бы приезжали.

Марья Антиповна. Что ж, сестрица, поедемте!

Матрена Савишна. Ну, так ты, Дарья, беги опять да скажи, что, мол, приедут.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего-с?

Марья Антиповна. Да скажи, Даша, что принесите, мол, каких-нибудь книжечек почитать; дескать, барышня просит.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего?.. Ах, сударыня! я было и забыла совсем. Иван-то Петрович приказывал: да скажи, говорит, чтобы мадеры привезли; хорошо, говорит, на вольном воздухе.

Матрена Савишна. Хорошо, хорошо, привезем!

Дарья *(подходит к Матрене Савишне и говорит вполголоса)*. Да еще, Матрена Савишна, Василий-то Гаврилыч говорит Ивану Петровичу: конечно, говорит, твое дело другое и, говорит, Матрена Савишна женщина замужняя... ну, и все такое... А Марья-то Антиповна, говорит, девушка... не то, чтобы что либо што. А это, говорит, полагать надо, баластво одно. И, говорит, того и гляди, что за бородача за какого-нибудь выдадут. А выходит, говорит, хлопотать не из чего. Не то что насчет чего... ну, сами понимаете... А я, говорит, человек бедный... Кабы жениться, я, говорит, не прочь. Да, говорит, не с нашим рылом да в калачный ряд. Это Василий-то Гаврилыч Ивану Петровичу говорит. Твое, говорит, дело другое. Матрена Савишна женщина замужняя... с чиновником все может случиться... зима, говорит... ну, и шуба енотовая. Как ни на есть...

Матрена Савишна. Ах ты, дура! а ты бы сказала, что, мол...

Дарья *(прислушиваясь)*. Никак, матушка, сам приехал... *(Подходит к окну.)* Так и есть. На крыльцо лезет.

Матрена Савишна. Ну, так ты ужо сбегай, когда будем чай пить.

Дарья. Слушаю-с.

Голос из передней: «Жена! а, жена! Матрена Савишна!»

Матрена Савишна. Что там?

Антип Антипыч *(входит)*. Здравствуй!.. А ты думала, бог знает что!

Целуются.

Поцелуй еще... *(Заигрывает.)*

Матрена Савишна *(жмется)*. Полно дурачиться-то, Антип Антипыч! перестань! Э! как тебе не стыдно!

Антип Антипыч. Да поцелуй!

Матрена Савишна. Ах, отстань ради бога!

Антип Антипыч. Уважь!

Целуются.

Ай да жена! Вот люблю! Ай да Матрена Савишна! *(Садится на диван.)* А знаешь ли что, Матрена Савишна?

Матрена Савишна. Что еще?

Антип Антипыч. Хорошо бы теперь чайку выпить-с. *(Смотрит в потолок и отдувается.)*

Матрена Савишна. Дарья!

Входит Дарья.

Давай самовар, да спроси ключи у Степаниды Трофимовны.

Дарья уходит. Молчание. Марья Антиповна сидит за пяльцами; Матрена Савишна подле нее. Антип Антипыч смотрит по углам и изредка вздыхает.

Антип Антипыч *(грозно)*. Жена! поди сюда!

Матрена Савишна. Что еще?

Антип Антипыч. Поди сюда, говорят тебе! *(Ударяет по столу кулаком.)*

Матрена Савишна. Да что ты, очумел, что ли?

Антип Антипыч. Что я с тобой иделаю! *(Стучит по столу.)*

Матрена Савишна. Да что с тобой? *(Робко.)* Антип Антипыч!

Антип Антипыч. А! испугалась! *(Смеется.)* Нет, Матрена Савишна, это я так — шутки шучу. *(Вздыхает.)* Что ж чайку-то-с?

Матрена Савишна. Сейчас! Ах, батюшки, авось не умрешь!

Антип Антипыч. Да что ж так-то сидеть! Скука возьмет.

Входит Степанида Трофимовна. Дарья несет самовар.

Степанида Трофимовна. Вот пострел! Прости господи! Эка угорелая девка! Ну, что ты бежишь-то сломя голову! Ведь над нами не каплет. Да уж и ты-то, отец мой, никак с ума спятил: который ты раз чай-то пить принимаешься! Дома два раза пил да, чай, в городе-то нахлебался! *(Наливает чай.)*

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! Что за важность! Не хмельное! Пили-с. Вот с Брюховым ходили. ходил с Савой Савичем. Что ж! Отчего с хорошим человеком чайку не попить? А я нынче, матушка, Брюхова-то рублев на тысячу оплел. *(Берет чашку.)*

Степанида Трофимовна. Уж где тебе, дитятко! Самого-то, чай, кругом обманывают. За приказчиками ты не смотришь, торговлей не занимаешься. Уж какая это, Антипушка, торговля! С утра до вечера в трактире сидите, брюхо наливаете. Ох! никакого-то, как посмотрю я, у вас порядку нету. Уж вы и меня-то с пути сбили. Поутру самовар со стола не сходит до одиннадцати часов: сначала молодцов[1] напоишь, в город отпустишь; потом ты, родимый, подымаешься: тебя-то скоро ли ублаготворишь; потом барыня-то твоя. Не то что к обедне сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости господи! Как бы жил ты, Антипушка, по старине-то, как порядочные люди-то живут: встал бы ты в четыре часа, за порядком бы посмотрел, на дворе поглядел бы, и все такое, и все как следственно, к обедне бы сходил, голубчик, да и хозяюшку-то свою поднял бы: «вставай, мол, полно нежиться-то! пора за хозяйство приниматься». Да-таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня? правду говорю, Матрена Савишна, правду.

Матрена Савишна. Уж вы теперь начнете!

Степанида Трофимовна. Ах, мать моя; да ведь мной только дом-то и держится. Уж не тебе ли хозяйкой быть, сударыня! Нет, погоди, матушка, молода еще, мелко плаваешь! Ну, сама ты посуди: встаешь ты — стыдно сказать, а грех утаить — в одиннадцатом часу; а я-то тебя за самоваром изволь дожидать... а я,

[1] Молодцов — приказчиков. (*Прим. авт.*)

сударыня, постарше тебя — так-то-с. Больно барственно, Матрена Савишна, больно барственно! Уж как ни финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя—все-таки купчиха. Эко, сударь ты мой, разрядится, мантилии да билиндрясы разные навешает на себя, растопырится, прости господи, распустит хвост-то, как павлин... фу ты, прочь поди... так и шумит! А уж ты, Матрена Савишна, как ни крахмалься, а все-таки не барыня... тех же щей, да пожиже влей!

Матрена Савишна. Что ж, не в платочке же мне ходить, и то сказать!

Степанида Трофимовна. А ты, сударыня, своим званием не гнушайся.

Антип Антипыч. Отчего ж и не рядиться, коли есть во что? Ничего! Можно! Что за важность? Да она у меня как разрядится-то, так лучше всякой барыни, вальяжнее, ей-богу! Ведь те все мелочь; с позволения сказать, взглянуть не на что нашему брату. А она-то у меня таки тово... То есть я... насчет телесного сложения. Ну, и все такое!

Матрена Савишна. Уж ты, Антип Антипыч, заврался, кажется.

Марья Антиповна. Как вам, братец, не стыдно? всегда конфузите.

Антип Антипыч. Что же такое? Нешто я что дурное сказал? Что за важность! Иногда и не то скажешь, да с рук сходит. Я как-то вот при генерале такое словечко ухнул, что самому страшно стало: да что ж делать-то! не схватишь, да опять не спрячешь. А это я супротив той точки речь веду, что понаряднее все-таки лучше; то есть хоть и не барыня, а все-таки... то есть, на линии... Что за важность!

Степанида Трофимовна. Знаю, голубчик, знаю. Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разоденется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то, чай, она, бедная, думает: «эко, дескать, горе мое: муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик, дескать, какой-нибудь раздушенный да распомаженный!»

Антип Антипыч. Чтоб она меня, молодца такого, да променяла на кого-нибудь, красавца-то этакого! *(Разглаживает усы.)* Ну-ка, Матрена Савишна, поцелуйте-с!

Матрена Савишна целует его с притворною нежностью.

Степанида Трофимовна. Эх, дитятко, враг-то силен! Мы с покойником жили не вам чета: гораздо-таки полюбовнее, да все-таки он меня в страхе держал, царство ему небесное! Как ни любил, как ни голубил, а в спальне, на гвоздике, плетка висела про всякий случай.

Матрена Савишна. Уж вы меня всегда с мужем расстроиваете: что я вам за злодейка такая!

Степанида Трофимовна. А ты, матушка, молчи лучше!

Матрена Савишна. Как же! стану я молчать!.. дожидайтесь!.. Я, слава богу, купчиха первой гильдии: никому не уступлю!

Степанида Трофимовна. Великая важность! — купчиха ты! Видали и почище вас. Я и сама от семи собак отгрызусь...

Матрена Савишна. А все-таки молчать не заставите! Не родился тот человек на свет, чтобы меня молчать заставил.

Степанида Трофимовна. А ты думаешь, мне очень нужно! А бог с вами; живите, как знаете: свой разум есть. А уж к слову придется, так не утерплю: такой характер. Не переделаться мне для тебя...

Молчание. Все сидят надувшись.

Да вы у меня и Машутку-то вот избаловали совсем.

Антип Антипыч. А что, Маша, хочешь, я тебе жениха найду?

Степанида Трофимовна. Давно бы тебе пора хватиться-то: ты, кажется, и забыл, что у тебя сестра девка на возрасте.

Марья Антиповна. Что вы маменька! все «на возрасте да на возрасте!» Мне ведь не бог знает сколько.

Степанида Трофимовна. Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замуж шла; а тебе ведь— стыдно при людях сказать — двадцать лет.

Антип Антипыч. Хочешь, Маша, Косолапова посватаю?

Марья Антиповна. Ах, братец, да от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужасть.

Антип Антипыч. Ну, Перепяткина: чем не жених? *(Смеется.)*

Марья Антиповна. Да вы, братец, это нарочно мне все уродов навязываете.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Хорошие женихи, Маша, хорошие! *(Смеется.)* Важные женихи!

Марья Антиповна. Да вы это все насмех! *(Чуть не плачет.)*

Степанида Трофимовна. Да ты полно зубы-то скалить! Я дело говорю, Антип Антипыч! Что балясничать-то! А ты, сударыня, не бойся; женихи найдутся, любова выбирай: ты у нас ведь не голь саратовская, невеста с приданым. Только за благородного не отдам... ты и не думай, и не воображай себе.

Антип Антипыч. Уж будто, матушка, промеж-ду благородных-то и путных нет совсем. Нет, что ж, бывают. *(Смеется.)*

Степанида Трофимовна. Как, батюшка, не быть; во всяком сословии есть. Да уж всякому свое. Отцы-то наши не хуже нас были, да в дворяне не лезли.

Антип Антипыч. Что же, отчего за благородного не отдать? Ничего. Можно. Что за важность!

Степанида Трофимовна. Эх, голубчик! хороший-то, который постепеннее, не возьмет: тому надо мало-мало сотню тысяч, а то две, либо три; ну, а другие, так хоть бы их и не было совсем. Только что чванится собой да благородством своим похваляется: «я-де благородный, а вы мужики»; а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжига, прости господи! Знаю я их. Вот Лопатиха за благородного отдала, не спросясь добрых-то людей. А я еще тогда самой-то говорила: «Эх, Максимовна, не садись, мол, не в свои сани: вспомянешь ты меня, да поздно будет». Так что ж? — «Я, говорит, детищу своему не враг; хочу, говорит, как все к лучшему; все-таки, говорит, благородный, а не купец; может и дослужиться и в чины произойти». Да вот теперь, хвать-похвать, ан дыра в горсти. И близко локоть-то, да не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которые пропил, которые в картишки проиграл, сердешный! *(Вздыхает.)* Я и на свадьбе-то была: банкет такой сделали, упаси господи! Покажите, говорю, жениха-то. Что ж, сударь ты мой, вот как теперь гляжу:

маленький да гнусненький такой, да фрачишко-то на нем этот натянут коротколвостый, весь как облизанный. Да вертится, прости господи, как бес какой, на месте не посидит. И на жениха-то не похож; чужой человек и не узнает, ей-богу, не узнает. Только фалдочки трясутся. Тут же я и подумала: знать, мол, вы, сердешные, хуже-то не нашли!

Смеются все.

Да нечего и говорить: всякий знает. Ну, положим так: не все же пьяницы, попадается и трезвый человек.. так он тебя табачищем одним из дома выкурит, либо — грешное дело — по постам скоромное лопает. *(Плюет.)* Фу ты, мерзость какая, прости господи!.. Там кто их знает, может, они по службе-то своей, у должности, и хорошие люди, дельные, да нам-то, сударь ты мой, дело неподходящее. То ли дело, Маша, купец-то хороший!

Антип Антипыч. Знаешь ли, Маша, гладкий да румяный, вот как я. Уж и любить-то есть что, не то что стракулист чахлый. Так ли, Маша, а?

Марья Антиповна. Да что вы, да я не знаю... *(Потупляет глаза.)*

Антип Антипыч. Пора бы знать! Ну, вот Матрена Савишна знает... Правду я говорю, Матрена Савишна, ведь купец, лучше, а?

Матрена Савишна. Уж ты наладишь одно и то же!

Степанида Трофимовна. Что ж, Маша, известное дело: уж и приласкать есть кого.

Марья Антиповна. Ах, маменька! Да что вы, ей-богу! Я уйду. Пойдемте, сестрица! *(Убегает, за ней Матрена Савишна.)*

Антип Антипыч. Так-с. Да уж ведь не отбегаешься.

Степанида Трофимовна. Стыдно стало, Антипушка: дело девичье.

Антип Антипыч. Что ж! и за купца можно. Отчего не отдать? Дело хорошее!

Степанида Трофимовна *(подвигается и говорит вполголоса)*. А вот, Антипушка, мне кума Терентьевна сказывала, Парамон Ферапонтыч жениться задумал, невесту ищет. Вот упускать-то, Антипушка, не надо. Что ж, признаться сказать, он хоть и старенек,

и вдовый, да денег-то, Антипушка, больно много — куры не клюют. Ну, да и человек-то степенный, набожный, примерный купец, в уважении.

Антип Антипыч. Только, матушка, уж больно плут.

Степанида Трофимовна. Ах, батюшки мои! Да чем же он плут, скажи пожалуйста? Каждый праздник он в церковь ходит, да придет-то раньше всех; посты держит; великим постом и чаю не пьет с сахаром — все с медом либо с изюмом. Так-то, голубчик! Не то, что ты. А если и обманет кого, так что за беда! не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: «не обмануть — не продать».

Антип Антипыч. Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет. Ничего. Можно. Да уж, матушка, ведь иногда и совесть зазрит. *(Чешет затылок.)* Право слово! И смертный час вспомнишь. *(Молчание.)* Я и сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу. Да ведь я и скажу потом: вот, мол, я тебя так и так, помазал маненько. Вот в прошлом году Саву Савича при расчете рубликов на пятьсот поддел. Да ведь я после сказал ему: вот, мол, Сава Савич, промигал ты полтысячки, да уж теперь, брат, поздно, говорю, а ты, мол, не зевай. Посердился немножко, да и опять приятели. Что за важность!.. Да недавно немца Карла Иваныча рубликов на триста погрел. Вот смеху было! Матрена Савишна тряпья разного у него из магазину забирала, а он мне счетец и выписал тысячи в две.

Степанида Трофимовна. Что ты говоришь! какова!

Антип Антипыч. Что ж! Ничего. Пусть щеголяет! А вот я думаю: неужли, мол, немцу все деньги отдать. Как же, мол, не так! нет-с, жирно будет. Вот и недодал ему рублей триста с небольшим. Остальные, говорю, мусье, после. Хорошо, говорит, хорошо, как и путный. Да потом, сударыня ты моя, и начал он приставать. Как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги? Надоел до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец. Что ж, говорит, деньги? Какие, говорю, деньги? я тебе, брат, отдал давно, и отстань ты от меня, христа-ради. Вот и взбеленился

мой немец. Это, говорит, купцу нехорошо; это, говорит, фальшь; у меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты черт знает что там в книге-то напишешь — тебе все и плати! Так, говорит, русский купец делает, немец никогда; я, говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним, словно больной с подлекарем!

Смеются.

Поди, я говорю,— немного возьмешь! Потащил в суд. Что ж, матушка! ведь отперся, право, отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатил. Что ж такое, что за важность!.. Уж что с этим немцем смеху было — беда! Так и таращится, это, говорит, бесчестно! А я ему после-то и говорю: я бы тебе и отдал, Карл Иваныч, да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские животики надорвали со смеху.

Смеются.

А то все ему и отдать? да за что это? Нет, уж опосля честь будет. Они там ломят цену, какую хотят, а им сдуру-то и верят. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмет. Так я, матушка, вот как. А Ширялов-то — да это словно жид какой: отца родного обманет. Право! Так вот в глаза и смотрит всякому. А ведь святошей прикидывается.

Ширялов входит.

А! Парамон Ферапонтыч! здравствуйте, почтеннейший!

Ширялов. Здравствуйте, любезные! *(Кланяется.)* Антип Антипыч! Здравствуй, голубчик!

Целуются.

Матушка Степанида Трофимовна, здравствуйте.

Целуются.

Антип Антипыч. Садись, Парамон Ферапонтыч!

Степанида Трофимовна. Садитесь, батюшка!

Ширялов *(садится)*. Как, матушка Степанида Трофимовна, поживаете?

Степанида Трофимовна. Плохо, батюшка! старость приходит. Вас как бог милует?

Ширялов. Что, матушка Степанида Трофимовна! На прошлой неделе притча сделалась: так схватило, что боже упаси. Испугался шибко, больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в костях сделался; вот так тебе каждую косточку больно, каждый сустав-

чик; коробит, сударыня ты моя, да и на́ поди. За грехи, матушка, господь человека наказывает, испытание посылает. А пуще, мать ты моя, поясницу схватило.

Степанида Трофимовна. Дело не молодое, батюшка!

Ширялов. Я туда-сюда, так-сяк — нет, сударыня ты моя: отпустит этак немножко, да опять схватит. Даже под сердце подкатило.

Степанида Трофимовна. А, батюшки!

Антип Антипыч. Да ты, Парамон Ферапонтыч, не хватил ли где этак через силу с приятелями?

Ширялов. Нет, отец ты мой, больше месяца ничего не пил, в рот не брал, Степанида Трофимовна! То есть не то чтобы я бросил совсем: а так, погожу, мол, маненько. А зароку не давал. Нельзя, матушка: человек слаб есть, сказано.

Степанида Трофимовна. Что говорить, батюшка!

Ширялов. А я так, любезные, думаю: простудился, мол, я; как-нибудь на улицу, что ли, раздевшись вышел либо в саду гуляешь в рубашке вечером.

Степанида Трофимовна. Долго ли до греха, батюшка, долго ли! Чайку не хотите ли, Парамон Ферапонтыч?

Ширялов. Покорно благодарствуйте. *(Кланяется.)* Сейчас пил, матушка, сейчас пил.

Степанида Трофимовна. Э, батюшка, выкушайте... что за счеты!

Антип Антипыч. С нами-то за компанию.

Ширялов. Плошечку пропустить можно-с.

Степанида Трофимовна наливает. Ширялов берет чашку, пьет и продолжает.

Что ж, сударыня ты моя, какое я средствие избрал. Что, думаю себе, михстуры эти — просто дрянь, даром деньги берут. Да и никогда я, матушка, этими михстурами не лечился; этого греха на душу не брал. Дай-ка, думаю, я в баню схожу. Вот и пошел, сударь ты мой, да винца послал купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, красного перцу стручкового два стручка. Вот добрым порядком составили эту специю. Половину-то выпили, а то велел себя вытереть. Да приехамши-то домой, пунштику выпил. Ночью-то, сударыня ты моя, меня в пот и ударило. Так по́том и прошло.

Степанида Трофимовна. Что ж, батюшка, бывает. Вот у меня Антипушка все пунштом лечится.

Антип Антипыч. Это, брат, ото всякой болезни прибежище — запомни ты мое слово.

Ширялов ставит чашку.

Степанида Трофимовна. Выкушайте еще чашечку!

Ширялов. Нет, увольте. *(Кланяется).* Много доволен, Степанида Трофимовна, много доволен.

Степанида Трофимовна. Э, батюшка, без церемонии... *(Наливает.)* Как делишки?

Ширялов *(берет чашку).* Слава богу, Степанида Трофимовна, помаленьку. Одно у меня горе: Сенька совсем от рук отбился. Что ты будешь делать? Ума не приложу. То есть истинное наказание божеское.

Антип Антипыч. Что, закутил?

Ширялов. Нет, хуже, Антип Антипыч, хуже. Как бы запивал, так бы еще не велика беда, сударь ты мой: много ли он пропьет? А то мотает не в свою голову. Вот, матушка Степанида Трофимовна, детки-то нынче!

Степанида Трофимовна. А сам ты, Парамон Ферапонтыч, виноват; избаловали вы мальчишку так ни за копейку. Вы бы ему с малолетствия воли-то не давали, а уж теперь поздно. Пусть бы с молодцами в город бегал, приглядывался да руку бы набивал, так бы лучше было.

Ширялов. Ах, матушка Степанида Трофимовна! Ведь он у меня один. И то подумаешь: надо малого в люди вывести. Нынче, матушка, не то время, как мы бывало: играешь до осьмнадцати лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неученого-то дураком зовут. Ишь ты, все умны стали. Да и то, Степанида Трофимовна, ведь у нас состояньице порядочное, бог благословил. Что хорошего станут говорить, что от этакого, мол, капиталу одного сына воспитать не мог? Да и хуже-то других быть не хочется. Послышишь: тот сына в пиньсион отдал, другой отдал, тот в Коммерческую акедемию. Вот и свезли Сеньку в пиньсион. За год вперед деньги отдал. А он месяца через три, сударыня ты моя, убёг аттедава. Стали дома учить, учителя нанял дешевенького. Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе не путный, сударыня ты моя! Сенька-то выпросит у матери деньжонок,

да с учителем-то либо в трактир, либо к цыганкам в Марьину рощу и закатятся... Прогнал учителя, прогнал, да вот теперь и маюсь с Сенькой-то. То есть господи! господи! что это нынче за люди стали, так, какие-то развращенные!

Антип Антипыч. Выучил на свою голову. *(Смеется.)*

Ширялов. Да что! поминутно плачу за него, поминутно: тому сотню, тому две; портному тысячу рублей недавно заплатил. Легко ли дело! Да я в десять лет на тысячу-то рублей не изношу! А у него фрак — не фрак, жилет — не жилет. То есть истинно по грехам бог наказывает! *(Почти шепотом.)* Однех перчаток прошлую зиму на триста рублей забрал — ей-богу, на триста!

Степанида Трофимовна. А! батюшки!

Антип Антипыч. Вот голова-то!

Ширялов. Да ведь вот что: везде ему верят,— знают, что заплачу. В трактире в каком-то тысячи четыре должен. Тут никакого капитала не хватит... *(Пьет чай молча.)* Что, Антип Антипыч, сказывал я тебе или нет?

Антип Антипыч. Про что?

Ширялов. Про армянина.

Антип Антипыч. Нет; а что?

Ширялов. Комедия, сударь ты мой! *(Смеется, подвигается и говорит шепотом.)* Вот наехал, сударь ты мой, в прошлом году этот армянин. Продал шелк; завертелся туды-сюды, вот не плоше Сеньки моего. Стали в городе поговаривать, что, мол, того. А у меня, сударь ты мой, векселей его тысяч на пятнадцать. Вижу, дело плохо. Уж в городе, брат, не сбудешь: нет, сметили. Вот приезжает наш фабрикант. У него фабрика-то на городу где-то [1]. Я поскорее к нему, пока не прослышал. Что ж, сударь ты мой! все и спустил без обороту.

Антип Антипыч. Ну, что ж? как же?

Ширялов. Да двадцать пять копеек! *(Смеется.)*

Антип Антипыч. Что ты! Вот важно! *(Смеется.)*

Ширялов. А вот Сенька не таков... нет, сударь ты мой, не таков, не таков... Уж истинно бог в наказание послал. Компанию водит бог знает с кем, так, с людь-

[1] На городу — значит где-нибудь в уездном городе.— *(Прим. авт.)*

ми, нестоящими внимания *(ставит чашку на стол)*, внимания нестоящими...

Степанида Трофимовна. Выкушайте еще.

Ширялов. Нет, матушка, не могу; увольте, Степанида Трофимовна!

Степанида Трофимовна. Без церемонии.

Ширялов. Нет, матушка, не могу, право, не могу. *(Кланяется.)*

Степанида Трофимовна. Ну, как хотите. А можно бы еще.

Ширялов. Право, не могу. *(Встает и кланяется.)*

Степанида Трофимовна. Дарья! убирай чай.

Входит Дарья и убирает чай.

Прощайте, батюшка, Парамон Ферапонтыч!

Ширялов. Прощайте, матушка.

Целуются.

Степанида Трофимовна. Заходите почаще, не забывайте.

Ширялов. Ваши гости, матушка Степанида Трофимовна, ваши гости.

Антип Антипыч. Да вы, маменька, велели бы нам водочки, што ли, да закусочки, ну да там мадерцы, што ли. Что ж, брат, выпьем. Что за важность!

Ширялов. Ох, не лишнее ли это будет, Антип Антипыч? не лишнее ли?

Антип Антипыч. Что за лишнее! Ничего. Что за важность!

Степанида Трофимовна уходит.

Ширялов. Так вот, сударь ты мой, дома не живет, в городе не бывает. Что ему город! Он, сударь, и знать не хочет, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости мне и покой знать; а расположиться, сударь ты мой, не на кого. Вот недавно сам в лавку сел, а уж лет пятнадцать не сидел. Дай-ка, думаю, покажу разиням-то своим, как торговать-то следует. Что ж, сударь ты мой... *(Подвигается)*.

Приносят вина.

Антип Антипыч. Ну-ко, выпьем, брат!

Пьют.

Ширялов. Завалялась у нас штука материи. Еще в третьем году цена-то ей была два рубля сорок за ар-

шин. А в нынешнем-то поставили восемь гривен. Вот, сударь ты мой, сижу я в лавке. Идут две барыни. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы, дома ходить? Как, мол, не быть, сударыня. Достань-ка, говорю, Митя, модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена? Говорю, два с полтиной себе, а барыша, что пожалуете. А вы, говорит, возьмите рубль восемь гривен. Слышишь, Антип Антипыч, рубль восемь гривен? Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться: два рубля дают. Слышишь, Антип Антипыч, два рубля! *(Смеется.)* Да вам, говорю, много ли нужно? Да, говорит, аршин двадцать пять. Нет, говорю, сударыня, несходно. Извольте всю штуку брать, так уж так и быть, по два рублика, говорю, возьму. А я, сударь ты мой Антип Антипыч, боюсь шевелить-то ее *(смеется)*, шевелить-то боюсь. Кто ее знает, что там в середке-то! может быть, сгнила давно. Что ж, мои барыни потолковали, да и взяли всю штуку. Молодцы-то мои так и ахнули. *(Смеется.)*

Антип Антипыч. Молодец, Парамон Ферапонтыч! Вот молодец! Ну-ко, брат, выпьем.

Пьют.

Ширялов. А вот Сенька-то не таков, не таков, сударь ты мой *(вздыхает)*, вовсе не таков. Это повадился в театр, то есть каждый день, сударь ты мой! Всех-то он там знает, со всеми знаком, всякая сволочь к нему таскается. Да что! Прихожу я как-то к Остолопову. Отдай, говорит, деньги. Какие, мол, деньги? А за шаль, говорит. За какую шаль? Да, говорит, намедни твой сын взял. Я думаю себе, на что ему шаль, ума не приложу. Уж известно, от него не добьешься; стал сторонкой расспрашивать. Что ж, сударь ты мой! какая-то там ахтриса у него.

Антип Антипыч. Что ты!

Ширялов. Вот поди с ним! Уж это, примерно, последний конец, Антип Антипыч! Не зови своим.

Антип Антипыч. Это, Парамон Ферапонтыч, значит, пора женить; вот что, брат! малого-то женить пора.

Ширялов. Нет, Антип Антипыч, погоди. Ты вот что скажи: ведь уж это, брат, последний конец. Ведь это, словно как решето. Вот теперь шаль, а там скажет — салоп соболий, а там квартиру, мебель всякую, а там лошадей пару, то, другое. Яма бездонная!

Антип Антипыч. Уж известное дело.

Ширялов. А уж человек-то, Антип Антипыч, кругом них как слепой сделается. Этот народ, Антип Антипыч, *соблаз* просто.

Антип Антипыч. Что говорить! сам не свой человек сделается. Одно, брат, средство: женить поскорей.

Ширялов. Легко сказать, Антип Антипыч, женить; да как ты его женишь-то?

Антип Антипыч. Как женить! Уж известно, не связать же. А вот невесту подыскать с капитальцем, знаешь ли, так небось не откажется. Отчего не жениться? Всякому лестно. Что за важность!

Ширялов. Да какая за него пойдет! какая сумасшедшая пойдет за него, за такого беспутного!

Антип Антипыч. А что ты думаешь, побрезгают? Нет, ничего, право слово, ничего. Да у нас, брат, холостые-то сплошь да рядом такие. Помнишь, каков я-то был холостой: и пьяница-то, и гуляка-то, и на всякие художества; батюшка-покойник так и рукой махнул. Да ведь мы театров-то, друг, не знали: у нас закатился в Марьину либо к цыганам в Грузины, да и пьянствуешь недели две беспросыпу. Меня в Преображенском за девку фабричные было до смерти убили. Вся Москва знала. Да вот отдали же за меня Матрену-то Савишну. Нет, это, брат, ничего, нужды нет.

Ширялов. Да, отец родной, что ты говоришь: женить, да невесту с капиталом. Да, голубчик ты мой, он теперь и без денег-то вертится как угорелый; а попадись ему деньги-то, так он такой кранболь сделает — только пшик, да и все тут, как порох.

Антип Антипыч. В оборот пустит! *(Смеется.)*

Ширялов. Нет, а уж я думаю, сударь ты мой, его в газете опубликовать. Вот, дескать, сыну моему от меня никакого доверия нет, долгов за него не плачу и впредь не намерен. Да и подпишу: мануфактур-советник и временно московский первой гильдии купец Парамон Ферапонтов сын Ширялов.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Можно.

Ширялов. Да уж чтоб ему, беспутному, и после меня не доставалось, сам я, Антип Антипыч, жениться задумал.

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! дело хорошее! Отчего ж не жениться.

Ширялов. Ведь, может быть, за наши молитвы, Антип Антипыч, бог и потомка даст — утешение на старости. Вот тому все и оставлю. А уж этот мне словно как и не родной, сударь ты мой, и сердце к нему не лежит. Что ж, думаю, оставь ему, пожалуй, да что проку? развезет денежки-то твои кровные по портным да по ахтрисам. Сам посуди!

Антип Антипыч. Что ж, женись, Парамон Ферапонтыч! что за важность! ничего. А на примете есть?

Ширялов. То-то и горе, что нет, Антип Антипыч!

Антип Антипыч. Хочешь, посватаю? Ну-ко выпьем сперва.

Пьют.

Ширялов. Да ты вправду?

Антип Антипыч. Вправду. Что ж, отчего не посватать?

Ширялов. Обманешь! *(Смотрит Пузатову в глаза.)*

Антип Антипыч. Вот! из чего мне обманывать? У меня, брат, не далеко ходить: сестра невеста.

Ширялов. Ой ли! Что ты говоришь?

Антип Антипыч. А ты не знал? Скажи пожалуйста, какой ты простой!

Ширялов. Ах, голубчик, как не знать! *(Потупляет глаза.)* Да ведь она, чай, не пойдет за меня.

Антип Антипыч. Вот! отчего не пойти? Ничего, пойдет.

Ширялов *(потупляет глаза еще больше)*. Скажет, стар.

Антип Антипыч. Стар? что за важность! ничего! Нет, ничего, пойдет. Да и матушка тебя любит. Что ж, известное дело, человек хороший, степенный: отчего не пойти?.. во хмелю смирный. Ведь ты смирный во хмелю? не дерешься?

Ширялов. Вовсе смирный, Антип Антипыч, как дитя малое. Как пьян, так сейчас в сон, знаешь ли, ударит, а не то чтобы буйство какое.

Антип Антипыч. Ведь с женой-покойницей не дрался?

Ширялов. Видит бог, никогда.

Антип Антипыч. Что ж, отчего за хорошего человека не пойти? Ничего, пойдет. Присылай сваху... Ну-ко, выпьем на радости.

Пьют.

Ширялов. Да ты просто благодетель мой, Антип Антипыч! А знаешь ли что? вот мы, брат, здесь пить-то начали, так пойдем ко мне допивать. У меня, брат, просторнее, баб-то нет, да фабричных песенку спеть заставим.

Антип Антипыч. Ходит! Ну, ступай, распоряжайся; а я только шапку возьму.

Ширялов уходит.

(Один. Мигает глазом.) Экий вор мужик-то! Тонкая бестия. Ведь каким Лазарем прикинется! Вишь ты, Сенька виноват. А уж что, брат, толковать: просто на старости блажь пришла. Что ж, мы с нашим удовольствием! Ничего, можно-с! Только, Парамон Ферапонтыч, насчет приданого-то, кто кого обманет — дело темное-с! Мы тоже с матушкой-то на свою руку охулки не положим... *(Уходит.)*

Матрена Савишна *(входит разряженная; за ней Дарья)*. Что, ушел Антип Антипыч?

Дарья. Ушел-с.

Матрена Савишна. Ну, загулял теперь! Экое наказание! теперь пропадет дня на три.

Марья Антиповна *(входит разодетая)*. Ну, сестрица, поедемте. Знаете ли, куда я отпросилась?

Матрена Савишна. Куда?

Марья Антиповна. В Симонов к вечерне!

Хохочут и уходят.

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!

Комедия в четырех действиях

ЛИЦА:

Самсон Силыч Большов, *купец.*
Аграфена Кондратьевна, *его жена.*
Олимпиада Самсоновна (*Липочка*), *их дочь.*
Лазарь Елизарыч Подхалюзин, *приказчик.*
Устинья Наумовна, *сваха.*
Сысой Псоич Рисположенский, *стряпчий.*
Фоминишна, *ключница* } *в доме Большова.*
Тишка, *мальчик.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Большова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Липочка (*сидит у окна с книгой*). Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально,— вся в цветах

разодета, как игрушка али картинка журнальная,— вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастия, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! *(с жаром)* оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! *(Вздыхает.)* Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицепи-ко он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее; одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так, какой-то неодушевленный! *(Молчание.)* Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков всё решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. *(Задумывается.)* Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну, как я перед ним сконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ка теперь на досуге. *(Дурно вальсируя.)* Раз... два... три... раз... два... три...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна *(входя)*. Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет

ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску, тотчас!

Л и п о ч к а. Как, маменька, я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Раз, два, три... раз... два...

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а *(преследуя ее)*. Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!

Л и п о ч к а. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз... два...

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! *(Бегает за ней.)* Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Л и п о ч к а. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить как надобно! Раз, два, три...

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Л и п о ч к а. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и бог создал, чтобы жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два...

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Как, ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Л и п о ч к а. Ну да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! *(Садится.)* Фу... фу... как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Постой, уж я сама оботру! Ишь уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась. Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Л и п о ч к а. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то че-

стит! Ах ты болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что же? Родили вы — я была тогда что? Ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись, эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю.— А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал. Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают.— Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Липочка. Видимый резон, что не хотите моего счастия. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь, так и думай. Господь тебе судья. А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то и денно и нощно заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь! Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми; в целой Москве не могли выбрать жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности? Владыко милосердный! не могу с духом собраться... Ах ты собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть? У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах, матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю! *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна *(стоит и смотрит на нее)*. Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*... бабу глупую... неученую... *(Плачут обе вместе.)* Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Липочка *(плача)*. На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка *(сквозь слезы)*. Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня! *(Целуются.)* Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру! *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка *(голосом, еще не успокоившимся)*. Ах! кабы она поскорей пришла!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя все мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где ж она до сих пор? Веди ее скорей, Фоминишна.

Фоминишна. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя)*. Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. *(Целуясь.)* Здравствуй, Аграфена Кондратьевна! Как встала, ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава создателю! Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах всё. *(Целуясь с Липочкой.)* Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная? Пошли, творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подмывает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

Устинья Наумовна *(Фоминишне)*. Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть, и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна *(садясь)*. Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ка вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте — пила и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю, не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да, как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хоть Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду.— За тем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что

не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез недостанет, перцу наемся.

Фоминишна. Никак, ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтоб не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному. *(Смотрит в зеркало.)* Ах, господи! а сама-то я нынче вся как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна (*наливает*). Кушай-ка на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. (*Пьет.*)

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. (*Пьет.*)

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только!

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков [1].

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой!

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать! Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

---

[1] Арабчик — червонец. (*Прим. авт.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Рисположенский.

Рисположенский *(входя)*. А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! Садиться милости просим: как живете-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу; роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшко, последнее дело.

Рисположенский. Кто ропщет, значит, тот богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история...

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович; что ж, это ничего! и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, кушай.

Рисположенский *(садится)*. Жил старец, маститый старец... Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая,

дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать—нет, сударыня моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — бог подаст, другой сидит — бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я... лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко мой!

Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи...

Входит Большов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Рисположенский *(кланяется)*. Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов *(садясь)*. Простудился, должно быть, либо геморрой, что ли, расходился...

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что же ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха-ха, ха! Пора очувствоваться!

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха, ха, ха!.. А ты спроси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что же тебя оттедова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну понимаете... с позволенья сказать, хошь бы в погребок... там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомнил, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот, к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Большов и Рисположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, с этим крючкотворством на своем веку много чернил извел?

Рисположенский. Хе, хе... Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Рисположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал: потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать: вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш, брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и наруку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь, таскамшись-то.

Рисположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь,— все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом-то, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним! Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своею образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе

вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Б о л ь ш о в. Знаю, что в наших руках; да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! хе, хе, хе... Да такие ли я дела делал... да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Б о л ь ш о в. Ой ли! Так какую ж ты механику подсмолишь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А там глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью... *(Пьет.)* Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Б о л ь ш о в. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Б о л ь ш о в. И то дело, чтобы оглядок не было.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после, поди, против подлинных-то бумаг.

Б о л ь ш о в. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Б о л ь ш о в. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Р и с п о л о ж е н с к и й. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы — нет: каков человек у вас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Рисположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Рисположенский. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в аккурате, такой тебе, Сысой Псоич, могарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный; ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь.— Ну, заложим мы дом, а потом что?

Рисположенский. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и всё заплатить... Вы ему заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так; ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Подхалюзин, входит.

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! *(Кланяется).*

Большов. А идет, так и пусть идет. *(Помолчав)*. А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня исделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленичко усовещевал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь, чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли? А?

Рисположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай, только, только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло; ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгнуть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Рисположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Рисположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, «Ведомости» принес?

Подхалюзин *(вынимая из кармана и подавая)*. Извольте получить-с.

Большов. Дава-кось, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Большов *(читает вслух)*. «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-ткось, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелает ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает...» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. *(Просматривает далее.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов, никак, тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

П о д х а л ю з и н. Вексель есть-с!

Б о л ь ш о в. Протестован?

П о д х а л ю з и н. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Б о л ь ш о в. Ну! И четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

П о д х а л ю з и н. Уж такой расподлеющий народ-с.

Б о л ь ш о в *(ворочая листы)*. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

П о д х а л ю з и н. *(берет газету)*. Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Б о л ь ш о в. Да ты бы посидел немножко.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Б о л ь ш о в. Ну, как знаешь!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Б о л ь ш о в и П о д х а л ю з и н.

Б о л ь ш о в. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь, что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет, видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть заваляцих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

П о д х а л ю з и н. Уж это как и водится.

Б о л ь ш о в. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и все тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. *(Помолчав.)* С го-

родовыми лучше не связывайся: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было,— каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не знает. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да могарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! *(Помолчав.)* Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов *(помолчав)*. Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня? *(Молчание.)* Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? *(Молчание.)* Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сумневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе, плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вот я

и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельце обделать. Там после суди владыко на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевести куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Большов. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь! Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу)*. Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

Подхалюзин. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видемши все ваши благодеяния; можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тишка *(со щеткой на авансцене)*. Эх, житье, житье! Вот, чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести. У нас все не как у людей! У других-то хозяев, коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках — стало быть, при лавке присутствует. А у нас то туда,

то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой прохлаждается; а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо-бшто, по малолетствию тебе спускается, а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот... всякая шваль над тобой командует. Вот она жисть-то какая анафемская! А уж это, чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика али в пристенок сразиться—и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Всё ли вы слава богу?.. А ну, Тишка, выкинь коленце. *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как... *(Хохочет.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тишка и Подхалюзин (крадется и хватает его за ворот).

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что! известно что! пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел? Покажу я тебе пыль! Ишь ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать.

Тишка. Будешь знать! Да было бы еще за что?

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не что́ возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой хозяин... Я, коли на то пошло... хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Тишка. Знаем, что прошел.

Подхалюзин. Цыц, дьяволенок! *(Замахивается.)*

Тишка. На-кось, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Поди-тко-сь! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича попотчевать. *(Дает деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженая девка косы не заплетет. Так начну порхать — живым манером.

Тишка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Подхалюзин *(один)*. Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать? Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать *(вынимает и считает)*: тут, должно быть, попользоваться будет можно. *(Ходит по комнате.)* Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть. Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я с ним сде-

лал, да не приходится. Хм. Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! *(Ходит молча.)* А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет.— Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне, Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характер Самсона Силыча, каков он есть,— это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали,— нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем: взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Подхалюзин и Тишка.

Тишка *(входит со штофом)*. Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там наверху. Да и стракулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол, да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Подхалюзин и Рисположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Рисположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так все левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьет.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Рисположенский *(садится к столу)*. От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю, оттого, что больно народ грабите. За неправду бог наказывает.

Рисположенский. Эх, хе, хе... Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, по мелочам?

Рисположенский. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну, еще нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)* А я думаю: забегу, мол, я к Лазарю Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал!

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела.

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. *(Подходит и садится к столу.)* А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. *(Кладет бумажник на стол.)*

Рисположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенский. А коли лишние, так отчего ж бедному человеку не помочь. Вам бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч: тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть прицenитесь подите.

Подхалюзин. Ну так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с? Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в аккурате: попал на эту точку — и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч! Маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с! Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один-таки и нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с этим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе; а насчет моих-то делов.

Рисположенский. Хе, хе, хе... То есть дом-то с лавками... эдак... дом-то... хе, хе, хе...

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с. Тишка!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это! Ну пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убрать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскореича, того гляди, сам приедет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь

Елизарыч, сейчас! *(Пьет и закусывает.)* Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну! Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то!

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная,— да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то, что кобелей борзых. Да ишь ты, разборчивы они очень с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми — все человек.

Устинья Наумовна *(садясь)*. Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской; с раннего утра словно отымалка какая мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь: тому невеста понадобилась, той жениха хотя роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит? — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что уж так, видно, устроено,— от начала мира эдакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится,— известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна,— ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом

ходим, того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то господи. Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали! Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на́-поди. Страсти, да и только! Посуду колотит... «У! — говорит, — такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование!

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то — Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, я тебе окорочек завяжу. *(Идет на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. *(Садится.)*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, — нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь, — приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну а коли есть, так и слава тебе господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой — прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего ж не женить? И не увидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ка, какого жениха нашла.— Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте,— задаст он вам копоти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый!

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить! Ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи, авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего же нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый? Ничего, говори,— нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с?

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсоновну-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что и я-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бралиянтовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу? Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может; а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч; ведь он, не ровён час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразнила; на дню два раза присылает: что жених да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастия-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали; только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то,

Самсон Силыч, голицами торговал на Балчуге, добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не панёвница — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в прынцессы норовит. А все это денежки. Вот я, чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пущу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли, за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет, и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то! А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, А Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсоном Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете: можно обмануть приданым нашего брата — с рук сойдет, а значительного человека обмани-ка поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! А надемши шубу-то соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь: другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пооборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Тишка.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тишка *(Садится к столу и вынимает из кармана деньги)*. Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! *(Считает про себя.)*

Голос Фоминишны за сценой; «Тишка, а Тишка! Долго ль мне кричать-то?»

Тишка. Что там еще?

«Дома, что ли-ча, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то?»

А я почем знаю; нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался — я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Да что там у вас?

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да, никак, хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем! голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна (*показывается на лестнице*). Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отоприте! кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов (*за дверями*). Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! *(Садится.)*

Фоминишна идет к двери; Подхалюзин и Тишка входят.

Фоминишна *(возвращаясь)*. Ах, я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти.— Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Подхалюзин, Большов и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

Подхалюзин *(к Тишке)*. Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить! Да с чего же ты это взял? Да я лучше всё огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя; пусть тащут, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое дело. Ты старайся только, от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства — мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы Самсон Силыч, отжили свой век, слава богу, пожили; а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-крови, прилагаю — так это все больше потому самому; что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с! Ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с; останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани господи! Как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани господи! это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека; так уж тогда будет она по крайности как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была ду-

ша у человека, так он будет чувствовать. А то вон что, сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то,— и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал; вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной, а для вашего благополучия ни дня ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную, да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает,— ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня: только ведь и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч! Поймите вы из этого: не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с, сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с; потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с...

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с...

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно

говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите.

Большов. Что за шутки! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна, да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца родного... Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужли же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с.

Большов. Так ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет... Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знамши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знамши себя, что я такое значу,— где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове, а тебе ума-то не занимать стать, этим добром бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня и глядеть-то не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей.

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу, так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотка заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Большов *(входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает)*. Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь: а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, господи, господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аграфена Кондратьевна и Липочка (разряженная).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ка, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты, моя ангелика, царевна, херувимчик ты мой! *(К нему).* Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой, не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а всё, как есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь!

Большов. А как мне еще приголубливать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь. А ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек.

Большов. Что же что дочь? Слава богу, обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следствует; и чужих призираю, не токмо что своих,— а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего же ей еще? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания боже-

ская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уже не спросим,— ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки, как хочешь примеривай, а мужчина — не женщина — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань!

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, еще родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствоваетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитятко! Да как взгляну-то на тебя, так ведь это жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: ростили, ростили, да и выростили—да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством своим, кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, неровен дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Липочка. Вот вы вдруг расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна *(плача)*. Да уж это так говорится,— к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так и сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя)*. Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы, носы повесили? *(Целуются.)*

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? Что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха, ха, ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь,— ни тпру ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке, а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте,

говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли,— надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного не сказал.— Вот, говорит, подумамши да посоветамшись, а сам только что опояску поддергивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сентиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидим!

Аграфена Кондратьевна. Что увидать-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстраивай ты меня. *(Садится.)*

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась,— платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы, нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

Устинья Наумовна. Фу ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила,— а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Липочка. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хулю твое

платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится; по красоте-то твоей совсем не такое надобно,— исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом.— Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка *(входит)*. Сысой Псович приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча.

Большов. Пошел, зови его сюда и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело — адмиральский час — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут — еще успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то — жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених,— полно дурачиться-то!

Большов. Поди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так, язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а бог знает, кто приедет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. *(Подходит к зеркалу и смотрится, потом к отцу)*. Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну, закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выдти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Лазарь, Рисположенский и Фоминишна (у дверей).

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Рисположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился, и будто бы, золотые мои...

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие божие; да не об этом теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один создатель только ведает, что будет вперед: то и положили мы, еще при жизни своей, отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас оченно чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрения.— Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу, небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастия на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов *(берет Липочку насильно за руку и Лазаря)*. Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! что ты! опомнись!

Большов. Знай сверчок свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа. Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядком да потолкуйте ладком, а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же,— нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видно, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выдешь. *(Молчание.)*

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая!

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько свадеб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу. Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничают, может быть, и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтоб дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? *(Плачет.)*

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил,— окромя меня, не найтить-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как же это ты, батюшко?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня бог вложил такое намерение, по тому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не хочет, а я по гроб моей жизни *(плачет)* должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко! Да как же это быть?

Большов *(из двери)*. Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Липочка и Подхалюзин.
Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак, необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас,— не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с...

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти,— вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить — отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ка, какое у меня приданое-то — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их оченно хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрут-с.

Липочка. Как банкрут? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! *(Вынимает.)*

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что же это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились! *(Молчание.)*

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы изволите рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с — так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с,— окромя бархатных и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов — не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. *(Молчание.)* Если вы насчет моей физиономии сумневаетесь, так это как вам будет угодно-с: мы также и фрак наденем, и бороду обреем либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для́ того, что нам не для́ чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти — так уж, пожалуй, и так.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна! позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Липочка. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

Подхалюзин. Что вам угодно-с?

Липочка. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елиза-

рыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет, того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

Липочка. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они как хотят.

Подхалюзин. Уж это как и водится-с.

Липочка. Ну, а теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

Подхалюзин. Тятенька-с! тятенька-с! маменька-с!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзин *(идет навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия)*. Алимпияда Самсоновна согласны-с!

Аграфена Кондратьевна. Бегу, батюшки, бегу!

Большов. Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю; уж не вам меня учить.

Подхалюзин *(к Аграфене Кондратьевне)*. Маменька-с! позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшка, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так? а? Ей-богу! Что же это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Липочка. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

Аграфена Кондратьевна. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голу-

бушка моя! Эка ведь притча-то! а? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Фоминишна. Бегу, бегу, матушка, бегу. *(Входит.)*

Большов. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом — а мы на вас посмотрим. Да подай-ка ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Фоминишна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский.

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на подносе).

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам бог жить да молодеть, толстеть да богатеть. *(Пьет.)* Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ка я поздравлю. *(Берет бокал.)*

Липочка и Лазарь встают.

Живите как знаете — свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся!

Большов. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них... Ну, поцелуйтеся!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная.

Устинья Наумовна.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес?

Наливает вина и подходит к Рисположенскому; Рисположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Рисположенский. Не могу, Самсон Силыч, — претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же, ломается!

Рисположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Рисположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! не могу-с! Разве бы я стал отказываться? Хе, хе, хе! да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; ви-

дали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте; обидеть недолго, а не хорошо.

Большов. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Рисположенский бежит от нее.

Устинья Наумовна *(ставит вино на стол)*. Врешь, купоросная душа, не уйдешь! *(Прижимает его в угол и хватает за шиворот.)*

Рисположенский. Караул!!

Все хохочут.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В доме Подхалюзина богато меблированная гостиная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Олимпиада Самсоновна сидит у окна в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона. Подхалюзин в модном сюртуке стоит перед зеркалом. Тишка за ним обдергивает и охорашивает.

Тишка. Ишь ты, как оно пригнато, в самый раз!

Подхалюзин. А что, Тишка, похож я на француза? а? Да издали погляди!

Тишка. Две капли воды.

Подхалюзин. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! *(Ходит по комнате.)* Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идти-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

Олимпиада Самсоновна. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нешто не выучимся; еще как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

Подхалюзин. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с!

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантелью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с; и в парк поедем-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра,— так пущай их смотрят. Тишка! трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пущай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! *(Целует. Молчание.)* Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так, малость самую-с. Мне все равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли.

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин *(вскакивает со стула)*. Вот она у нас, жена-то, какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит Тишка с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще черт принес!

Тишка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна (*целуясь*). Что это ты, как будто похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же; какую я тебе сударушку подсдобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопочете. Много еще модного-то напроказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных и шелковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то навсего у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чахле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре семь, да двадцать — двадцать семь; креп-рашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила! А ты поди-ка выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми креп-рашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жида трепрашельчатое-то! Ну, уж, видно, нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласные тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из креп-рашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкап.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко!

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что ж это ты, бралиянтовый, никак, забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! *(Вынимает бумажник и дает ей ассигнацию.)*

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал!

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал!

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай,— ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал

с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне,— так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж, ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу,— вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что, ты оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе-хе-хе...

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!

Олимпиада Самсоновна выносит платье и отдает Устинье Наумовне.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна. Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами,— сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите, пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько! а то мы и за квартальным пошлем.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах, я дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием, с чином... Тьфу! Тьфу! Тьфу! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, господи! Туда же, чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна *(глядит в окно)*. Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой... Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь

меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то,— еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то по двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Кабы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они осемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас! *(Уходит.)*

Большов. Да что ты толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна с водкой; Тишка вносит закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! *(Пьет.)* Пей-ка сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! *(Пьет.)* Маменька! не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки, до того ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с? Маменька! попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшка, пуншик налью!

Большов *(пьет)*. Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капиталу-то немного наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у вас тятенька, до двадцати лет жила — света не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

Олимпиада Самсоновна. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! да ты вспомни то, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на́ руку нечист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем,— и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бе-

жать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат; Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно что грешную душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда, ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем... А что ему за это было?.. А там присутственные места, уголовная палата... Ведь я злостный — умышленный... ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради. *(Плачет.)*

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу много!

Большов. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобравши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на́-поди.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в треисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понедельничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я прокляну тебя на всех соборах!

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов *(встает)*. Ну, прощайте, дети.

Подхалюзин. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Большов. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят, то и делают. Прощайте, пора мне!

Подхалюзин. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Большов. Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшка Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пущают?

Большов. Не знаю!

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видамши-то тебя.

Большов. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные заключенные. Не забудьте нас, бедных заключенных. *(Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)*

Подхалюзин. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

Олимпиада Самсоновна. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

Подхалюзин. Тишка!

Входит Тишка.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Рисположенский и Аграфена Кондратьевна.

Рисположенский. Вы, матушка Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшка! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне! А вы посолили?

Рисположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А за чем это вы к нам пожаловали, не слыхать ли?

Рисположенский. Хе, хе, хе!.. Какой вы шутник, Лазарь Елизарыч! Известное дело, за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно знать-с?

Рисположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я все за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Дак как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-то?

Рисположенский. Как за что? Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Рисположенский. Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже, должны! Словно у него документ! А за что,— за мошенничество!

Рисположенский. Как за мошенничество? за труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Рисположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ!

Подхалюзин. Что-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Рисположенский. Так что ж, ты меня грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А вот возьми еще пять целковых, да и ступай с богом.

Рисположенский. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Тишка входит.

Подхалюзин. А что же ты со мной сделаешь?

Рисположенский. Язык-то у меня некупленный.

Подхалюзин. Что ж ты, лизать, что ли меня хочешь?

Рисположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Рисположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тка ты на себя.

Рисположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзин. Да что увидать-то?

Рисположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я... я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Ресположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей — вот сапоги худые!..

Подхалюзин. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно... Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Ресположенский. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит... Жена, четверо детей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Ресположенский. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-с, проехали!

Подхалюзин. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Ресположенский. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

Подхалюзин. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоящий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Ресположенский. Что, взял! а! что, взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Какой горячий-с! *(К публике.)* Вы ему не верьте, это он, что говорил-с,— это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка пришлете — в луковице не обочтем.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН — ДО ОБЕДА[1]

Картины из московской жизни

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзаминова, *вдова.*
Михайло Дмитрич Бальзаминов, *ее сын, чиновник, 25 лет.*
Клеопатра Ивановна Ничкина, *вдова, купчиха, 35 лет.*
Капочка *(Капитолина), ее дочь, 17 лет.*
Устинька, *подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лет.*
Акулина Гавриловна Красавина, *сваха.*
Нил Борисыч Неуеденов, *купец, брат Ничкиной, 40 лет.*
Юша *(Ефим), сын его, 13 лет.*
Матрена, *кухарка у Бальзаминовых.*
Маланья, *горничная у Ничкиной.*

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бедная комната; направо дверь, у двери старинные часы; прямо печь изразцовая, с одной стороны ее шкаф, с другой — дверь в кухню; налево комод, на нем туалетное зеркало; на первом плане окно, у окна стол.

[1] По народному поверью, сон, виденный под праздник, сбывается только до обеда. *(Прим. авт.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова *(одна, сидит с чулком в руках)*. Миша! Миша! Что ты там в кухне делаешь?

Бальзаминов из кухни: «Не мешайте, маменька! Матрена меня завивает!»

Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей уж очень занят. Эх, молодо, зелено! Все счастье себе хочет составить, прельстить кого-нибудь. А я так думаю, не прельстит он никого; разумом-то он у меня больно плох. Другой и собой-то, из лица-то неказист, так словами обойдет; а мой-то умных слов совсем не знает. Да, да! Уж и жаль его. Знай-ка он умные-то слова, по нашей бы стороне много мог выиграть: сторона глухая, народ темный. А то слов-то умных не знает. Да и набраться-то негде. Уж хоть бы из стихов, что ли, выписывал. *(Подумав.)* И диковина это, что случилось! В кого это он родился так белокур? Опять беда: нынче белокурые-то не в моде. Ну и нос... не то чтобы он курносый вовсе, а так мало как-то, чего-то не хватает. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невесте. Уж так, бедный, право, старается — из кожи лезет. Кто ж себе враг! Сторона-то у нас такая, богатых невест очень много, а глупы ведь. Может, Мише и посчастливится по их глупости. Умишком-то его очень бог обидел.

Бальзаминов кричит из кухни: «Маменька, я хочу а ля полька завиться!»

Глупенький, глупенький! Зачем ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, все врозь смотрят. Так-то лучше к тебе идет, натуральнее! Ах ты, Миша, Миша! Мне-то ты мил, я-то тебя ни на кого не променяю; как-то другим-то понравишься, особенно богатым-то? Что-то уж и не верится! На мои-то бы глаза лучше и нет тебя, а другие-то нынче разборчивы. Поговорят с тобой, ну и увидят, что ты умом-то недостаточен. А кто ж этому виноват? *(Вздыхает.)* Глупенький ты мой! А ведь, может быть, и счастлив будет. Говорят, таким-то бог счастье дает. *(Вяжет чулок.)*

Бальзаминов в халате вбегает из кухни.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминов, Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминов *(держась за голову)*. Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена *(в двери, со щипцами)*. Я ведь не полихмахтер, с меня что взять-то!

Бальзаминов. Да ведь я тебя просил волосы завивать-то, а не уши.

Матрена. А зачем велики отрастил! Ин шел бы к полихмахтеру; а с меня что взять-то! *(Уходит.)*

Бальзаминов. Батюшки, что ж мне делать-то! *(Подходит к зеркалу.)* Ай, ай, ай! Почернело все!.. Уж больно-то, нужды б нет, как бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминова. За дело!

Бальзаминов. Какое, задела! Так горячими-то щипцами все ухо и ухватила... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки... Ой, батюшки!

Бальзаминова. Я говорю, Миша, за дело тебе. Зачем завиваться! Что хорошего! Точно как цирульник; да и грех. Уж как ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминов. Как вы, маменька, мне счастья не желаете, я не понимаю. Как мы живем? Просто бедствуем.

Бальзаминова. Так что ж! Зачем же волосы-то портить?..

Бальзаминов. Да ведь нынче праздник.

Бальзаминова. Так что ж, что праздник?

Бальзаминов. Как, что? Здесь сторона купеческая; может такой случай выйти... Вдруг...

Бальзаминова. Все у тебя глупости на уме.

Бальзаминов. Какие же глупости?

Бальзаминова. Разумеется, глупости. Разве хорошо? Растреплешь себе волосы, да и пойдешь мимо богатых купцов под окнами ходить. Как-нибудь и беды наживешь. Другой ревнивый муж или отец вышлет дворника с метлой.

Бальзаминов. Ну, что ж такое? Ну, вышлет; можно и убежать.

Бальзаминова. Незачем шататься-то.

Бальзаминов. Как незачем? Разве лучше в бедности-то жить! Ну, я год прохожу, ну два, ну три, ну пять — ведь также у меня время-то идет,— зато вдруг...

Бальзаминова. Лучше бы ты служил хорошенько.

Бальзаминов. Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон.

Бальзаминова. Уж и мильон?

Бальзаминов. А что ж такое! Нешто не бывает. Вы сами ж сказывали, что я в сорочке родился.

Молчание.

Ах, маменька, не поверите, как мне хочется быть богатым, так и сплю, и вижу. Кажется... эх... разорвался бы! Уж так хочется, так хочется!

Бальзаминова. Дурное ли дело!

Бальзаминов. Ведь другой и богат, да что проку-то: деньгами не умеет распорядиться, даже досадно смотреть.

Бальзаминова. А ты умеешь?

Бальзаминов. Да, конечно, умею. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что мне к лицу. *(Подбегает к окну.)* Маменька, маменька, поглядите!

Бальзаминова. Нужно очень!

Бальзаминов. Какая едет-то! Вся бархатная! *(Садится у окна, повеся голову.)* Вот кабы такая влюбилась в меня да вышла за меня замуж, что бы я сделал!

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. А вот: во-первых, сшил бы себе голубой плащ на черной бархатной подкладке. Надо только вообразить, маменька, как мне голубой цвет к лицу! Купил бы себе серую лошадь и беговые дрожки и ездил бы по Зацепе, маменька, и сам правил...

Бальзаминова. Все-то вздор у тебя.

Бальзаминов. Да, я вам и забыл сказать, какой я сон видел! Вот разгадайте-ка.

Бальзаминова. Ну, говори, какой?

Бальзаминов *(берет стул и садится подле матери)*. Вот, вдруг я вижу, будто я еду в хорошей коляске и одет, будто, я очень хорошо, со вкусом: жилетка, будто на мне, маменька, черная, с мелкими золотыми полосками; лошади, будто, серые, а еду я подле реки...

Бальзаминова. Лошади — ложь; река — речи, разговор.

Бальзаминов. Слушайте, маменька, что дальше было. Вот, вижу я, будто кучер меня уронил, во всем-то в новом платье, и прямо в грязь.

Бальзаминова. Грязь — это богатство.

Бальзаминов. Да какая грязь-то, маменька! Бррр... И, будто, я в этом... весь перепачкался. Так я и обмер! Во всем-то в новом, вообразите!

Бальзаминова. Это... золото. Это тебе к большому богатству.

Бальзаминов. Кабы сбылось! Хоть бы вот насмех один сон сбылся! Уж сколько я таких снов видел: и денег-то у меня много, и одет-то я очень хорошо — проснешься, хвать, ан нет ничего. Один раз генералом себя видел. Как обрадовался! Нет! Перестану верить снам.

Бальзаминова. Как можно не верить.

Бальзаминов. Нет, нет! Один обман...

Бальзаминова. А вот подождем. Праздничный сон — до обеда сбывается: коли до обеда не сбудется, так ничего не будет,— надобно его совсем из головы выкинуть.

Бальзаминов. Я, маменька, оденусь да пойду погуляю. *(Уходит.)*

Бальзаминова. А сон-то в самом деле хорош. Чего не бывает на свете! Может быть, и ему счастье выйдет.

Матрена *(в дверях)*. Какая-то старуха, русачка, вас спрашивает.

Бальзаминова. Ну, позови!

Матрена уходит.

Что ей от меня нужно? Право, не придумаю. Уж не сваха ли?

Красавина входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Красавина и Бальзаминова.

Бальзаминова. Садитесь, матушка!

Красавина садится.

Что вам угодно?

Красавина. Аль не узнали?

Бальзаминова. Не признáю, матушка.

Красавина. Уж, кажется, нашу сестру из тысячи выберешь. Видна сова по полету. Где сын-то?

Бальзаминова. Одевается.

Красавина. Ну, уж кавалер, нечего сказать! С налету бьет! Крикнул это, гаркнул: сивка, бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! В одно ухо влез, в другое вылез, стал молодец молодцом. Сидит королевишна в своем новом тереме на двенадцати венцах. Подскочил на все двенадцать венцов, поцеловал королевишну во сахарны уста, а та ему именной печатью в лоб и запечатала для памяти.

Бальзаминова. Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша!

Бальзаминов входит во фраке.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота моя неописанная! Младой вьюнош, чем дарить будешь?

Бальзаминов. Кого?

Красавина. Меня.

Бальзаминов. За что?

Красавина. Много будешь знать, скоро состареешься. Ты подарок-то готовь.

Бальзаминов *(сконфузившись)*. Чем тебя дарить-то? *(Шарит в карманах.)* Право... эх... ничего-то у меня нет.

Красавина. На нет — суда нет. Теперь нет, после будет. Смотри же, уговор лучше денег. Мне многого не надо, ты сам человек бедный, только вдруг счастье-то тебе такое вышло. Ты мне подари кусок материи на платье да платок пукетовый, французский.

Бальзаминов. Да уж хорошо, уж что толковать!

Красавина. Что разгорячился больно! Надо толком поговорить. Ты свое возьмешь, и мне надо свое взять. Так смотри же, французский. А то ты подаришь, пожалуй, платок-то по нетовой земле пустыми цветами.

Бальзаминов. Да уж все, уж все, только говори.

Красавина. Аль сказать?

Бальзаминов. Говори, говори! Маменька, вот сон-то!

Бальзаминова. Да, Миша.

Красавина. Разве видел что?

Бальзаминов. Видел, видел.

Красавина. Ну, вот тебе и вышло.

Бальзаминов. Да что вышло-то?

Красавина. Ишь ты какой проворный! Так тебе вдруг и сказать! Вы хоть бы меня попотчевали чем-нибудь. Уж, одно слово, обрадую.

Бальзаминов. Маменька, что ж вы сидите в самом деле! Всего-то один сын у вас, и то не хлопочете об его счастье!

Бальзаминова. Что ты, с ума, что ли, сошел!

Бальзаминов. Да как же, маменька! Сами теперь видите, какая линия мне выходит. Вдруг человеком могу сделаться... Поневоле с ума сойдешь.

Бальзаминова. Чаю не хотите ли?

Красавина. Пила, матушка, раза четыре уж нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то от него немного.

Бальзаминова. Так не прикажете ли водочки?

Красавина. Праздничный день — можно. Я от добра не отказываюсь; во мне нет этого.

Бальзаминова *(достает из шкафа водку)*. Матрена! Сбегай в лавочку, возьми колбасы.

Матрена из кухни: «Что бегать-то, коли дома есть!»

Так подавай поскорее.

Матрена из кухни: «Подам! над нами не каплет».

Бальзаминов. Ведь вот удавить Матрену — ведь мало.

Бальзаминова идет в кухню и приносит на двух тарелках хлеб и колбасу и ставит на стол.

Бальзаминова. Кушайте.

Красавина. Я ни от чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничем не брезгаю. В одном доме хотели надо мной насмешку сделать, поднесли вместо водки рюмку ладиколону.

Бальзаминова. Скажите! Какая насмешка!

Красавина. Ничего. Я выпила да еще поблагодарила. От него ведь вреда нет, от ладиколону-то. С праздником! *(Пьет и закусывает.)*

Бальзаминова. Кушайте на здоровье! Как вас звать?

Красавина. Акулина Гавриловна. Между народом-то Говорилихой прозвали, так Говорилихой и кличут.

Бальзаминов. Чем же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

Красавина. Будто не знаешь! Ты ведь заполонил-то, так должен знать.

Бальзаминов. Право, не знаю.

Красавина. Каков молодец! Ох, глаза твои плутовские, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А девка-то теперь сохнет, по стенам мечется. Видит беду неминучую, за Говорилихой сейчас: «Выручай, Говорилиха!» —А Говорилихе-то и наруку. Посольскую должность мне не в первый раз править. Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором.

Бальзаминов. Да от кого?

Красавина. От кого! Тебе все скажи. Сам догадайся. Где с утра до ночи основу-то снуешь, аль не знаешь? Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует.

Бальзаминов. Так неужто Ничкина?

Красавина *(ударив рукой по столу)*. В самую центру!

Бальзаминов *(ухватив себя за голову, вскакивает)*. О-ох, маменька! *(Стоит в оцепенении.)*

Бальзаминова. Что с ним?

Красавина. От любви. Еще хуже бывает. Любовь — ведь она жестокая для сердец. Нет ее ужасней. За неверность кровь проливают.

Бальзаминов. Ах! *(Садится на стул.)*

Бальзаминова. С чем же они, матушка, вас к нам прислали, с каким предложением?

Красавина. Насчет знакомства. Надо прежде познакомиться.

Бальзаминова. Разумеется.

Бальзаминов. Познакомиться! Боже мой!

Бальзаминова. Как же, матушка, это сделать?

Красавина. А вот пошлите молодца-то ужо, после вечерен, будто попроситься в сад погулять, да вечером и приходите,— они вас деликатным манером пригласят чай кушать.

Бальзаминова. Ну, и прекрасно, мы так и сделаем.

Бальзаминов. Маменька, я с ума сойду! Мне уж что-то казаться начинает.

Бальзаминова. Глупенький, глупенький!

Красавина. Любовь действует. Так что ж мне своим-то сказать?

Бальзаминова. Миша, что сказать?

Бальзаминов. Скажи, что я умираю от любви; что, может быть, умру к вечеру.

Бальзаминова. Ну, что за глупости ты говоришь.

Красавина. Зачем умирать! Надо жить, а мы на вас будем радоваться!

Бальзаминов. Нет, нет, пускай сберут все розы и лилеи и насыплют на гроб мой.

Бальзаминова. Эх, Миша, уж не говорил бы ты лучше, не стыдил бы ты меня!.. Так мы придем. А позвольте спросить... конечно, еще все это, как бог даст, а все-таки интересно знать, как насчет приданого?

Красавина. Золотая невеста! У нее своих денег — после отца достались — триста тысяч серебра.

Бальзаминов *(вскочив)*. Охо, хо, хо! *(Ходит по комнате.)*

Красавина. Ишь его схватывает!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, не умеешь вести себя!.. Уж извините его,— от радости.

Красавина. Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собой-то уж очень красавица: телом сахар, из себя солидна, во всей полноте; как одевается, две девки насилу застегнут. Даже несколько совестится. Чего же, я говорю, совеститься, коли бог дал. Аккурат пельсик. Ну, прощайте! Вечерком увидимся.

Бальзаминова. Прощайте! На дорожку-то. *(Наливает.)*

Красавина. И то выпить; об одной-то хромать будешь. *(Пьет и закусывает.)* Прощай, победитель!

Бальзаминов. Прощай! *(Кидается к ней на шею.)*

Красавина. Рад, рад, уж вижу, что рад; только смотри, под силу ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разиня уж уехал. *(Уходит.)*

Бальзаминова провожает ее до кухни и возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов, Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминов. Где мой крандаш, где мой крандаш?

Бальзаминова. На что тебе крандаш?

Бальзаминов. Надо маменька. Матрена! Матрена!

Матрена входит.

Где мой крандаш?

Матрена. А я почем знаю. Какой же ты писарь после этого, когда крандаш потерял.

Бальзаминов. Писарь! писарь!

Матрена. Ведь крандаш у тебя все равно, что у солдата ружье. Так нешто солдаты ружья теряют?

Бальзаминов. Какой я писарь! Я скоро барин буду.

Матрена. Ты барин? Непохоже.

Бальзаминов. А вот увидишь, как триста тысяч получу.

Матрена. Триста тысяч! Не верю. У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя триста тысяч дали. Да ты их счесть-то не умеешь.

Бальзаминов. Ну, да что с тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матрена. Где понимать! А еще жених, жениться хочет, а сам крандаш потерял. Бесстыдник!

Бальзаминов *(шарит в боковом кармане)*. Вот он, нашел.

Бальзаминова. Ну, что ж будет?

Бальзаминов. А вот сейчас. *(Берет с комода бумажку и садится у стола.)* Я теперь получаю жалованья сто двадцать рублей в год, мы их и проживаем; а как будет триста тысяч *(пишет триста тысяч)*, так если по тысяче в год... все-таки мне на триста лет хватит.

Матрена *(всплеснув руками)*. Батюшки!

Бальзаминова. Неужели ж ты триста лет хочешь прожить!..

Бальзаминов. Ну, позвольте! Если по две в год *(пишет)*, все на полтораста лет хватит.

Бальзаминова. Ты рехнулся совсем.

Бальзаминов. Что ж, маменька, при хорошей-то жизни, может быть и проживешь.

Матрена. Как не прожить!

Бальзаминов. Ах, я о процентах-то и забыл. Сколько, маменька, процентов с трехсот тысяч?

Бальзаминова. Да, чай, тысяч двенадцать.

Бальзаминов. Кажется, маменька, с чем-то двенадцать тысяч.

Матрена. С денежкой.

Бальзаминов. С какой денежкой! Что ты врешь!

Матрена. Что считать-то, чего нет. Смотреть-то скучно. Ты вот сочти лучше: девять веников, по денежке веник, много ли денег? И того не счесть. *(Уходит.)*

Бальзаминов *(встает)*. Пойду погулять, пусть немного ветром обдует; а то уж очень много мыслей в голове об жизни.

Бальзаминова. Ты бы пока слова-то подбирал, какие ужо говорить с невестой.

Бальзаминов. А вот я во время прогулки и буду слова подбирать.

Бальзаминова. А я платье приготовлю, надо ужо одеться хорошенько.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В доме купчихи Ничкиной: богатая купеческая гостиная, хорошо меблированная; рояль.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ничкина в широкой блузе, Капочка тоже и Маланья входят.

Ничкина. Как жарко! А пообедаешь, так еще пуще разморит... так разморит... разморин такой нападет, не глядела б ни на что! *(Садится на диван.)*

Капочка. Давай, Малаша, споем.

Ничкина. Ну вас, и так жарко.

Капочка. Мы, маменька, потихоньку. *(Садится за рояль.)*

Капочка и Малаша запевают: «Вот на пути село большое». Немного погодя Ничкина пристает к ним.

Ничкина *(перестав петь.)* Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Капочка. Что это, маменька, как вы капризны! Вдруг на меня нашла фантазия петь, а вы не даете.

Ничкина. Да жарко, Капочка.

Капочка. В другой раз сами будете просить, а у меня фантазии не будет. Кто ж виноват, что вам жарко. Это даже довольно странно с вашей стороны!

Ничкина. Ну, уж ты!

Капочка. Чем же мне развлекаться прикажете? Кавалеров у нас не бывает. Только и делаем, что по целым дням с Малашей в окно глядим. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничкина. Делай что хочешь, только не тревожь ты меня.

Устинька входит в шляпке.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Устинька[1].

Устинька. Здравствуйте, Клеопатра Ивановна!

Ничкина. Здравствуй, Устинька! Что, жарко на дворе?

Устинька. Жарко.

Ничкина. Что это за наказанье!

Устинька. Здравствуй, Капочка! *(Снимает шляпку.)* Сейчас видела твой предмет, ходит по набережной в забвении чувств.

Капочка. Ах! Одно сердце страдает, а другое не знает.

Устинька. Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали к нему Гавриловну?

Ничкина. Да... вот... баловница я. И не надо б мне вас слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалит за это! Всякий умный человек заругает. Да вот пристала, ну, я по слабости и послушалась. Кто его знает, какой он там! Придет в дом... как жених... срам.

Устинька. Над сердцем нельзя шутить.

Маланья. В сердце-то замирание бывает, сударыня.

Ничкина. Какое сердце! Так, с жиру... Знаем мы это сердце-то... сама была в девках... Другая б строгая мать-то пришила б хвост-то тебе, да сама б нашла жениха-то хорошего, а не сволочь какую-нибудь.

Устинька. Нынче уж тиранство-то не в моде.

Ничкина. Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и рассудку-то не хватает... да и жарко-то... Батюшки!.. говорить-то, и то тяжело... так уж и махнула рукой — что хочет, то и делает.

Устинька. Самые нынешние понятия.

[1] Устинька немного картавит. *(Прим. авт.)*

Капочка. А в чахотку-то, маменька, разве не приходят от родителей?

Устинька. Разве есть законы для чувств?

Капочка. Разве не бегают из дому-то в слуховое окно?

Устинька. Или в форточку.

Маланья. А то и в подворотню, барышня.

Ничкина. Так-то так... да уж и воли-то вам большой дать нельзя... с вами стыда-то и не оберешься... на все Замоскворечье...

Устинька. Однако какой сюжет вы об нас имеете! Мы, кажется, себя ничем не доказали с такой стороны.

Капочка. Уж маменька скажет словечко — одолжит.— Вот этак при людях отпечатает, ведь осрамит, куда деться от стыда! Подумают, что мы и в самом деле такие.

Ничкина. Разве нет баловниц-то? Неправду, что ль, я говорю?

Устинька. Хотя и есть, но все-таки это до нас не относится.

Капочка. Все больше от родителей, потому что запирают.

Ничкина. Нельзя и не запирать-то... вас...

Устинька. Напрасно так полагаете. Одно суеверие.

Капочка. Никакого толку-то нет от запиранья.

Ничкина. Все-таки спишь спокойнее... не думается... не то, что на свободе.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы смеетесь-то? Известно, присмотр лучше... Без присмотру нельзя.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы?

Капочка. Своему смеху.

Ничкина. Что вы меня на смех, что ли, подымаете? Не глупей я вас... Батюшки, жарко! *(Маланье.)* Ты чему, дура?

Маланья. Я на барышень глядя.

Устинька. Да как же не смеяться? Разве можно за девушкой усмотреть! Что вы говорите-то!

Капочка. Хоть тысяча глаз гляди, все равно.

Ничкина. Есть чем хвалиться! Куда как хорошо!

Устинька. Мы и не хвалимся и совсем это не про себя говорим; напрасно вы так понимаете об нас. Мы вообще говорим про девушек, что довольно смешно их запирать, потому что можно найти тысячу средств... и кто ж их не знает. А об нас и разговору нет. Кто может подумать даже! Мы с Капочкой оченно себя знаем и совсем не тех правил. Кажется, держим себя довольно гордо и деликатно.

Ничкина. Случаю-то вам нет...

Устинька. Ах, боже мой! Разве можно так обижать девушек!

Капочка. Да ведь маменька судит по-старому, как в ее время было.

Ничкина. Да разве давно это время было-то!

Устинька. Нынче уж девушки стали гораздо благороднее во всех направлениях.

Капочка. Уж я не знаю, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости в жизни, не могла угодить вам?

Ничкина. Ах, отстаньте от меня, и без вас тошно! Куда деться-то от жару? Батюшки!

Маланья. Шли бы, сударыня, на погребицу.

Ничкина. И то на погребицу.

Входит Красавина.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Красавина.

Красавина. Здравствуйте! Все справила и ответ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Ничкина. Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

Капочка. Какой же ответ?

Красавина. Загорелась! И подождешь, не велика важность. *(Ничкиной.)* Коли жарко, ты бы пивца велела подать с леднику: говорят, прохлаждает.

Ничкина. Все говорят — прохлаждает... ничего не прохлаждает.

Красавина. А то чайку...

Ничкина. Ничего не прохлаждает... Поди, Маланья, поставь самовар.

Маланья уходит.

Устинька. Но, однако, скажите, вы должны же дать ответ об том, зачем вас посылали.

Красавина. А мой ответ будет короткий. По щучьему веленью, по моему прошенью, извольте снаряжаться,— к вечеру гости будут.

Ничкина. Ты чего лишнего не сболтнула ли?

Красавина. Ничего я лишнего не сказала; сказала только: пожалуйте в наш сад вечером погулять, вишенье, орешенье щипать. Он так обрадовался, ровно лунатик какой сделался.

Капочка. Ах, я боюсь.

Устинька. Чего же ты боишься, душа моя? Довольно непонятно для меня.

Капочка. Я всегда боюсь мужчин, особенно в кого влюблена.

Красавина. Что его бояться-то, не укусит.

Капочка. Уж лучше б они прямо говорили; а то заведут такие разговоры, издалека, не знаешь, что отвечать.

Красавина. Как можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Известно, для прилику нужно сначала об чем-нибудь об другом поговорить.

Капочка. Отчего же не сказать прямо, когда что чувствуешь. Ах, Устинька, я ужасть как боюсь. Ну, сконфузишься? Я никак не могу воздержать своих чувств... Вдруг могу сделать что-нибудь... могу все чувства потерять...

Устинька. Не бойся, я буду с тобой. Я уж тебя не выдам.

Говорят шепотом.

Ничкина. Нового нет ли чего?

Красавина. Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом.

Ничкина. Как страшно!

Красавина. Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионтов войска ведет.

Ничкина. Откуда же он, белый арап?

Красавина. Из Белой Арапии.

Ничкина. Как будет на свете-то жить! Такие страсти! Времена-то такие тяжелые!

Красавина. Да говорят ещё, какая-то комета ли,

планида ли идет; так ученые в митроскоп смотрели на небо и рассчитали по цифрам, в который день и в котором часу она на землю сядет.

Ничкина. Разве можно знать божью планиду! У всякого человека есть своя планида... Батюшки, как жарко! Разделась бы, да нельзя — праздничный день, в окошки народ смотрит; в сад войдешь — соседи в забор глядят.

Красавина. А ставни закрыть.

Маланья входит.

Маланья. Братец приехал.

Ничкина. Батюшки! В такой жар...

Капочка. Как бы, маменька, он у нас дела не расстроил! Дяденька такой необразованный!

Устинька. Уж какие могут быть понятия, из степи приехал!

Ничкина. Не из степи, а из Коломны.

Устинька. Все равно, одно образование, один вкус.

Капочка. Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

Ничкина. Разве с ним сговоришь!

Капочка. Вот наказанье-то!

Устинька. Нет, вообрази, что может Бальзаминов подумать о вас, видя такое невежество!

Ничкина *(Маланье)*. Поди проводи его прямо в столовую. Да обедать подать,— чай, с дороги-то есть захочет. Пойти принять его.

Ничкина, Маланья и Красавина уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Капочка и Устинька.

Капочка. Вот принесло вовремя! Теперь все в доме на русский манер пойдет. Ах, я чувствую свою судьбу; расстроит он маменьку. Ну, как он да научит маменьку отдать меня за купца с бородой! Тогда я умру от любви.

Устинька. Зачем такие жестокие слова говорить!

Капочка. Нет, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое горячее к любви.

Устинька. Капочка, скажи, душка, как ты влюбилась? Я ужасть как люблю открытия в любви от своих подруг.

Капочка. Ах! одна минута — и навек все кончено! Шла я вечером откуда-то с Маланьей, вдруг нам навстречу молодой человек, в голубом галстуке; посмотрел на меня с такой душой в глазах, даже уму непостижимо! А потом взял опустил глаза довольно гордо. Я вдруг почувствовала, но никакого виду не подала. Он пошел за нами до дому и раза три прошел мимо окон. Голубой цвет так идет к нему, что я уж и не знаю, что со мной было!

Устинька. Знаков он тебе никаких не показывает, когда ходит мимо?

Капочка. Нет. Только всегда так жалко смотрит, как самый постоянный.

Устинька. И часто ходит?

Капочка. Ах, Устинька, каждый день. Ах!.. Разве уж очень грязно...

Устинька. Это значит, он просто сгорает... И должно быть, самый, самый пламенный к любви.

Капочка. Ах! Я не знаю, что со мной будет, когда я его увижу! Для моих чувств нет границ.

Устинька. Однако все-таки нужно себя удерживать немного.

Капочка. Ах! Сверх сил моих.

Неуеденов, Юша и Ничкина входят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Капочка, Устинька, Ничкина, Неуеденов и Юша.

Капочка. Здравствуйте, дяденька! *(Подходит и целует дядю).*

Устинька кланяется.

Юша. Здравствуйте-с. *(Подходит к Капочке, кланяется, целуются три раза, опять кланяется и встряхивает головой; так же и с Устинькой. Потом садится в углу на самый последний стул и сидит потупя глаза.)*

Неуеденов. Как живешь, Капочка? *(Садится.)*

Капочка. Слава богу, дяденька. Покорно вас благодарю.

Неуеденов. Весело ли?

Капочка. Ничего, весело-с.

Неуеденов. Женихи есть ли? Чай, так у ворот на разные голоса и воют.

Устинька. Какой разговор!

Неуеденов. А что ж разговор! Чем, барышня, нехорош?

Устинька. Неприлично при барышнях так говорить; нынче не принято.

Неуеденов. Да-с! Я ведь с племянницей разговариваю, а до других прочих мне дела нет. *(Ничкиной.)* Чья такая?

Ничкина. Подруга Капочки.

Неуеденов. Из благородных, что ль?

Ничкина. Нет, из купеческих.

Неуеденов. Ну, так невелика птица... А ведь и то, сестра, жарко.

Ничкина. И то, братец, жарко.

Неуеденов. Юфим!

Юша подходит.

На-ка, возьми мой кафтан-то. *(Снимает кафтан.)* Снеси его к нам в комнату.

Юша берет и уходит.

Устинька. Какое необразование!

Неуеденов. Ничего-с! Не взыщут!

Ничкина. Вы, братец, соснуть не хотите ли?

Неуеденов. Нет. Я б теперь орешков пощелкал. А потом можно и соснуть.

Ничкина. Маланья!

Входят Маланья и Юша.

Принеси поди братцу орехов.

Неуеденов. Юфим! Поди поищи на дворе камень; поглаже выбери, да потяжеле.

Юша уходит.

Капочка. Зачем вам, дяденька, камень?

Неуеденов. Что ты испугалась? Небось! я орехи...

Устинька. Боже мой!

Входит Маланья с орехами.

Н и ч к и н а. Пожалуйте, братец.

Маланья подносит ему орехи на тарелке.

Н е у е д е н о в. Поставь на окно. *(Подходит к окну, открывает и садится против него.)*

Маланья ставит орехи на окно, Юша входит с камнем.

Подай сюда!

Юша подает.

Здесь-то лучше продувает. *(Кладет на окно по ореху и по два и разбивает их камнем.)*

К а п о ч к а. Дяденька, что это вы с камнем-то у окна сидите! Вы этак испугаете у меня жениха, когда он пойдет.

Н е у е д е н о в *(продолжая колотить орехи)*. Какого жениха?

Н и ч к и н а. Да... вот... такая жара, а мы сватовство затеяли... какая теперь свадьба... в такой жар...

Н е у е д е н о в. А вот дай срок, я посмотрю, что за жених.

К а п о ч к а *(берет дядю за плечи)*. Дяденька, право, испугаете!

Н е у е д е н о в. Поди прочь! *(Продолжает стучать.)*

Капочка подходит к Устиньке, обнимается с ней и смотрит с презреньем на дядю.

К а п о ч к а. Какой срам!

У с т и н ь к а. Какое невежество!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сад: направо сарай с голубятней и калитка; прямо забор и за ним деревья другого сада; налево беседка, за беседкой деревья; посередине сцены, в кустах стол и скамейки; подле сарая куст и скамейка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К а п о ч к а, У с т и н ь к а и Ю ш а входят.

К а п о ч к а. Ох! Ох! Я умру!

У с т и н ь к а. Что ты так вздыхаешь! Смотри, что-нибудь лопнет.

Капочка. Ох! Он сейчас придет.

Устинька. Разумеется, придет. Его маменька пошла к твоей, а он сюда придет.

Капочка. Ох!

Юша. Что, это голубятня у вас?

Капочка. Ох! голубятня.

Юша. Так первым долгом слазить надоть, проминовать нельзя. *(Уходит.)*

Устинька. Ну, и прекрасно; а то он только мешает.

Бальзаминов входит в калитку.

Капочка. Ах, идет!

Гуляют, обнявшись, по авансцене, как будто не замечая его.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов *(несколько времени ходит молча, потом встречается будто нечаянно с Капочкой и Устинькой)*. Здравствуйте-с. *(Кланяется.)*

Капочка и Устинька кланяются и идут дальше. Бальзаминов за ними.

Какой приятный запах у вас в саду.

Устинька. Да-с.

Бальзаминов. Продаете яблоки или сами кушаете?

Капочка. Сами-с.

Юша показывается на голубятне.

Бальзаминов. Я когда-нибудь ночью приду к вам в сад яблоки воровать.

Капочка. Ах!

Устинька. У них собаки злые.

Бальзаминов. Как прикажете понимать ваши слова?

Устинька. Слова эти совсем не до вас касаются, а до воров; вы и так завсегда можете здесь гулять, вам завсегда будут рады.

Капочка. Да-с.

Бальзаминов. Покорнейше вас благодарю за ваше приглашение.

Устинька. Здесь в окружности ужасть как мало хороших кавалеров для знакомства с барышнями.

Капочка. И всего только двое: Толкачев да Кирпичев.

Устинька. Какие же это кавалеры? Разве хорошая девушка может иметь с ними знакомство или любовь. Себя срамить! Один — антриган, все говорит из-под политики и в насмешку; другой — антиресан, знакомится с дамами из антиресу. Вы лучше всех.

Капочка. Да-с.

Устинька. Вот вам от нас привелегия!

Бальзаминов. Я даже не знаю, как вас благодарить за все ваши снисхождения!

Капочка садится на скамейку с правой стороны. Устинька стоит подле нее. Бальзаминов поодаль.

Капочка *(Устиньке тихо)*. Что он говорит? Уж лучше б прямо.

Устинька *(тихо)*. А вот погоди, я ему сейчас скажу.

Капочка *(тихо)*. Ах, не говори.

Устинька. Нельзя же! *(Подходит к Бальзаминову и отводит его в сторону.)* Капочка просила вам сказать, чтобы вы были с ней посмелее, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у нас просто. А я пойду постерегу: как войдет кто, я дам вам знать. Что же вы стоите! Ступайте к ней скорей.

Бальзаминов *(откашливается)*. Гм... Гм... Сейчас. *(Стоит.)*

Устинька. Сейчас, а сами ни с места. *(Толкает его.)* Ступайте скорей, а то помешают.

Бальзаминов. Гм... Гм... *(Громко.)* Гм... Сейчас.

Устинька. Это даже неучтиво с вашей стороны — заставлять себя дожидаться.

Бальзаминов. Сейчас-с! *(Медленно идет к Капочке.)*

Устинька становится у калитки.

Капочка *(Бальзаминову)*. Садитесь!

Бальзаминов садится довольно далеко от Капочки, смотрит в землю и изредка откашливается. Капочка смотрит на забор, Юша наблюдает за ними с голубятни. Довольно долгое молчание.

Бальзаминов. Что вам лучше нравится, зима или лето?

Капочка. Лето лучше-с. Летом можно гулять.

Бальзаминов. А зимой кататься.

Капочка. Летом всякие цветы расцветают.

Бальзаминов. А зимой очень весело на святках и на масленице.

Капочка. А летом весело в семик-с.

Бальзаминов. Вы на масленице с которого дня начинаете кушать блины?

Капочка. Со вторника-с... А летом всякие ягоды поспевают.

Молчание. Бальзаминов тянется к Капочке, она к нему, целуются и потупляют глаза в землю.

Юша (*на голубятне*). Раз!

Устинька (*грозит ему*). Молчи!

Молчание.

Капочка. Какие ягоды вы больше любите?

Бальзаминов. А вы какие?

Капочка. Клубнику со сливками.

Бальзаминов. А я крыжовник.

Капочка. Вы шутите! Как можно крыжовник... он колется.

Бальзаминов. Я этого не боюсь-с. А вы разве боитесь-с?

Капочка. Ах! Что вы говорите? Я вас не понимаю.

Капочка начинает склоняться в сторону Бальзаминова, Бальзаминов в ее сторону; целуются и опять опускают глаза в землю.

Юша (*с голубятни*). Два!

Устинька (*Юше*). Молчи, говорю я тебе.

Капочка. А вообще, что вы больше всего любите?

Бальзаминов. Вас-с. А вы?

Капочка. Можете сами догадаться.

Целуются.

Юша. Три! (*Бежит с голубятни*).

Устинька (*подходит к Бальзаминову*). Подите за беседку. Когда можно будет, я вас позову.

Бальзаминов уходит за беседку.

Капочка. Ах, какой милый!

Устинька. Юша все с голубятни видел.

Капочка. Ах, он дяденьке скажет!

Устинька. Погоди, мы его уговорим.

Юша входит.

Капочка. Ты, Юша, смотри, никому не сказывай, что видел.

Устинька. Это нужды нет — целоваться, только сказывать не надо. Я, пожалуй, и тебя поцелую. *(Целует Юшу)*.

Капочка. И я. *(Целует.)*

Устинька. И еще поцелуем. *(Целует его с жаром.)*

Юша. Да не надо! *(Отсторанивает их руками.)* Что пристали! Закричу! Ай! Ну вас! Ай! Пустите, я опять на голубятню пойду. Караул!

Устинька. Нет, уж я тебя не пущу на голубятню. Пойдем со мной в беседку.

Юша. Я, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу.

Устинька берет его за руку и ведет в беседку.

Устинька *(подходя к беседке)*. Выходите! Теперь можно.

Бальзаминов выходит из-за беседки.

Капочка. Ах, не подходите ко мне близко!

Бальзаминов. За что такие немилости-с?

Капочка. Мужчинам доверять никак нельзя.

Бальзаминов. Но я могу себя ограничить-с.

Капочка. Все так говорят; но на деле выходит совсем противное. Я мужчин не виню, для них все легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности к любви. Ах! я вас боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминов. Какие жестокости для моего сердца!

Капочка. Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминов. Умерла моя надежда и скончалася любовь!

Капочка. Ах, для чего только мы рождены с такою слабостью! Мужчина все может над нами... ах!

Бальзаминов. Как же я могу без вашего расположения-с? *(Садится возле Капочки.)*

Капочка. Ах! Что вы со мной сделали!

Бальзаминов. Извините, я был вне себя-с.

Капочка. Что может противиться любви! *(Приклоняется к Бальзаминову. Целуются).* Навеки!

Устинька и Юша выходят из беседки.

Устинька. Идут, идут.

Капочка подходит к Устиньке. В калитку входят Ничкина, Бальзаминова и Маланья с чайным прибором, который ставит на стол.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминов, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина, Бальзаминова и Маланья.

Ничкина *(Маланье).* А самовар принесешь, когда братец встанет.

Маланья уходит.

(Бальзаминовой.) Сядемте... жарко. *(Садятся у стола. Бальзаминову.)* Садитесь с нами... побеседуемте!

Бальзаминов садится. Барышни и Юша тоже садятся возле стола.

(Капочке.) Ишь, как тебя стянули... в такой жар.

Устинька. Оставьте, вы конфузите.

Ничкина. Вы читаете газеты?

Бальзаминов. Читаю-с.

Бальзаминова. Он мне всякие новости рассказывает.

Ничкина. А мы не читаем... ничего не знаем... что там делается. Вот я у вас хотела спросить, не читали ли вы чего про Наполеона? Говорят, опять на Москву идти хочет.

Бальзаминов. Где же ему теперь-с! Он еще внове, не успел еще у себя устроиться. Пишут, что всё дворцы да комнаты отделывает.

Ничкина. А как отделает, так, чай, пойдет на Москву-то с двунадесять языков?

Бальзаминов. Не знаю-с. В газетах как-то глухо про это пишут-с.

Ничкина. Да вот еще, скажите вы мне: говорят, царь Фараон стал по ночам с войском из моря выходить.

Бальзаминов. Очень может быть-с.

Ничкина. А где это море?

Бальзаминов. Должно быть, недалеко от Палестины.

Ничкина. А большая Палестина?

Бальзаминов. Большая-с.

Ничкина. Далеко от Царьграда?

Бальзаминов. Не очень далеко-с.

Ничкина. Должно быть, шестьдесят верст... Ото всех от таких мест шестьдесят верст, говорят... только Киев дальше.

Юша. Царьград, тетенька, это — пуп земли?

Ничкина. Да, миленький. *(Пристально оглядывает Бальзаминова).*

Бальзаминов *(жмется).* Что вы так на меня смотрите?

Ничкина. Узко как платье-то на вас сшито.

Бальзаминов. Это по моде-с.

Бальзаминова. Он у меня всегда по моде одевается.

Ничкина. Какая уж мода в такую жару?.. Чай, вам жарко... ну, а по улице-то ходить в таком платье, просто угореть можно.

Бальзаминов. Ничего-с. Покорно вас благодарю за внимание!

Молчание.

Ничкина. Двужильные лошади, говорят, бывают... и не устают никогда, и не надорвутся.

Устинька. Что за разговор об лошадях!

Ничкина. Так об чем же говорить-то?.. Ну, скажи, коли ты умна.

Устинька. Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда как приятно! Вот два самые благородные разговора — один: что лучше — мужчина или женщина?

Ничкина. Ну, уж нашла сравнение! Уж что женщина! Куда она годится! Курица не птица, женщина не человек!

Устинька. Ах нет, зачем же! Пускай мужчины защищают свое звание, а женщины свое; вот и пойдет разговор. А другой разговор еще антиресней. Что тяжеле: ждать и не дождаться, или иметь и потерять?

Бальзаминова. Это самый приятный для общества разговор.

Ничкина. Уж этого я ни в жизнь не пойму.

Капочка. Что вы, маменька! Не страмите себя.

Входят Неуеденов и Маланья с самоваром; ставит его на стол и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Неуеденов[1].

Неуеденов. Соснул малым делом.

Ничкина. Братец, садитесь! Вот наши новые знакомые!

Неуеденов *(кланяется Бальзаминовой)*. Здравствуйте!

Бальзаминова кланяется.

Здравствуйте, милостивый государь! *(Протягивает Бальзаминову руку, тот робко подает свою.)* Служить изволите? *(Садится.)*

Бальзаминов. Служу-с.

Неуеденов. Хорошее дело-с. Всякому свое-с: купец торгуй, чиновник служи, шатун шатайся.

Ничкина. Не угодно ли, господа, чайку?

Маланья подает на подносе.

Неуеденов. Я с вами буду, сударь, про наше дело купеческое говорить. Вот у меня сестра — она женщина богатая, а ведь глупая — с деньгами-то не знает, что делать. А в нашем, в купеческом деле — деньги важная вещь.

Устинька. Неужли только одним купцам деньги нужны?

Бальзаминов. Деньги всякому приятно иметь-с.

Неуеденов. Никому, сударь, и не запрещается. Кому приятно иметь, тот наживи.

Бальзаминова. Трудно наживать-то по нынешним временам.

Бальзаминов. Особенно если человек со вку-

[1] Сидят в следующем порядке: справа, ближе к зрителям, на стуле Неуеденов; с правой стороны стола Ничкина и Бальзаминова; за столом Юша; слева, у стола, Капочка и Устинька; слева, ближе к зрителям, на стуле Бальзаминов. *(Прим. авт.)*

сом-с, просто должен страдать. Хочется жить прилично, а способов никаких нет-с. Вот хоть бы я...

Неуеденов. Зачем же жить-то прилично такому человеку, который не имеет способов деньги достать?

Бальзаминова. А коли человек не имеет способностей ни к службе, ни к чему, коли бог не дал, чем же он виноват?

Бальзаминов. Да-с. А в мечтах все представляется богатство, и даже во сне снится; притом же вкусу много.

Неуеденов. А по-моему — такому человеку, который не умеет достать ничего, не то что в богатстве жить, а и вовсе жить незачем.

Бальзаминова. Куда ж их девать-то?

Неуеденов. В черную работу, землю копать. Это дело всякий умеет. Сколько выработал, столько и денег бери.

Бальзаминова. Этак будет на свете жить нельзя.

Устинька. Не у всех такие понятия.

Неуеденов. Какой, сударь, чин носите на себе?

Бальзаминов. Первый-с.

Неуеденов. Ну, вам до генерала еще далеко. А много ли жалованья по своим трудам получаете?

Бальзаминов. Сто двадцать рублей-с.

Неуеденов. Это по-нашему значит: в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается; по-татарски — ёк, а по русски — нет ничего.

Ничкина. Маланья, прими чашки, я налью еще.

Маланья принимает пустые чашки. Ничкина наливает. Маланья разносит и отходит с подносом к стороне.

Неуеденов. Так вот, сударь, я уж вам говорил, что сестра у меня дура набитая.

Ничкина. Ну, уж... ты, братец... ну, право! С тобой не сговоришь... право, ну!

Неуеденов. Что ты нукаешь-то? — не запрягла еще... Так докладывал я вам, что сестра у меня глупа-с. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдет, как сама. У баб волос долог, да ум короток. Тогда уж все дело брось.

Бальзаминова. У них такое состояние, что ввек и с зятем не прожить; а бедного человека могут осчастливить.

Неуеденов. Да ведь деньги-то ее муж наживал не для того, чтоб она их мотала да проживала с разными прожектерами. На деньги-то надо дело делать. Купеческий капитал, сударыня, важное дело. Хороший-то купец, с большим капиталом, и себе пользу делает, да и обществу вдвое.

Устинька. Не все наживать, надо когда-нибудь и проживать для своего удовольствия.

Неуеденов. А разве мы не проживаем! Да проживать-то надобно с толком. Я, сударь мой, вот за сестру теперь очень опасаюсь. Подвернется ей фертик во фрачке с пуговками или какой с эполетками, а она, сдуру-то, и обрадуется, как невесть какому счастью. Дочь-то отдаст — нужды нет, а вот денег-то жалко...

Ничкина. Да, братец, точно жалко.

Капочка. Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

Устинька. Сказали, да и на попятный.

Неуеденов. Да ведь, Капочка, у них совести очень мало. Другой сунется в службу, в какую бы то ни на есть, послужит без году неделю, повиляет хвостом, видит: не тяга — умишка-то не хватает, учился-то плохо, двух перечесть не умеет, лень-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вот он и пойдет бродить по улицам да по гуляньям, — не объявится ли какая дура с деньгами. Так нешто честно это?

Ничкина *(тихо)*. Перестаньте, братец... поймут.

Неуеденов. Ничего, я обиняком. А по-моему, так и грех таким людям денег-то дать. Наши деньги-то на распутство пойдут да на важность глупую. Нос-то подымет, станет издеваться да величаться над своим братом, который гроши-то трудом достает, в поте лица. Коли счесть, сколько наша братия, по своей глупости, денег роздали за дочерьми разным аферистам,—так, право, сердце повернется. Что добра-то бы можно на эти деньги сделать! Боже мой! Эти деньги, я так считаю, у общества украдены. Как вы об этом думаете, сударь мой?

Бальзаминов. Не все же в таких направлениях, как вы говорите.

Неуеденов. Нет, сударь, уж кто взялся за такую спекуляцию, я тому гроша не поверю. Хорошие люди во всяком звании есть. И разбирать нечего, беден кто или богат — я этого сестре не советую. Смотри на че-

ловека, умеет ли он дело делать. Коли умеет, так давай ему денег, сколько хочешь, всё на пользу. А вот щелкопёры-то, извините вы меня, больно нам не к масти. Другому и вся цена-то две копейки ассигнациями, а он успеет оходить дуру какую, так еще форс показывает. Мне, говорит, вот столько-то денег давай, приданое давай самое лучшее.

Юша.

Соболий салоп атласный,
Воротник суконный красный!

Устинька и Капочка *(Юше)*. Молчи!

Неуеденов *(Юше)*. Юшка, молчи! Наши-то бабы сдуру батистовых рубашек ему нашьют, того-сего, с ног до головы оденут; а он-то после ломается перед публикой, и ничего ему — не совестно! Везде деньги бросает, чтоб его добрым барином звали.

Капочка. Вы, дяденька, оттого так рассуждаете, что вы совсем необразованы.

Неуеденов. Именно, мой друг, необразованы. Не одна ты это говоришь. Вот и те голые-то, которых мы обуваем да одеваем, да на беспутную их жизнь деньги даем, тоже нас необразованными зовут. Им бы только от нас деньги-то взять, а родни-то хоть век не видать.

Бальзаминова *(встает)*. После таких слов нам с тобой, Миша, кажется, здесь нечего делать.

Неуеденов. Да, похоже на то. На воре-то, видно, шапка горит.

Бальзаминов. Я этих слов, маменька, на свой счет не принимаю.

Неуеденов. Нет, я на ваш счет. Вот маменька-то ваша поумнее — сейчас поняла.

Бальзаминов. Я за большим, пожалуй, не погонюсь: мне хоть бы что-нибудь дали.

Неуеденов. Ведь у тебя ни гро́ша нет, так тебе все барыш, что ни дай.

Бальзаминов. В таком случае, прощайте-с. *(Кланяется всем.)* Я не ожидал-с.

Бальзаминова. Благодарим за угощенье.

Ничкина. Не на чем-с.

Неуеденов. Ходите почаще, без вас веселей.

Бальзаминов и Бальзаминова подходят к калитке. Юша за ними.

Бальзаминова. Я говорила тебе, Миша, что праздничный сон — до обеда.

Бальзаминов. Кабы я его в будни видел, совсем бы другое дело было.

Уходят.

Юша *(в калитку)*. Заходите! Нам без дураков скучно.

Неуеденов. Юшка, молчи!

Капочка. Ох, я умру!

Устинька *(тихо)*. Сделайся как без чувств.

Капочка. Ах! *(Падает на скамейку.)*

Ничкина. Батюшки! Что это с ней?

Неуеденов. Ничего, пройдет. Маланья, поди-ка вели принести ушат воды.

Капочка *(встает)*. Нет уж, извините, я этого не позволю.

Неуеденов. Ожила! Эх, сестра! Как тебя не ругать-то! Какую было штуку выкинула! Такой товар *(показывая на Капочку)*, да еще с деньгами, за строкулиста было отдала. А я тебе уж и жениха приготовил. Молодого русачка, здорового, свежего, умницу. А уж какой делец-то! Да и с капиталом.

Ничкина. Посватайте, братец.

Неуеденов. Посватать, Капочка?

Капочка. Он с бородой?

Неуеденов. С маленькой.

Капочка. Да ведь она вырастет.

Неуеденов. Эка глупая! Пока она вырастет, так уж ты привыкнешь... А какой красавец-то! Посватать, что ли?

Капочка *(потупившись)*. Посватайте.

Неуеденов. Так-то лучше. Вот и по рукам.

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!

Картины московской жизни

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзаминова, *вдова.*
Михайло Дмитрич Бальзаминов, *сын ее.*
Акулина Гавриловна Красавина, *сваха.*
Матрена, *кухарка.*
Павлин Иваныч Устрашимов, *сослуживец Бальзаминова, брюнет, большого роста, лицом мрачен и рябоват.*

Бедная комната у Бальзаминовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова *(одна, сидит с чулком в руках).* У Миши, должно быть, опять какие-нибудь планы в голове. Прибежит из присутствия, пообедает на-

скоро,— да и был таков, и пропал на целый день. Где-то он, бедный, бродит? Должно быть, далеко-далеко куда-нибудь ходит! Придет всегда такой измученный, усталый, и лица-то на нем нет, и не ест ничего, только все вздыхает. Надо полагать, он в Рогожскую бегает, а пожалуй что и в Лефортово! Все разбогатеть-то ему, бедному, хочется. Ну, да это ничего, пускай бегает; это еще здорово, говорят. Теперь время летнее, дел у него никаких нет особенных; все-таки лучше: пусть на воздухе бегает, чем в комнате-то сидеть; да еще и польза может произойти. Только я все что-то боюсь за него; все как-то мне не верится, чтобы он уж очень богатую-то невесту себе нашел. А уж сколько у него к этому делу старания! Сколько старания! Даже удивительно это видеть. По его-то старанию ему бы уж давно надо миллионщицу приспособить. Должно быть, счастья нет! Без счастья, сколько уж ни старайся, ничего не выходишь. Говорят, и грибы искать — счастье нужно; а уж невест-то и подавно. Вот был же случай у Ничкиных; а из-за чего разошлись? Так, из пустяков. Нужно же было этому облому приехать! И как на грех его принесло в такое время! Кабы не он, жили бы мы теперь, как сыр в масле катались. Есть же такие злые люди на свете! Ну, что ему нужно было? Себе он пользы никакой не сделал, только Мишу моего обидел.

Матрена входит с письмом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Матрена.

Матрена. Письмо вот принесли. *(Подает.)*

Бальзаминова. Кто принес?

Матрена. Должно, что почталион, одет так, по-военному. Говорит: городская почта.

Бальзаминова. От кого бы это? Я уж и не знаю.

Матрена. И я не знаю. Да вот что: вы мне дайте письмо-то.

Бальзаминова. Зачем тебе?

Матрена. Я догоню солдата-то да назад ему отдам.

Бальзаминова. Что ты! Как можно назад, когда оно к Мише писано.

Матрена. Должно быть, солдат-то по ошибке занес; часто бывает, что в другой дом заносят.

Бальзаминова. Да я тебе говорю, что к нам. Вот и на адресе написано.

Матрена. Нет, право, лучше назад отдадим от греха. Кто к нам письма писать станет? Кому нужно! Ведь письма-то пишут, коли дела какие есть али знакомство; а у нас что!

Бальзаминова. Какая ты глупая! Ну, слушай: «Его благородию...»

Матрена. Ишь ты, «благородию»!

Бальзаминова. «Михаилу Дмитриевичу Бальзаминову».

Матрена. Ну, да хоть и написано, а все лучше назад отдать; а то еще, пожалуй, солдата-то в ответ введешь перед начальством. Давайте! Что, право!

Бальзаминова *(кладет письмо в стол)*. С тобой ведь не сговоришь. Ты смотри, не вошел бы кто в кухню-то!

Матрена. Украсть-то там нечего, хошь и войдет кто. *(Уходит и возвращается.)* Там идет кто-то по двору-то.

Бальзаминова. Кто ж такой?

Матрена. Кто его знает! Черный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то кому ж! Словно, как он бывал тут.

Бальзаминова. Устрашимов, должно быть.

Матрена уходит. Входит Устрашимов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминова и Устрашимов.

Устрашимов *(кланяется)*. Михайло дома?

Бальзаминова. Нет. Ушел куда-то.

Устрашимов *(подходит к окну и молча, мрачно смотрит на улицу)*. Да это верно?

Бальзаминова. Ах, батюшка, что мне тебя обманывать-то!

Устрашимов (*продолжает глядеть в окно*). Бывает, иногда (*многозначительно*) прячутся. Ну, да ведь это не поможет. Нет, шалишь!

Бальзаминова. Вы такие странные слова говорите, что и понять вас нет никакой возможности.

Устрашимов. Нет, Миша, это, брат, дудки! Атан-де-с!..

Бальзаминова. Вы мне объясните, в чем ваше дело и что вам угодно: так я сыну и передам.

Устрашимов (*со вздохом, продолжая глядеть в окно*). Тут, брат, два года хожено. Это не другое что-нибудь. Этого уступить нельзя. Ты моим несчастьем вздумал воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! Погоди еще, может быть, сам туда попадешь! Боже мой! Боже мой! Как это случилось! Как это могло случиться!

Бальзаминова. Если вы Мишу ждете, так напрасно беспокоите себя: он обыкновенно к ночи приходит.

Устрашимов (*оборачивается*). Нет ли у вас воды? Разве вы не видите: я ужасно расстроен.

Бальзаминова. Ах, батюшка, какое же мне дело, что ты расстроен!

Устрашимов (*садится*). Прикажите мне дать воды! Ну, я вас прошу, наконец.

Бальзаминова. Что ты, угорел, что ли? Матрена, подай стакан воды!

Устрашимов. Да-с, бывают случаи! жизнь не мила, вот оно как-с. Вы этого не понимаете.

Бальзаминова. Где понимать!

Устрашимов. А отчего? Отчего, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Да что ты пристал?

Устрашимов. Все от своей гордости да от женского капризу. Вот от чего-с.

Матрена входит со стаканом воды на тарелке.

Матрена. Кому воды-то?

Устрашимов. Мне. (*Берет и в рассеянности, задумчиво смотрит на Матрену.*)

Матрена. Что ты глаза-то выпучил?

Устрашимов *(рассеянно)*. Выпучишь. *(Пьет и отдает стакан Матрене.)*

Матрена уходит. Устрашимов подходит к Бальзаминовой.

Да-с! Так вы скажите ему, что я был здесь, что я очень расстроен; он поймет. Или нет!.. *(Подумав.)* Вы скажите ему *(грозно и с расстановкой)*, что если он осмелится туда хоть нос показать, так я... Постойте! Скажите ему, что я ста тысяч не возьму, умру там у ворот... Уж он знает где. Нам двоим жить на свете нельзя. Понимаете вы, нельзя. Либо он, либо я!..

Бальзаминова *(отворачиваясь)*. Надоел, голубчик!

Устрашимов. Да что тут надоел! Вы войдите в мое-то положение.

Бальзаминова. Очень мне нужно!

Устрашимов. Или вот что! Я и забыл. Отдайте ему это письмо. *(Достает письмо и подает.)* Я его написал на случай, если не застану. Он поймет: знает кошка, чье мясо съела. Ну, да еще он увидит! Он будет меня знать! Я смирный человек; но если дело коснется женщины либо интересу, тогда уж я неумолим. Прощайте! *(Уходит.)*

Бальзаминова. Что он тут мне наплел? Должно быть, за одной ухаживают. Да, так точно! По его словам-то, так и надо полагать. Ишь ты, еще пугать выдумал! Так его и побоялись! Так ему Миша и уступит! Как же! Тебе ходить мимо окон не мешают, и ты другим не мешай! Кому бог пошлет, того и счастье. Чтой-то на нем больно много этих разных штук нацеплено, — и колец, и всего! Должно быть, сам-то интересан, так вот ему и завидно, чтобы другим не доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Как бы только Миша не рассердился. *(Прячет в стол.)* Я так Мише и скажу: «Нечего тебе на них смотреть; много их тут найдется; а ты свое дело делай. Волка бояться, в лес не ходить! Дома-то сидя, ничего не высидишь! Не пойдут невесты тебя отыскивать; сам должен ходить да искать хорошенько». А то, ишь ты, нагородил тут с три короба, да и думает, что его побоятся. Нет, брат, тут дело серьезное, денежное! Стражаться, так стражаться, — чья возьмет. Никак Миша идет?

Бальзаминов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов (входит и садится в раздумье).

Бальзаминова. Что это ты скоро воротился, али забыл что?

Бальзаминов (*садится*). Так, раздумал, маменька. У меня такая примета есть. И уж эта примета самая верная. Если ты идешь и задумал что-нибудь, и вдруг тебе встреча нехорошая: лучше воротись, а то ничего не будет. Если так идешь, без мысли, так еще можно продолжать дорогу; а коли есть мысль — воротись.

Бальзаминова. Какой ты, Миша! Молодой еще ты, можно сказать мальчик, а приметы разбираешь, точно старуха какая.

Бальзаминов. Конечно, маменька, если рассуждать правильно, так все эти приметы — бабья болтовня, вздор; только все-таки в нашем деле нельзя приметам не верить. Потому что, маменька, в нашем деле все от счастья, решительно все.

Бальзаминова. Да в каком же это в вашем деле?

Бальзаминов. Да как же, маменька! У другого дело верное, так что ему до примет! Он так на верное и идет, куда ему нужно. А у нас все от случая, все от счастья. Мы никуда на верное не ходим. Иду по улице — вдруг понравился — ну, и богат, и счастлив; не понравился — ну, всю жизнь бедствуй. А ведь это, маменька, с одной стороны, даже заманчиво. Я, бедный молодой человек, решительно голь, ну голь, как есть во всей форме, хожу себе, гуляю где-нибудь и вдруг... Вы только представьте это себе, маменька, вдруг вижу я под окном даму или девицу. Раз прохожу, два — бросаю нежный взгляд; она мне отвечает тем же. Я знакомлюсь через кого-нибудь, и вдруг, представьте, дом этот, в котором я ее видел, — мой; и сижу я поутру за чашкой кофею в бархатном халате... (*Быстро встает.*) Вот это — жизнь! Боже мой милостивый! И может быть, маменька, мне это счастье суждено; может, оно ждет меня где-нибудь; я только не знаю, где оно: там, или там, или там. Я только не знаю, куда идти, где его искать-то... и вдруг судьба...

Бальзаминова. Мечты ведь это всё, мой друг, так все одно — облако.

Бальзаминов. Ах, маменька, зачем вы меня перервали! Вы не знаете, какое это удовольствие — мечтать. Иногда так занесешься, занесешься, даже вскрикнешь: «Эй, четверню закладывать в карету!»

Бальзаминова. Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего этого быть не может.

Бальзаминов. Ну, нет, маменька, вы не говорите этого! Как же можно так говорить! Да вот вы увидите, что в нынешнем месяце что-нибудь да уж будет хорошее.

Бальзаминова. Откуда это? Из каких земель?

Бальзаминов. Уж я не знаю откуда, а будет. Вы видели, как я вчера был весел?

Бальзаминова. Ну, так что же?

Бальзаминов. А знаете ли, отчего? Разве уж сказать? Я, маменька, молодой месяц видел с правой стороны.

Бальзаминова. Только-то?

Бальзаминов. Позвольте, позвольте! Вы разве не верите в эту примету?

Бальзаминова. Да как же верить-то! Я сколько раз на своем веку видала месяц-то с правой стороны, а вот ничего не случилось особенного.

Бальзаминов. А вот увидим! Нет, уж я так уверен, что хоть на пари готов. Давайте, маменька, поспорим о чем-нибудь. Если случится что, так вы проиграли; а если не случится, так я.

Бальзаминова. Эх, какой ты глупый! Что тут спорить-то! Я уж знаю, что ничего не будет.

Бальзаминов. Подождите, подождите, увидим. А уж если это не сбудется, я не знаю, чему тогда и верить после этого!

Бальзаминова. Ну, да вот заметим, давай, с которого числа по которое.

Бальзаминов. Надо считать, маменька, от нового месяца и опять до нового. В это-то время, маменька, и нужно ждать чего-нибудь. У меня просто сердце не на месте; так вот и жду, так вот и жду каждую минуту...

Красавина входит, Бальзаминов ее не замечает.

...вдруг случится что-нибудь...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Красавина.

Красавина. Да и случится.

Бальзаминов. Ах! *(Остолбеневши, смотрит на Красавину.)*

Красавина *(целуясь с Бальзаминовой)*. Здравствуйте, матушка Павла Петровна!

Бальзаминова. Здравствуйте! Садитесь! Что, опять с вестями?

Красавина. Я, что птица вещая, даром не покажусь!

Бальзаминова. Не опять ли по-прежнему?

Красавина. Уж, видно, не судьба; а я не причинна. Сами видели, я свой оборот сделала; а я за всех не ответчица, коли они всякому в своем доме волю дают. *(Бальзаминову.)* Ну что, получил?

Бальзаминов. Что получил?

Бальзаминова. Я и забыла,— ведь тебе письмо принесли. *(Достает письмо.)*

Красавина. Про него-то я и спрашиваю.

Бальзаминов. Как это вы, маменька! Вы, должно быть, мне совсем счастья не желаете! Как можно забывать такие вещи! Ведь тут, может быть, вся судьба моя. *(Берет письмо.)*

Красавина. Тут она и есть.

Бальзаминов. Ну, вот видите! Эх, маменька! Батюшки, не распечатаю никак, руки так и ходят, так и ходят. *(С сердцем.)* Ну, затряслись, затряслись! Экой характер! экой подлый характер! Сам не рад, ей-богу, не рад.

Красавина. Да и есть от чего. Как тут рукам не затрястись! Еще то ли бывает!

Бальзаминов. Да постой ты! Я в себя не приду, а ты еще подбавляешь.

Красавина. Да ну тебя! Уж и сказать ничего нельзя!

Бальзаминова. Тут тебе еще есть письмо; ну, да это не важное.

Бальзаминов. Маменька, маменька! что вы со мной делаете! Боже мой милостивый! До того ли мне!

Бальзаминова. Ну, я его тут на столе положу; после прочитаешь на досуге; это от Устрашимова; он заходил без тебя.

Бальзаминов (*распечатывает*). Ух! насилу распечатал.

Бальзаминова. Да от кого это? скажите вы мне.

Красавина. А вот, изволите видеть: ходит-бродит он, добрый молодец, по таким палестинам, что другому и на ум не взойдет. Доходился он до край-Москвы, видит он: стоит нов-высок терем; а во этом терему, во купеческом дому, такая пава, что только «ах», да и все тут. Не скажу, чтобы красавица, а пышна уж очень. Так пышна, что нынче мало можно найти таких женщин, вот как! Уж, именно, что на ловца и зверь бежит. Вот он ходил-ходил мимо окон-то, да не будь дурень, амурное письмо и напиши. Да таково складно: я видела письмо-то. Пишет это так учтиво, безо всякого охальства. Другой ведь напишет, просто страм; а это хоть барышне дай, так ничего. От этого письма она и приди в чувство; уж оченно ей понравилось, что учтиво пишет-то, охальства-то никакого нет. А он еще в конце-то стих прибрал: «Взвейся, вихорь, ветерочек, отнеси ты сей листочек во объятия к тому, кто мил сердцу моему». А на пакете-то написал: «Лети туда, где примут без труда». Стихом-то уж он ее больше и убедил.

Бальзаминов (*все время слушал*). Неужли стихом?

Красавина. Стихом. Она в стихи очень верует, потому, говорит, коли что стихами написано, уж это верно: значит, от души человек писал, безо всякой фальши. А я и случись тут, как он письмо-то в окошко бросил.

Бальзаминова. В окошко бросил?

Красавина. В окошко. Вижу ее в таких чувствах от его учтивости-то: напишите, говорю, ему на ответ, и адрес твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова. Кто же такая?

Красавина. Вдова, Антрыгина. При больших деньгах, а одна как есть. Ну, теперь читай, что тебе на ответ написано.

Бальзаминов (*читает*). «Вы пишете, что, может, ваше письмо будет неприятно; но ежели бы оно было неприятно, вам бы, напротив того, ничего не отвечали. Поймите из этого! Завсегда видно по поступкам, кто чего стоит; по этому самому ваше знакомст-

во для нас будет очень приятно; то и можете меня видеть в известном вам доме, когда вам угодно. Заочно посылаю вам воздушный поцелуй...» *(Перестает читать.)* Маменька! Что же это такое, я вас спрашиваю! Умереть! Больше ничего не остается. Да я когда-нибудь и умру от этого. *(Садится в задумчивости.)*

Красавина. Такая женщина, я вам скажу, одно слово — король! И характеру самого слободного.

Бальзаминова. Как же это так, матушка, слободного-то?

Красавина. Так, слободного, да и все тут. Ходит это по комнатам, размахивает руками. «Никого, говорит, я не боюсь, что хочу, то и творю; нет, говорит, надо мной старших!» Да и точно, кого ей бояться! Ни мужа у нее, ни отца; одна как есть. Да и сторона же у них такая глухая.

Бальзаминов. Что мне теперь делать? Научи ты меня, сделай милость!

Красавина. Да что тебя учить-то! Приходи ужо вечером, вот и все тут; а там уж по делу видно будет, какой оборот вести. Известное дело, зевать нечего! Куй железо, пока горячо!

Бальзаминов. Так прямо и приходить?

Красавина. Так прямо и приходи.

Бальзаминов. А что говорить?

Красавина. Что в голову придет, то и говори. Если и соврешь что, так не важность; на первый раз не взыщут.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Боже мой! Совсем точно потерянный. Понимаю ведь я сам, что теперь нужно делать-то, и другого, пожалуй, научу; да как же мне быть с моим характером-то? Теперь бы поскорей да поумней, так и можно бы дело обделать; а у меня вон руки и ноги трясутся. Вот ты и толкуй тут, что хочешь. Такая робость нападает, точно тебя казнить ведут.

Красавина. Кого это робеть-то? бабы-то? А ты напусти на себя еройский дух, вот и все.

Бальзаминов. Хорошо тебе говорить-то: «геройский дух». А где его взять-то?

Красавина. Ну, а негде взять, так плохо дело! А я думала, что ты ходок на эти дела. А еще чиновник называешься, при форме ходишь! Да будь я мужчиной, так я, кажись бы, всех заполонила. *(Встает).* Ну, я

свое дело сделала, сказала тебе; а там уж ты как хочешь.

Бальзаминова. Куда же вы? Посидели бы, чайку бы напились!

Красавина. А вот мне тут, по соседству, нужно бобы развести; к чаю-то я еще к вам поспею.

Бальзаминова. Ну, так я велю самовар поставить да вас поджидать буду.

Красавина *(Бальзаминову)*. Ну, теперь ты видел мою службу?

Бальзаминов. Видел.

Красавина. Ты человек казенный?

Бальзаминов. Как казенный?

Красавина. Ну, да так же, казенный! Ведь ты при должности?

Бальзаминов. При должности.

Красавина. Праву знаешь?

Бальзаминов. Какую праву?

Красавина. Такую же праву, документы там ваши и законы всякие.

Бальзаминов. Знаю.

Красавина. Служит кто задаром али нет?

Бальзаминов. Кому же охота задаром служить!

Красавина. Ну вот видишь ли! Значит, и мне тоже по Москве-то даром трепаться нужда невелика.

Бальзаминова. Да уж вы, матушка, об этом не беспокойтесь.

Красавина. Как же не беспокоиться? Кому охота свои труды терять! Ведь этак, пожалуй, добры люди дурой назовут.

Бальзаминов. Ты мне только скажи, что тебе нужно; а уж я ни за чем не постою.

Красавина. А мы вот что сделаем! Ты завтра в суд пойдешь, так принеси лист гербовой бумаги; мы с тобой для верности условие и напишем.

Бальзаминов. Уж ты будь покойна, уж я все... Маменька, что такое деньги? — Прах! Нет их — так они дороги; а теперь для меня что они значат? Ровно ничего.

Бальзаминова. Ну, и мотать-то тоже ничего нет хорошего!

Бальзаминов. Я, маменька, мотать не стану, а пожить — поживу, с шиком поживу.

Красавина. Еще б не пожить! Будет уж, победствовал! Видел нужду-то, в чем она ходит; теперь можно себе и отвагу дать. Однако прощайте! *(Кланяется.)* Хорошо вам тут разговаривать, вам делать-то больше нечего; а у меня еще дела-то по уши.

Бальзаминова. Так я вас жду.

Красавина. Уж теперь ваша гостья. Прощай сокол — вороньи крылья! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бальзаминов и Бальзаминова.

Бальзаминов. Ну, маменька, что вы на это скажете? месяц-то, месяц-то!

Бальзаминова. Что сказать-то тебе? По-моему, еще очень-то радоваться нечему! Еще верного ничего нет.

Бальзаминов. А все-таки, маменька, видно, что она в меня влюблена. И дом, маменька, у нее каменный. Ах, блаженство!

Бальзаминова. Уж и влюблена! Понравился ты ей так, с виду, вот и все. А ты того не забудь, что ты еще с ней ни одного слова не говорил. Что-то она тогда скажет, как поговорит-то с тобой! Умных ты слов не знаешь...

Бальзаминов. Это, маменька, нужды нет. В нашем деле все от счастья; тут умом ничего не возьмешь. Другой и с умом, да лет пять даром проходит; я вот и неумен, да женюсь на богатой!

Бальзаминова. Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские, я их много знаю; ты бы хоть их заучил когда, на досуге. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают,— просто прелесть слушать.

Бальзаминов. Какие же это слова, маменька? Ведь как знать, может быть, они мне и на пользу пойдут.

Бальзаминова. Разумеется, на пользу. Вот слушай! Ты все говоришь: «я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «я хочу проминаж сделать!»

Бальзаминов. Да-с, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминаж лучше.

Бальзаминова. Про кого дурно говорят, это — мараль.

Бальзаминов. Это я знаю-с.

Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь,— как про нее сказать? Дрянь? Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: «гольтепа!»

Бальзаминов. Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют,— это «асаже» называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее. Асаже, асаже...

Бальзаминова. Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминов. Припоминайте, маменька, припоминайте! После мне скажете. Теперь сбегать в цирюльню завиться, да и бежать. Вот, маменька, полечу-то я, кажется, и ног-то под собой не буду слышать от радости. Ведь вы только представьте: собой не дурна, дом каменный, лошади, деньги, одна, ни родных, никого. Вот где счастье-то! Я с ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажем.

Бальзаминова. На-ко, вот еще письмо к тебе. *(Отдает письмо Устрашимова.)*

Бальзаминов *(берет письмо и распечатывает)*. Мы себя покажем, маменька! Мы себя покажем. *(Читает.)* Боже мой! *(С отчаянием садится на стул.)* Все кончено, все!

Бальзаминова. Что там еще за беда случилась?

Бальзаминов. Все, все кончено! Нечего теперь и думать, и мечтать... Как обухом, так и ошарашил.

Бальзаминова. Наладил одно! Да ты скажи мне, что такое?

Бальзаминов. Нечего и завиваться идти. И не пойду. Вот тебе и дом. Точно как я все это во сне видел.

Бальзаминова. Эх, глуп ты, Миша!

Бальзаминов. Да, глуп! Хорошо вам разговаривать-то. Поглупеешь, как вот этакие письма получать будешь. Я вот сижу, маменька,— а ведь я убитый...

Бальзаминова. Да читай! Что за страсти такие!

Бальзаминов. Эко наказанье! Ну что я ему сделал? Слушайте, маменька! *(Хочет читать и останавливается).* Разбойник! Право, разбойник! *(Читает.)* «Михайло! я давно слышал, что ты ходишь мимо известного тебе дома; но не верил...» И рожа-то у него, маменька, разбойницкая! *(Читает.)* «...но не верил; я думал, что ты, зная меня, не посмеешь этого сделать. Теперь я сам тебя видел и знаю, что ты кинул в окно записку. Такой подлости я от тебя не ожидал!» В чем же тут подлость, позвольте вас спросить? А он сам разве этого не делает! Откуда ж у него перстни да цепочки-то?

Бальзаминова. Да ты читай!

Бальзаминов. Сейчас, маменька! *(Читает.)* «Я уж два года знаком с этой дамой...» Кто ж его знал! Разве я знал это?

Бальзаминова. Ну, а если б знал?

Бальзаминов. Разумеется бы, не пошел.

Бальзаминова. А отчего бы это не пойти? Что он тебе, начальник, что ли? Ведь она еще не жена ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то «не пошел бы!» То-то вот ты тетеря у меня: вот что мне и горько!

Бальзаминов. Это я, маменька, так сказал. Может быть, я и пошел бы.

Бальзаминова. Ну, что там дальше?

Бальзаминов *(читает).* «Теперь у нас вышла ссора из капризу...»

Бальзаминова. Вышла ссора. Ну вот и прекрасно! Ты и должен этим пользоваться.

Бальзаминов. Да, как же, прекрасно! Вы послушайте, что он дальше-то пишет. *(Читает.)* «Но я надеюсь помириться с ней; следовательно, ты мне мешать не должен. Если бы она была поумней, я бы тебя не боялся; а то она по глупости готова всякому дураку кинуться на шею ..».

Бальзаминова. И чудесно, и чудесно!

Бальзаминов. Ах, маменька, да уж вы не перебивайте! *(Читает.)* «Поэтому самому ты и не смей ходить в ту сторону». Вот оно что! *(Читает.)* «Если те-

бе жизнь еще не надоела, чтобы и нога твоя там не была!» Как это вам покажется?

Бальзаминова. Небось, страшно?

Бальзаминов. А то не страшно? Ведь я, чай, один у вас сын-то! Ну, а вот дальше-то. *(Читает.)* «А то я тебя изувечу или совсем убью. Так ты и знай! Вот тебе и вся недолга».

Бальзаминова. Что такое? Я не дослышала.

Бальзаминов *(робко)*. «Вот тебе и вся недолга!»

Бальзаминова. Скажите пожалуйста! Так вот вас и испугались! Ну, что ж ты молчишь?

Бальзаминов. Что ж мне говорить-то? Точно меня чем ошибло, ничего не помню, из головы все вылетело, словно как пустая теперь.

Бальзаминова. Что ж, ты пойдешь или нет?

Бальзаминов. Как идти-то, маменька? Разве мне жизнь-то не мила, что ли? Как ни бедствуешь, а все пожить-то хочется.

Бальзаминова. А дом-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминов. Ах, не терзайте вы меня! *(Хватает себя за голову.)* Что мне делать? Батюшки, что мне делать?

Бальзаминова. Так ты в самом деле боишься, что он убьет тебя?

Бальзаминов. Убьет, маменька, убьет! Уж я его знаю. *(Стоит задумавшись.)*

Бальзаминова. А я так думаю, что не убьет. Глупый ты человек, ведь за это в Сибирь ссылают. Кому охота! Побить, может быть, побьет, это я не спорю, коли он сильнее тебя.

Бальзаминов *(в задумчивости)*. Сильней.

Бальзаминова. Зато, коли ты понравишься, какой ты ему нос-то натянешь!

Бальзаминов *(все в задумчивости)*. Асаже?

Бальзаминова. Да, асаже славное сделаешь.

Бальзаминов *(несколько времени стоит молча)*. Ну, была не была! Прощайте! Побегу завиваться.

Бальзаминова. Ступай. Волка бояться — в лес не ходить!

Бальзаминов. Именно! Ну, Устрашимов, посмотрим, чья возьмет! *(Уходит)*.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Анфиса Даниловна Антрыгина, *вдова, 30 лет.*
Анна Прокловна Пионова, *ее знакомая, 25 лет.*
Маша, *горничная Антрыгиной.*
Бальзаминов.
Устрашимов.
Красавина.

Богатая гостиная в доме Антрыгиной.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маша *(одна: смотрит в окно и кланяется).* Павлин Иваныч, здравствуйте! Что? Говорите громче, здесь никого нет.

Голос Устрашимова: «Сделай милость, Маша, узнай, за что на меня твоя барыня сердится?»

Да как узнаешь-то? они не сказывают.

Устрашимов: «Рубль серебром, Маша».

Обманете!

Устрашимов: «Ну, вот еще!»

Побожитесь!

Устрашимов: «Да что божиться; я тебе вперед отдам».

Ну, хорошо! Уж постараюсь как-нибудь.

Устрашимов: «Так ты вот что: ты как узнаешь, так прибеги в лавочку к заставе. Я буду там дожидаться».

Хорошо, хорошо! *(Кланяется.)* Прощайте! Отчего сердится? Известно отчего, от ревности. Надо только узнать, к кому она его ревнует. А он-то, бедный, мучится, думает, что она его разлюбит. Не разлюбит, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то белобрысого чиновника теперь приманивает; а все это только один отвод, помучить хочется. Кабы в самом-то деле захотела бросить Павлина Иваныча, так бы с утра до ночи на трефового короля не гадала. Нет уж, видно, как полюбишь вашего бра-

та, так не скоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачем только она сотворена. Уж про нашу сестру нечего говорить — слабое творение; а и мужчины — и те от нее муку видят. А все-таки без любви никто не живет! И стыда от нее много бывает; случается, что и горя натерпишься,— а без нее все-таки скучно. Вот тут у меня как-то перемежка вышла, так не знала, куда деться от тоски. Хожу как не своя, точно как потеряла что. А как есть предмет, так то ли дело!..

Входит Антрыгина и молча ложится на диван.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антрыгина и Маша.

Маша. Что это вы, сударыня, какие нынче скучные?

Антрыгина (*томно и со вздохом*). Так.

Маша. Нет, уж это, сударыня, что-нибудь да не так; прежде с вами этого не было.

Антрыгина. Оттого и скучаю, что мне все на свете надоело, ничто меня в жизни не занимает. И зачем я живу? Я не понимаю.

Маша. Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такие веселые. Даже очень приятно было видеть вас, что вы всегда в хорошем расположении бываете.

Антрыгина. Да, может быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь; следовательно, что же меня может к ней привлекать!

Маша. Вы еще так молоды, сударыня.

Антрыгина. Что ж из этого? Коли я вижу, что все в жизни обман, что никому поверить нельзя, что на свете только суета одна,— что же я должна делать? Я должна удаляться от света. С хитростью, с политикой женщина может жить в свете; а с чувством, с нежным сердцем должна только страдать. Следовательно, я лучше буду жить, как отшельница, чем за все свое расположение и за свое добро видеть от людей обиду или насмешку.

Маша. Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что людям нельзя большого доверия де-

лать, особенно мужчинам; только для чего же из-за этого из-за самого вы будете себя мучить! Разве мало может быть для вас развлечений?

Антрыгина. Каких это развлечений?

Маша. Мало ли, сударыня, развлечений! Можете ехать на гулянье, в гости, у себя гостей принимать, зимой — в театр, в Собрание.

Антрыгина. Для чего? для кого?

Маша. А как знать, сударыня, может, вам кто-нибудь понравится, выйдете замуж и будете жить да поживать.

Антрыгина. Я? Никогда! Чтобы я когда-нибудь поверила мужчине! Да если он все клятвы произнесет, я и тогда не поверю. *(Молчание.)* Я в монастырь пойду.

Маша. Что вы, сударыня! Как это можно!

Антрыгина. А вот увидишь. Уж если я на что решилась...

Маша. Едет кто-то *(Подходит к окну и смотрит.)* Военный... к нам в окны смотрит... с аполетами...

Антрыгина. С густыми?

Маша. С густыми.

Антрыгина. Молод?

Маша. Не очень.

Антрыгина. Уж если я на что-нибудь решилась... Да, может быть, это он так взглянул?

Маша. Должно быть. Что-то не оборачивается.

Антрыгина. Ну его! Уж коли я на что решилась, так я и сделаю. Ты еще моего характера не знаешь. Ты, может быть, думаешь, что я буду жалеть о разных глупостях? Как же, нужно очень! Я уж давно все шалости из головы выкинула. У меня и в помышлении-то нет ничего такого. *(Задумывается с улыбкой.)*

Маша *(указывая глазами на карты)*. Не раскинуть ли?

Антрыгина. Кинь!

Маша. На трефового короля прикажете?

Антрыгина *(рассеянно)*. Ну, да.

Маша *(гадает)*. Очень, очень недурно, сударыня.

Антрыгина. Что там у тебя?

Маша. А вот извольте посмотреть.

Антрыгина *(встает и смотрит)*. И то ведь хорошо.

Маша *(со смехом показывая на карту)*. А вот извольте посмотреть, что здесь-то!

Антрыгина *(улыбаясь, смешивает карты)*. Ах, пустяки какие! Неужели ты веришь?

Маша. Никогда не врут, сударыня. А уж это-то завсегда сбывается.

Антрыгина. Ну, болтай еще! Чего ты не выдумаешь. *(Молчание.)* Хоть бы шарманка, что ли, прошла: тоска такая.

Маша. Барыня, подъехал кто-то.

Антрыгина. Беги, посмотри, кто такой?

Маша уходит. Антрыгина поправляется перед зеркалом, потом смотрит в окно.

Вчера не проходил и нынче нейдет. Ах, противный! Коли завтра не придет, так надо будет Машу спосылать! Пускай она, как будто от себя, и скажет, что я замуж выхожу; вот мы тогда и посмотрим. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины все горды; ну уж и я, кажется, ни за что на свете не покорюсь.

Входят Пионова и Маша.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Антрыгина, Пионова и Маша (у дверей).

Антрыгина. Ах, Анета! Что это ты пропала?

Целуются и садятся.

Пионова. Хорошо тебе разговаривать-то, ты сама себе госпожа; а у меня муж, да и дела куча. Я и заехала-то к тебе не надолго, поговорить нужно об одном деле. У нас в доме такая тоска.

Антрыгина. Я воображаю.

Пионова. Поверишь ли, не с кем слова перемолвить. Иногда так нужно бывает, так нужно, а решительно не с кем, ну, и едешь к тебе, за семь верст.

Антрыгина. Разве есть что?

Пионова. Нет еще, серьезного ничего нет.

Антрыгина. Где поймала?

Пионова. В Сокольниках.

Антрыгина. Хорош?

Пионова. Недурен. Ну, да об этом после. Что твой?

Антрыгина. Ах, оставь, сделай милость! Я и думать-то забыла о нем.

Пионова. Да отчего с тобой вдруг такая перемена, скажи на милость?

Антрыгина. Оттого, что мерзавец!

Пионова. Ах, Анфиса! Ты ли это говоришь!

Антрыгина. Уж коли я говорю, так, значит, я знаю.

Пионова. Помилуй! Такой прекрасный молодой человек! Так тебя любит!

Антрыгина. Да, любит; оно и видно.

Пионова. Разумеется, видно. Неужели ты в этом сомневаешься? Это ни на что не похоже! И ты до сих пор все его мучишь, все не принимаешь?

Антрыгина. Еще бы! Да и нога его здесь не будет.

Пионова. Что ты! Что ты!

Антрыгина. И таки — никогда, никогда!

Пионова. Ну, уж я не знаю! Ты каменная какая-то! Железо, просто железо! Да и то подается. Чего тебе еще нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюблен без памяти...

Антрыгина. Да тебе-то что за дело?

Пионова. Да не могу я этого видеть равнодушно! Делать такие тиранства над человеком, который, может быть, ни душой ни телом не виноват, это ужасно!

Антрыгина. Нет, он стоит, он еще не того стоит!

Пионова. Попался тебе мужчина с кротким сердцем, можно сказать, с ангельским, так его и мучить.

Антрыгина. Хороши ваши мужчины, нечего сказать!

Пионова. Ну, уж и женщины-то ваши тоже хороши.

Антрыгина. Разумеется, лучше мужчин.

Пионова. Ну едва ли!

Антрыгина. Про какое это ты ангельское сердце говоришь?

Пионова. Конечно, про Устрашимова.

Антрыгина. Разве у фальшивых людей может быть ангельское сердце? Давно ли это?

Пионова. Кто же сказал, что он фальшивый человек? Против кого он фальшивый человек?

Антрыгина. Решительно против всех.

Пионова. Но только не против тебя. Он такой душка, прелесть что такое!

Антрыгина. Бессовестный!

Пионова. Ангел, а не человек.

Антрыгина. Мерзавец, каких свет не производил.

Пионова. Очарование, что за мужчина!

Антрыгина. Ну, и возьми его себе, коли он тебе нравится.

Пионова. Мне не надобно-с. Не извольте обо мне беспокоиться! Конечно, я умею ценить людей, не то, что ты. Скажи же ты мне, наконец, за что ты на него сердишься?

Антрыгина. Тебе хочется знать? Изволь. Постой, когда это... да на той неделе во вторник — еду я мимо Чистых прудов, вдруг вижу: этот господин идет под ручку с какой-то дамой, садятся на лавочку и так это горячо разговаривают...

Пионова. Да ты хорошо ли рассмотрела?

Антрыгина. Где ж было рассмотреть! Оно бы и нужно было остановиться, да уж я себя не помнила. Во всех членах трясение сделалось. Вместо того чтобы сказать кучеру: «стой!» я кричу: «Скорей, скорей!» Как домой доехала, уж не помню. Сейчас же не велела его пускать и писем от него принимать...

Маша уходит.

Пионова. Да может быть, это не он был. Надо узнать.

Антрыгина. Как же узнать? У него, что ли, спросить? Так он разве скажет! Известное дело, обманет, перевернет все в другую сторону. Нет, уж лучше бог с ним. *(Подносит платок к глазам.)*

Пионова. А сама плачешь, да вот и трефовый король тут на столе. Значит, ты об нем думаешь.

Антрыгина. И не воображала.

Пионова. Анфиса, помирись с ним! *(Целует ее.)* Ну, сделай милость! Ну, для меня! Душенька!

Антрыгина. Ни за что на свете.

Пионова. Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не помиритесь.

Антрыгина. Нет, уж у меня другой есть на примете. Выду за него замуж; он же такой скромный, учтивый.

Пионова. И ты решишься этакое варварство сделать?

Антрыгина. Что за варварство?

Пионова. Да как же не варварство? Променять такого человека на какую-нибудь дрянь.

Антрыгина. Совсем не дрянь. Во-первых, он не то, что другие, он любит меня.

Пионова. Да, как же, любит! Он тебя обманывает, прикидывается только.

Антрыгина. Во-первых, это сейчас видно, кто обманывает; а во-вторых...

Пионова. Да, как же, увидишь ты у них!

Антрыгина. У кого у них?

Пионова. У мужчин. Так тебя проведут, что и не услышишь. Уж обмануть — их дело. Тем только всю жизнь и занимаются. Мы им на жертву созданы; вот они и потешаются над нами.

Антрыгина. У тебя, Анета, семь пятниц на неделе; давеча хвалила мужчин, а теперь уж нехороши стали.

Пионова *(горячо)*. Ну что ж такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а все-таки Устрашимов — бесподобный мужчина, а этот твой новый — дрянь. Устрашимов никогда не позволит себе обмануть женщину, а этот обманывает. Это очень ясно. Вот тебе и все. Да этого и не может быть, чтобы Устрашимов был тебе неверен. Да вот, давай, сейчас загадаем на картах, вот все и узнаем. *(Раскладывает карты.)*

Антрыгина. Гадай, коли тебе хочется.

Входит Красавина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Красавина.

Антрыгина. А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина *(садится)*. Была и мед пила, по усам текло, а в рот не попало.

А н т р ы г и н а. Ну, здесь попадет. Что же?

К р а с а в и н а. Сокол в путь снаряжается: чай, скоро прилетит.

П и о н о в а *(строго)*. Анфиса!

А н т р ы г и н а. Пускай прилетит, мы его примем как должно.

П и о н о в а *(бросив карты)*. Нет, это из рук вон! Ты так ветрена, так ветрена, ни на что не похоже!

К р а с а в и н а. А что ж такое в этом дурного, теперича спросить у тебя. Ты еще понимаешь ли, какое это дело, как оно называется? Ведь это — судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Может, ей на роду написано быть за ним замужем. Так разве можно от своей судьбы бегать! Где это видано?

П и о н о в а. Тебя послушай только! У вас все судьба; все свахи так говорят. Известное дело — в этом вам интерес, вот вы и хлопочете.

К р а с а в и н а. А что такое сваха? Сваха — великое слово! Не у всякого хватит ума, как его понимать! Если рассудить хорошенько, так нас бы надобно всякими разными чинами жаловать,— вот что я тебе скажу. Нами только и государство-то держится, без нас никакое государство стоять не может. Вот оно какое слово — сваха. Не будь нас, ну и конец, и род человеческий прекратится.

П и о н о в а. Не беспокойся, не прекратится.

К р а с а в и н а. Где тебе знать! Ты еще молода для этого!

А н т р ы г и н а. А что, Гаврилиха, каково они живут? С достатком или нет!

К р а с а в и н а. Уж какие достатки у приказных! Мне перед тобой таить нечего; живут не больно авантажно. Избушка на курьих ножках, маленько — тово... набок; рогатого скота: петух да курица; серебряной посуды: крест да пуговица. Да тебе что за дело до достатков? У тебя у самой много, тебе человека нужно. Да вот никак и он пришел, кто-то в передней толчется. *(Встает и заглядывает в дверь.)* Войди, ничего, не бойся! Войди, говорят тебе! Чего бояться-то!

Б а л ь з а м и н о в входит и раскланивается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Антрыгина. Здравствуйте, Михайло Дмитрич! Я давно хотела с вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

Красавина. Ну, и сядь!

Бальзаминов *(Красавиной)*. Да уж я сам-с... *(Раскланивается.)*

Красавина. И садись, коли просят.

Бальзаминов садится.

Антрыгина. У вас, должно быть, служба не очень трудная?

Бальзаминов. С девяти часов до половины третьего-с; а на дом редко когда дают-с.

Пионова. Оно и видно, что вам делать-то нечего; то-то вы по всей Москве и ходите.

Антрыгина. Ах, какая ты, Анета! Отчего ж и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминов. Проминаж-с.

Пионова. Хорош проминаж, черезо всю Москву!

Антрыгина. Разумеется, без цели не стоит ходить. У них, может быть, есть цель; почем ты знаешь! Может быть, им кто-нибудь нравится в этой стороне. Вероятно, вы за этим и ходите в нашу сторону?

Бальзаминов *(конфузясь)*. Да-с, так точно-с!

Антрыгина. Вот видите ли, я и угадала.

Пионова. Мудрено было угадать! *(Бальзаминову.)* А можно вас спросить, кто это вам нравится в этой стороне?

Бальзаминов. Это я должен сохранять в глубине души своей-с.

Антрыгина. И очень вы ее любите?

Бальзаминов. Для моей любви нет границ и нет слов-с, чтобы выразить.

Антрыгина. Вот как! Это, должно быть, очень приятно, когда так любят. Слышишь, Анета?

Пионова. А я так думаю, что оттого и нет слов, что сказать-то нечего.

Бальзаминов. Конечно, кто знает много стихов хороших-с, тот сейчас может прибрать на всякий случай-с; а кто если не знает, как же он выразит свои чувства!

Антрыгина. А вы много стихов знаете? Я ужасно люблю стихи.

Бальзаминов. Я больше все чувствительными стихами занимаюсь, которые выражают любовь-с и разные страдания. А то много ведь стихов написано теперь и таких, которые ничего не выражают; так те для меня не интересны-с.

Антрыгина. Скажите какие-нибудь, мы послушаем!

Красавина. Ну, и скажи, коли знаешь.

Бальзаминов. Прикажете чувствительные?

Антрыгина. Ах, сделайте милость, чувствительные.

Бальзаминов.

Льются слезы, дух мятется,
Томно сердце, томно бьется:
Где любезная моя?
Нет ея!

Красавина. Что-то, брат, нескладно.

Бальзаминов. Есть и другие-с.

Антрыгина. Какие же это такие?

Бальзаминов. Пастух, ищущий своей пастушки. Голос нежный. Так и в книжке напечатано. А то я знаю и жестокие-с.

Антрыгина. Скажите жестокие!

Бальзаминов.

Злой пастух!
Весь твой дух
Ныне пременился:
Ты иной
Красотой,
Знать, теперь пленился?

Красавина. Да что ты все про пастухов наладил! Нужно очень! Вот невидаль какая! Ты хорошие какие-нибудь скажи! Про ерцогиню какую либо про прынца.

Бальзаминов. У меня дома тетрадь есть для стихов-с, я в нее и вписываю; если прикажете, я принесу-с. Только жаль, что хороших стихов достать негде-с. У нас в суде никто этим не занимается, только разве один Устрашимов.

Антрыгина. А вы разве в одном суде служите?

Бальзаминов. В одном-с и даже за одним столом-с.

Пионова. Как я вам завидую.

Антрыгина. Вы, значит, его хорошо знаете?

Бальзаминов. Как же не знать-с? Пять лет вместе служим-с.

Пионова (*тихо Антрыгиной*). Ну, вот и спроси про вторник.

Антрыгина. Мне хотелось бы от вас слышать, что он за человек. Одна моя знакомая очень им интересуется.

Бальзаминов. Я не знаю, как говорить-с. Как бы не вышло чего.

Антрыгина. А что же может выйти?

Бальзаминов. А ежели он узнает-с.

Антрыгина. Не беспокойтесь, не узнает. А разве он дурной человек?

Бальзаминов. Одно слово, разбойник-с.

Антрыгина. Как разбойник?

Бальзаминов. Душегубец-с.

Пионова. Какой вы вздор говорите! Скучно слушать!

Бальзаминов. Помилуйте, какой же вздор, когда есть примеры-с.

Антрыгина (*с испугом*). Что вы говорите! Ах, боже мой! Он убил кого-нибудь?

Бальзаминов. Нет, не убил-с, а хочет убить до смерти-с.

Пионова. Уж не вас ли?

Бальзаминов. Да, меня-с. Ей-богу! (*Антрыгиной*). Только уж вы, сделайте одолжение, ему ничего не говорите-с.

Антрыгина. Да что вы! Я его и не знаю.

Бальзаминов. Нет, это вы нарочно-с. Он сказывал, что вы с ним знакомы, только у вас теперь ссора вышла.

Антрыгина. Ну да! То есть мы были знакомы, а теперь уж все кончено.

Бальзаминов. Это очень хорошо-с.

Пионова. В самом деле? Вам это нравится?

Бальзаминов. Да как же-с! Что же можно от него ожидать, коли он разбойник? Кроме неприятности, ничего-с. Теперь вы представьте себе: за что же он меня хочет убить до смерти-с? За то, что я к вам

в дом пришел-с? Так уж ведь это кому счастье-с! Зачем же мне от своего счастья бегать! Притом же, я человек с большим вкусом-с, у меня вкусу-то еще гораздо больше, чем у Устрашимова, а средств к жизни нету-с. Следственно, я должен их искать. Кабы мне теперь средства-с... А про Устрашимова я бы много мог сказать, да по-товарищецки не годится. Я только одно скажу, что человек самой черной души!

Пионова. Вы нам вот что скажите: во вторник Устрашимов был в суде?

Антрыгина. Да, сделайте одолжение!

Бальзаминов. Во вторник? Позвольте-с! Он во вторник был дежурный, целый день в суде-с и ночевал там.

Пионова (*Антрыгиной*). Ну, что! Говорила я тебе.

Бальзаминов. Если человек со вкусом, да не имеет средств, это ужасное положение-с! В мечтах все представляется богатство и даже во сне-с...

Маша показывается в дверях.

Маша. Барыня, пожалуйте сюда!

Антрыгина подходит, говорят шепотом, возвращается и садится.

Пионова (*тихо*). Что?

Антрыгина (*тоже тихо*). Письмо.

Бальзаминов. Я говорю-с, когда много вкусу и притом в мечтах...

Антрыгина. Не угодно ли вам по саду погулять.

Бальзаминов. Ничего-с. Мне и здесь хорошо-с.

Антрыгина. Уж сделайте одолжение! Мне нужно тут заняться кой-чем.

Пионова. И мы сейчас к вам придем.

Красавина. Ну, что ж, пойдем! Знать, им что-нибудь нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Антрыгина, Пионова и Маша (у дверей).

Пионова. Ну, читай скорее, читай!

Антрыгина (*распечатывает и читает*). «Милостивая государыня Анфиса Даниловна! Наконец

я узнал, отчего происходит ваш гнев на меня. Маша мне все сказала. Но я ни в чем не виноват, в чем вы сами можете легко убедиться. Стоит вам только спросить у кого-нибудь из моих товарищей, где я был во вторник, вам всякий скажет, что я был дежурный. Спросите хоть у Бальзаминова, у своего нового обожателя. Он столько глуп, что не сумеет солгать, хотя бы и хотел. Если я и теперь не дождусь от вас ответа или приглашения, то,— вы меня знаете, я человек решительный,— вам придется отвечать за меня перед богом, правительством и публикою. Мрачную душу мою стерегут злые демоны; я отдал ее им на жертву; я чувствую их приближение. Пистолет заряжен и ждет меня; я с радостию встречу смерть и с адским хохотом закрою глаза свои. Прежде ваш, а теперь ничей, Павлин Устрашимов».

Пионова. Ах, какие чувства! Ах, как ты счастлива, Анфиса, что тебя так любят! Ах, боже мой! Отвечай ему скорей!

Антрыгина. Что ты разахалась! Я сейчас пошлю за ним, он тут у ворот дожидается. Маша, позови Павлина Иваныча!

Маша уходит.

Что же мне делать с Бальзаминовым?

Пионова. Я пойду в сад, удержу его. А потом, когда мы придем сюда, он сам увидит, что ему здесь делать нечего.

Антрыгина. Ну, и прекрасно.

Пионова *(целуя Антрыгину)*. Милочка! *(Уходит)*.

Антрыгина садится на диван и смотрит в противоположную сторону от двери. Входит Устрашимов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Антрыгина и Устрашимов.

Устрашимов. Вы меня звали?

Антрыгина. Не стоять же вам у ворот.

Устрашимов *(видя, что Антрыгина на него не смотрит, пожимает плечами и отходит к противоположному окну)*. Что же вам угодно?

Антрыгина. Вы хотели меня видеть: что вам угодно?

Устрашимов. Я хотел перед вами оправдаться.

Антрыгина. Что вам оправдываться! Мужчины всегда правы. Да я совсем и не за то сержусь, за что вы думаете.

Устрашимов. Так за что же?

Антрыгина. Уж я знаю за что.

Устрашимов. Но однако?

Антрыгина. Всего не перескажешь.

Устрашимов. Если вы меня звали только за тем, так прощайте.

Антрыгина *(вполовину оборотясь)*. Куда же вы?

Устрашимов. Для вас, я думаю, это решительно все равно, куда бы я ни пошел!

Антрыгина. Почему же вы так заключаете?

Устрашимов. По всему: по приему вашему, по тому, что у вас здесь Бальзаминов. А впрочем, какое же мне теперь до этого дело! Прощайте!

Антрыгина *(взглянув на Устрашимова)*. Останьтесь с нами чай пить.

Устрашимов *(взглянув на Антрыгину)*. К чему же мне оставаться? Ну, скажите, к чему? *(Кладет шляпу на стол)*.

Антрыгина. Вы хотите, чтобы вас просили? Как вы горды!

Устрашимов. Я горд, да, я горд; но не против вас.

Антрыгина. Докажите на деле, что не горды.

Устрашимов. Я вам это доказывал несколько раз и готов доказать, когда угодно. *(Подходит к Антрыгиной и становится перед ней на колени)*. Вы видите, горд ли я! Я ни в чем не виноват перед вами, но я прошу у вас извинения.

Антрыгина молча протягивает руку, он целует.

Вы не сердитесь?

Антрыгина. Встаньте! Не сержусь.

Устрашимов *(встает)*. Вы меня измучили.

Антрыгина *(ударяет его по плечу)*. Кто старое помянет, тому глаз вон.

Устрашимов *(обнимает ее и целует в щеку)*. Ура! Победа!

Антрыгина *(сопротивляясь)*. Что вы! Что вы!

Ну войдет кто-нибудь. Какой неосторожный! Обрадовался уж очень! На все есть время.

Входит Пионова.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Пионова.

Пионова (*вопросительно смотрит на них*). Помирились?

Антрыгина. Помирились.

Пионова (*Устрашимову*). Я все время за вас заступалась. Вот спросите ее.

Устрашимов (*целуя у ней руку*). Покорно вас благодарю!

Входят Красавина и Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Красавина и Бальзаминов.

Бальзаминов (*не замечая Устрашимова*). Какой у вас прекрасный сад-с, и всяких цветов очень много-с! Только если бы я был богат-с... (*Увидав Устрашимова, остается с открытым ртом*).

Устрашимов. Что ж бы ты?

Бальзаминов. Я бы-с... Как же это? Зачем же-с?..

Устрашимов. Зачем я-то, это очень просто. Ты-то зачем?

Антрыгина. Да вот все Гавриловна! Навязывается с женихами! И кто ее просит! (*Делает Красавиной знак глазами, достает из кармана ассигнацию и потихоньку отдает ей*). Я и не думала, а ты тут с сватовством.

Красавина. Ну, кто ж тебя знал! Я думала угодить. (*Тихо*). Увести, что ль?

Антрыгина утвердительно кивает головой.

(*Громко*). Наше дело такое! Где тебе спасибо скажут, а где так и в шею вытолкают. И не рад, да будь готов.

Бальзаминов. Да как же-с, ведь вы поссорились.

Пионова. Они поссорились, они и помирились. Это уж их дело.

Бальзаминов. А как же я-то теперь-с? При чем же-с?

Пионова. А вы знаете русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Бальзаминов. Извините, я не понимаю-с. В каком смысле-с?..

Красавина. А вот пойдем, я тебе доро́гой растолкую.

Бальзаминов. Как-с? так и идти?

Устрашимов. И чем скорей, тем лучше.

Красавина. Уж что тут еще! Видимое дело, что тем же трахтом, да и назад пожалуйте!

Бальзаминов. А как же я маменьке-с... опять же я с правой стороны-с... при всем том...

Все. Прощайте! Прощайте!

Красавина. Ну, совет да любовь!

Бальзаминов раскланивается. Красавина уводит его за руку.

Пионова. И прекрасно, и прекрасно! Вот теперь сядем чай пить.

Антрыгина. Маша, давай самовар.

ЗА ЧЕМ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ (ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА)

Картины московской жизни

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзаминова, *вдова.*
Михайло Дмитрич Бальзаминов, *сын ее.*
Акулина Гавриловна Красавина, *сваха.*
Матрена, *кухарка.*
Лукьян Лукьяныч Чебаков, *офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват; сертук застегнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.*

Бедная комната у Бальзаминовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова (пьет чай) и Матрена (стоит у двери).

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет.

Бальзаминова. А где же Миша? что-то не видать его.

Матрена. Спит, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спит.

Матрена. Что ж! пущай спит. Никаких важных дел за ним нет; остановки не будет. А я его сочледила, куда он ходит.

Бальзаминова. Куда же?

Матрена. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзаминова. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрена. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзаминова. Отчего же ты так, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином еще не вышел.

Бальзаминова *(встает)*. Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. *(Уходит.)*

Матрена садится к столу и пьет. Бальзаминова возвращается. Матрена встает.

Сиди!

Матрена садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спит еще. *(Садится.)* А как их по фамилии-то, где он ходит?

Матрена *(оборотив голову)*. Пеженовых.

Бальзаминова. Кто ж они такие?

Матрена. Сами по себе.

Бальзаминова. Как же так сами по себе?

Матрена. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты бестолковая! Что же они, служащие или купцы?

Матрена. Должно, торгуют.

Бальзаминова. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрена. Две сестры — обе девки уж в летах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, все одно под замком.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрена. Такой приказ от братьев.

Бальзаминова. Зачем же такой приказ?

Матрена (*дуя в блюдечко и оборачиваясь*). Потому страм.

Бальзаминова. Какой же страм?

Матрена. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда. (*Накрывает чашку.*) Покорно благодарствуйте! (*Встает и уносит самовар.*)

Бальзаминова. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша ходит, ходит, а все не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то еще скучней». Что правда, то правда. Нечего с ним и спорить.

Шум за сценой.

Что там у вас?

Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминов. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте...

Бальзаминова. Что такое?

Бальзаминов. Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама, красоты необыкновенной, и говорит: «Господин Бальзаминов, я вас люблю и обожаю!» Тут, как на смех, Матрена меня и разбуди-

ла. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова. Разумеется, не приснится.

Бальзаминов. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напророчил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завел. Лукьян Лукьяныч Чебаков... отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему! Что вы это говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же! Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого! Пройди по рынку мимо лавок лишний раз — сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела что собак гладят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут! Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там, хоть человека до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, перепугают до смерти, да еще бежишь с версту, духу потом не переведешь. Да и страм! Какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть!

Невежество в высшей степени... что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что я задумал?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсем-то, или все еще бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминова. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идет, зато офицер. А теперь что я! Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живем мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки... А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело, уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу — сидит барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова. Все вздор какой городишь! А чем жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то произойдешь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька, говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзаминова. В мае.

Бальзаминов. Ну вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». Впрочем, я не унываю. Этот сон, маменька, не даром... хоть я его и не весь видел,— черт возьми эту Матрену! — а все-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Бальзаминова. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзаминов. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминов. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминов. Другой на тебя смотрит — точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего! Конечно, если строго разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова. Разумеется. А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! *(Уходит.)*

Бальзаминова. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «я вас люблю и обожаю»... Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь сны-то больше всё наоборот выходят. Если бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю» — это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминова и Красавина.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но однако же ведь надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю! У меня совесть-то чище золота, одно слово — хрусталь,

да что ж ты прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди, какая мне радость, что всякое дело все врозь да врозь! Первое дело — хлопоты даром пропадают, а второе дело — всему нашему званию мараль. А просто сказать: «знать, не судьба!» Вот и все тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну, признаться сказать, я от тебя, кроме насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я против кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, милая...

Бальзаминова. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! Я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина. А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и без свахи невесту найдет, а хоть и со свахой, так с него много не возьмешь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не состряпать; значит, я с него возьму что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчет»? Без расчету тоже в нынешнем свете жить нельзя.

Бальзаминова. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном как дураком помыкают.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь, она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечерком зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила — подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзаминова. Кто ж такая?

Красавина. Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого самого и скучает.

Бальзаминова. Скажите пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну, а дома что ж делать? известно — покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминова. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовешь?» В гости ехать, говорит,— одеваться надобно; а приедешь — разговаривать нужно.

Бальзаминова. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну таким-то родом, сударыня ты моя, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на нее напала, вроде как болезнь. Ну и сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечение и беспременно чтоб замуж шли».

Бальзаминова. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминова. Нет, я не про то! Я насчет того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдешь дома-то сидя».— А я-то, говорю, на что? — «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзаминова. Ну, а как насчет состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзаминова. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всем так кажется, у кого денег нет. А поди-ко, попробуй! Нет, матушка, счет мудреное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколько умеет, до столько и считает: по-

тому у них и чины разные. Твой Михайло до сколько умеет?

Бальзаминова. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну где ему! Тысяч до десяти сочтет, а больше не сумеет. А то вот еще какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артитехторы считали, считали, цыфирю не хватило.

Бальзаминова. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цыфирь-то сначала и оборотят. Вот как! Так что ж тут мудреного, что мы денег не сочли? Ну деньги деньгами,— это само по себе, а еще дом.

Бальзаминова. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в середку, да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас еще лавки есть.

Бальзаминова. Ты уж что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминова. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Все ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашел на дороге сумму какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она все обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слыхал ли когда песню:

Никто души моей не знает,
И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха — она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не будет обманывать; а то ты всё не под масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело! Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать денег, значит я должен жениться на богатой. *(Садится.)* Ах, маменька, какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный — на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять все на смех. Зачем она пришла? Кто ее просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего добра кланяться не стану. Какая мне оказия!

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, он не в своем уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? Навязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, еще не знаешь,

какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду; признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзаминова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Красавина, Бальзаминов, потом Матрена.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты еще все не забыл? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вот за этот-то за самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашел.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

Красавина. И смотреть нечего.

Входит Матрена и становится у двери, приложив руку к щеке

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Бальзаминов. Известно какую, обыкновенную.

Красавина. Нет, не обнаковенную. Ты человек глупый, значит...

Бальзаминов. Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!

Матрена. А что, умен?

Бальзаминов. Ты молчи, не твое дело!

Красавина. Ты послушай! ты человек глупый, значит тебе...

Бальзаминов. Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, может быть, глуп; а для других совсем нет. Давай спросим у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросим! Да нечего и спрашивать. Ты поверь мне: я человек старый, обманывать тебя не стану.

Матрена. Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить?

Бальзаминов. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?

Матрена. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит правда.

Бальзаминов. Да что вы ко мне пристали! Что вам от меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпение, выслушай! Ты глупый человек, значит тебе умней себя искать невесту нельзя.

Матрена. Само собой.

Красавина. Значит, тебе нужно искать глупей себя. Вот такую-то я тебе теперь...

Бальзаминов *(встает)*. Что ты ко мне пристаешь! Что ты ко мне пристаешь! Я тебе сказал, что я слушать тебя не хочу. А ты все с насмешками да с ругательством! Ты думаешь, я вам на смех дался? Нет, погоди еще у меня!

Красавина. Что же ты сделаешь?

Бальзаминов. Я знаю, что сделать! Ты меня не тронь! Я служащий, обидеть меня не смеешь! Я на тебя и суд найду!

Красавина. Суд? Что ты, в уме ли? А судиться так судиться! Ты думаешь, я испугалась? Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я ответ найду. В какой суд на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминов. Это уж мое дело.

Красавина. Да ты все ли суды знаешь-то? Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза — и сейчас решение.

Бальзаминов. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на суде говорить? Какие во мне пороки станешь доказывать? Ты и словто не найдешь; а и найдешь, так складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то наперед подберу одно к другому. Вот нас с тобой сейчас и решат: мне превелегию на листе напишут...

Бальзаминов. Какую привилегию?

Красавина. Против тебя превелегию, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всем превозвышена; а тебя в лабет поставят.

Бальзаминов. В какой лабет? Что ты врешь?

К р а с а в и н а. А еще мужчина, еще служащий, а не знаешь, что такое лабет! Где ж тебе со мной судиться!

М а т р е н а. У! Бесстыдник!

Б а л ь з а м и н о в. Так что ж это вы меня со свету сжить, что ли, хотите? Сил моих не хватит! Батюшки! Ну вас к черту! *(Быстро берет фуражку.)* От вас за сто верст убежишь. *(Бросается в дверь и сталкивается с Чебаковым.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е и Ч е б а к о в.

Ч е б а к о в. Что это вы? Что это вы, господин Бальзаминов?

М а т р е н а. Батюшки! Он в уме повихнулся.

Б а л ь з а м и н о в. Ах, извините-с! Такое невежество! Вы не можете себе представить! Это ужас что такое!

Ч е б а к о в. Послушайте, Бальзаминов, что с вами такое?

Б а л ь з а м и н о в. Ничего-с! Очень вам благодарен! Конечно, с моей стороны неучтивость... Извините! Покорнейше прошу садиться!

Ч е б а к о в *(садясь)*. Послушайте, Бальзаминов, вы что-то не в своей тарелке.

Б а л ь з а м и н о в. Да помилуйте-с, Лукьян Лукьяныч, никак невозможно! Необразование, насмешки...

Ч е б а к о в. Ну, да это в сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что обещали, или нет?

Б а л ь з а м и н о в. Как же можно! Непременно-с.

Ч е б а к о в. То-то же! А то ведь вы, пожалуй...

Б а л ь з а м и н о в. Уж ежели я что, Лукьян Лукьяныч, обещал-с...

Ч е б а к о в. Ну да, разговаривайте! Знаем мы вас. Только послушайте, Бальзаминов, вам надо башмачником одеться.

М а т р е н а. Батюшки!

Б а л ь з а м и н о в. Зачем же это-с?

Ч е б а к о в. А вот я вам сейчас объясню.

К р а с а в и н а. Ну прощай, башмачник! Уж я к тебе больше не пойду; потому, мой друг, что хлеб за брюхом не ходит. *(Уходит, и Матрена за ней.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминов. Так точно-с. Конечно, невежество...

Чебаков. Так вот что, Бальзаминов: нельзя иначе, надо непременно башмачником. А то как же вы к ним в дом войдете? А вы наденьте сертук похуже, да фуражку, вот хоть эту, которая у вас в руках, волосы растреплите, запачкайте лицо чем-нибудь и ступайте. Позвоните у ворот, вам отопрут, вы и скажите, что, мол, башмачник, барышням мерку снимать. Там уж знают, вас сейчас и проведут к барышням.

Бальзаминов. А потом что же-с?

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов! Вы чудак. Как же вы спрашиваете, что делать! Вы влюблены или нет?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Чебаков. Так ведь надо же вам объясниться. И кстати, письмо отдадите. Моей отдайте вот это письмо *(отдает письмо)*, а своей откройтесь в любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колени. Да вы послушайте, не перемешайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминов. Помилуйте! Как можно! А вы, Лукьян Лукьяныч, уж открылись-с?

Чебаков. Давно уж...

Бальзаминов. Мы их, Лукьян Лукьяныч, скоро увезем-с?

Чебаков. Как будут согласны, так и увезем.

Бальзаминов. Моя будет согласна-с, потому что она на меня так смотрит, когда мы мимо проходим, что даже уму непостижимо-с.

Чебаков. Послушайте, ну вот и прекрасно.

Бальзаминов. Только, Лукьян Лукьяныч, как бы нам не ошибиться насчет...

Чебаков. Насчет денег? Нет, господин Бальзаминов, я в этом никогда не ошибаюсь.

Бальзаминов. То вы, а то я-с.

Чебаков. Они сестры, у них поровну капитал от отца. Братья оттого не отдают их замуж, что денег жаль.

Бальзаминов. Ну, так я сейчас-с, только сертук надену-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Чебаков *(один)*. Экой дурачина! Вот олух-то! Воображает, что в него влюбятся. А впрочем, если смотреть на жизнь с философской точки зрения, так и такие люди полезны. Кого нынче заставишь башмачником одеться! А эта штука мне может стоить полтораста тысяч. Из-за этого куша я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, черт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит. Если мне этот дурак поможет ее увезти,— я его, голубчика, в поминанье запишу.

Входит Бальзаминов в сертуке.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Чебаков и Бальзаминов.

Чебаков. Послушайте, вы настоящий сапожник.

Бальзаминов. Башмачник-с.

Чебаков. Только послушайте, ну, как ваше начальство узнает, что вы башмачным мастерством занимаетесь?

Бальзаминов. Да, нехорошо-с, да и от товарищей тоже-с...

Чебаков. Нет, я шучу. Помилуйте, кто же это узнает! Послушайте, я вам даже завидую. Вы будете разговаривать с любимой женщиной, а я должен страдать в одиночестве.

Бальзаминов. Да-с. А уж как я рад-с, я хоть плясать-с готов-с.

Чебаков. Именно на вашем месте плясать надобно. Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?

Бальзаминов. Что же это, Лукьян Лукьяныч! Я не пойду-с! Как же вы сами посылаете, а потом говорите, что высекут? На что же это похоже-с!

Чебаков. Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете!

Бальзаминов. Хорошо как шутки, а ежели в самом деле-с?

Чебаков. Уж будьте покойны! Я бы вас не послал.

Бальзаминов. Покоен-то я покоен, а все-таки...

Чебаков. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади следить.

Бальзаминов. Пойдемте-с.

Подходят к двери.

Матрена! Скажи маменьке, что я ушел.

Матрена *(за дверью)*. Сама увидит.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Домна Евстигневна Белотелова, *вдова лет тридцати шести, очень полная женщина, приятного лица, говорит лениво, с расстановкой.*

Анфиса Панфиловна } Пеженовы
Раиса Панфиловна }

девицы лет под тридцать, ни хороши, ни дурны, ни худы, ни толсты; одеты в простых ситцевых блузах, но в огромной величины кринолинах.

Химка (Афимка) *горничная девочка Пеженовых.*

Бальзаминов.

Красавина.

Сцена представляет два сада, разделенные посередине забором, направо от зрителей сад Пеженовых, а налево — Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево видны две ступеньки и дверь в беседку; у забора с обеих сторон кусты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В саду на левой стороне.

Белотелова и Красавина сидят на лавочке.

Белотелова. Вот мы тут посидим, потом пойдем в беседку, там закусим, посидим. Там закуска приготовлена. Да потом опять сюда придем, посидим.

Красавина. Еще бы! Своя воля, что хотим, то и творим.

Белотелова. Что ж ты мне жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица ты моя, скоро. Нельзя же вдруг! Ведь женихов у меня много, да всё не тот сорт. Для тебя уж я особенно займусь, хорошего тебе сыщу.

Белотелова. Сыщи хорошего.

Красавина. Уж ты будь покойна, это наших рук дело. Есть у меня один на примете, а рекомендовать боюсь.

Белотелова. А что же?

Красавина. Он бы и ничего, да дурашен, бог с ним.

Белотелова. Очень дурашен?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты об этом деле не печалься; без мужа не останешься.

Белотелова. Ну хорошо.

Красавина. Веришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на дне моря, я и со дна моря для твоего удовольствия достану. Да уж и ты меня не обидь.

Белотелова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Кто ж этого не знает! Весь свет знает. А это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а уж я для тебя все, окромя разве птичьего молока.

Белотелова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лень тебе, красавица моя, а то как бы не придумать. Я бы на твоем месте, да с твоими деньгами, такое веселье завела, таких бы чудес натворила, что ни об чем бы, кроме меня, и не разговаривали.

Белотелова. А что ж бы ты сделала?

Красавина. Да вот тебе первое. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего; позови музыку полковую: мы будем пить, а она чтоб играла. Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять домой да песни; а там

опять маршем. Да так чтобы три дни кряду, а начинать с утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушел никто. Вот тебе и будет весело.

Белотелова. Весело, только хлопот много.

Красавина. А ты мне прикажи, я все хлопоты на себя возьму. Я орел на эти дела.

Белотелова. Ну хорошо, как-нибудь сделаем.

Красавина. Да поскорей бы! Хорошего дела никогда откладывать не должно!

Белотелова. Не пойти ли нам в беседку?

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чем-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано есть об этом. Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули-то, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Белотелова. Пойдем в беседку, посидим, закусим!

Красавина. Пойдем! Какой у тебя аппекит, дай тебе бог здоровья, меня ижно завидки берут. Уж чего лучше на свете, коли аппекит хорош! Значит, весь человек здоров и душой покоен.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

На правой стороне.

Выходят Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса. Тоска, Анфиса.

Анфиса. Тоска.

Раиса. Ой, батюшки, как скучно!

Молчание.

Анфиса. И нейдет, и не шлет никого!

Раиса. Да кого же прислать! Ты знаешь, к нам ходу нет.

Анфиса. Он в прошлом письме писал, что придумает что-нибудь. Не послать ли Химку в лавочку: не дожидается ли он там с письмом?

Раиса. За Химкой-то уж подсматривать стали. Бабушка все ворчит на нее, должно быть, что-нибудь заметила; да старуха-нянька все братцам пересказывает. Выходи, Анфиса, поскорей замуж, и я бы к тебе переехала жить: тогда своя воля; а то ведь это тоска.

Анфиса. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а уж не пойду за тех женихов, что братцы сватают. Невежество-то мне и дома надоело. А мы сами немножко виноваты: тогда, как тятенька умер, уж мы много себе вольности дали.

Раиса. Вот золотое-то было времечко! Есть чем вспомнить!

Анфиса. Вот братцы-то нас и присадили. Такая тоска в этом положении.

Раиса. Хоть волком вой! Ах, тоска, Анфиса! Ах, тоска!

Анфиса. Я думала-думала, да придумала одну штуку.

Раиса. Что же ты придумала?

Анфиса *(оглядываясь)*. Бежать с Лукьян Лукьянычем.

Раиса. Что ты, сестрица! Как это можно!

Анфиса. А что ж такое! Жалко, что ль, мне кого здесь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здесь живем, так братья над нами власть имеют; а как из ворот, так и кончено. И деньги свои потребую, какие мне следовают.

Раиса. Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят.

Анфиса. Ничего, Раиса, не страшно. Ведь меня уж увозили, ты помнишь?

Раиса. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса. Ну, что старое вспоминать! Вот я теперь и жду от Лукьяна Лукьяныча письма об этом об самом. Только как он его передаст?

Раиса. Уж как-нибудь придумает.

Анфиса. Тогда тебя к себе жить возьму.

Раиса. Вот мы, Анфиса, заживем-то! По всем гуляньям, по всем дачам будем ездить. Я себе тоже военного выберу.

Анфиса. А что же этот, твой-то?

Раиса. Белобрысый-то? Ну, что за крайность! Кабы ничего лучше в предмете не было, так уж так бы и быть — от скуки.

Анфиса. Разве он тебе не нравится?

Раиса. Он мне что-то, Анфиса, гнусненек кажется.

Анфиса. Зачем же ты с ним кокетничаешь?

Раиса. От тоски. Все-таки развлечение. Ах, тоска! Ах, тоска!

Анфиса. А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.

Раиса. Пускай его думает, убытку-то мне немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что я тебе говорила-то, что бежать-то с Лукьян Лукьянычем? Ведь это, может быть, очень скоро будет. Я уж, что нужно на первый раз, приготовила; хоть сейчас собраться, да и была такова.

Раиса. Вот я посмотрю, как ты убежишь, да и я, может, то же сделаю. Не умирать же тут с тоски в самом деле!

Химка вбегает, дрожа от страха и запыхавшись.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса. Что ты, Химка?

Химка. Пришел... пришел...

Анфиса. Кто пришел?

Химка. Башмачник пришел, башмачник пришел.

Анфиса. Какой башмачник?

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорит, знакомые послали, барышням мерку снимать, мерку снимать.

Раиса. Это от Лукьян Лукьяныча, должно быть?

Анфиса. Непременно. Кто ж его пустил?

Химка. Я пустила, все спят, я пустила. Ах, страсти!

Анфиса. Где же он?

Химка. У садовой калитки дожидается. Он у калитки...

Анфиса. Веди его сюда скорей, да смотри, чтоб не увидали.

Химка. Сейчас, сейчас! Батюшки! Сейчас! *(Убегает.)*

Раиса. Ишь ты какой придумщик! Башмачника прислал.

Анфиса. Благородного человека сейчас видно: у него все и поступки благородные. Ну кто придумает башмачника прислать, кроме благородного человека? Никто на свете.

Раиса. Мы этого башмачника на весь дом шить башмаки заставим, он нам и будет письма переносить.

Входят Бальзаминов и Химка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анфиса, Раиса, Бальзаминов и Химка.

Анфиса *(тихо)*. Да ведь это твой белобрысый.

Раиса. Вот суприз!

Анфиса. Беги, Химка, постереги у калитки: коли в доме проснутся, так ты дай знак какой-нибудь.

Химка. Сейчас! Сейчас! Вот страсти-то! *(Убегает.)*

Анфиса. Однако как вы смелы!

Бальзаминов. Любовь все преодолевает-с.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видели?

Бальзаминов. Даже только сейчас-с. Я от них к вам письмо имею.

Анфиса. Так давайте!

Бальзаминов *(подает письмо)*. Извольте-с. Они ответ просили-с.

Анфиса отходит, распечатывает и читает.

Раиса. Вас зовут Михайло Дмитрич?

Бальзаминов. Точно так-с. Это я собственно для вас-с.

Раиса. Что для меня?

Бальзаминов. В таком виде-с.

Раиса. Покорно вас благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господин Бальзаминов, извините: нам нужно поговорить. Вы посидите на лавочке, подождите.

Раиса подходит к Анфисе.

Бальзаминов *(садится на лавочку у забора)*. Очень хорошо-с.

Анфиса *(читает)*. «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словах только, а на самом деле. Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы...».

Раиса. Ах, это правда.

Анфиса. Правда! *(Читает.)* «Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Из любви к вам я решаюсь избавить вас от неволи; теперь все зависит от вас. Если хотите, чтоб мы были оба счастливы,— сегодня, когда стемнеет и ваши улягутся спать, что произойдет, вероятно, не позже девятого часа, выходите в сад. В переулке, сзади вашего сада, я буду ожидать вас с коляской. Забор вашего сада, который выходит в переулок, в одном месте плох...»

Раиса. Да, братец давно говорил об этом. На этой неделе хотят починить.

Анфиса *(читает)*. «Мы разберем несколько досок, и вы будете на свободе. Мы с вами поедем верст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели и уже все готово, даже и музыка...»

Раиса. И музыка! Ах, как это весело! А здесь-то какая тоска!

Анфиса. Ах, Раиса! Вот что значит благородный человек! Увозит девушку, все устроил отличным мане-

ром и потом даже с музыкой! Кто, кроме благородного человека, это сделает? Никто решительно.

Раиса. Что же, Анфиса, ты поедешь?

Анфиса. Еще бы после этого да я не поехала! Это даже было бы неучтиво с моей стороны. *(Читает.)* «Впрочем, может быть, вам ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается в том, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати раз мимо ваших окон? В таком случае извините, что я предложил вам бежать со мной...»

Раиса. Отчего же он об нас так низко думает?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсем не таких понятий об жизни. *(Читает.)* «Конечно, очень похвально слушаться братцев, бабушек и тетушек...»

Раиса. Анфиса, это он в насмешку!

Анфиса. Разумеется. *(Читает.)* «...но зачем же губить свою молодость и отказывать себе в удовольствиях? С нетерпением жду вашего ответа. Если вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ. Целую ваши ручки. Весь ваш...».

Раиса *(заглядывая в письмо)*. А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значит: Лукьян Чебаков. Ну, Раиса, я пойду напишу ему ответ, а ты тут посиди с Бальзаминовым. Ты мне после скажи, что он тебе будет говорить.

Раиса. А как же Бальзаминов выдет отсюда? Ведь его никто не видал, как он вошел!

Анфиса. Вот еще беда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его как-нибудь спроважу через забор.

Анфиса. Ну хорошо. Ответ я с Химкой пришлю. Прощайте, господин Бальзаминов! *(Уходит.)*

Раиса *(Бальзаминову)*. Я сейчас к вам приду. *(Провожает Анфису.)*

Бальзаминов. Ведь вот теперь надо в любви открываться, а я ничего не придумал, никаких слов не прибрал. Эка голова! Что ты будешь делать! Будь тут столб или дерево покрепче,— так бы взял да и разбил ее вдребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дурак. Что ж в самом деле? не стоять же столбом! На счастье буду говорить, что в голову придет: может быть, и хорошо выдет. Вот каковы приятели! Сколько раз просил, чтобы показали, как в любви объяснять-

ся — ни один не показал. Всё из зависти, всякий для себя бережет.

Раиса возвращается.

Вот идет! Вот, что мы будем делать?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов и Раиса.

Раиса. Извините, что мы вас заставили дожидаться!

Бальзаминов. Ничего-с! Очень приятно-с!

Молчание.

Они куда же пошли-с?

Раиса. Она пошла ответ писать.

Бальзаминов. Они скоро-с?

Раиса. Нет, она очень долго пишет. Мы скоро не умеем; для этого привычка нужна, а мы, кроме писем, ничего не пишем.

Бальзаминов. Я теперича все скучаю-с.

Раиса. И мы тоже скучаем. Такая тоска, вы не поверите!

Бальзаминов. Да вы, может быть, не оттого-с.

Раиса. Оттого, что всё сидим взаперти, не видим никаких развлечений.

Бальзаминов. А я от другого-с.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминов. Я даже по ночам не сплю-с.

Раиса. Может быть, днем спите?

Бальзаминов. Нет, совсем не оттого-с.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминов. От чувств-с.

Раиса. От каких же это чувств?

Бальзаминов. Я так чувствую себя, что я самый несчастный человек в жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать от вас. Мужчины вообще счастливей женщин.

Бальзаминов. Но не все-с.

Раиса. У женщины несчастие заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминов. А у мужчины несчастие заключается от любви-с.

Раиса. Значит, надобно так полагать, что вы влюблены?

Бальзаминов. Так точно-с.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла вас прельстить собою?

Бальзаминов. Я не смею вам этого открыть-с.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминов. Вам, может быть, будет противно меня слушать-с.

Раиса. Нисколько не противно; даже совсем напротив.

Бальзаминов. В таком случае-с позвольте вам выразить, что эта женщина — вы самые-с и есть-с.

Раиса. Ах, скажите! Я этого никак не ожидала.

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с?

Раиса. Я еще ничего не слыхала от вас.

Бальзаминов. Для моей любви нет слов-с. Я бы и желал выразить-с, но никак не могу-с.

Раиса. Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминов. Одно только и могу сказать-с, что я сам себе тиран.

Раиса. Какое же в этом тиранство?

Бальзаминов. Самое жестокое тиранство-с. Ежели человек влюблен-с, и даже не спит ночи, и не знает слов-с...

Раиса. Вы давно в меня влюблены?

Бальзаминов. В четверг после обеда, на прошлой неделе.

Раиса. Так это недавно! Лукьян Лукьяныч любит Анфису полтора года.

Бальзаминов. И я могу-с... даже больше.

Раиса. Ну, это еще неизвестно. Может быть, вы непостоянный кавалер?

Бальзаминов. Я считаю это в мужчинах за низкость-с.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мне письма́ не написали? Влюбленные всегда пишут письма.

Бальзаминов. Я не смел-с. А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту написать вам даже нынче. А вы мне напишете на ответ-с?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминов. А ежели бежать-с,— вы согласны будете?

Раиса. Уж это очень скоро.

Бальзаминов *(становится на колени)*. Сделайте такое одолжение-с! Лукьян Лукьяныч тоже хотят увезти вашу сестрицу, так уж и я-с, чтобы вместе-с...

Раиса. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидит кто-нибудь? Вон Химка бежит.

Бальзаминов встает. Вбегает Химка.

Химка *(подает Бальзаминову письмо)*. Вот письмо, вот письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, все проснулись! *(Убегает.)*

Раиса. Ах, как же быть! Куда же мне вас деть? Через двор теперь нельзя.

Бальзаминов *(оглядывается по сторонам и подпрыгивает)*. Что же я-с? Как же я-с? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса. Разве через забор? Вы умеете?

Бальзаминов. Раз, два, три-с... раз, два, три — и там-с.

Раиса. Так ступайте скорей!

Бальзаминов. Сейчас-с. *(Бежит за куст и лезет на забор налево.)*

Раиса. Не туда, не туда! Это в чужой сад.

Бальзаминов не слушает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

На левой стороне.

Белотелова и Красавина выходят из беседки и останавливаются на ступенях.

Белотелова. Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это колокол льют.

Красавина. Уж это так точно, поверь моему слову! Вот видишь забор. Так выше этого забора у них ходули.

Бальзаминов показывается на заборе.

Белотелова. Ах! Вот они. *(Убегает в беседку.)*

Сваха от испуга садится на ступеньке.

Бальзаминов *(спрыгнув с забора)*. А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса *(за забором)*. Что с вами?
Бальзаминов. В крапиву-с.
Раиса. Ну, прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Красавина и Бальзаминов.

Красавина. Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Все сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было!

Бальзаминов выходит из-за куста.

Ишь тебя где луканька-то [1] носит!

Бальзаминов. Где же это я? Вот и ты здесь!

Красавина. Я-то здесь; ты-то как попал?

Бальзаминов. Я оттуда...

Красавина. Видно, хорошо приняли, да может, и угостили чем-нибудь? Шенпанским, что ли, чем ворота запирают? Аль собаками травили?

Бальзаминов. Ты меня выведи как-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то! Скажи ты мне, варвар, что ты с нами сделал? Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвется сердце — и конец. Нет, мы тебе руки свяжем да в часть теперича.

Бальзаминов. Да за что же?

Красавина. А за то, что не лазий по заборам! Разве показано лазить по заборам, ворам дорогу указывать? Ты у меня как хозяйку-то испугал, а? Как? Так что теперь неизвестно, жива ли она там в беседке-то! Вот что, друг ты мой!

Бальзаминов. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человек!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?

Бальзаминов. Да какой же я вор?

Красавина. А за что за другое — так тебе же хуже будет. Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мораль пойдет. Она по всем правам на тебя прошение за

---

[1] Уменьшительное от «лукавый», простонародное слово. *(Прим. авт.)*

свое бесчестье подаст. Что тебе за это будет? Знаешь ли ты? А уж ты лучше, для облегчения себя, скажи, что воровать пришел. Я тебе по дружбе советую.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Да как же это, страм какой! Акулина Гавриловна, сделай милость, выпусти как-нибудь!

Красавина. Теперь «сделай милость», а давеча так из дому гнать! Ты теперь весь в моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу — прощу, захочу — под уголовную подведу. Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял.

Бальзаминов. Долго ль меня напугать? Я человек робкий. Уж я тебе все, что ты хочешь, только ты не погуби меня.

Красавина *(встает)*. Ну вот что: две тысячи целковых.

Бальзаминов. Где же я возьму?

Красавина. Уж это не твое дело. Будут. Только уж ты из-под моей власти ни на шаг. Что прикажу, то и делай! Как только хозяйка выдет, говори, что влюблен. *(Показывая на забор.)* Там тебе нечего взять, я ведь знаю; а здесь дело-то скорей выгорит, да и денег-то впятеро против тех.

Бальзаминов. Что же это такое? Я умру. В один день столько перемен со мной! Это с ума сойдешь! Я тебя золотом осыплю.

Красавина. Завтра приду к тебе, условие напишем; а теперь говори одно, что влюблен. *(Заглядывает в беседку.)* Домна Евсигневна! выходи, ничего!

Белотелова выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бальзаминов, Красавина и Белотелова.

Белотелова. Как я испугалась, думала, умру.

Красавина. Ты б выпила чего-нибудь покрепче! От испугу это хорошо.

Белотелова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдет. Ты не бойся, это знакомый, он по ошибке. *(Берет Бальзаминова за руку и хочет подвести к Белотеловой.)*

Бальзаминов *(тихо)*. Уж оченно они полны.

Красавина. Ты еще разговаривать стал! *(Подводит.)* Вот тебе Михайло Дмитрич Бальзаминов. *(Бальзаминову.)* Целуй ручку!

Бальзаминов целует.

Белотелова. Зачем же вы?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Красавина. Ну да, влюблен. Так точно. Это он верно говорит. Вот и потолкуйте, а я по саду погуляю. *(Уходит за кусты.)*

Белотелова. Лучше сядемте.

Садятся на скамейку.

Как же это вы?

Бальзаминов. Через забор-с.

Белотелова. Отчего через забор?

Бальзаминов. От любви-с. Вы не сердитесь на меня-с?

Белотелова. Нет, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что делаете?

Бальзаминов. Я? ничего-с.

Белотелова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не делать, а вместе веселее.

Бальзаминов. Как же можно-с, гораздо веселее!

Белотелова *(кладет руку на плечо Бальзаминову)*. Вы хотите вместе?

Бальзаминов. Даже за счастие почту-с.

Белотелова. Я очень добрая, я всему верю; так уж вы меня не обманите.

Бальзаминов. Как же это можно-с! Я за низкость считаю обманывать.

Белотелова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я вас буду...

Бальзаминов. Покорнейше благодарю-с. Пожалуйте ручку поцеловать!

Белотелова. Нате! *(Дает руку.)* А то подвиньтесь поближе: я вас так...

Бальзаминов подвигается, она его целует.
Сваха выходит из-за кустов.

Красавина. Ну вот и прекрасно! Значит, и делу конец!

Белотелова *(встает)*. Пойдемте все в беседку.

Бальзаминов (*Красавиной*). Мне бы домой-с.

Красавина. Мы лучше его отпустим. Ты ступай! Поцелуй ручку и ступай! Так прямо, из калитки в ворота, никто тебя не тронет.

Бальзаминов (*целует руку у Белотеловой*). Прощайте-с.

Белотелова. До свиданья.

Красавина. До завтра, до завтра.

Бальзаминов уходит.

А мы вот с тобой потолкуем. Ну как тебе?

Белотелова. Он мне понравился. Ты мне его!

Красавина. Ну, а его, так его. Все это в наших руках. Вот у нас теперь и пированье пойдет,— дым коромыслом. А там и вовсе свадьба.

Белотелова. Свадьба долго; а он чтоб и прежде каждый день... ко мне...

Красавина. Стоит об этом толковать. Что ж ему делать-то! Так же бегает. А уж теперь пущай тут с утра до ночи.

Белотелова (*смеется*). Вот мне теперь гораздо веселей.

Красавина (*смеется*). Ах ты, красавица моя писаная! Ишь ты, развеселилась! Вот я тебя чем утешила. Еще ты погоди, какое у нас веселье будет!

Смеются обе.

Пойдем в беседку, я тебя проздравлю как следует.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

Бальзаминова.	Красавина.
Бальзаминов.	Матрена.
Чебаков.	

Комната у Бальзаминовых та же, что в первой картине.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова (*одна*). Ах, как я долго проспала! Уж смеркается. В голове так тяжело, и сны всё такие снились страшные. Все Мишу во сне видела.

Уж разумеется, о чем думаешь, то и во сне видишь. Где-то он теперь? А что-нибудь либо делается с ним, либо сделается необыкновенное. Сна-то никак не распутаю; уж очень много видела-то я. Чего-чего не было! Я отроду таких снов не видала. Вот кабы умного человека найти, сейчас бы и посоветовалась, а одной не разобрать. Вот разве как вдвоем с Матреной не разберем ли. Ум хорошо, говорят, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсем; пожалуй, что в снах-то понятия-то большого не имеет. Ведь простой человек спит крепко, а если что и видит, так ему все равно, у него на это понятия нет. Матрена!

Входит Матрена.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминова. Ты, Матрена, умеешь сны разбирать?

Матрена. Да что их разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно, не всякий сон к чему-нибудь; бывают сны и пустые, так, к погоде. А вот ты заметь, коли чему быть, так непременно прежде сон увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могут быть с человеком: один из богатства в бедность приходит, а другой из бедности в богатство.

Матрена. Не видать что-то этих переворотов-то: богатый богатым так и живет, а бедный, как ни переворачивай его, все бедный.

Бальзаминова. Как ты глупо рассуждаешь! Разве не бывает, что на дороге находят значительные суммы? Ну вот Миша жениться может на богатой: вот богат и будет.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чем черт не шутит! Только уж на редкость это дело будет, как наш да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумеется, на редкость. А всетаки может случиться; такие ли еще дела бывают.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Бальзаминова. Ну вот видишь ли! Значит, что ж мудреного, что Миша женится на богатой? Вот в этаком-то случае сон-то и много значит, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой уж я, Матрена, сон видела, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гулянье, что ли, только народу, народу видимо-невидимо...

Матрена. Это к снегу, говорят.

Бальзаминова. К какому же снегу! Что ты, в уме ли! В августе-то месяце!

Матрена. Ну, так к дождю.

Бальзаминова. Да и не к дождю.

Матрена. Ну, а коли не к дождю, уж я больше не умею сказать, к чему это.

Бальзаминова. Не умеешь, так и молчи; а то ты только перебиваешь. Я уж и так половину перезабыла; уж очень много со мной во сне приключениев-то было. Только тут ли, после ли, вдруг я вижу корабль. Или нет, корабль после.

Матрена. Уплывет что-нибудь.

Бальзаминова. Погоди! Сначала я вижу мост, и на мосту сидят всё бабы с грибами и с ягодами...

Матрена. Мост — это с квартиры съезжать на другую.

Бальзаминова. Постой! Не перебивай ты меня! Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите сюда, в Китай!» Вот будто я сбираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: «Я поеду во Китай-город гулять!»

Матрена. Ну уж это, вот режь ты меня сейчас на части,— ни за что не пойму, к чему приписать.

Бальзаминова. Где тут понять! Да это что! Много я еще чудес-то видела; и все-то Миша в глазах, все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься об нем, об его малом разуме, вот и видишь.

Бальзаминова. То он пляшет, то догоняет кого-то, то за ним кто-то гонится. То пропадет куда-то, то вдруг явится.

Матрена. Да это и наяву все так же: то пропадет, то явится. Вот давеча пропал, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его в суде за дело за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавал.

Бальзаминова. Какое уж ему дело давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вот он, на помине-то легок.

Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Бальзамннов.

Бальзаминов (*садится*). Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значит, благополучно?

Бальзаминов. Еще как благополучно-то! Так, маменька, что я думаю, что не переживу от радости. Теперь, маменька, и дрожки беговые, и лошадь серая, и всё... Ух, устал!

Бальзаминова. А какой я без тебя сон видела!

Бальзаминов. Что сон! Со мной наяву то было, что никому ни в жизнь не приснится. У своей был... и у той был, что сваха-то говорила, у Белотеловой, я на воротах прочел, что она Белотелова, как выходил оттуда; а туда через забор...

Матрена. Ишь ты, нелегкая-то тебя носит!

Бальзаминов. Молчи ты! Ты еще не знаешь, с кем ты теперь говоришь! Маменька, вот они, мечты-то мои! Ан вот правда выходит. Ух, дух не переведу!

Бальзаминова. Что, богато она живет?

Бальзаминов. Богато. Дом, лошади, сад, деньги, всё...

Бальзаминова. Значит, правду сваха-то говорила, что денег счету нет?

Бальзаминов. Правду.

Бальзаминова. Ну что ж ты?

Бальзаминов. Женюсь.

Бальзаминова. На ком?

Бальзаминов. На обеих.

Матрена. Что ты, татарин, что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, так уж себя не помнишь! Говоришь такие слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминов. Погодите, постойте! А то я помешаюсь в мыслях. Этакое счастье и вдруг, в один день...

Матрена. Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Бальзаминов. Да замолчи ты! Я, маменька, себе человека найму, камердинера; а Матрену прочь... за грубость.

Матрена. И давно бы ты нанял. *(Уходит.)*

Бальзаминова. Ну, а эта, как ее, Пеженова, что ли? У нее сколько?

Бальзаминов. Полтораста тысяч.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чем у той.

Бальзаминов. Зато эта, маменька, помоложе, а та постарше — ну, так у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замуж идти, Пеженова-то?

Бальзаминов. Обе согласны. Только одна, чтоб увезти; а другая так дома. Не отдохну никак.

Бальзаминова. Ну как же ты?

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите! Вот он сад-то я нынче во сне-то видел! Я в двух садах был.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видела. Уж не знаю, к чему?

Бальзаминов. У Белотеловой лавка в Китай-городе, вот и весь ваш сон.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминов *(быстро встает)*. Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька...

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте. Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу себе по улице и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в коляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое:

тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей...

Бальзаминова. Да ты никак в самом деле на обеих хочешь жениться?

Бальзаминов. Вот вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что ж такое! Я этим никому вреда не делаю. Коли нельзя жениться на обеих, я бы хоть помечтал, по крайней мере, а вы меня расстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, бог с тобой!

Бальзаминов *(задумывается. Молчание)*. Нет, маменька, сам чувствую, что начинает все путаться в голове, так даже страшно делается. Планов-то много, а обдумать не могу. Сейчас я думал об доме, ну и представился мне в уме дом, большой, каменный, и львы на воротах; только лев будто и разевает рот, каменный-то, да и залаял, а я об этом и думать не хотел, обо льве-то. Хочу его из головы-то выкинуть, никак нейдет. А отчего это? Оттого, что я не привык думать, как богатые люди думают; все думал так, как бедные думают; вот оно теперь богатство-то в голове и не помещается. А вот привыкну, так ничего.

Бальзаминова. Что мудреного, что не помещается! Этакая пропасть! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами — просто беда!

Бальзаминов *(задумавшись)*. Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать...

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет!

Бальзаминов. Само думается, маменька. Правду говорят, маменька, что с состоянием-то много заботы бывает.

Бальзаминова. А ты давай-ка лучше поговорим об чем-нибудь другом! А то, сохрани господи, долго ли до греха, пожалуй совсем свихнешься.

Бальзаминов. Извольте, маменька! Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают.

С другими я разговаривать не стану, а с вами завсегда. Вот я какой! *(Садится.)*

Бальзаминова. Еще бы! А которая лучше лицом-то из них?

Бальзаминов. Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу.

Бальзаминова. Что же ты мне не расскажешь, как у вас дело-то было?

Бальзаминов. До того ли мне, маменька, помилуйте! Вот Красавина придет, расскажет. *(Задумывается.)* У меня теперь в голове, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежа, чтобы к лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты с ума сойдешь. Да что же это мы в потемках-то сидим! Ишь как смерклось. Пойду велю огня зажечь.

Бальзаминов. Погодите, маменька! Не нужно огня, в потемках лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошего впотьмах сидеть?

Бальзаминов. Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно зажмуриться, а в потемках можно и так, с открытыми глазами. Я теперь могу себя представить как угодно. И в зале могу себя представить в отличной, и в карете, и в саду; а принесите вы свечку — я сейчас и увижу, что я в самой бедной комнате, мебель скверная, ну все и пропало. Да и на себя-то взгляну — совсем не тот, какой я в мечтах-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминов. В мечтах я себя представляю, маменька, что я высокого роста, полный и брюнет.

Бальзаминова. Разумеется, лучше.

Бальзаминов. Вот смотрите, маменька; вот я вам буду сказывать, что мне представляется. Вот будто сижу я в зале у окошка, в бархатном халате; вдруг подходит жена...

Бальзаминова. Ну, а потом что ж?

Бальзаминов. «Поедем, говорит, душенька, на гулянье!»

Бальзаминова. Отчего ж не ехать, коли погода хорошая?

Бальзаминов. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «Поди, душенька, одеваться, и я сейчас оденусь».— «Человек!» — Приходит человек. «Одеваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!» Вот не нравится мне, маменька, у него улыбка-то какая противная. Как точно он смеется надо мной.

Бальзаминова. Уж с этим народом беда!

Бальзаминов. Вот и грубит. Ну, я этого прогоню, я себе другого возьму. *(Что-то шепчет про себя.)*

Бальзаминова. Что ж ты замолчал?

Бальзаминов. Это мы, маменька, с женой разговариваем и целуемся. Вот, маменька, садимся мы с женой в коляску, я взял с собой денег пятьдесят тысяч.

Бальзаминова. Зачем так много?

Бальзаминов. Как знать, может быть, понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставил.

Бальзаминов. Еще украдут, пожалуй. Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются; я держу себя гордо. *(В испуге вскакивает и ходит в волнении.)* Вот гадость-то! Ведь деньги-то у меня, пятьдесят-то тысяч, которые я взял, пропали.

Бальзаминова. Как пропали?

Бальзаминов. Так и пропали. Должно быть, вытащил кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери с собой!

Бальзаминов. В самом деле не возьму. Все равно и дома украдут. Куда ж бы их деть? В саду спрятать, в беседке под диван? Найдут. Отдать кому-нибудь на сбережение, пока мы на гулянье-то ездим? пожалуй, зажилит,— не отдаст после. Нет, лучше об деньгах не думать, а то беспокойно очень; об чем ни задумаешь, всё они мешают. Так я без денег будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнее.

Бальзаминов. Вот, маменька, выхожу я из сада, жандарм кричит: «Коляску Бальзаминова!»

Входит Чебаков.

А я будто, маменька, генерал...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?

Бальзаминова. Ах, батюшка, извините! Мы и не видали, как вы вошли.

Бальзаминов. Ах, я и не знал, что вы здесь-с. Я так, по-домашнему, с маменькой-с... а то я при вас бы не стал таких глупостей говорить-с! Впрочем, что ж такое, в сумерках отчего же и не заняться иногда, не помечтать-с?

Чебаков. Уж вы бы лучше об чем-нибудь другом, а не об генеральстве.

Бальзаминов. Нет, отчего же, в сумерках-с...

Чебаков. Да и в сумерках нельзя. Нет, вы бросьте это занятие!

Бальзаминова. Что же это мы в потемках-то сидим! Извините, батюшка! я сейчас пойду огня принесу.

Чебаков. Послушайте, не беспокойтесь, мы и так друг друга знаем.

Бальзаминова. Все-таки лучше, пристойнее. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, ваше превосходительство, нам надо будет отправиться.

Бальзаминов. Куда же-с?

Чебаков. Все туда же. Нас там ждут.

Бальзаминов. Зачем же это они нас ждут-с? Ведь я вам письмо принес; а завтра можно опять-с.

Чебаков. Вот в письме-то и написано, чтоб мы приходили сегодня.

Бальзаминов. И я-с?

Чебаков. И вы.

Бальзаминов. Что же мы там делать будем-с?

Чебаков. Вам хочется знать? Ну уж этого я вам не скажу. Вот пойдемте, так сами увидите.

Бальзаминов. А я-то что ж буду делать-с? Ведь уж я теперь в любви объяснился, уж после этого что мне делать, я не знаю-с.

Чебаков. Я вас научу.

Бальзаминов. Вот вы давеча говорили — увезти; а я вас, Лукьян Лукьяныч, и забыл спросить, куда же это их увозят-с?

Чебаков. Куда хотите.

Бальзаминов. А на чем же я увезу-с?

Чебаков. Послушайте, я вас этому всему научу, только пойдемте.

Бальзаминов. Я сейчас-с. *(Берет фуражку.)*

Входит Бальзаминова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Бальзаминова.

Бальзаминова. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминов. К Пеженовым-с.

Бальзаминова. Разве уж ты решился?

Бальзаминов. Нет, маменька, как можно решиться! Да вот Лукьян Лукьяныч говорит, что надо идти.

Чебаков. Послушайте, разумеется, надо.

Бальзаминов. Вот видите, маменька! А решиться я не решился-с. Потому, извольте рассудить, маменька, дело-то какое выходит: ежели я решусь жениться на одной-с, ведь я другую должен упустить. На которой ни решись — все другую должен упустить. А ведь это какая жалость-то! Отказаться от невесты с таким состоянием! Да еще самому отказаться-то.

Чебаков. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминов. Сейчас-с.

Бальзаминова. Так зачем же ты идешь?

Бальзаминов. Ну уж, маменька, что будет, то будет, а мне от своего счастия бегать нельзя. Все сделано отлично, так чтоб теперь не испортить. Прощайте.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминова. Такие мудреные дела делаются, что и не разберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Так нужно, так нужно, что, кажется, готова последнее отдать, только бы поговорить с ней. Что без ворожеи сделаешь? И будешь ходить как впотьмах. Почем мы знаем с Мишей, которую теперь невесту выбрать? Почем мы знаем, где Мишу счастье ожидает в будущем? С одной может быть счастье, а с другой — несчастье; опять же и дом: иной счастлив, а другой нет; в одном всё ко двору, а в другом ничего не держится. А какой — нам неизвестно. Как же это так наобум решиться! Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться, а мы такое важное дело да без совета сделаем! Уж что не порядок, так не порядок. Нет ли тут поблизости хоть какой-нибудь дешевенькой? Она хоть и не так явственно скажет, как дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будет. Матрена!

Входит Матрена.

Нет ли у нас тут где недалеко ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь.

Матрена. Вам про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Об жизни, об счастье, обо всем.

Матрена. Таких нет здесь.

Бальзаминова. А какие же есть?

Матрена. Вот тут есть одна: об пропаже гадает. Коли что пропадет у кого, так сказывает. Да и то по именам не называет, а больше все обиняком. Спросят у нее: «Кто, мол, украл?» А она поворожит да и скажет: «Думай, говорит, на черного или на рябого». Больше от нее и слов нет. Да и то, говорят, от старости, что ли, все врет больше.

Бальзаминова. Ну, мне такой не надо.

Матрена. А другой негде взять.

Бальзаминова. Вот какая у нас сторона! Уж самого необходимого, и то не скоро найдешь! На картах кто не гадает ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тут одна, гадает, да ее теперича увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верст за шестьдесят, говорят. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывал, который приезжал-то, что барыня эта расстроилась с барином.

Бальзаминова. С мужем?

Матрена. Нет, оно выходит, что не с мужем, а так у ней, посторонний. Так повезли гадать, когда помирятся. А больше тут никаких нет.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то, чай, как не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни к чему у тебя любопытства нет.

Матрена. А на что мне? Мне ворожить не об чем: гор золотых я ниоткуда не ожидаю. И без ворожбы как-нибудь век-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, как умею. *(Достает карты и гадает.)* Вот что, Матрена: теперь, гляди, сваха зайдет, так поставь-ко закусочки какой-нибудь в шкап.

Матрена приносит закуску и уходит. Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминова. Что ты так скоро?

Бальзаминов *(садится)*. Кончено, маменька! Таким дураком меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзаминова. Да каким же это манером? Расскажи ты мне.

Бальзаминов. Очень просто. Приходим мы с Лукьян Лукьянычем к ихнему саду, гляжу — уж и коляска тут стоит. Только Лукьян Лукьяныч и говорит мне: «Ну, господин Бальзаминов, теперь наше дело к концу подходит».— Так у меня мурашки по сердцу и пошли.— «Давайте, говорит, теперь за работу, забор разбирать». Так я, маменька, старался, даже вспотел. Вот мы три доски сняли, а те уж тут дожидаются. Вот он старшую, Анфису, берет за руку: «Садитесь, говорит, в коляску». Потом, маменька, начинают все целоваться: то сестры промежду себя поцелуются, то он и ту поцелует, и другую. Что мне тут делать, маменька, сами посудите? Как будто мне и неловко, и точно

как завидно, и словно что за сердце сосет... уж я не знаю, как вам сказать. Я сейчас в ревность.

Бальзаминова. Ты это нарочно?

Бальзаминов. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать против них. Я, маменька, хотел показать Раисе-то, что я в нее влюблен. Я и говорю Лукьян Лукьянычу: «Какое вы имеете право целовать Раису Панфиловну?» Они как захохочут все. Я, маменька, не обращаю на это внимания и говорю Раисе Панфиловне: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?» А она, маменька, вообразите, говорит мне: «С чего вы это выдумали?» А сама целуется с сестрой и плачет. Потом Лукьян Лукьяныч сели в коляску с Анфисой и уехали. А Раиса, маменька, прямехонько мне так и отпечатала: «Подите вы от меня прочь, вы мне надоели до смерти», да подобравши свой кринолин, бегом домой. Что ж мне делать? Я и воротился.

Бальзаминова. Это оттого, Миша, что ты все от меня скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мне, как у вас это дело было с самого начала.

Бальзаминов. Порядок, маменька, обыкновенный. Узнал я, что в доме есть богатые невесты, и начал ходить мимо. Они смотрят да улыбаются, а я из себя влюбленного представляю. Только один раз мы встречаемся с Лукьян Лукьянычем (я еще его не знал тогда), он и говорит: «За кем вы здесь волочитесь?» Я говорю: «Я за старшей». А и сказал-то так, наобум. «Влюбитесь, говорит, в младшую, лучше будет». Что ж, маменька, разве мне не все равно?

Бальзаминова. Разумеется!

Бальзаминов. Я и влюбился в младшую. «Я, говорит, вам помогать буду, потом мы их вместе увезем». Я на него понадеялся, а вот что вышло! Вот, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова. Как же ты, Миша, не подумал, куда ты увезешь невесту и на чем? Ведь для этого деньги нужны.

Бальзаминов. Я, маменька, на Лукьян Лукьяныча надеялся.

Бальзаминова. Очень ему нужно путаться в чужие дела! Всякий сам о себе хлопочет.

Бальзаминов. А впрочем, маменька, коли правду сказать, я точно в тумане был; мне все казалось,

что коли она меня полюбит и согласится бежать со мной, вдруг сама собой явится коляска; я ее привезу в дом к нам...

Бальзаминова. На эту квартиру-то?

Бальзаминов. Вы не поверите, маменька, как бывало начну думать, что увожу ее, так мне и представляется, что у нас дом свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминова. Жаль мне тебя, Миша! Совсем еще ты дитя глупое.

Бальзаминов. Уж очень мне, маменька, разбогатеть-то хочется.

Бальзаминова. Ничего-то ты в жизни не сделаешь!

Бальзаминов. Отчего же, маменька?

Бальзаминова. Оттого что не умеешь ты ни за какое дело взяться. Все у тебя выходит не так, как у людей.

Бальзаминов. Нет, маменька, не оттого, что уменья нет, а оттого, что счастья нет мне ни в чем. Будь счастье, так все бы было,— и коляска, и деньги. И с другой невестой то же будет, вот посмотрите. Придет сваха, да такую весточку скажет, что на ногах не устоишь.

Красавина входит.

Да вот она! Вот она!

Бальзаминов и Бальзаминова встают.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Красавина.

Бальзаминова. Чем, матушка, обрадуете? Мы тут без вас завяли совсем.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будет.

Красавина. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. *(Садится.)*

Бальзаминова. Откуда ж это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ехала я селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами, горлышко пересохло, язык призамялся.

Бальзаминов. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорей!

Бальзаминова достает из шкапа водку и закуску и ставит на стол.

Вот, пей, да и говори уж что-нибудь одно.

Бальзаминова *(наливает рюмку)*. Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то!

Бальзаминов. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.

Бальзаминов. Что ж она не говорит! Маменька, что ж она не говорит? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! *(Садится.)*

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, так и опять встанешь. *(Берет рюмку.)* Ну, честь имею поздравить! *(Пьет.)*

Бальзаминова. С чем, матушка, с чем?

Красавина. Как с чем! А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую.

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминов. Говорите, что хотите! я умер.

Красавина. Много он маху давал, а теперь попал,— под самое под правое крылушко.

Бальзаминова. В последнее-то время, знаете ли, много с нами таких несчастных оборотов было, так уж мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что тут сумлеваться-то! Хоть завтра же свадьба! Так он ей понравился, что говорит: «Сейчас подавай его сюда!» Ну сейчас, говорю, нехорошо, а завтра я тебе его предоставлю. «А чтоб он не сумлевался, так вот снеси ему, говорит, часы золотые!» Вот они! Отличные, после мужа остались. Ну, что ожил теперь?

Бальзаминов *(вскакивает)*. Ожил! Ожил! Давай их сюда! *(Берет часы.)* Что ж это, маменька, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Это тебе за долгое твое терпение счастье выходит.

Красавина. А ты помнишь наш уговор? Ты на радостях-то не забудь!

Бальзаминов. Ты просила две?

Красавина. Две.

Бальзаминов. Ну, так вот ты знай же, какой я человек! Маменька, смотрите, какой я человек! Я тебе еще пятьдесят рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты, расщедрился! Ну, да уж нечего с тобой делать, и то деньги.

Бальзаминов. Маменька, уж вы теперь смотрите за мной, как бы со мной чего не сделалось. Батюшки мои! Батюшки мои! *(Прыгает от радости.)* Я теперь точно новый человек стал. Маменька, я теперь не Бальзаминов, я кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочиним на радости!

Бальзаминов. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сделать ничего не умею! А ты говорила, что я дурак!

Красавина. Я, брат, и теперь от своих слов не отступлюсь.

Бальзаминова. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживем.

Бальзаминов. Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было,— как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят. А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно.

Красавина. А то вот еще есть пословица. Ты долго за невестами ходил?

Бальзаминов. Долго.

Красавина. А пословица-то говорит: «За чем пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Ну, давай плясать! Становись!

Сваха становится в позу.

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Егор Дмитрич Глумов, молодой человек.
Глафира Климовна Глумова, *его мать.*
Нил Федосеич Мамаев, *богатый барин, дальний родственник Глумова.*
Егор Василич Курчаев, *гусар.*
Голутвин, *человек, не имеющий занятий.*
Манефа, *женщина, занимающаяся гаданьем и предсказываньем.*
Человек Мамаева.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный стол, зеркало; одна дверь во внутренние комнаты, на правой стороне другая — входная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глумов и Глафира Климовна за сценой.

Глумов *(за сценой).* Вот еще! Очень нужно! Идти напролом, да и кончено дело. *(Выходя из боковой двери.)* Делайте, что вам говорят, и не рассуждайте!

Глумова (*выходя из боковой двери*). Зачем ты заставляешь меня писать эти письма! Право, мне тяжело.

Глумов. Пишите, пишите!

Глумова. Да что толку? Ведь за тебя не отдадут. У Турусиной тысяч двести приданого, родство, знакомство, она княжеская невеста или генеральская. И за Курчаева не отдадут; за что я взвожу на него, на бедного, разные клеветы и небывальщины!

Глумов. Кого вам больше жаль: меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Он все равно их в карты проиграет. А еще хнычете: я тебя носила под сердцем.

Глумова. Да если бы польза была!

Глумов. Уж это мое дело.

Глумова. Имеешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумов. Имею. Маменька, вы знаете меня: я умен, зол и завистлив; весь в вас. Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь, карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты — с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть! Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать — им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха. Я начну с неважных лиц, с кружка Турусиной, выжму из него все, что нужно, а потом заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы еще с вами потолкуем.

Глумова. Помоги тебе бог! (*Уходит.*)

Глумов (*садится к столу*). Эпиграммы в сторону! Этот род поэзии, кроме вреда, ничего не приносит автору. Примемся за панегирики. (*Вынимает из кармана тетрадь.*) Всю желчь, которая будет накипать в душе, я буду сбывать в этот дневник, а на устах останется только мед. Один, в ночной тиши, я буду вести летопись людской пошлости. Эта рукопись не предназна-

чается для публики, я один буду и автором и читателем. Разве со временем, когда укреплюсь на прочном фундаменте, сделаю из нее извлечение.

Входят Курчаев и Голутвин; Глумов встает и прячет тетрадь в карман.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глумов, Курчаев и Голутвин.

Курчаев. Bonjour![1]

Глумов. Очень рад; чему обязан?

Курчаев *(садясь к столу на место Глумова)*. Мы за делом. *(Указывая на Голутвина.)* Вот, рекомендую.

Глумов. Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

Голутвин. Тон мне ваш что-то не нравится. Да-с.

Глумов. Это как вам угодно. Вы, верно, господа, порядочно позавтракали?

Курчаев. Малым делом. *(Берет карандаш и бумагу и чертит что-то.)*

Глумов. То-то оно и видно. У меня, господа, времени свободного немного. В чем дело? *(Садится, Голутвин тоже)*.

Курчаев. Нет ли у вас стихов?

Глумов. Каких стихов? Вы, верно, не туда зашли.

Голутвин. Нет, туда.

Глумов *(Курчаеву)*. Не марайте, пожалуйста, бумагу!

Курчаев. Нам эпиграмм нужно. Я знаю, что у вас есть.

Глумов. Никаких нет.

Курчаев. Ну, полно вам! Все знают. У вас на весь город написаны. Вон он хочет сотрудником быть в юмористических газетах.

Глумов. *(Голутвину.)* Вот как! Вы писали прежде?

Голутвин. Писал.

[1] Добрый день! *(фр.)*

Глумов. Что?

Голутвин. Все: романы, повести, драмы, комедии...

Глумов. Ну, и что же?

Голутвин. Ну, и не печатают нигде, ни за что; сколько ни просил, и даром не хотят. Хочу за скандальчики приняться.

Глумов. Опять не напечатают.

Голутвин. Попытаюсь.

Глумов. Да ведь опасно.

Голутвин. Опасно? А что, прибьют?

Глумов. Пожалуй.

Голутвин. Да говорят, что в других местах бьют; а у нас что-то не слыхать.

Глумов. Так пишите!

Голутвин. С кого мне писать-то, я никого не знаю.

Курчаев. У вас, говорят, дневник какой-то есть, где вы всех по косточке разобрали.

Голутвин. Ну, вот и давайте, давайте его сюда!

Глумов. Ну да, как же не дать!

Голутвин. А уж мы бы их распечатали.

Глумов. И дневника никакого у меня нет.

Курчаев. Разговаривайте! Видели его у вас.

Голутвин. Ишь как прикидывается; а тоже ведь наш брат, Исакий.

Глумов. Не брат я вам, и не Исакий.

Голутвин. А какие бы мы деньги за него взяли...

Курчаев. Да, в самом деле, ему деньги нужны. «Будет, говорит, на чужой счет пить, трудиться хочу». Это он называет трудиться. Скажите, пожалуйста!

Глумов. Слышу, слышу.

Голутвин. Материалов нет.

Курчаев. Вон, видите, у него материалов нет. Дайте ему материал, пусть его трудится.

Глумов (*вставая*). Да не марайте же бумагу!

Курчаев. Ну, вот еще, что за важность!

Глумов. Каких-то петухов тут рисуете.

Курчаев. Ошибаетесь. Это не петух, а мой уважаемый дядюшка. Нил Федосеич Мамаев. Вот (*дорисовывает*), и похоже и хохол похож.

Голутвин. А интересная он личность? Для меня, например?

Курчаев. Очень интересная. Во-первых, он считает себя всех умнее и всех учит. Его хлебом не корми, только приди совета попроси.

Голутвин. Ну вот, подпишите под петухом-то: новейший самоучитель!

Курчаев подписывает.

Да и пошлем напечатать.

Курчаев. Нет, не надо, все-таки дядя. *(Отталкивает бумагу. Глумов берет и прячет в карман.)*

Голутвин. А еще какие художества за ним водятся?

Курчаев. Много. Третий год квартиру ищет. Ему и не нужна квартира, он просто ездит разговаривать, все как будто дело делает. Выедет с утра, квартир десять осмотрит, поговорит с хозяевами, с дворниками; потом поедет по лавкам пробовать икру, балык; там рассядется, в рассуждения пустится. Купцы не знают, как выжить его из лавки, а он доволен, все-таки утро у него не пропало даром. *(Глумову.)* Да, вот еще, я и забыл сказать. Тетка в вас влюблена, как кошка.

Глумов. Каким же это образом?

Курчаев. В театре видела, все глаза проглядела, шею было свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этим не шутите!

Глумов. Я не шучу, вы всем шутите.

Курчаев. Ну, как хотите. Я бы на вашем месте... Так вы стихов дадите?

Глумов. Нет.

Голутвин. Что с ним разговаривать! Поедем обедать!

Курчаев. Поедем! Прощайте! *(Кланяется и уходит.)*

Глумов *(останавливая Курчаева)*. Зачем вы с собой его возите?

Курчаев. Умных людей люблю.

Глумов. Нашли умного человека.

Курчаев. По нас и эти хороши. Настоящие-то умные люди с какой стати станут знакомиться с нами? *(Уходит.)*

Глумов *(вслед ему)*. Ну, смотрите! Маменька!

Входит **Глумова**.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глумов и Глумова.

Глумов (*показывает портрет Мамаева*). Поглядите! Вот с кем нужно мне сойтись прежде всего.

Глумова. Кто это?

Глумов. Наш дальний родственник, мой дядюшка, Нил Федосеич Мамаев.

Глумова. А кто рисовал?

Глумов. Все тот же гусар, племянничек его, Курчаев. Эту картинку надо убрать на всякий случай. (*Прячет ее.*) Вся беда в том, что Мамаев не любит родственников. У него человек тридцать племянников, из них он выбирает одного и в пользу его завещание пишет, а другие уж и не показывайся. Надоест любимец, он его прогонит и возьмет другого, и сейчас же завещание перепишет. Вот теперь у него в милости этот Курчаев.

Глумова. Вот кабы тебе...

Глумов. Трудно, но попробую. Он даже не подозревает о моем существовании.

Глумова. А хорошо бы сойтись. Во-первых, наследство, потом отличный дом, большое знакомство, связи.

Глумов. Да! Вот еще обстоятельство: я понравился тетке, Клеопатре Львовне, она меня где-то видела. Вы это на всякий случай запомните! Сблизиться с Мамаевым для меня первое дело — это первый шаг на моем поприще. Дядя познакомит меня с Крутицким, с Городулиным; во-первых, это люди с влиянием, во-вторых, близкие знакомые Турусиной. Мне бы только войти к ней в дом, а уж я женюсь непременно.

Глумова. Так, сынок, но первый-то шаг самый трудный.

Глумов. Успокойтесь, он сделан. Мамаев будет здесь.

Глумова. Как же это случилось?

Глумов. Тут ничего не случилось, все это было рассчитано вперед. Мамаев любит смотреть квартиры, вот на эту удочку мы его и поймали.

Входит человек Мамаева.

Человек. Я привез Нила Федосеича.

Глумов. И прекрасно. Получай! (*Дает ему ассигнацию*). Веди его сюда.

Человек. Да, пожалуй, они рассердятся: я сказал, что квартира хорошая.

Глумов. Я беру ответственность на себя. Ступайте, маменька, к себе; когда нужно будет, я вас кликну.

Человек Мамаева уходит. Глумов садится к столу и делает вид, что занимается работой. Входит Мамаев, за ним человек его.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Глумов, Мамаев и человек Мамаева.

Мамаев *(не снимая шляпы, оглядывает комнату)*. Это квартира холостая.

Глумов *(кланяется и продолжает работать)*. Холостая.

Мамаев *(не слушая)*. Она недурна, но холостая. *(Человеку.)* Куда ты, братец, меня завел?

Глумов *(подвигает стул и опять принимается писать)*. Не угодно ли присесть?

Мамаев *(садится)*. Благодарю. Куда ты меня завел? Я тебя спрашиваю!

Человек. Виноват-с!

Мамаев. Разве ты, братец, не знаешь, какая нужна мне квартира? Ты должен сообразить, что я статский советник, что жена моя, а твоя барыня, любит жить открыто. Нужна гостиная, да не одна. Где гостиная, я тебя спрашиваю.

Человек. Виноват-с!

Мамаев. Где гостиная? *(Глумову.)* Вы меня извините!

Глумов. Ничего-с, вы мне не мешаете.

Мамаев *(человеку)*. Ты видишь, вон сидит человек, пишет! Может быть, ему мы мешаем; он, конечно, не скажет по деликатности; а все ты, дурак, виноват.

Глумов. Не браните его, не он виноват, а я. Когда он тут на лестнице спрашивал квартиру, я ему указал на эту и сказал, что очень хороша: я не знал, что вы семейный человек.

Мамаев. Вы хозяин этой квартиры?

Глумов. Я.

Мамаев. Зачем же вы ее сдаете?

Глумов. Не по средствам.

Мамаев. А зачем же нанимали, коли не по средствам? Кто вас неволил? Что вас, за ворот, что ли, тянули, в шею толкали? Нанимай, нанимай! А вот теперь, чай, в должишках запутались? На цугундер тянут? Да уж, конечно, конечно. Из большой-то квартиры да придется в одной комнате жить; приятно это будет?

Глумов. Нет, я хочу еще больше нанять.

Мамаев. Как так больше? На этой жить средств нет, а нанимаете больше! Какой же у вас резон?

Глумов. Никакого резона. По глупости.

Мамаев. По глупости? Что за вздор!

Глумов. Какой же вздор! Я глуп.

Мамаев. Глуп! Это странно. Как же так, глуп?

Глумов. Очень просто, ума недостаточно. Что ж тут удивительного! Разве этого не бывает? Очень часто

Мамаев. Нет, однако это интересно! Сам про себя человек говорит, что глуп.

Глумов. Что ж мне, дожидаться, когда другие скажут? Разве это не все равно? Ведь уж не скроешь.

Мамаев. Да, конечно, этот недостаток скрыть довольно трудно.

Глумов. Я и не скрываю.

Мамаев. Жалею.

Глумов. Покорно благодарю.

Мамаев. Учить вас, должно быть, некому.

Глумов. Да, некому.

Мамаев. А ведь есть учителя, умные есть учителя, да плохо их слушают — нынче время такое. Ну, уж от старых и требовать нечего: всякий думает, что коли стар, так и умен. А если мальчишки не слушаются, так чего от них ждать потом? Вот я вам расскажу случай. Гимназист недавно бежит чуть не бегом из гимназии; я его, понятное дело, остановил и хотел ему, знаете, в шутку поучение прочесть: в гимназию-то, мол, тихо идешь, а из гимназии домой бегом, а надо, милый, наоборот. Другой бы еще благодарил, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да еще ручку бы поцеловал: а он что ж?

Глумов. Преподавание нынче, знаете...

Мамаев. «Нам, говорит, в гимназии наставления-то надоели. Коли вы, говорит, любите учить, так най-

митесь к нам в надзиратели. А теперь, говорит, я есть хочу, пустите!» Это мальчишка-то, мне-то!

Глумов. На опасной дороге мальчик. Жаль!

Мамаев. А куда ведут опасные-то дороги, знаете?

Глумов. Знаю.

Мамаев. Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна от обязанности выслушивать поучения. Прежде, бывало, я у своих подданных во всякую малость входил. Всех поучал, от мала до велика. Часа по два каждому наставления читал; бывало, в самые высшие сферы мышления заберешься, а он стоит перед тобой, постепенно до чувства доходит, одними вздохами, бывало, он у меня истомится. И ему на пользу, и мне благородное занятие. А нынче, после всего этого... Вы понимаете, после чего?

Глумов. Понимаю.

Мамаев. Нынче поди-ка с прислугой попробуй! Раза два ему метафизику-то прочтешь, он и идет за расчетом. Что, говорит, за наказание! Да, что, говорит, за наказание!

Глумов. Безнравственность!

Мамаев. Я ведь не строгий человек, я все больше словами. У купцов вот обыкновение глупое: как наставление, сейчас за волосы, и при всяком слове и качает, и качает. Этак, говорит, крепче, понятнее. Ну, что хорошего! А я все словами, и то нынче не нравится.

Глумов. Да-с, после всего этого, я думаю, вам неприятно.

Мамаев *(строго)*. Не говорите, пожалуйста, об этом, я вас прошу. Как меня тогда кольнуло насквозь вот в это место *(показывает на грудь)*, так до сих пор слово кол какой-то...

Глумов. В это место?

Мамаев. Повыше.

Глумов. Вот здесь-с?

Мамаев *(с сердцем)*. Повыше, я вам говорю.

Глумов. Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Уж я вам сказал, что я глуп.

Мамаев. Да-с, так вы глупы... Это нехорошо. То есть тут ничего нет дурного, если у вас есть пожилые, опытные родственники или знакомые.

Глумов. То-то и беда, что никого нет. Есть мать, да она еще глупее меня.

М а м а е в. Ваше положение действительно дурно. Мне вас жаль, молодой человек.

Г л у м о в. Есть, говорят, еще дядя, да все равно что его нет.

М а м а е в. Отчего же?

Г л у м о в. Он меня не знает, а я с ним и видеться не желаю.

М а м а е в. Вот уж я за это и не похвалю, молодой человек, и не похвалю.

Г л у м о в. Да помилуйте! Будь он бедный человек, я бы ему, кажется, руки целовал, а он человек богатый; придешь к нему за советом, а он подумает, что за деньгами. Ведь как ему растолкуешь, что мне от него ни гроша не надобно, что я только совета жажду, жажду, алчу наставления, как манны небесной. Он, говорят, человек замечательного ума, я готов бы целые дни и ночи его слушать.

М а м а е в. Вы совсем не так глупы, как говорите.

Г л у м о в. Временем это на меня просветление находит, вдруг как будто прояснится, а потом и опять. Большею частию я совсем не понимаю, что делаю. Вот тут-то мне совет и нужен.

М а м а е в. А кто ваш дядя?

Г л у м о в. Чуть ли я и фамилию-то не забыл, Мамаев, кажется, Нил Федосеич.

М а м а е в. А вы-то кто?

Г л у м о в. Глумов.

М а м а е в. Дмитрия Глумова сын?

Г л у м о в. Так точно-с.

М а м а е в. Ну, так этот Мамаев-то — это я.

Г л у м о в. Ах, боже мой! Как же это! Нет, да как же! Позвольте вашу руку! *(Почти со слезами.)* Впрочем, дядюшка, я слышал, вы не любите родственников; вы не беспокойтесь, мы можем быть так же далеки, как и прежде. Я не посмею явиться к вам без вашего приказания; с меня довольно и того, что я вас видел и насладился беседой умного человека.

М а м а е в. Нет, ты заходи, когда тебе нужно о чем-нибудь посоветоваться.

Г л у м о в. Когда нужно! Мне постоянно нужно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну без руководителя.

М а м а е в. Вот заходи сегодня вечером.

Глумов. Покорно вас благодарю. Позвольте уж мне представить вам мою старуху, она недальняя, но добрая, очень добрая женщина.

Мамаев. Что ж, пожалуй.

Глумов (*громко*). Маменька!

Входит Глумова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Глумова.

Глумов. Маменька! Вот! (*Указывая на Мамаева.*) Только не плакать! Счастливый случай привел к нам дядюшку, Нила Федосеича, которого вы так порывались видеть.

Глумова. Да, батюшка братец, давно желала. А вы вот родных и знать-то не хотите.

Глумов. Довольно, маменька, довольно! Дядюшка имеет на то свои причины.

Мамаев. Родня родне рознь.

Глумова. Позвольте, батюшка братец, поглядеть на вас! Жорж! А ведь не похож?

Глумов (*дергает ее за платье*). Полноте, маменька, перестаньте!

Глумова. Да что перестаньте! Не похож, совсем не похож.

Мамаев (*строго*). Что вы шепчете? На кого я там не похож? Я сам на себя похож.

Глумов (*матери*). Очень нужно толковать пустяки.

Мамаев. Уж коли начали, так говорите.

Глумова. Я говорю, что портрет на вас не похож.

Мамаев. Какой портрет? Откуда у вас портрет?

Глумова. Вот видите, у нас бывает иногда Егор Васильич Курчаев. Он, кажется, вам родственник тоже доводится?

Глумов. Такой отличный, веселый малый.

Мамаев. Да; ну, так что ж?

Глумова. Он все вас рисует. Покажи, Жорж!

Глумов. Да я, право, не знаю, куда я его дел.

Глумова. Поищи хорошенько! Еще он давеча рисовал, ну помнишь? С ним был, как их называют? Вот что критики стихами пишут. Курчаев говорит: я тебе

дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай. Я ведь слышала, что они говорили.

М а м а е в. Покажи мне портрет! Покажи сейчас!

Г л у м о в *(подавая портрет)*. Никогда, маменька, не нужно говорить таких вещей, которые другому могут вред сделать.

М а м а е в. Да вот, учи мать-то лицемерию. Не слушай, сестра, живи по простоте! По простоте лучше. *(Рассматривает портрет.)* Ай да молодец племянничек!

Г л у м о в. Бросьте, дядюшка! И непохоже совсем, и подпись к вам не подходит: «Новейший самоучитель».

М а м а е в. Похоже-то оно похоже, и подпись подходит; ну, да это уж до тебя не касается, это мое дело. *(Отдает портрет и встает.)* Ты на меня карикатур рисовать не будешь?

Г л у м о в. Помилуйте! за кого вы меня принимаете! Что за занятие!

М а м а е в. Так ты вот что, ты непременно приходи ужо вечером. И вы пожалуйте!

Г л у м о в а. Ну, я-то уж... я ведь, пожалуй, надоем своими глупостями.

М а м а е в уходит, Г л у м о в его провожает.

Кажется, дело-то улаживается. А много еще труда Жоржу будет. Ах, как это трудно и хлопотно в люди выходить!

Г л у м о в возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г л у м о в а, Г л у м о в и потом М а н е ф а.

Г л у м о в. Маменька, Манефа идет. Будьте к ней внимательнее, слышите! Да не только внимательнее, подобострастнее, как только можете.

Г л у м о в а. Ну, уж унижаться-то перед бабой.

Г л у м о в. Вы барствовать-то любите; а где средства? Кабы не моя оборотливость, так вы бы чуть не по миру ходили. Так помогайте же мне, помогайте же

мне, я вам говорю. (*Заслышав шаги, бежит в переднюю и возвращается вместе с Манефой*).

Манефа (*Глумову*). Убегай от суеты, убегай!

Глумов (*с постным видом и со вздохами*). Убегаю, убегаю!

Манефа. Не будь корыстолюбив!

Глумов. Не знаю греха сего.

Манефа (*садясь и не обращая внимания на Глумову, которая ей часто кланяется*). Летала, летала, да к вам попала.

Глумов. Ох, чувствуем, чувствуем!

Манефа. Была в некоем благочестивом доме, дали десять рублей на милостыню. Моими руками творят милостыню. Святыми-то руками доходчивее, не чем грешными.

Глумов (*вынимая деньги*). Примите пятнадцать рублей от раба Егорья.

Манефа. Благо дающим!

Глумов. Не забывайте в молитвах!

Манефа. В оноем благочестивом доме пила чай и кофей.

Глумова. Пожалуйте, матушка, у меня сейчас готово.

Манефа встает, они ее провожают под руки до двери.

Глумов (*возвращается и садится к столу*). Записать! (*Вынимает дневник.*) Человеку Мамаева три рубля, Манефе пятнадцать рублей. Да уж кстати весь разговор с дядей. (*Пишет.*)

Входит Курчаев.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Входит Курчаев.

Курчаев. Послушайте-ка! Был дядя здесь?

Глумов. Был.

Курчаев. Ничего он не говорил про меня?

Глумов. Ну вот! С какой стати! Он даже едва ли знает, где был. Он заезжал, по своему обыкновению, квартиру смотреть.

Курчаев. Это интрига, адская интрига!

Глумов. Я слушаю, продолжайте!

Курчаев. Представьте себе, дядя меня встретил на дороге и...

Глумов. И... что?

Курчаев. И не велел мне показываться ему на глаза. Представьте!

Глумов. Представляю.

Курчаев. Приезжаю к Турусиной — не принимают; высылают какую-то шлюху-приживалку сказать, что принять не могут. Слышите?

Глумов. Слышу.

Курчаев. Объясните мне, что это значит?

Глумов. По какому праву вы требуете от меня объяснения?

Курчаев. Хоть по такому, что вы человек умный и больше меня понимаете.

Глумов. Извольте! Оглянитесь на себя: какую вы жизнь ведете.

Курчаев. Какую? Все ведут такую — ничего, а я виноват. Нельзя же за это лишать человека состояния, отнимать невесту, отказывать в уважении.

Глумов. А знакомство ваше! Например, Голутвин.

Курчаев. Ну что ж Голутвин?

Глумов. Язва! такие люди на все способны. Вот вам и объяснение! И зачем вы его давеча привели ко мне? Я на знакомства очень осторожен — я берегу себя. И поэтому я вас прошу не посещать меня.

Курчаев. Что вы, с ума сошли!

Глумов. Дядюшка вас удалил от себя, а я желаю этому во всех отношениях достойному человеку подражать во всем.

Курчаев. А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Глумов. Ну, и слава богу!

Курчаев. Послушайте-ка вы, миленький, уж это не вы ли? Если мои подозрения оправдаются, так берегитесь! Такие вещи даром не проходят. Вы у меня того... вы берегитесь!

Глумов. Буду беречься, когда будет нужно; а теперь пока серьезной опасности не вижу. Прощайте!

Курчаев. Прощайте! *(Уходит.)*

Глумов. Дядя его прогнал. Первый шаг сделан.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Мамаев.
Клеопатра Львовна Мамаева, *его жена.*
Крутицкий, *старик, очень важный господин.*
Иван Иванович Городулин, *молодой важный господин.*
Глумов.
Глумова.
Человек Мамаева.

Зала; одна дверь входная, две по сторонам.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мамаев и Крутицкий выходят из боковой двери.

Мамаев. Да, мы куда-то идем, куда-то ведут нас; но ни мы не знаем — куда, ни те, которые ведут нас. И чем все это кончится?

Крутицкий. Я, знаете ли, смотрю на все это как на легкомысленную пробу и особенно дурного ничего не вижу. Наш век, век, по преимуществу, легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то переделаю, другое переменю. Переменять легко. Вот возьму да поставлю всю мебель вверх ногами, вот и перемена. Но где же, я вас спрашиваю, вековая мудрость, вековая опытность, которая поставила мебель именно на ноги? Вот стоит стол на четырех ножках, и хорошо стоит, крепко?

Мамаев. Крепко.

Крутицкий. Солидно?

Мамаев. Солидно.

Крутицкий. Дай попробую поставить его вверх ногами. Ну, и поставили.

Мамаев *(махнув рукой)*. Поставили.

Крутицкий. Вот и увидят.

Мамаев. Увидят ли, увидят ли?

Крутицкий. Что вы мне говорите! Странное дело! Ну, а не увидят, так укажут, есть же люди.

Мамаев. Есть, есть! Как не быть! Я вам скажу, и очень есть, да не слушают, не слушают. Вот в чем вся беда: умных людей, нас не слушают.

Крутицкий. Мы сами виноваты: не умеем говорить, не умеем заявлять своих мнений. Кто пишет? Кто

кричит? Мальчишки. А мы молчим да жалуемся, что нас не слушают. Писать надо, писать — больше писать.

Мамаев. Легко сказать: писать! На это нужен навык, нужна какая-то сноровка. Конечно, это вздор, но все-таки нужно. Вот я! Говорить я хоть до завтра, а примись писать — и бог знает что выходит. А ведь не дурак, кажется. Да вот и вы. Ну, как вам писать!

Крутицкий. Нет, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

Мамаев. Да! Вы пишете? Не знал. Но ведь не от всякого же можно этого требовать.

Крутицкий. Прошло время, любезнейший Нил Федосеич, прошло время. Коли хочешь приносить пользу, умей владеть пером.

Мамаев. Не всякому дано.

Крутицкий. Да, вот кстати. Нет ли у вас на примете молодого человека, поскромнее и образованного, конечно, чтобы мог свободно излагать на бумаге разные там мысли, прожекты, ну и прочее?

Мамаев. Есть, есть именно такой.

Крутицкий. Он не болтун, не из нынешних зубоскалов?

Мамаев. Ни-ни-ни! Только прикажите, будет нем, как рыба.

Крутицкий. Вот видите ли, у меня написан очень серьезный прожект, или записка, как хотите назовите; но ведь вы сами знаете, я человек старого образования...

Мамаев. Крепче было, крепче было.

Крутицкий. Я с вами согласен. Излагаю я стилем старым, как бы вам сказать? Ну, близким к стилю великого Ломоносова.

Мамаев. Старый стиль сильнее был. Куда! Далеко нынче.

Крутицкий. Я согласен; но все-таки, как хотите, в настоящее время писать стилем Ломоносова или Сумарокова, ведь, пожалуй, засмеют. Так вот, может ли он дать моему труду, как это говорится? Да, литературную отделку.

Мамаев. Может, может, может.

Крутицкий. Ну, я заплачу ему там, что следует.

Мамаев. Обидите, за счастье почтет.

Крутицкий. Ну вот! С какой же стати я буду одолжаться! А кто он?

Мамаев. Племянник, племянничек, да-с.

Крутицкий. Так скажите ему, чтобы зашел как-нибудь пораньше, часу в восьмом.

Мамаев. Хорошо, хорошо. Будьте покойны.

Крутицкий. Да скажите, чтобы ни-ни! Я не хочу, чтобы до поры до времени был разговор; это ослабляет впечатление.

Мамаев. Господи! Да понимаю. Внушу, внушу.

Крутицкий. Прощайте!

Мамаев. Я сам с ним завтра же заеду к вам.

Крутицкий. Милости просим. *(Уходит, Мамаев его провожает).*

Выходят Клеопатра Львовна и Глумова.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мамаева и Глумова.

Мамаева. Молод, хорош собой, образован, мил! Ах!

Глумова. И при всем при этом он мог погибнуть в безвестности, Клеопатра Львовна.

Мамаева. А кто ж ему велел быть в безвестности! Уж довольно и того, что он молод и хорош собою.

Глумова. Коли нет родства хорошего или знакомства, где людей-то увидишь? где протекцию найдешь?

Мамаева. Ему не надо было убегать общества; мы бы его заметили, непременно заметили.

Глумова. Чтобы заметным-то быть, нужно ум большой; а людям обыкновенным трудно, ох, как трудно!

Мамаева. Вы к сыну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нет особенной надобности в большом уме, довольно и того, что он хорош собою. К чему тут ум? Ему не профессором быть. Поверьте, что красивому молодому человеку, просто из сострадания, всегда и в люди выйти помогут, и дадут средства жить хорошо. Если вы видите, что умный человек бедно одет, живет в дурной квартире, едет на плохом извозчике — это вас не поражает, не колет вам глаз; так и нужно, это идет к умному человеку, тут нет видимого противоречия. Но если вы видите молодого красавца,

бедно одетого,— это больно, этого не должно быть и не будет, никогда не будет!

Глумова. Какое у вас сердце-то ангельское!

Мамаева. Да нельзя!.. Мы этого не допустим, мы, женщины. Мы поднимем на ноги мужей, знакомых, все власти; мы его устроим. Надобно, чтобы ничто не мешало нам любоваться на него. Бедность! Фи! Мы ничего не пожалеем, чтобы... Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди так редки...

Глумова. Кабы все так думали...

Мамаева. Все, все. Мы вообще должны сочувствовать бедным людям, это наш долг, обязанность, тут и разговаривать нечего. Но едва ли вынесет чье-нибудь сердце видеть в бедности красивого мужчину, молодого. Рукава потерты или коротки, воротнички нечисты. Ах, ах! ужасно, ужасно! Кроме того, бедность убивает развязность, как-то принижает, отнимает этот победный вид, эту смелость, которые так простительны, так к лицу красивому молодому человеку.

Глумова. Все правда, все правда, Клеопатра Львовна!

Входит Мамаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Мамаев.

Мамаев. А, здравствуйте!

Глумова. Я уж не знаю, кому на вас жаловаться, Нил Федосеич!

Мамаев. А что такое?

Глумова. Сына у меня совсем отбили. Он меня совсем любить перестал, только вами и грезит. Все про ваш ум да про ваши разговоры; только ахает да удивляется.

Мамаев. Хороший мальчик, хороший.

Глумова. Он ребенком был у нас очень удивителен.

Мамаева. Да он и теперь почти дитя.

Глумова. Тихий, такой тихий был, что удивление. Уж никогда, бывало, не забудет у отца или у матери ручку поцеловать; у всех бабушек, у всех тетушек расцелует ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему;

подумают, что нарочно научили; так потихоньку, чтоб никто не видал, подойдет и поцелует. А то один раз, было ему пять лет, вот удивил-то он нас всех! Приходит поутру и говорит: «Какой я видел сон! Слетают ко мне, к кроватке, ангелы и говорят: люби папашу и мамашу и во всем слушайся! А когда вырастешь большой, люби своих начальников. Я им сказал: ангелы! я буду всех слушаться...» Удивил он нас, уж так обрадовал, что и сказать нельзя. И так мне этот сон памятен, так памятен...

Мамаев. Ну, прощайте, я еду, у меня дела-то побольше вашего. Я вашим сыном доволен. Вы ему так и скажите, что я им доволен. *(Надевая шляпу)*. Да, вот было забыл. Я знаю, что вы живете небогато и жить не умеете; так зайдите ко мне как-нибудь утром, я вам дам...

Глумова. Покорно благодарим.

Мамаев. Не денег — нет; а лучше денег. Я вам дам совет относительно вашего бюджета. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мамаева и Глумова.

Глумова. Довольны, так и слава богу! Уж никто так не умеет быть благодарным, как мой Жорж.

Мамаева. Очень приятно слышать.

Глумова. Он не то что благодарным быть, он может обожать своих благодетелей.

Мамаева. Обожать? Уж это слишком.

Глумова. Нет, не слишком. Такой характер, душа такая. Разумеется, матери много хвалить сына не годится, да и он не любит, чтобы я про него рассказывала.

Мамаева. Ах, сделайте одолжение! я ему ничего не передам.

Глумова. Он даже ослеплен своими благодетелями, уж для него лучше их на свете нет. По уму, говорит, Нилу Федосеичу равных нет в Москве, а уж что про вашу красоту говорит, так печатать, право, печатать надо.

Мамаева. Скажите, пожалуйста!

Глумова. Какие сравнения находит!

Мамаева. Неужели?

Глумова. Да он вас где-нибудь прежде видал?

Мамаева. Не знаю. Я его видела в театре.

Глумова. Нет, должно быть, видал.

Мамаева. Почему же?

Глумова. Да как же? Он так недавно вас знает, и вдруг такое...

Мамаева. Ну, ну! Что же?

Глумова. И вдруг такое родственное расположение почувствовал.

Мамаева. Ах, милый мальчик!

Глумова. Даже непонятно. Дядюшка, говорит, такой умный, такой умный, а тетушка, говорит, ангел, ангел, да...

Мамаева. Пожалуйста, пожалуйста, говорите! Я, право, очень любопытна.

Глумова. Да вы не рассердитесь за мою глупую откровенность?

Мамаева. Нет, нет.

Глумова. Ангел, говорит, ангел; да ко мне на грудь, да в слезы...

Мамаева. Да, вот что... Как же это? Странно.

Глумова *(переменив тон)*. Уж очень он рад, что его, сироту, обласкали; от благодарности плачет.

Мамаева. Да, да, с сердцем мальчик, с сердцем!

Глумова. Да уж что говорить! Натура кипяток.

Мамаева. Это в его возрасте понятно и... извинительно.

Глумова. Уж извините, извините его. Молод еще.

Мамаева. Да в чем же мне его извинить? Чем он передо мною виноват?

Глумова. Ну, знаете ли, ведь, может быть, в первый раз в жизни видит такую красавицу женщину,— где ж ему было! Она к нему ласкова, снисходительна... конечно, по-родственному... Голова-то горячая, поневоле с ума сойдешь.

Мамаева *(задумчиво)*. Он очень мил, очень мил!

Глумова. Оно, конечно, его расположение родственное... А ведь как хотите... близость-то такой очаровательной женщины в молодые его года... ведь ночи не спит, придет от вас, мечется, мечется...

Мамаева. Он к вам доверчив, он от вас своих чувств не скрывает?

Глумова. Грех бы ему было. Да ведь и чувства-то его детские.

Мамаева. Ну, конечно, детские... Ему еще вовсем нужны руководители. Под руководством умной женщины он со временем... да, он может...

Глумова. Поруководите его! Ему это для жизни очень нужно будет. Вы такая добрая...

Мамаева *(смеется)*. Да, да, добрая. Но ведь это, вы знаете, ведь это опасно; можно и самой... увлечься.

Глумова. Вы, право, такая добрая.

Мамаева. Вы, я вижу, очень его любите.

Глумова. Один, как не любить!

Мамаева *(томно)*. Так давайте его любить вместе.

Глумова. Вы меня заставите завидовать сыну. Да, именно он себе счастье нашел в вашем семействе. Однако мне и домой пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню... А беда, если сын узнает, уж вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какие вы, маменька, глупости делаете, а ведь не скажет. Он этого слова избегает из почтения к родительнице. А уж я бы ему простила, только бы вперед от глупостей остерегал. Прощайте, Клеопатра Львовна!

Мамаева *(обнимает ее)*. Прощайте, душа моя, Глафира Климовна! На днях я к вам, мы с вами еще потолкуем о Жорже. *(Провожает ее до двери.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мамаева, потом Глумов.

Мамаева. Какая болтушка! Ну, если б услыхал ее сын, не сказал бы ей спасибо. Он так горд, подходит ко мне с такой холодною почтительностью, а дома вон что делает. Значит, я могу еще внушить молодому человеку истинную страсть. Так и должно быть. В последнее время, конечно, очень был чувствителен недостаток в обожателях; но ведь это оттого, что окружающие меня люди отжили и износились. Ну, вот, наконец-то. А, мой милый! Теперь я буду смотреть за тобой. Как он ни робок, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно наблюдать, когда вперед знаешь, что человек влюблен в тебя.

Входит Глумов, кланяется и останавливается в почтительной позе.

Подите, подите сюда.

Глумов робко подходит.

Что же вы стоите? Разве племянники ведут себя так?

Глумов *(целует ей руку)*. Здравствуйте, Клеопатра Львовна, с добрым утром.

Мамаева. Браво! Как это вы осмелились наконец, я удивляюсь.

Глумов. Я очень робок.

Мамаева. Будьте развязнее! Чего вы боитесь? Я такой же человек, как и все. Будьте доверчивее, откровенней со мной, поверяйте мне свои сердечные тайны! Не забывайте, что я ваша тетка.

Глумов. Я был бы откровеннее с вами, если бы...

Мамаева. Если б что?

Глумов. Если б вы были старуха.

Мамаева. Что за вздор такой! Я совсем не хочу быть старухой.

Глумов. И я тоже не желаю. Дай вам бог цвести как можно долее. Я говорю только, что мне тогда было бы не так робко, мне было бы свободнее.

Мамаева. Отчего же? Садитесь сейчас ко мне ближе и рассказывайте все откровенно, отчего вам было бы свободнее, если б я была старухой.

Глумов *(берет стул и садится подле нее)*. У молодой женщины есть свои дела, свои интересы; когда же ей заботиться о бедных родственниках! А у старухи только и дела.

Мамаева. Отчего ж молодая не может заботиться о родных?

Глумов. Может, но ее совестно просить об этом; совестно надоедать. У ней на уме веселье, забавы, развлечения, а тут скучное лицо племянника, просьбы, вечное нытье. А для старухи это было бы даже удовольствием; она бы ездила по Москве, хлопотала. Это было бы для нее и занятие от скуки, и доброе дело, которым она после могла бы похвастаться.

Мамаева. Ну, если б я была старуха, о чем бы вы меня попросили?

Глумов. Да, если б вы были; а ведь вы не старуха, а, напротив, очень молодая женщина. Вы меня ловите.

Мамаева. Все равно, все равно, говорите!

Глумов. Нет, не все равно. Вот, например, я знаю,

что вам стоит сказать только одно слово Ивану Иванычу, и у меня будет очень хорошее место.

Мамаева. Да, я думаю, что довольно будет одного моего слова.

Глумов. Но я все-таки не буду беспокоить вас этой просьбой.

Мамаева. Почему же?

Глумов. Потому, что это было бы насилие. Он так вами очарован.

Мамаева. Вы думаете?

Глумов. Я знаю наверное.

Мамаева. Какой вы всеведущий. Ну, а я?

Глумов. Уж это ваше дело.

Мамаева *(про себя)*. Он не ревнив, это странно.

Глумов. Он не смеет отказать вам ни в чем. Потом, ему ваша просьба будет очень приятна; заставить вас просить — все равно что дать ему взятку.

Мамаева. Все это вздор, фантазии! Так вы не желаете, чтоб я за вас просила?

Глумов. Решительно не желаю. Кроме того, мне не хочется быть у вас в долгу. Чем же я могу заплатить вам?

Мамаева. А старухе чем вы заплатите?

Глумов. Постоянным угождением: я бы ей носил собачку, подвигал под ноги скамейку, целовал постоянно руки, поздравлял со всеми праздниками и со всем, с чем только можно поздравить. Все это только для старухи имеет цену.

Мамаева. Да, конечно.

Глумов. Потом, если старуха действительно добрая, я мог бы привязаться к ней, полюбить ее.

Мамаева. А молодую разве нельзя полюбить?

Глумов. Можно, но не должно сметь.

Мамаева *(про себя)*. Наконец-то!

Глумов. И к чему же бы это повело? Только лишние страдания.

Входит человек.

Человек. Иван Иваныч Городулин-с.

Глумов. Я пойду к дядюшке в кабинет, у меня есть работа-с. *(Кланяется очень почтительно.)*

Мамаева *(человеку)*. Проси!

Человек уходит, входит Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мамаева и Городулин.

Городулин. Имею честь представиться.

Мамаева *(с упреком)*. Хорош, хорош! Садитесь! Каким ветром, какой бурей занесло вас ко мне?

Городулин *(садится)*. Ветром, который у меня в голове, и бурей страсти, которая бушует в моем сердце.

Мамаева. Благодарю. Очень мило с вашей стороны, что вы не забыли меня, брошенную, покинутую.

Городулин. Где он? Где тот несчастный, который вас покинул? Укажите мне его! Я нынче в особенно воинственном расположении духа.

Мамаева. Вы первый, вас-то и надобно убить, или что-нибудь другое.

Городулин. Уж лучше что-нибудь другое.

Мамаева. Я уж придумала вам наказание.

Городулин. Позвольте узнать. Объявите решение, без того не казнят. Если вы решили задушить меня в своих объятиях, я апеллировать не буду.

Мамаева. Нет, я хочу явиться к вам просителем.

Городулин. То есть поменяться со мной ролями?

Мамаева. Разве вы проситель? вы сами там где-то чуть ли не судья.

Городулин. Так, так-с. Но перед дамами я всегда...

Мамаева. Полно вам болтать-то! У меня серьезное дело.

Городулин. Слушаю-с.

Мамаева. Моему племяннику нужно...

Городулин. Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

Мамаева. Вы мне надоели. Слушайте и не перебивайте! Мой племянник совсем не ребенок, он очень милый молодой человек, очень хорош собой, умен, образован.

Городулин. Тем лучше для него и хуже для меня.

Мамаева. Ему нужно место.

Городулин. Какое прикажете?

Мамаева. Разумеется, хорошее! У него отличные способности.

Городулин. Отличные способности? Жаль! С отличными способностями теперь некуда деться: он остается лишний. Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом.

Мамаева. Послушайте, вы меня выведете из терпения, мы с вами поссоримся. Говорите, есть ли у вас в виду место?

Городулин. Для обыкновенного смертного найдется.

Мамаева. И прекрасно.

Городулин (*нежно*). Нам люди нужны. Позвольте мне хоть одним глазком взглянуть на этот феномен; тогда я вам скажу определительно, на что он годен и на какое место можно будет его рекомендовать.

Мамаева. Егор Дмитрич! Жорж! Подите сюда. (*Городулину.*) Я вас оставлю с ним на несколько времени. Вы после зайдите ко мне! Я вас подожду в гостиной.

Глумов входит.

Представляю вам моего племянника. Егор Дмитрич Глумов. (*Глумову.*) Иван Иваныч хочет с вами познакомиться. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Городулин и Глумов.

Городулин (*подавая Глумову руку*). Вы служите?

Глумов (*развязно*). Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты.

Городулин. Отчего?

Глумов. Уменья не дал бог. Надо иметь очень много различных качеств, а у меня их нет.

Городулин. Мне кажется, нужно только ум и охоту работать.

Глумов. Положим, что у меня за этим дело не станет; но что толку с этими качествами? Сколько ни трудись, век будешь канцелярским чиновником. Чтобы выслужиться человеку без протекции, нужно совсем другое.

Городулин. А что же именно?

Глумов. Не рассуждать, когда не приказывают, смеяться, когда начальство вздумает сострить, думать и работать за начальников и в то же время уверять их со всевозможным смирением, что я, мол, глуп, что все это вам самим угодно было приказать. Кроме того, нужно иметь еще некоторые лакейские качества, конечно, в соединении с известной долей грациозности: например, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно и неподобострастно, и холопски и вместе с тем благородно, и прямолинейно, и грациозно. Когда начальник пошлет за чем-нибудь, надо уметь производить легкое порханье, среднее между галопом, марш-марш и обыкновенным шагом. Я еще и половины того не сказал, что надо знать, чтоб дослужиться до чего-нибудь.

Городулин. Прекрасно. То есть все это очень скверно, но говорите вы прекрасно; вот важная вещь. Впрочем, все это было прежде, теперь совсем другое.

Глумов. Что-то не видать этого другого-то. И притом, все бумага и форма. Целые стены, целые крепости из бумаг и форм. И из этих крепостей только вылетают, в виде бомб, сухие циркуляры и предписания.

Городулин. Как это хорошо! Превосходно, превосходно! Вот талант!

Глумов. Я очень рад, что вы сочувствуете моим идеям. Но как мало у нас таких людей!

Городулин. Нам идеи что! Кто же их не имеет, таких идей? Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сделать для меня великое одолжение.

Глумов. Все, что вам угодно.

Городулин. Запишите все это на бумажку!

Глумов. Извольте, с удовольствием. На что же вам?

Городулин. Вам-то я откроюсь. Мы с вами оба люди порядочные и должны говорить откровенно. Вот в чем дело: мне завтра нужно спич говорить за обедом, а думать решительно некогда.

Глумов. Извольте, извольте!

Городулин (*жмет ему руку*). Сделайте для меня это по-дружески.

Глумов. Стоит ли говорить, помилуйте! Нет, вы дайте мне такую службу, где бы я мог лицом к лицу стать с моим меньшим братом. Дайте мне возможность

самому видеть его насущные нужды и удовлетворять им скоро и сочувственно.

Городулин. Отлично, отлично! Вот уж и это запишите! Как я вас понимаю, так вам, по вашему честному образу мыслей, нужно место смотрителя или эконома в казенном или благотворительном заведении?

Глумов. Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько сил хватит, но с одним условием: чтобы моя работа приносила действительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужного для благосостояния массы. Переливать из пустого в порожнее, считать это службой и получать отличия — я не согласен.

Городулин. Уж и это бы кстати: «Увеличивать количество добра». Прелесть!

Глумов. Хотите, я вам весь спич напишу?

Городулин. Неужели? Вот видите, долго ли порядочным людям сойтись! Перекинули несколько фраз — и друзья. А как вы говорите! Да, нам такие люди нужны, нужны, батюшка, нужны! *(Взглянув на часы.)* Заезжайте завтра ко мне часу в двенадцатом. *(Подает ему руку.)* Очень приятно, очень приятно. *(Уходит в гостиную.)*

Входит Мамаев.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мамаев и Глумов.

Мамаев. А, ты здесь! Поди сюда! *(Таинственно.)* Крутицкий давеча заезжал ко мне посоветоваться об одном деле. Добрый старик! Он там написал что-то, так нужно ему обделать, выгладить слог. Я указал на тебя. Он у нас в кружке не считается умным человеком и написал, вероятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься с ним, польсти ему несколько.

Глумов. Вот, дядюшка, чему вы меня учите.

Мамаев. Льстить нехорошо, а польстить немного позволительно. Похвали что-нибудь из пятого в десятое, это приятно будет старику. Он может вперед пригодиться. Ругать его будем мы, от этого он не уйдет, а ты все-таки должен хвалить, ты еще молод. Мы с тобой завтра к нему поедем. Да, вот еще одно тонкое об-

стоятельство. В какие отношения ты поставил себя к тетке?

Глумов. Я человек благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

Мамаев. Ну вот и глупо, ну вот и глупо. Она еще довольно молода, собой красива, нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты нажить себе хочешь?

Глумов. Я, дядюшка, не понимаю.

Мамаев. Не понимаешь, так слушай, учись! Слава богу, тебе есть у кого поучиться. Женщины не прощают тому, кто не замечает их красоты.

Глумов. Да, да, да! Скажите! Из ума вон!

Мамаев. То-то же, братец! Хоть ты и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник; имеешь больше свободы, чем просто знакомый; можешь иногда, как будто по забывчивости, лишний раз ручку поцеловать, ну, там глазами что-нибудь. Я думаю, умеешь?

Глумов. Не умею.

Мамаев. Экий ты, братец! Ну, вот так. *(Заводит глаза кверху.)*

Глумов. Полноте, что вы! Как это можно!

Мамаев. Ну, да ты перед зеркалом хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни с томным видом. Все это немножко щекочет их самолюбие!

Глумов. Покорнейше вас благодарю.

Мамаев. Да и для меня-то покойнее. Пойми, пойми!

Глумов. Опять не понимаю.

Мамаев. Она женщина темперамента сангвинического, голова у ней горячая, очень легко может увлечься каким-нибудь франтом, черт его знает что за механик попадется, может быть, совсем каторжный. В этих прихвостнях бога нет. Вот оно куда пошло! А тут, понимаешь ты, не угодно ли вам, мол, свой, испытанный человек. И волки сыты, и овцы целы. Ха, ха, ха! Понял?

Глумов. Ума, ума у вас, дядюшка!

Мамаев. Надеюсь.

Глумов. А вот еще обстоятельство! Чтоб со стороны не подумали чего дурного, ведь люди злы, вы меня познакомьте с Турусиной. Там уж я открыто буду ухаживать за племянницей, даже, пожалуй, для вас, если вам угодно, посватаюсь. Вот уж тогда действительно будут и волки сыты, и овцы целы.

Мамаев. Вот, вот, вот! Дело, дело!

Глумов. Клеопатре Львовне мы, разумеется, не скажем про Турусину ни слова. Не то что ревность, а, знаете, есть такое женское чувство.

Мамаев. Кому ты говоришь! Знаю, знаю. Ни-ни-ни! и заикаться не надо.

Глумов. Когда же мы к Турусиной?

Мамаев. Завтра вечером. Ну, теперь ты знаешь, что делать тебе?

Глумов. Что делать? Удивляться уму вашему.

Входят Мамаева и Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мамаев, Глумов, Мамаева и Городулин.

Городулин (*Мамаевой тихо*). Через две недели он будет определен.

Мамаева. Через две недели я вас поцелую.

Мамаев. А, Иван Иваныч! Я к вам заезжал сегодня, я хотел дать вам совет по клубному делу.

Городулин. Извините, Нил Федосеич, некогда. (*Подает руку Глумову.*) До свиданья.

Мамаев. Так поедёмте вместе, я вам доро́гой. Мне в сенат нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мамаева и Глумов.

Мамаева (*садится на кресло*). Целуйте ручку, ваше дело улажено.

Глумов. Я вас не просил.

Мамаева. Нужды нет, я сама догадалась.

Глумов (*целует руку*). Благодарю вас. (*Берет шляпу.*)

Мамаева. Куда же вы?

Глумов. Домой. Я слишком счастлив. Я побегу поделиться моей радостью с матерью.

Мамаева. Вы счастливы? Не верю.

Глумов. Счастлив, насколько можно.

Мамаева. Значит, не совсем; значит, вы еще не всего достигли?

Глумов. Всего, на что только я смел надеяться.

Мамаева. Нет, вы говорите прямо: всего вы достигли?

Глумов. Чего же мне еще! Я получу место.

Мамаева. Не верю, не верю. Вы хотите в таких молодых годах показать себя материалистом, хотите уверить меня, что думаете только о службе, о деньгах.

Глумов. Клеопатра Львовна...

Мамаева. Хотите уверить, что у вас никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

Глумов. Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

Мамаева. А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и вас любили?

Глумов. Я не говорю этого.

Мамаева. Вы говорите, что всего достигли.

Глумов. Я достиг всего возможного, всего, на что я могу позволить себе надеяться.

Мамаева. Значит, вы не можете позволить себе надеяться на взаимность. В таком случае, зачем вы даром тратите ваши чувства? Ведь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Глумов. Но ведь это пытка, Клеопатра Львовна.

Мамаева. Говорите, негодный, говорите сейчас! Я знаю, я вижу по вашим глазам, что вы любите. Бедный! Вы очень, очень страдаете?

Глумов. Вы не имеете права прибегать к таким средствам. Вы знаете, что я не посмею ничего скрыть от вас.

Мамаева. Кого вы любите?

Глумов. Сжальтесь!

Мамаева. Стоит ли она вас?

Глумов. Боже мой, что вы со мною делаете!

Мамаева. Умеет ли она оценить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глумов. Хоть убейте меня, я не смею!

Мамаева (*шепотом*). Смелее, мой друг, смелее!

Глумов. Кого люблю я?

Мамаева. Да.

Глумов (*падая на колено*). Вас!

Мамаева (*тихо вскрикивая*). Ах!

Глумов. Я ваш раб на всю жизнь. Карайте меня

за мою дерзость, но я вас люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядеть на вас, запретите мне любоваться вами, еще хуже — заставьте меня быть почтительным; но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Если б вы не были так очаровательны, так снисходительны ко мне, я, может быть, удержал бы мою страсть в пределах приличия, чего бы мне это ни стоило. Но вы, ангел доброты, вы, красавица, из меня, благоразумного человека, вы сделали бешеного сумасброда! Да, я сумасшедший! Мне показалось, что меня манит блаженство, и я не побоялся кинуться в пропасть, в которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня! *(Склоняет голову.)*

Мамаева *(целуя его в голову)*. Я вас прощаю.

Глумов, почтительно кланяясь, уходит. Мамаева провожает его долгим взглядом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Софья Игнатьевна Турусина, *богатая вдова, барыня, родом из купчих.*
Машенька, *ее племянница.*
Манефа.
Приживалка 1-я.
Приживалка 2-я.
Крутицкий.
Городулин.
Мамаев.
Глумов.
Григорий, человек Турусиной.

Богатая гостиная на даче в Сокольниках, одна дверь посредине, другая сбоку.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Машенька и Турусина выходят из средней двери.

Машенька. Поедемте, ma tante![1] Поедемте! Ну, пожалуйста, поедемте!

Турусина. Нет, мой друг, нет! Ни за что на свете! Я уж велела лошадей отложить.

[1] Тетушка! *(фр.)*

Машенька. Помилуйте, ma tante, на что же это похоже! В кои-то веки мы сберемся выехать, и то не в час; десяти шагов от ворот не отъехали и назад.

Турусина *(садясь)*. Мой друг, я очень хорошо знаю, что делаю. Зачем напрасно подвергать себя опасности, когда можно избежать ее?

Машенька. Но почему же нам непременно угрожала опасность?

Турусина. О чем ты еще спрашиваешь, я не понимаю? Ты сама видела: в самых воротах нам перешла дорогу какая-то женщина. Я хотела приказать остановиться, но так уж, скрепя сердце, поехала дальше, и вдруг встреча...

Машенька. Да что ж такое, что встреча?

Турусина. Да, если б с левой стороны, а то с правой.

Машенька. Да и с правой, и с левой все равно.

Турусина. Не говори так, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства в моем доме. Я и так довольно слышу кощунства от гостей, которые бывают у нас. Посторонним я запретить не могу, а тебе запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишком много заботиться о себе грех, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть упрямым! Мало ли мы видим несчастных случаев: разобьют лошади, сломается экипаж, кучер напьется пьян и завезет в канаву. Провидение печется о людях. Если тебе прямо говорят: не езди туда-то, ты подвергнешь себя опасности,— так кто же виноват, если ты не послушаешь благого совета и сломишь себе голову?

Машенька. Нам никто не говорил: не езди!..

Турусина. Разве непременно нужны слова! Дурная встреча красноречивей всяких слов. Еще если б была крайняя необходимость, ну, уж нечего делать, а то ехать бог знает зачем! Для того только, чтоб провести весь вечер в пустых разговорах, в пересудах о ближнем, и для этого пренебрегать указаниями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нет уж, покорно благодарю. Я понимаю, зачем тебе хочется ехать туда! Ты думаешь встретить там Курчаева, самого нераскаянного безбожника, которого я к себе пускать не велю. Вот ты и тянешь тетку, нисколько не рассуждая о том, что я из-за твоего удовольствия могу переломить ногу или руку.

Машенька. Я не понимаю, ma tante, что вам не понравился Курчаев?

Турусина. Как он может мне понравиться? Он смеется в моем присутствии над самыми священными вещами.

Машенька. Когда же, ma tante, когда?

Турусина. Всегда, постоянно, он смеется над моими странницами, над юродивыми.

Машенька. Вы говорите, что он смеется над священными вещами.

Турусина. Ну конечно; я ему говорю как-то: посмотрите, у моей Матреши от святости уж начинает лицо светиться; это, говорит, не от святости, а от жиру. Уж этого я ему никогда в жизни не прощу. До чего вольнодумство-то доходит, до чего позволяют себе забываться молодые люди! Я в людях редко ошибаюсь; вот и оказалось, что он за человек. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь.

Машенька. Разве верят безымянным письмам?

Турусина. Если б одно, можно бы еще сомневаться, а то вдруг два и от разных лиц.

Входит человек и подает Турусиной письмо.

Григорий. Скитающие люди пришли-с.

Турусина. Что он говорит, бог его знает. Ну, да все равно, вероятно, богомольцы. Вели их накормить.

Человек уходит. Турусина читает письмо.

Вот еще письмо. Видно, что пишет женщина солидная! *(Читает вслух.)* «Милостивая государыня Софья Игнатьевна, хотя я не имею счастья...» *(Читает про себя.)* Вот слушай! Выбор вами такого человека, как Егор Васильевич Курчаев, заставляет меня заранее проливать слезы об участи бедной Машеньки...» Ну, и так далее.

Машенька. Удивительно! Я не знаю, что и думать об этом.

Турусина. Неужели ты и теперь станешь спорить со мной? Впрочем, мой друг, если ты непременно желаешь, так выходи за него. *(Нюхает спирт.)* Я не хочу, чтоб меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этим огорчаешь и что едва ли ты вправе будешь жаловаться, если я тебе...

Машенька. Не дадите денег...

Турусина. И, главное-то, благословения.

Машенька. Нет, ma tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замуж без денег и без позволения родных. Мне Жорж Курчаев очень нравится; но если вам неугодно, я за него не пойду и никакой чахотки со мной от этого не будет. Но, ma tante, пожалейте меня! У меня благодаря вам есть деньги. Мне хочется пожить.

Турусина. Понимаю, мой друг, понимаю.

Машенька. Найдите мне жениха, какого угодно, только порядочного человека, я за него пойду без всяких возражений. Мне хочется поблестеть, покрасоваться. Так жить, как мы живем, подумайте сами, мне скучно, очень скучно.

Турусина. Я вхожу в твое положение. Суетность в твоем возрасте извинительна.

Машенька. Когда я буду постарше, ma tante, я, весьма вероятно, буду жить так же, как и вы,— это у нас в роду.

Турусина. Дай бог, я тебе от всей души желаю. Это прямой путь, настоящий.

Машенька. Так, ma tante, но мне прежде надо выйти замуж.

Турусина. Не хочу скрывать от тебя, что я в большом затруднении. Нынче молодежь так испорчена, что очень трудно найти такого человека, который бы мне понравился; ты мои требования знаешь.

Машенька. Ах, ma tante, уж в Москве-то не найти! Чего-чего в ней нет! Все, что угодно. У вас такое большое знакомство. Можно обратиться к тому, другому; Крутицкий, Мамаев, Городулин вам помогут, укажут или найдут для вас точно такого жениха, какого вам нужно. Я в этом уверена.

Турусина. Крутицкий, Городулин! Ведь они люди, Marie! Они могут обмануть или сами обмануться.

Машенька. Но как же быть?

Турусина. Надо ждать указания. Без особого указания я никак не решусь.

Машенька. Но откуда же явится это указание?

Турусина. Ты скоро узнаешь откуда; оно явится сегодня же.

Машенька. Курчаеву не отказывайте от дому, пусть ездит.

Турусина. Только ты знай, что он тебе не жених.

Машенька. Я вполне полагаюсь на вас; я ваша покорная, самая покорная племянница.

Турусина *(целует ее)*. Ты милое дитя.

Машенька. Я буду богата, буду жить весело. Ведь и вы прежде весело жили, ma tante?

Турусина. Откуда ты знаешь?

Машенька. Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

Турусина. Да, ты знаешь кое-что, но ты не можешь и не должна всего знать.

Машенька. Все равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и вас я беру примером для себя. *(Обнимает тетку.)* Я тоже хочу жить очень весело; если согрешу, я покаюсь. Я буду грешить и буду каяться так, как вы.

Турусина. Празднословие, Marie! Празднословие!

Машенька *(сложив руки)*. Виновата!

Турусина. Уж ты разговорилась очень. Я устала, дай мне отдохнуть, немного успокоиться. *(Целует Машеньку; она уходит.)* Милая девушка! На нее и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимает, что болтает. Где же ей понимать? Так лепечет. Я все силы употреблю, чтобы она была счастлива; она вполне этого заслуживает. Сколько в ней благоразумия и покорности! Она меня тронула почти до слез своею детскою преданностью. Право, так взволновала меня. *(Нюхает спирт.)*

Входит Григорий.

Григорий. Господин Крутицкий.

Турусина. Проси!

Входит Крутицкий.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Турусина и Крутицкий.

Крутицкий *(берет ее за руки)*. Что, все нервы? а?..

Турусина. Нервы.

Крутицкий. Нехорошо! Вот и руки холодные. Уж вы того, очень...

Турусина. Что?

Крутицкий. Очень, то есть прилежно... ну, очень изнурять себя... не надо очень-то...

Турусина. Я уж вас просила не говорить мне об этом.

Крутицкий. Ну, ну, не буду.

Турусина. Садитесь.

Крутицкий. Нет, ничего, я не устал. Я вот гулять пошел, ну, дай, думаю, зайду навестить старую знакомую, приятельницу старую... хе, хе, хе!.. Помните, ведь мы...

Турусина. Ах, не вспоминайте! Я теперь...

Крутицкий. А что ж такое! Что не вспоминать-то... У вас в прошедшем было много хорошего. А если и было кой-что на ваш взгляд дурное, так уж вы, вероятно, давно покаялись. Я, признаться вам сказать, всегда с удовольствием вспоминаю и нисколько не раскаиваюсь, что...

Турусина *(с умоляющим видом)*. Перестаньте!

Входит Григорий.

Григорий. Сударыня, уродливый пришел.

Крутицкий. Что такое?

Турусина. Григорий, как тебе не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить.

Григорий уходит.

Как глупы эти люди, самого обыкновенного назвать не умеют.

Крутицкий. Ну, я не скажу, чтобы в нынешнее время юродивые были очень обыкновенны. Кроме вас, едва ли их где встретишь. Обращаюсь к прежнему разговору. Вы извините, я хотел вам только сказать, что прежде, когда вы вели другой образ жизни, вы были здоровее.

Турусина. Здоровее телом, но не душою.

Крутицкий. Ну, уж этого я не знаю, это не мое дело. Вообще вы с виду были здоровее. Вы еще довольно молоды... Вам бы еще можно было пожить как следует.

Турусина. Я живу как следует.

Крутицкий. Ну, то есть рано бы ханжить-то.

Турусина. Я вас просила...

Крутицкий. Ну, виноват, виноват! не буду.

Турусина. Вы странный человек.

Входит Григорий.

Григорий. Сударыня, странный человек пришел.

Турусина. Откуда он, ты не спрашивал?

Григорий. Говорит, из стран неведомых.

Турусина. Пустить его и посадить за стол вместе с теми.

Григорий. Да вместе-то они, сударыня, пожалуй...

Турусина. Поди, поди!

Григорий уходит.

Крутицкий. Вы у этих, что из неведомых-то стран приходят, хоть бы паспорты велели спрашивать.

Турусина. Зачем?

Крутицкий. Затем, что с ними до беды недолго. Вон у одного тоже три странника спасались.

Турусина. Так что же?

Крутицкий. Ну, все трое и оказались граверы хорошие.

Турусина. Что ж за беда?

Крутицкий. Да ремесло-то плохое.

Турусина. Чем же плохо ремесло — гравирование?

Крутицкий. Не портреты же они в землянках-то гравируют.

Турусина *(тихо)*. Лики?

Крутицкий. Как же не лики! Целковые.

Турусина *(с испугом)*. Ах, что вы!

Крутицкий *(садится)*. Вот то-то же! Добродетель добродетелью, а и осторожность не мешает. Вам особенно надо беречься. Уж это дело известное, коли барыня чересчур за добродетель возьмется, так уж тут мошенникам пожива. Потому что обмануть вас в это время очень просто.

Турусина. Я делаю добро для добра, не разбирая людей. Я с вами хотела посоветоваться об одном очень важном деле.

Крутицкий *(подвигаясь)*. Что такое? говорите! Я рад, рад вам служить, чем могу.

Турусина. Вы знаете, что Машенька теперь уж в таком возрасте, что...

Крутицкий. Да, да, знаю.

Турусина. Нет ли у вас на примете молодого человека? Вы знаете, какого мне нужно?

Крутицкий. Какого вам нужно. Вот это-то и закорючка. Мало ли молодых людей... Да постойте же! Есть, именно такой есть, какого вам нужно.

Турусина. Верно?..

Крутицкий. Я вам говорю. Скромен не по летам, умен, дворянин, может сделать отличную карьеру. Вообще славный малый... малый славный. Его рекомендовали мне для некоторых занятий; ну, я того, знаете ли, попытал его, что, мол, ты за птица! Парень хоть куда! Далеко пойдет, далеко, вот увидите.

Турусина. А кто он?

Крутицкий. Как его! Дай бог память! Да вот, постойте, он мне адрес дал, он мне теперь не нужен, люди знают. *(Вынимает бумагу.)* Вот! *(Читает.)* Егор Дмитриев Глумов! Каково пишет! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчас можно узнать характер! Ровно — значит, аккуратен... кругло, без росчерков, ну, значит, не вольнодумец. Вот возьмите, может быть, и пригодится.

Турусина *(берет адрес)*. Благодарю вас.

Крутицкий. Что за благодарность! Вот еще! Наш долг! *(Встает.)* Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

Турусина. Ах, что вы! всегда, всегда рада.

Крутицкий. То-то! Я ведь любя. Жаль!

Турусина. Навещайте.

Крутицкий. По старой памяти? Хе, хе, хе!.. Ну, до свиданья! *(Уходит.)*

Турусина. Вот и старый человек, а как легкомыслен. Как ему поверить! *(Прячет адрес в карман.)* А все-таки надо будет справиться об этом Глумове.

Входит Григорий.

Григорий. Господин Городулин.

Турусина. Проси!

Григорий уходит. Входит Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Турусина и Городулин.

Турусина. Очень рада вас видеть. Не стыдно вам! Что вы пропали?

Городулин. Дела, дела. То обеды, то вот железную дорогу открывали.

Турусина. Не верится что-то. Просто вам скучно у меня. Ну, да спасибо и за то, что вот изредка навещаете. Что наше дело?

Городулин. Какое дело?

Турусина. Вы уж и забыли? Вот прекрасно! Покорно вас благодарю. Да и я-то глупо сделала, что поручила вам. Вы человек, занятый важными делами; когда вам помнить о бедных несчастных, угнетенных! Стоит заниматься этою малостью!

Городулин. Угнетенных, вы изволите говорить? Насчет угнетенных я не могу припомнить ничего-с. А вот позвольте, я теперь вспомнил: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчет ворожеи?

Турусина. Не ворожеи, а гадальщицы,— это большая разница; к ворожее я бы не поехала ни за что.

Городулин. Извините! Я сознаюсь в своем невежестве: я в этих тонкостях не силен. Одним словом, вдова коллежского регистратора, Улита Шмыгаева.

Турусина. Какого бы она звания ни была, это все равно, во всяком случае, она дама почтенная, строгой жизни, и я горжусь тем, что пользовалась ее особенным расположением.

Городулин. Особенным-то ее расположением, как из дела видно, пользовался отставной солдат.

Турусина. Что вы говорите! Это все вздор, клевета! Она имела успех, имела знакомство с лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали ее. Но я надеюсь, что ее оправдали, невинность должна торжествовать.

Городулин. Нет-с, ей по Владимирке.

Турусина *(привстав)*. Как! Вот он, ваш хваленый суд! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приносит пользу другим?

Городулин. Да ведь ее не за гаданье судили.

Турусина. Нет, вы мне не говорите! Все это сделано в угоду нынешнему модному неверию.

Городулин. Ее судили за укрывательство заведомо краденых вещей, за пристанодержательство и за опоение какого-то купца.

Турусина. Ах, боже мой! Что вы говорите!

Городулин. Святую истину. Жена этого купца просила у нее приворотного зелья для мужа, чтобы больше любил; ну, и сварили зелье по всем правилам, на мадере; только одно забыли — спросить дозволение медицинской управы.

Турусина. Что же купец?

Городулин. Подействовало. Умер было, только не от любви.

Турусина. Вам все это смешно, я вижу. У юристов и у медиков сердца нет. И неужели не нашлось ни одного человека, который бы заступился за эту бедную женщину?

Городулин. Помилуйте, ее защищал один из лучших адвокатов. Красноречие лилось, клубилось, выходило из берегов и наконец стихло в едва заметное журчанье. Ничего сделать было нельзя, сама призналась во всем. Сначала солдат, который пользовался ее особенным расположением, потом она.

Турусина. Я этого не ожидала! Как легко ошибиться! Нельзя жить на свете!

Городулин. Не то что нельзя, а при смутном понимании вещей действительно мудрено. Теперь учение о душевных болезнях довольно подвинулось, и галлюцинации...

Турусина. Я вас просила не говорить со мною об этом.

Городулин. Виноват, забыл.

Турусина. Пусть я ошибаюсь в людях. Пусть меня обманывают. Но помогать людям, хлопотать о несчастных — для меня единственное блаженство.

Городулин. Блаженство — дело не шуточное. Нынче так редко можно встретить блаженного человека.

Григорий входит.

Григорий. Блаженный человек пришел.

Городулин. Неужели?

Турусина. Кто он такой?

Григорий. Надо полагать, из азиатцев-с.

Городулин. И я тоже полагаю.

Турусина. Почему ты думаешь, что азиатец?

Григорий. Уж очень страшен-с. Так даже жутко глядеть-с. Ежели, сударыня, к вечеру,— не приведи господи!

Турусина. Как страшен? Что за вздор!

Григорий. Такая свирепость необыкновенная-с. Оброс весь волосами, только одни глаза видны-с.

Турусина. Грек, должно быть.

Григорий. Не очень, чтобы грек-с, еще цветом не дошел. А как вот есть, венгерец-с.

Турусина. Какой венгерец? Что ты глупости говоришь!

Григорий. Вот что мышеловки продают.

Турусина. Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

Григорий. Его, я думаю, особенно-с...

Турусина. Ну, ступай, не рассуждай!

Григорий. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Турусина. У меня к вам просьба, Иван Иваныч.

Городулин. Весь внимание.

Турусина. Я насчет Машеньки. Нет ли у вас кого на примете?

Городулин. Жениха? Пощадите! Что за фантазия пришла вам просить меня! Ну, с какой стороны я похож на сваху московскую? Мое призвание — рушить узы, а не связывать. Я противник всяких цепей, даже и супружеских.

Турусина. А сами носите.

Городулин. Оттого-то я и не желаю их никакому лихому татарину.

Турусина. Кроме шуток, нет ли?

Городулин. Постойте, кого-то я на днях видел; так у него крупными буквами на лбу и написано: хороший жених. Вот так, того и гляди, что сию минуту женится на богатой невесте.

Турусина. Вспомните, вспомните.

Городулин. Да, да... Глумов.

Турусина. Хороший человек?

Городулин. Честный человек, я больше ничего не знаю. Кроме шуток, отличный человек.

Турусина. Постойте, как вы назвали? *(Вынимает бумагу из кармана.)*

Городулин. Глумов.

Турусина. Егор Дмитрич?

Городулин. Да.

Турусина. Вот и Крутицкий мне про него же говорил.

Городулин. Ну, значит, ему и быть, так у него на лбу, то есть на роду, написано. Прощайте! *(Кланяется и уходит.)*

Турусина. Что это за Глумов? В другой раз сегодня я слышу имя этого человека. И хотя я не верю ни Крутицкому, ни Городулину, но все-таки тут что-нибудь да есть, коли его хвалят люди совершенно противоположных убеждений. *(Звонит.)*

Входит Григорий.

Зови барышню и скажи, чтобы все шли сюда.

Григорий уходит.

Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко и просто было жить в Москве при нем. Вот теперь я ночи не сплю, все думаю, как пристроить Машеньку: ну, ошибешься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем: съездила, спросила — и покойна. Вот когда мы узнаем настоящую-то цену человеку, когда его нет! Не знаю, заменит ли его Манефа, а много и от нее сверхъестественного.

Входят Машенька, 1-я приживалка с колодой карт, которую держит перед собой, как книгу, 2-я приживалка, с собачкой на руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

1-я приживалка садится у стола,
2-я приживалка садится на скамейке у ног Турусиной.

1-я приживалка. Прикажете разложить?

Турусина. Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебе и с Крутицким и с Городулиным.

Машенька *(с волнением)*. Говорите. Продолжайте. Я покорилась вашей воле и теперь с трепетом жду решения.

Турусина. Они оба рекомендовали одного человека, точно сговорились.

Машенька. И прекрасно. Значит, человек достойный. Кто же он?

Турусина. Но я им не верю.

1-я приживалка. Прикажете?

Турусина. Гадай! правду ли они говорили? *(Машеньке.)* Я им не верю, они могут ошибаться.

Машенька. Почему же, ma tante?

Турусина. Они люди. *(2-й приживалке.)* Не урони собачку!

Машенька. Кому же вы поверите, ma tante? Оракулу? Мне что-то страшно.

Турусина. Очень естественно. Так и надо, и должно быть страшно. Мы не можем, не должны без страха поднимать завесу будущего. Там, за этой завесой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

Машенька. Кто же нам приподнимет завесу?

Турусина. Тот, кто имеет власть.

Входит Григорий.

Григорий. Манефа-с.

Турусина. Вот кто! *(Встает, идет навстречу Манефе, и все за ней.)*

Входит Манефа.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Манефа.

Турусина. Милости просим, пожалуйте!

Манефа. И то иду! Пошла шабала и пришла шабала.

1-я приживалка *(с умилением)*. Ох, батюшки мои!

Турусина *(грозно)*. Молчи!

Манефа *(садясь)*. Пришла да села, как квашня.

2-я приживалка *(со вздохом)*. О, о, о, ох! Ах, премудрость!

1-я приживалка. Привел господь, дожили!

Манефа *(тише)*. Что вы бельмы-то выпучили?

Турусина. Очень рады, что сподобились видеть тебя.

1-я приживалка. Ох, сподобились!

2-я приживалка. Все сподобились.

Т у р у с и н а. Ждем! что скажешь, мати Манефа.

М а н е ф а. Ждем! ждали в сапогах, а приехали в лаптях.

1-я п р и ж и в а л к а. Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько!

Т у р у с и н а. Я хотела спросить тебя...

М а н е ф а. Не спрашивай, вперед знаю. Знайка бежит, а незнайка лежит. Девкой меньше, так бабой больше.

2-я п р и ж и в а л к а. Так, так, так!

Т у р у с и н а. Нам человека-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабе Марии? Может быть, во сне или в видении тебе...

М а н е ф а. Было видение, было. Идет Егор с высоких гор.

2-я п р и ж и в а л к а. Скажите! Егор!

М а ш е н ь к а *(тихо Турусиной)*. Ведь и Курчаев Егор.

Т у р у с и н а. Погоди. Кто же он такой?

М а н е ф а. А я почем знаю? Увидишь, так узнаешь!

Т у р у с и н а. Когда же мы его увидим?

М а н е ф а. Желанный гость зову не ждет.

1-я п р и ж и в а л к а. Замечайте! Замечайте!

Т у р у с и н а. Ты нам хоть приметы скажи.

2-я п р и ж и в а л к а. Первое дело: надо спросить, волосом каков. Всегда так спрашивают, как это вы не знаете!

Т у р у с и н а. Ну, уж ты молчи! Волосом каков?

М а н е ф а. К кому бедокур, а к вам белокур.

М а ш е н ь к а. Белокурый. Ведь и Курчаев белокурый. Может быть, он.

Т у р у с и н а. Да ведь ты слышала — видение было. Разве может гусар благочестивым людям в видениях являться? Какая ты легкомысленная!

1-я п р и ж и в а л к а. Ах, даже удивительно! И по картам выходит Егор.

Т у р у с и н а. Что ты мелешь! Как ты по картам имя увидала?

1-я п р и ж и в а л к а. Тьфу ты! Обмолвилась. Язык-то наш... то есть белокурый по картам-то.

Т у р у с и н а *(Манефе)*. Тебе все известно, а мы грешные люди, мы в сомнении. Егоров много и белокурых тоже довольно.

М а н е ф а. Чуж чуженин далеко, а суженый у ворот.

Турусина и прочие. У ворот?

Манефа. Сряжайтеся, сбирайтеся, гости будут.

Турусина. Когда?

Манефа. В сей час, в сей миг.

Все обращаются к дверям. Входит Григорий.

Приехали с орехами. *(Встает.)*

Григорий. Нил Федосеич Мамаев.

Турусина. Один?

Григорий. С ними молодой барин, такой белокурый.

1-я приживалка. Ах! Будем ли мы живы?

2-я приживалка. Не во сне ли мы все это видели?

Турусина. Проси! *(Обнимая Машеньку.)* Ну, Машенька, услышаны мои молитвы! *(Садится, нюхает спирт.)*

Машенька. Это так необыкновенно, matante, я вся дрожу.

Турусина. Поди, успокойся, друг мой: ты после выйдешь.

Машенька уходит.

Манефа. Конец — всему делу венец. *(Идет к двери.)*

Турусина *(приживалкам)*. Возьмите ее под руки, да чаю ей, чаю.

Манефа. Кто пьет чай, тот отчаянный.

Турусина. Ну, чего только ей угодно.

Приживалки берут под руки Манефу и идут к двери. В дверях останавливаются.

1-я приживалка. Одним бы глазком взглянуть.

2-я приживалка. Умрешь, таких чудес не увидишь.

Входят Мамаев и Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Турусина, Мамаев, Глумов, Манефа и приживалки.

Мамаев. Софья Игнатьевна, позвольте представить вам моего племянника, Егора Дмитриевича Глумова.

Приживалки *(в дверях)*. Ах, Егор! Ах, белокурый!

Мамаев. Полюбите его.

Турусина *(встает)*. Благодарю вас! Я полюблю его, как родного сына.

Глумов почтительно целует ее руку.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Крутицкий.
Глумов.
Мамаева.
Человек Крутицкого.

Приемная у Крутицкого. Дверь выходная, дверь направо в кабинет, налево — в гостиную. Стол и один стул.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит Глумов, человек у двери, потом Крутицкий.

Глумов. Доложи!

Человек *(заглядывая в дверь кабинета)*. Сейчас выйдут-с!

Выходит Крутицкий. Человек уходит.

Крутицкий *(кивая головой)*. Готово?

Глумов. Готово, ваше превосходительство. *(Подает тетрадь.)*

Крутицкий *(берет тетрадь)*. Четко, красиво, отлично. Браво, браво! Трактат, отчего же не прожект?

Глумов. Прожект, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается... *(с заискивающею улыбкой)* и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкий. Так вы думаете, трактат?

Глумов. Трактат лучше-с.

Крутицкий. Трактат? Да, ну пожалуй. «Трак-

тат о вреде реформ вообще». «Вообще»-то не лишнее ли?

Глумов. Это главная мысль вашего превосходительства, что все реформы вообще вредны.

Крутицкий. Да, коренные, решительные; но если неважное что-нибудь изменить, улучшить, я против этого ничего не говорю.

Глумов. В таком случае это будут не реформы, а поправки, починки.

Крутицкий (*ударяя себя карандашом по лбу*). Да, так, правда! Умно, умно! У вас есть тут, молодой человек, есть. Очень рад; старайтесь!

Глумов. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

Крутицкий (*надевая очки*). Пойдем далее! Любопытствую знать, как вы начинаете экспликацию моей главной цели. «Артикул 1-й. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключает в себе реформа? Реформа заключает в себе два действия: 1) отмену старого и 2) поставление на место оного чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то и другое одинаково: 1-е) отметая старое, мы даем простор опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отметается, и составлять таковые умозаключения: отметается нечто непригодное; такое-то учреждение отметается, значит, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо сим возбуждается свободомыслие и делается как бы вызов обсуждать то, что обсуждению не подлежит». Складно, толково.

Глумов. И совершенно справедливо.

Крутицкий (*читает*). «2-е) поставляя новое, мы делаем как бы уступку так называемому духу времени, который есть не что иное, как измышление праздных умов». Ясно изложено. Надеюсь, будет понятно для всякого; так сказать, популярно.

Глумов. Мудрено излагать софизмы, а неопровержимые истины...

Крутицкий. Вы думаете, что это неопровержимые истины?

Глумов. Совершенно убежден, ваше превосходительство.

Крутицкий (*оглядывается*). Что это они другого стула не ставят?

Глумов. Ничего-с, я и постою, ваше превосходительство.

Крутицкий. Конечно, нельзя всякому дозволить: другой, пожалуй, рассядется... магазинщик со счетом, или портной приедет...

Глумов. Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я должен буду просить извинения у вашего превосходительства.

Крутицкий. Что такое, мой любезный, что такое?

Глумов. В вашем трактате некоторые слова и выражения оставлены мной без всякого изменения.

Крутицкий. Почему?

Глумов. Слаб современный язык для выражения всей грациозности ваших мыслей.

Крутицкий. Например?

Глумов. В двадцать пятом артикуле, о положении мелких чиновников в присутственных местах...

Крутицкий. Ну?

Глумов. Вашим превосходительством весьма сильно выражена прекрасная мысль о том, что не следует увеличивать содержание чиновникам и вообще улучшать их положение, что, напротив, надобно значительное увеличение жалованья председателям и членам.

Крутицкий. Не помню. *(Перелистывает тетрадь).*

Глумов. Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да не только этот параграф, а весь трактат.

Крутицкий. Верю, но удивляюсь. Для чего?

Глумов. У меня ведь целая жизнь впереди; нужно запасаться мудростию; не часто может представиться такой случай; а если представится, так надо им пользоваться. Не из журналов же учиться уму-разуму.

Крутицкий. Еще бы!

Глумов. Молодому человеку и свихнуться не трудно!

Крутицкий. Похвально, похвально! Приятно видеть такой образ мыслей в молодом человеке. Что там ни толкуй, а благонамеренность хорошее дело.

Глумов. Первое, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ну, так что ж у меня там, в двадцать пятом артикуле?

Глумов. Артикул двадцать пятый. «Увеличение окладов в присутственных местах, если почему-либо

таковое потребуется, должно быть производимо с крайней осмотрительностию, и то только председателям и членам присутствия, а отнюдь не младшим чиновникам. Увеличение окладов старшим может быть произведено на тот конец, дабы сии наружным блеском поддерживали величие власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же сытый и довольный получает несвойственные его положению осанистость и самоуважение, тогда как, для успешного и стройного течения дел, подчиненный должен быть робок и постоянно трепетен».

Крутицкий. Да, так, верно, верно!

Глумов. Вот слово: «трепетен», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкий (*погрузившись в чтение, изредка взглядывает на Глумова. Как бы мельком*). Коли куришь, так кури. Спички на камине.

Глумов. Я не курю, ваше превосходительство. А впрочем, как прикажете?

Крутицкий. Вот еще! Мне-то какое дело! Дядя не видал твоей работы?

Глумов. Как можно! Как же бы я осмелился!

Крутицкий. Ну, то-то же. Он только говорит, что умен, а ведь он болван совершенный.

Глумов. Не смею спорить с вашим превосходительством.

Крутицкий. Он только других учит, а сам попробуй написать, вот мы и увидим. А жена тоже ведь дура замечательная.

Глумов. Не заступлюсь и за нее.

Крутицкий. Как ты с ними уживаешься — не понимаю.

Глумов. Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ты служишь?

Глумов. Поступаю. По протекции тетушки Иван Иваныч Городулин обещал достать место.

Крутицкий. Вот еще нашли человека. Определит он тебя. Ты ищи прочного места; а эти все городулинские-то места скоро опять закроются, вот увидишь. Он у нас считается человеком опасным. Ты это заметь.

Глумов. Я не по новым учреждениям...

Крутицкий. Да, да. А уж я думал... Ну, что ж, поступай. Без службы болтаться хуже. Потом, если хочешь, я тебе могу письма дать в Петербург — перей-

дешь; там служить виднее. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумов. Я ленив был учиться, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ну, что ж, это не важно. Очень-то заучишься, так оно, пожалуй, и хуже. Нет ли чего важнее?

Глумов. Мне совестно признаться перед вашим превосходительством.

Крутицкий (*с серьезным видом*). Что такое? Уж ты лучше говори прямо.

Глумов. В молодости грешки, увлечения...

Крутицкий. Говори, не бойся.

Глумов. В студенческой жизни, ваше превосходительство... только я больше старых обычаев придерживался.

Крутицкий. Каких старых обычаев? Что ты, раскольник, что ли?

Глумов. То есть не так вел себя, как нынешние студенты.

Крутицкий. А как же?

Глумов. Покучивал, ваше превосходительство; случались кой-какие истории не в указные часы, небольшие стычки с полицией.

Крутицкий. И только?

Глумов. Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня бог! Сохрани бог!

Крутицкий. Что ж, это даже очень хорошо. Так и должно быть. В молодых летах надо пить, кутить. Чего тут стыдиться? Ведь ты не барышня. Ну, так значит, я на твой счет совершенно покоен. Я не люблю оставаться неблагодарным. Ты мне с первого раза понравился; я уж за тебя замолвил в одном доме словечко.

Глумов. Мне сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу слов благодарить ваше превосходительство.

Крутицкий. Ты присватался, что ли? Тут ведь куш очень порядочный.

Глумов. Я на деньги глуп, ваше превосходительство; девушка очень хороша.

Крутицкий. Ну, не умею тебе сказать. Они, брат, все одинаковы; вот тетка, знаю, что ханжа.

Глумов. Любовь нынче не признают, ваше превосходительство; а я знаю по себе, какое это великое чувство.

Крутицкий. Пожалуй, не признавай, никому от того ни тепло, ни холодно; а как заберет, так скажешься. Со мной было в Бессарабии, лет сорок тому назад: я было умер от любви. Что ты смотришь на меня?

Глумов. Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство!

Крутицкий. Горячка сделалась. Вот ты и не признавай. Ну, что ж, давай бог, давай тебе бог! Я очень рад. Будешь капиталистом, найдем тебе место видное, покойное. Нам такие люди нужны. Ты ведь будешь из наших? Нам теперь поддержка нужна, а то молокососы одолевать начали.— Но, однако, мой милый, сколько же я тебе должен за твой труд?

Глумов. Не обижайте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Ты меня не обижай!

Глумов. Если уж хотите вознаградить меня, так осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Что такое? В чем дело?

Глумов. Брак — такое дело великое, такой важный шаг в жизни... не откажитесь!.. Благословение такого высокодобродетельного лица будет служить залогом... уже знакомство с особой вашего превосходительства есть счастие, а в некотором роде родство, хотя и духовное, это даже и для будущих детей...

Крутицкий. В посаженые отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Глумов. Осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Изволь, изволь! Ты бы так и говорил. Это дело не мудреное.

Глумов. Я передам и Софье Игнатьевне.

Крутицкий. Передавай, пожалуй.

Глумов. Я не нужен вашему превосходительству?

Крутицкий. Нет.

Глумов. Честь имею кланяться.

Крутицкий. О моем маранье молчи. Оно скоро будет напечатано, без моего имени, разумеется; один редактор просил; он, хотя это довольно странно, очень порядочный человек, пишет так учтиво: ваше превосходительство, осчастливьте, ну и прочее. Коли будет разговор о том, кто писал, будто ты не знаешь.

Глумов. Слушаю, ваше превосходительство! *(Кланяется и уходит.)*

Крутицкий. Прощай, мой любезный! Что уж очень бранят молодежь! Вот, значит, есть же и из них!

и с умом, и с сердцем малый. Он льстив и как будто немного подленек; ну, да вот оперится, так это, может быть, пройдет. Если эта подлость в душе, так нехорошо, а если только в манерах, так большой беды нет; с деньгами и с чинами это постепенно исчезает. Родители, должно быть, были бедные, а мать попрошайка: «У того ручку поцелуй, у другого поцелуй»; ну, вот оно и въелось. Впрочем, это все-таки лучше, чем грубость.

Входит человек.

Человек. Госпожа Мамаева! Они в гостиной-с. Я докладывал, что ее превосходительста дома нет-с.

Мамаева *(за дверью)*. Не помешаю?

Крутицкий. Нет, нет! *(Человеку.)* Подай кресло!

Человек уходит, возвращается с креслом. Входит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Крутицкий и Мамаева.

Мамаева. Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полюбезничать! А то сидит в своем кабинете! Такой нелюбезный старичок!

Крутицкий. Где уж мне! Был конь, да уездился! Хе-хе-хе! Пора и молодым дорогу дать.

Мамаева *(садясь)*. Нынче и молодежь-то хуже стариков.

Крутицкий. Жалуетесь?

Мамаева. Разве не правда?

Крутицкий. Правда, правда. Никакой поэзии нет, никаких благородных чувств. Я думаю, это оттого, что на театре трагедий не дают. Возобновить бы Озерова, вот молодежь-то бы и набиралась этих деликатных, тонких чувств. Да чаще давать трагедии, через день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожект написан об улучшении нравственности в молодом поколении. Для дворян трагедии Озерова, для простого народа продажу сбитня дозволить. Мы, бывало, все трагедии наизусть знали, а нынче скромно. Они и по книге-то прочесть не умеют. Вот оттого в нас и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги. *(Декламирует.)*

Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней теченье.
Когда к страданию даны мне грустны дни?
Прерву.

Помните?

Мамаева. Ну, как же не помнить! Ведь, чай, этому лет пятьдесят, не больше, так как же мне не помнить!

Крутицкий. Извините, извините! Я считаю вас моей ровесницей. Ах, я и забыл вам сказать! Я вашим родственником очень доволен. Прекрасный молодой человек.

Мамаева. Не правда ли, мил?

Крутицкий. Да, да. Ведь уж и вы его балуете.

Мамаева. Да чем же?

Крутицкий. Позвольте, вспомнил еще. *(Декламирует.)*

О боги! Не прошу от вас речей искусства;
Но дайте ныне мне язык души и чувства!

Очаровательно!

Мамаева. Чем же балуем?

Крутицкий. Ну, да как же! Жените. Какую невесту нашли...

Мамаева *(с испугом)*. Какую? Вы ошибаетесь.

Крутицкий *(декламирует)*.

О матерь, слезный ток, коль можно, осуши!
А ты, сестра, умерь уныние души!

Мамаева. На ком же, на ком?

Крутицкий. Да, боже мой! На Турусиной. Будто не знаете? Двести тысяч приданого.

Мамаева *(встает)*. Не может быть, не может быть, я говорю вам.

Крутицкий *(декламирует)*.

При вести таковой задумчив пребываешь;
Вздыханья тяжкие в груди своей скрываешь,
И горесть мрачная в чертах твоих видна!

Мамаева. Ах, вы надоели мне с вашими стихами!

Крутицкий. Но он, кажется, парень с сердцем. Вы, говорит, ваше превосходительство, не подумайте, что я из-за денег. Звал меня в посаженые отцы: сделайте, говорит, честь. Ну, что ж не сделать! Я, говорит, не из приданого; мне, говорит, девушка нравится.

Ангел, ангел, говорит, и так с чувством говорит. Ну, что ж, прекрасно! Дай ему бог. Нет, а вы возьмите, вот в «Донском». *(Декламирует.)*

Когда россиянин решится слово дать,
То без стыда ему не может изменять.

Мамаева. Ой!

Крутицкий. Что с вами?

Мамаева. Мигрень. Ах, я больна совсем!

Крутицкий. Ну, ничего. Пройдет. *(Декламирует.)*

Ты знаешь, что союз сей верен до того...

Мамаева. Ах, подите вы! Скажите вашей жене, что я хотела ее подождать, да не могу, очень дурно себя чувствую. Ай! Прощайте!

Крутицкий. Да ничего. Что вы? У вас вид такой здоровый. *(Декламирует).*

Чтоб при сопернице в измене обличить
И ревностью его веселье отравить...

Мамаева. Прощайте, прощайте! *(Быстро уходит.)*

Крутицкий. Что ее кольнуло? Поди вот с бабами! Хуже, чем дивизией командовать. *(Берет тетрадь).* Заняться на досуге. Никого не принимать. *(Уходит в кабинет.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Глумов. Мамаева.
Глумова. Голутвин.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глумов выходит из боковой двери с дневником, потом Глумова.

Глумов. Насилу кончил. Интересный разговор с Крутицким записан весь. Любопытный памятник для потомства. Чего стоило весь этот вздор запомнить! Я, кажется, в разговоре с ним пересолил немного. Еще молод, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мешает, кашу маслом не испортишь. Вот дядюшка у меня пре-

лесть! Сам научил за женой ухаживать. И тут я увлекся. Это дело уж не шуточное! Тут надо держать ухо востро. Как мы от нее ни скрываем наше сватовство, а все же узнает; пожалуй, и помешает, хоть не из любви, так из ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умеет, а ревновать-то всякая мастерица.

Входит Глумова.

Маменька, вы к Турусиной?

Глумова. К Турусиной.

Глумов *(глядя на часы и строго)*. Вы немного поздно, маменька! Туда надо с утра идти. И каждый день, каждый день. Так и живите там.

Глумова. Можно и надоесть.

Глумов. Ну, да уж что делать. Сойдитесь с прислугой, с гадальщицами, с странницами, с приживалками; не жалейте для них никаких подарков. Зайдите теперь в город, купите две табакерки серебряных, небольших. Все эти приживалки табак нюхают зло и очень любят подарки.

Глумова. Хорошо, хорошо!

Глумов. Главное, блюдите все входы и выходы. Чтоб ничто сомнительное ни под каким видом не могло проникнуть в дом. Для этого ублажайте прислугу: у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтоб поскорее парадный сговор.

Глумова. Говорят, ближе, как через неделю, нельзя. *(Уходит.)*

Глумов. Ух, долго! Измучаешься. Богатство само прямо в руки плывет; прозевать такой случай будет и жалко, и грех непростительный. *(Садится к столу.)* Что-то я хотел добавить в дневник? Да, расход записать. *(Записывает.)* Две табакерки приживалкам. *(Заслыша стук экипажа, подходит к окну.)* Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знает она или не знает? Сейчас увидим.

Входит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глумов и Мамаева.

Глумов. Мог ли я ожидать такого счастья! Если бы все олимпийские боги сошли с неба...

М а м а е в а. Не горячитесь, я не к вам: я зашла вашу матушку навестить.

Г л у м о в *(про себя)*. Не знает. *(Громко.)* Она только вышла перед вами.

М а м а е в а. Жаль!

Г л у м о в *(подавая стул)*. Присядьте! Осчастливьте мою хату, осветите ее своим блеском.

М а м а е в а *(садясь)*. Да, мы счастливим, а нас делают несчастными.

Г л у м о в. Несчастными! Да вы знаете ли, какое это преступление? Даже огорчить-то вас чем-нибудь, и то надо иметь черную душу и зверское сердце.

М а м а е в а. Черную душу и зверское сердце! Да, вы правду говорите.

Г л у м о в. Ни черной души, ни зверского сердца у меня нет, значит...

М а м а е в а. Что «значит»?

Г л у м о в. Значит, я и не огорчу вас ничем.

М а м а е в а. Верить прикажете?

Г л у м о в. Верьте!

М а м а е в а. Будем верить.

Г л у м о в *(про себя)*. Не знает. *(Громко.)* Как мне огорчить вас! Я, страстный, робкий юноша, давно искал привязанности, давно искал теплого женского сердца, душа моя ныла в одиночестве. С трепетом сердца, с страшной тоской я искал глазами ту женщину, которая бы позволила мне быть ее рабом. Я бы назвал ее своей богиней, отдал ей всю жизнь, все свои мечты и надежды. Но я был беден, незначителен, и от меня отворачивались. Мои мольбы, мои вздохи пропадали, гасли даром. И вот явились передо мною вы, сердце мое забилось сильней прежнего; но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизошли к несчастному страдальцу, вы согрели бедное сердце взаимностью, и я счастлив, счастлив, бесконечно счастлив! *(Целует руку.)*

М а м а е в а. Вы женитесь?

Г л у м о в. Как! Нет... да... но!

М а м а е в а. Вы женитесь?

Г л у м о в. То есть ваш муж хочет женить меня, а я не думал. Да я и не расположен совсем и не желаю.

М а м а е в а. Как он вас любит, однако! Против воли хочет сделать счастливым!

Глумов. Он хочет женить меня на деньгах. Не все же мне быть бедным писарьком, пора мне быть самостоятельным человеком, иметь значение. Очень естественно, он хочет мне добра; жаль только, что не справился о моих чувствах.

Мамаева. На деньгах? А невеста вам не нравится?

Глумов. Конечно, не нравится. Да разве может...

Мамаева. Так вы ее не любите?

Глумов. Да могу ли я! Кого же я буду обманывать: ее или вас?

Мамаева. Может быть, обеих.

Глумов. За что вы меня мучаете подозрениями? Нет, я вижу, это надо кончить.

Мамаева. Как кончить?

Глумов. Пусть дядюшка сердится, как хочет, я скажу ему решительно, что не хочу жениться.

Мамаева. Правда?

Глумов. Сегодня же скажу.

Мамаева. И прекрасно. Без любви что за брак!

Глумов. И вы могли подумать! И вам не со́вестно?

Мамаева. Теперь, когда я вижу такое бескорыстие, разумеется, совестно.

Глумов *(с жаром)*. Я ваш, ваш, всегда ваш! Только уж вы ни слова: ни дядюшке, никому, я сам все устрою. А то вы себя выдадите.

Мамаева. Конечно, конечно.

Глумов. Вот что значит застенчивость! Я боялся сказать прямо дядюшке, что не хочу жениться, отделывался полусловами: посмотрим, увидим, к чему спешить? А вот что из этого вышло! Я дал повод подозревать себя в низости. *(Звонок)*. Кто это? Вот очень нужно! *(Идет к дверям.)*

Мамаева *(про себя)*. Он меня обманывает. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтоб я не мешала.

Глумов. Клеопатра Львовна, войдите в маменькину комнату, кто-то пришел ко мне.

Мамаева уходит. Входит Голутвин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глумов и Голутвин.

Глумов *(пристально глядя на Голутвина)*. Ну-с?

Голутвин. Во-первых, так не принимают, а во-

вторых, я устал, потому что на своих к вам. *(Садится).*

Глумов. Что вам нужно от меня?

Голутвин. Пустяки. Minimum двадцать пять рублей; а больше сколько хотите, я не обижусь.

Глумов. Да, вот что! На бедность? Да кто же вам сказал, что я имею возможность давать такую щедрую милостыню?

Голутвин. Я не милостыню прошу, я за труд.

Глумов. За какой?

Голутвин. Я ходил за вами, наблюдал, собирал сведения, черты из жизни вашей, написал вашу биографию и приложил портрет. В особенности живо изобразил последнюю вашу деятельность. Так не угодно ли вам купить у меня оригинал, а то я продам в журнал. Вы видите, я прошу недорого, ценю себя невысоко.

Глумов. Меня не испугаете. Печатайте! Кто вас читает?

Голутвин. Да ведь я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большого вреда вам сделать не могу; ну, а все-таки неприятность, скандальчик. Ведь лучше для вас, если б его не было совсем, ну, так и заплатите!

Глумов. Знаете, как называется ваш поступок?

Голутвин. Знаю. Уменье пользоваться обстоятельствами.

Глумов. Да честно ли это?

Голутвин. Вот этого не знаю. А все-таки, должно быть, честнее, чем посылать безымянные письма.

Глумов. Какие письма? Чем вы докажете?

Голутвин. Не горячитесь! Заплатите лучше, я вам советую.

Глумов. Ни копейки!

Голутвин. У вас теперь богатая невеста в виду. Что хорошего, прочитает. «Ах!» — скажет... Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мне-то хлеб, и вам покойнее. Право, дешево прошу.

Глумов. За что платить? Вы этак, пожалуй, повадитесь, в другой раз придете.

Голутвин. Честное слово. За кого вы меня принимаете?

Глумов *(указывая на дверь)*. Прощайте.

Голутвин. А то ведь в следующем нумере.

Глумов. В каком хотите!

Голутвин. Пять рублей уступлю, деньги пустые.

Глумов. Пяти копеек не дам.

Голутвин. Ну, как хотите. Папироски нет у вас?

Глумов. Нет. Освободите меня от вашего посещения.

Голутвин. Сейчас. Отдохну немного.

Глумов. Вас Курчаев подослал?

Голутвин. Нет, мы с ним поругались. Он тоже гусь порядочный, вроде вас.

Глумов. Ну, довольно.

Голутвин *(встает и заглядывает в дверь)*. Что это у вас там?

Глумов. Что за низость! Убирайтесь!

Голутвин. Любопытно.

Глумов. Убирайтесь, говорю вам.

Голутвин *(уходя)*. Вы не умеете ценить чужого благородства оттого, что в вас своего нет. *(Идет в переднюю.)*

Глумов. Вот еще принесло! Ну, да пусть печатает! *(Идет за Голутвиным.)*

Голутвин *(из двери)*. Два слова только.

Глумов уходит за ним в переднюю и затворяет дверь.

Выходит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мамаева одна, потом Глумов.

Мамаева. Никого нет. Куда же он делся? *(Подходит к столу.)* Это что? Дневник его. Ай, ай, как зло! Это ужасно! А вот о невесте! Я так и знала: он меня обманывает! Какой глупый человек! Ах, боже мой! Это про меня-то! Мне дурно, я падаю... Низкий, низкий человек! *(Отирает слезы. Подумавши.)* Вот мысль! Он никак не подумает на меня! *(Прячет дневник в карман и отходит от стола.)* О, как я могу его унизить! Как мне приятно будет видеть его унижение! Когда все отвернутся от него, бросят, выкинут его, как негодную вещь, какой кроткой овечкой он приползет ко мне.

Входит Глумов.

Глумов. Это уж из рук вон!

Мамаева. Кто был у вас?

Глумов. Таких людей нельзя пускать ни под каким видом. Написал ругательную статью на меня и пришел за деньгами, а то, говорит, напечатаю.

Мамаева. Что вы за ужасы говорите! Это те же брави[1]. Кто он такой, я желаю знать?

Глумов. Зачем вам?

Мамаева. Ну, хоть для того, чтобы беречься его.

Глумов. Голутвин.

Мамаева. Где живет?

Глумов. Где день, где ночь. Адрес можно узнать в редакции. Да зачем вам?

Мамаева. А если кто меня обидит, вот и мщение! Другого нет у женщин; дуэли для нас не существуют.

Глумов. Вы шутите?

Мамаева. Конечно, шучу. Вы дали ему денег?

Глумов. Немного. Он ведь не дорог. Все-таки покойнее. Всякий скандал нехорош.

Мамаева. А если ему дадут больше?

Глумов. Кому же нужно! У меня врагов нет.

Мамаева. Значит, вы покойны. Ах, бедный! Как он вас расстроил! Так вы решительно отказываетесь от невесты?

Глумов. Решительно.

Мамаева. Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

Глумов. Денег. Променяю ли я рай на деньги?

Мамаева. Да ведь много денег, двести тысяч.

Глумов. Знаю.

Мамаева. Кто же это делает?

Глумов. Тот, кто истинно любит.

Мамаева. Да ведь этого не бывает.

Глумов. Вот вам доказательство, что бывает.

Мамаева. Вы герой! Вы герой! Ваше имя будет записано в историю. Придите в мои объятия. *(Обнимает его.)* Ну, прощайте, душа моя! Жду вас сегодня вечером. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов *(один)*. Ну, как гора с плеч! Пора к невесте. *(Берет шляпу и смотрится в зеркало.)* Разумеется, все это мелочи; но когда дело-то рискованное, так всего боишься. Прав-то у меня на эту невесту и, главное, на это приданое никаких. Все взято одной энергией. Целый за́мок висит на воздухе без фундамента. Все это может лопнуть и разлететься в прах каждую минуту. Поневоле будешь пуглив и осторожен. Ну, да

[1] Наемные убийцы *(ит.)*.

теперь мне бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоил. Голутвину заплачено. Пока я все уладил. *(Нараспев.)* Все уладил, все уладил. Я с этими хлопотами рассеян стал. Шляпа, перчатки... Где перчатки, где перчатки? Вот они. *(Подходит к столу.)* В этом кармане бумажник, в этом дневник. *(Не глядя шарит рукой по столу, а другую опускает в задний карман.)* Платок здесь. *(Оборачивается к столу.)* Что такое? Где же? *(Открывает ящик.)* Куда я его засунул? Да что же это такое? Вот еще беда-то! Да нет, не может быть! Я его здесь положил. Я сейчас видел его. А-ах!.. Где же он? Нельзя, нельзя... *(Стоит молча.)* Падает, все падает... и я валюсь, в глубокую пропасть валюсь. Зачем я его завел? Что за подвиги в него записывал? Глупую, детскую злобу тешил. Нет, уж если такие дела делать, так нечего их записывать! Ну, вот и предоставил публике «Записки подлеца, им самим написанные». Да что же я сам-то себя ругаю! Меня еще будут ругать, все ругать. Кто же это? Он или она? Если он, я выкуплю; он на деньги пойдет; еще беда не велика. А если она? Ну, тут уж одно красноречие. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; зато уж ведь и злей-то женщины ничего на свете нет, если ее обидеть чувствительно. Страшно становится. Женщина отомстит ужасно, она может такую гадость придумать, что мужчине и в голову не придет. Ну, уж делать нечего! Бездействие хуже. Пойду прямо в пасть к гиене. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

Турусина.
Машенька.
Мамаев.
Мамаева.
Крутицкий.
Городулин.
Глумов.
Курчаев.
Григорий.

Большая терраса на даче, прямо сад, по сторонам двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Курчаев и Машенька выходят из гостиной.

Курчаев. Как все это быстро сделалось.

Машенька. Я сама не понимаю. Тут или самая тонкая интрига, или...

Курчаев. Чудо, вы думаете?

Машенька. Я ничего не думаю; я просто голову потеряла.

Курчаев. Я его знаю давно и ничего особенного в нем не замечал; кажется, человек хороший.

Машенька. Он явился каким-то неотразимым. Всё за него. Все знакомые тетушки рекомендуют прямо его, приживалки во сне его видят каждую ночь, станут на картах гадать — выходит он, гадальщицы указывают на него, странницы тоже; наконец Манефа, которую тетушка считает чуть не за святую, никогда не видав его, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидим. Какие же тут могут быть возражения? Судьба моя в руках тетушки, а она им совершенно очарована.

Курчаев. Значит, отдадут ему вас, отдадут деньги — добродетель награждается, порок наказан. С вашей стороны возражений нет, а про меня и говорить нечего: я должен в молчании удалиться. Еще с кем другим я бы поспорил, а перед добродетельным человеком я пас; я никогда этим не занимался.

Машенька. Тише! Они идут.

Входят Турусина и Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Турусина и Глумов.

Турусина садится в кресло. Глумов останавливается с левой стороны и кладет руку на спинку кресла. Курчаев стоит справа, несколько потупившись, в самой почтительной позе. Машенька у стола перелистывает книгу.

Глумов. Когда я почувствовал призвание к семейной жизни, я взглянул на это дело серьезно. Жениться для того, чтобы взять деньги, это не в моих правилах — это была бы торговая сделка, а не брак — установление священное! Жениться по любви... но ведь любовь чувство преходящее, плотское! Я понял, что в выборе подруги на всю жизнь должно быть нечто особое, нечто роковое для того, чтобы брак был крепок. Мне нужно было найти кроткое женское сердце, связать его с своим неразрывными узами; я говорю: судь-

ба, укажи мне это сердце, и я покорюсь твоим велениям. Я вам признаюсь, я ждал чего-то чудесного! Чудесного много на свете, только мы не хотим заметить его.

Турусина. Я сама то же говорю, но не все верят. *(Взглядывает на Курчаева, тот шаркает ногой и кланяется.)*

Глумов. Я ждал чуда и дождался чуда.

Курчаев. Скажите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Глумов. Я поехал к одной благочестивой женщине.

Курчаев. Не к Манефе ли?

Глумов. Нет, к другой. Я Манефы не знаю. Только я вошел, не успел промолвить слова, она, даже не видя лица моего — она сидела ко мне задом,— заговорила: «Не ты невест ищешь, они тебя ищут. Ступай зажмурившись и найдешь». Куда идти, говорю, укажите мне! «Как войдешь, говорит, в первый незнакомый дом, где ты ни разу не бывал, там и ищи, там тебя знают!» Я, знаете ли, сначала удивился и как будто не совсем поверил. Поутру она мне это сказала, вечером дядюшка привез меня к вам. Тут есть невеста, и тут меня знают.

Турусина. Да, много чудесного, но мало избранных...

Курчаев. У нас тоже, когда мы стояли в Малороссии, был случай с одним евреем...

Турусина. Вы бы пошли по саду погуляли.

Курчаев шаркает ногой и кланяется.

Глумов. Не ясно ли тут предопределение! Я даже не успел еще хорошенько осведомиться о чувствах моей невесты... *(Машеньке.)* Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только ее согласием.

Турусина. Ничего больше и не нужно.

Глумов. Если я, может быть, не совсем нравлюсь теперь, так понравлюсь после. Такой брак должен быть счастлив и благополучен.

Курчаев. Непременно.

Глумов. В этом браке нет людского произвола; следовательно, нет и ошибки.

Турусина. Вот правила! Вот у кого надо учиться, как жить.

Входит Григорий.

Григорий. Иван Иваныч Городулин.

Турусина. Я пойду оденусь потеплее, здесь сыро становится. (*Уходит.*)

Машенька (*Курчаеву*). Пойдемте в сад.

Уходят в сад.

Входит Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глумов и Городулин.

Городулин. Здравствуйте! Сколько вы денег берете?

Глумов. Кажется, двести тысяч.

Городулин. Как же вы это сделали?

Глумов. Да ведь вы же сами меня рекомендовали: мне Софья Игнатьевна сказывала.

Городулин. Когда же? Да, да, помню! Да как же вы поладили с Турусиной; ведь вы вольнодумец.

Глумов. Я с ней не спорю.

Городулин. А если она вздор говорит?

Глумов. Ее исправить невозможно. К чему же трудиться?

Городулин. Да, так вы вот как! Это хорошо. Вы теперь будете иметь состояние. Я вас в клуб запишу.

Глумов (*тихо*). На днях будет напечатан трактат Крутицкого.

Городулин. Неужели? Вот бы его отделать хорошенько!

Глумов. Это очень легко.

Городулин. Еще бы, с вашими способностями. Но вам неловко, вы еще очень молодой человек, можете себе повредить. Вас надо будет выгородить. Вы напишите, а уж я, так и быть, пожертвую собой, выдам за свое. Надо их, старых, хорошенько.

Глумов. Надо, надо. Ведь только посмотрите, что пишут.

Городулин. Осмеять надо. Я бы и сам, да некогда. Очень рад вашему счастью. Поздравляю! Нам

такие люди, как вы, нужны. Нужны. А то, признаться вам, чувствовался недостаток. Дельцы есть, а говорить некому, нападут старики врасплох. Ну, и беда. Есть умные из молодых людей, да очень молодые, в разговор пустить нельзя, с ними разговаривать не станут. Хор-то есть, да запевалы нет. Вы будете запевать, а мы вам подтягивать. Где Марья Ивановна?

Глумов. Вон, в саду гуляет.

Городулин. Пойду поболтать с ней. *(Идет в сад).*

Глумов *(вслед).* Я сейчас вас догоню. Кажется, Мамаевы приехали. Как я ее урезонил! Мало того что дала согласие на мой брак, но и сама приехала. Вот это мило с ее стороны.

Входит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Глумов и Мамаева.

Мамаева. Ну, что, нашли?

Глумов. Нет, Голутвин клянется-божится, что не брал. Даже слезы на глазах у него показались. Я, говорит, без куска хлеба останусь, а такой гнусности не сделаю.

Мамаева. Кому же взять? Потеряли как-нибудь.

Глумов. И представить себе не могу.

Мамаева. Найдет кто-нибудь и бросит.

Глумов. Хорошо, как бросит.

Мамаева. А чего же вы боитесь, разве там было что-нибудь такое?

Глумов. Ничего особенного! Сердечные излияния, любовные заметки, страстные тирады, стишки: очи, кудри. Все то, что пишется про себя и что в чужих руках видеть стыдно.

Мамаева. Так у вас в дневнике очи да кудри? Ну, так не беспокойтесь, никто не обратит внимания. Таких дневников бездна. Что же вы здесь одни? Где ваша невеста?

Глумов. Гуляет в саду с молодыми людьми. Вот вам доказательство, что я женюсь не по склонности. Мне нужны деньги, нужно положение в обществе. Не все же мне быть милым молодым человеком, пора быть милым мужчиной. Посмотрите, каким молодцом

я буду, каких лошадей заведу. Теперь меня не замечают, а тогда все вдруг заговорят: «Ах, какой красавец появился!»— точно как будто я из Америки приехал. И все будут завидовать вам.

Мамаева. Отчего же мне?

Глумов. Оттого, что я ваш.

Мамаева. Да хорошо, если б можно было взять деньги без невесты, а то у вас будет молодая жена.

Глумов. Это не мешает. Я предложил руку невесте, карман для денег, а сердце остается вам.

Мамаева. Вы опасный человек, вас слушаешь, слушаешь, да, пожалуй, и поверишь.

Глумов. На каких рысаках я буду подъезжать к вам!

Мамаева. Подъезжайте, подъезжайте! А теперь подите к невесте, нехорошо оставлять ее. Если она вам и не нравится, так вы хоть для виду, из приличия полюбезничайте с ней.

Глумов. Вот вы сами посылаете.

Мамаева. Ступайте, ступайте!

Глумов уходит.

Как он торжествует! Погоди, мой друг, не рано ли ты вздумал радоваться!

Входит Курчаев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мамаева и Курчаев.

Мамаева. Куда вы?

Курчаев. Домой-с.

Мамаева. Домой, такой печальный? Погодите, я догадываюсь.

Курчаев кланяется.

Погодите! я вам говорю.

Курчаев кланяется.

Ах, какой противный! Подождите! я вам говорю. Мне вас нужно.

Курчаев кланяется и остается.

Вы влюблены?

Курчаев кланяется и хочет уйти.

Вы ничего не знаете?

Курчаев. Позвольте мне удалиться.

Мамаева. Я поеду домой рано одна, вы меня проводите.

Курчаев кланяется.

Что вы всегда молчите! Послушайте. Будьте со мной откровенны; я приказываю вам, как тетка. Вы влюблены, я знаю. Она вас любит? Ну!

Курчаев кланяется.

Я уверена, что любит. Не теряйте надежды. Мало ли какие сюрпризы бывают.

Курчаев. Во всяком другом случае я мог бы...

Мамаева А здесь что же?

Курчаев. Софья Игнатьевна заявляет такие требования...

Мамаева. Какие?

Курчаев. Я никак не мог ожидать этого. Притом же это несовместно с моею службой.

Мамаева. Что несовместно?

Курчаев. Я и воспитанием не приготовлен...

Мамаева. Я вас не понимаю.

Курчаев. Софья Игнатьевна ищет для племянницы...

Мамаева. Ну?

Курчаев. Мог ли я этого ожидать? Это так редко бывает...

Мамаева. Что, что?

Курчаев. Я никогда и не слыхивал...

Мамаева. Да объяснитесь хорошенько.

Курчаев. Она ищет добродетельного человека.

Мамаева. Ну, так что ж?

Курчаев. Я никаких добродетелей не имею.

Мамаева. Как никаких? Что же, в вас только пороки?

Курчаев. Я и пороков не имею, я просто обыкновенный человек. Это странно искать добродетельного человека. Ну, не будь Глумова, где бы она взяла? Во всей Москве только он один и есть. И чудеса с ним бывают, и видения он видит. Ну, позвольте вас спросить, как же можно этого требовать от всякого?

Мамаева. Погодите, погодите! Может быть, это еще и лучше не иметь добродетелей, но не иметь и пороков.

Входит из сада Машенька.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мамаева, Курчаев, Машенька, потом Турусина, Мамаев и Крутицкий.

Мамаева. Поздравляю вас! Вы с каждым днем все больше расцветаете. Очень рада вашему счастию.

Машенька. В господине Глумове так много хороших качеств, что мне становится страшно, я не считаю себя достойною такого мужа.

Мамаева. Где же и искать добродетелей, как не в вашем доме? Вы можете пользоваться и наставлением и примером от вашей тетушки.

Машенька. Я ей очень благодарна! Добродетельной быть действительно очень недурно, но из всех добродетелей я могу похвалиться только одною: послушанием.

Входят Турусина, Мамаев и Крутицкий.

Мамаев (*Крутицкому*). В принципе я с вами согласен, но в подробностях нет.

Крутицкий. Да почему же?

Мамаев. Зачем непременно трагедия, отчего не комедия?

Крутицкий. А затем, что комедия изображает низкое, а трагедия высокое, а нам высокое-то и нужно.

Мамаев. Да, но позвольте! Рассмотрим этот предмет со всех сторон.

Отходят в глубину.

Турусина (*Мамаевой*). У нас теперь принято не верить ничему, это в моде; только и слышишь, зачем вы пускаете к себе Манефу, она обманщица. Вот бы я и пригласила господ неверующих посмотреть, какая она обманщица. Я очень рада за нее, она теперь войдет в моду, получит большую практику. И мне Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину, я этим много для Москвы сделала.

М а м а е в а. Но где же ваш жених? я его не вижу.

Т у р у с и н а. Машенька, где Егор Дмитрич?

М а ш е н ь к а. Он в саду с Городулиным.

Т у р у с и н а. По рекомендациям всех моих знакомых и по некоторым другим причинам, я уже ожидала, что встречу примерного молодого человека. Но когда я познакомилась с Егором Дмитричем покороче, тут я увидала, что он превзошел все мои ожидания.

М а м а е в *(подходя)*. Кто это превзошел все ожидания?

Т у р у с и н а. Ваш племянник.

М а м а е в. Я знал, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не стал сватать ему другую невесту, прямо к вам.

Т у р у с и н а. Вам бы грешно было; вы знаете, я сирота.

К р у т и ц к и й. Да, Глумов может далеко пойти.

М а м а е в. Разумеется, с нашею помощью.

Входит Г р и г о р и й.

Т у р у с и н а. И за что мне такое счастие? Разве за мои... *(Григорию.)* Что тебе? Разве за мои добрые дела?

Человек подает конверт.

Что это такое? *(Распечатывает)* Какая-то газета! Должно быть, не ко мне.

М а м а е в а *(берет конверт)*. Нет, к вам. Вот видите, адрес.

Т у р у с и н а. Это, должно быть, ошибка. Кто принес?

Г р и г о р и й. Почтальон-с.

Т у р у с и н а. Где он?

Г р и г о р и й. Он давно ушел-с.

М а м а е в. Дайте-ка сюда. Я вам разберу и объясню. *(Берет конверт и вынимает из него печатный лист)*. Во-первых, газета, да и не газета, а только один лист из газеты, одна статья.

Т у р у с и н а. Но ведь это не из редакции?

М а м а е в. Нет, кто-нибудь из знакомых прислал.

Т у р у с и н а. Что же такое там?

М а м а е в. А вот сейчас рассмотрим. Статья называется: «Как выходят в люди».

Т у р у с и н а Это до нас не касается. Бросьте!

М а м а е в. Зачем же? Надо посмотреть. Вот и портрет с подписью: «Муж, каких мало». Ба,ба, ба! Да это Егор Дмитрич!

М а м а е в а. Покажите сюда, это интересно.

Мамаев отдает газету.

Т у р у с и н а. Это какая-нибудь гнусная интрига, у него должно быть много врагов.

Мамаев косо взглядывает на Курчаева.

К у р ч а е в. Вы не меня ли подозреваете? Я в живописи не мастер, только вас и умею рисовать.

М а м а е в *(строго)*. Да, да. Я знаю.

М а м а е в а. Тот, кто писал эту статью, должен очень хорошо знать Егора Дмитрича: тут все малейшие подробности его жизни, если это только не выдумки.

М а м а е в *(вынимает из конверта тетрадь)*. Вот еще что-то.

К р у т и ц к и й. Это его рука, я к ней пригляделся. Его, его! чем хотите отвечаю!

М а м а е в. Да, это его рука, а вот подпись другой рукой: «В доказательство того, что все в статье справедливо, прилагается сей дневник». Что нам читать: статью или дневник?

К р у т и ц к и й. Лучше уж оригинал.

М а м а е в. Начнем с той страницы, которая заложена закладкой. Тут счет. «Манефе двадцать пять рублей, ей же еще двадцать пять рублей.. Дура набитая, а берется предсказывать! Учил, учил, насилу наладил. Ей же послано: бутылка рому. Ей же дано на дому у меня пятнадцать рублей... Очень неприятно, что таким прибыльным ремеслом занимаются глупые люди. Любопытно узнать, что она возьмет с Турусиной? Спросить после! Двум приживалкам Турусиной за гаданье на картах и за рассказыванье снов, в которых они должны видеть каждый день меня, по семи рублей с полтиной и по серебряной табакерке, десять рублей за обе».

Т у р у с и н а *(нюхая спирт)*. Всех прогоню, всех! Злой быть грешно, и доброй глупо! Как жить после этого?

М а м а е в а. Не жалуйтесь, не вас одних обманывают.

Мамаев. «За три анонимных письма к Турусиной пятнадцать коп...»

Машенька. Так вот откуда письма-то, ma tante!

Турусина Вижу, мой друг. Извини меня! Я очень дурно сделала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мне и не по уму, и не по силам. Располагай собой как хочешь, я тебе мешать не буду.

Машенька (*тихо*). Мой выбор уж сделан, ma tante.

Турусина. И прекрасно! В нем ты не обманешься, потому что он ничего хорошего и не обещает.

Курчаев кланяется.

А этих приживалок я прогоню непременно.

Крутицкий. И заведете себе других?

Турусина. Не знаю.

Мамаев. Прикажете продолжать?

Турусина. Уж теперь продолжайте, все равно.

Мамаев. «Человеку Мамаева, за то, что привез ко мне своего барина обманом, пользуясь его слабостью к отдающимся внаймы квартирам,— этому благодетелю моему три рубля. Чувствую, что мало». Тут дальше разговор со мной, совсем не интересный. «Первый визит Крутицкому. Муза! Воспоем доблестного мужа и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старец! Поведай нам, поведай миру, как ты ухитрился, дожив до шестидесятилетнего возраста, сохранить во всей неприкосновенности ум шестилетнего ребенка?»

Крутицкий. Ну, довольно! Это пашквиль... Кому приятно?..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Городулин, потом Глумов.

Мамаев (*не замечая Городулина*). Позвольте, тут я вижу несколько слов о Городулине. «Городулин в каком-то глупом споре о рысистых лошадях одним господином назван либералом; он так этому названию обрадовался, что три дня по Москве ездил и всем рассказывал, что он либерал. Так теперь и числится». А ведь похоже!

Крутицкий. Похоже! Вы про себя-то прочтите, похоже ли написано.

Городулин. Вы находите, что похоже?

Мамаев. Ах, Иван Иваныч! я вас и не приметил. Посмотрите, как нас тут расписали.

Городулин. Кто же этот современный Ювенал?

Мамаев. Мой племянник, Глумов.

Турусина. Отдайте, Иван Иваныч, эту рукопись автору и попросите его, чтобы он удалился незаметно.

Входит Глумов, Городулин почтительно подает ему дневник.

Глумов *(принимая дневник)*. Зачем же незаметно? Я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вам, что вы сами скоро пожалеете, что удалили меня из вашего общества.

Крутицкий. Милостивый государь, наше общество состоит из честных людей.

Все. Да, да, да!

Глумов *(Крутицкому)*. А вы сами, выше превосходительство, догадались, что я нечестный человек? Может быть, вы вашим проницательным умом убедились в моей нечестности тогда, как я взялся за отделку вашего трактата? Потому что какой же образованный человек возьмется за такую работу? Или вы увидали мою нечестность тогда, когда я в кабинете у вас раболепно восторгался самыми дикими вашими фразами и холопски унижался перед вами? Нет, вы тогда готовы были расцеловать меня. И не попадись вам этот несчастный дневник, вы долго, долго, всегда считали бы меня честным человеком.

Крутицкий. Оно конечно, но...

Глумов *(Мамаеву)*. Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, как вы меня учили льстить Крутицкому?.. Не тогда ли, как вы меня учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь ее от других поклонников, а я жеманился да отнекивался, что не умею, что мне совестно? Вы видели, что я притворяюсь, но вам было приятно, потому что я давал вам простор учить меня уму-разуму. Я давно умнее вас, и вы это знаете, а когда я прикинусь дурачком и стану просить у вас разных советов, вы рады-радехоньки и готовы клясться, что я честнейший человек.

Мамаев. Ну, что нам с тобой считаться — мы свои люди.

Глумов. Вас, Софья Игнатьевна, я точно обманул, и перед вами я виноват, то есть не перед вами, а перед Марьей Ивановной, а вас обмануть не жаль. Вы берете с улицы какую-то полупьяную крестьянку и по ее слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знает ваша Манефа, кого она может назвать? Разумеется, того, кто ей больше денег дает. Хорошо, что еще попался я, Манефа могла бы вам сосватать какого-нибудь беглого, и вы бы отдали, что и бывало.

Турусина. Я знаю одно, что на земле правды нет, и с каждым днем все больше в этом убеждаюсь.

Глумов. Ну, а вы, Иван Иваныч?

Городулин. Я ни слова. Вы прелестнейший мужчина! Вот вам рука моя. И все, что вы говорили про нас, то есть про меня,— про других я не знаю,— правда совершенная.

Глумов. Я вам нужен, господа. Без такого человека, как я, вам нельзя жить. Не я, так другой будет. Будет и хуже меня, и вы будете говорить: эх, этот хуже Глумова, а все-таки славный малый. *(Крутицкому.)* Вы, ваше превосходительство, в обществе человек, что называется, обходительный, но когда в кабинете с глазу на глаз с вами молодой человек стоит навытяжку и, униженно поддакивая, после каждого слова говорит «ваше превосходительство», у вас по всем членам разливается блаженство. Действительно честному человеку вы откажете в протекции, а за того поскачете хлопотать сломя голову.

Крутицкий. Вы слишком злоупотребляете нашею снисходительностию.

Глумов. Извините, ваше превосходительство! *(Мамаеву.)* Вам, дядюшка, я тоже нужен. Даже прислуга ни за какие деньги не соглашается слушать ваших наставлений, а я слушаю даром.

Мамаев. Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебе здесь оставаться долее неприлично, так я тебе растолкую...

Глумов. Понимаю. И вам, Иван Иваныч, я нужен.

Городулин. Нужен, нужен.

Глумов. И умных фраз позаимствоваться для спича...

Городулин. И умных фраз для спича.

Глумов. И критику вместе написать.

Городулин. И критику вместе написать.

Глумов. И вам, тетушка, нужен.

Мамаева. Я и не спорю, я вас и не виню ни в чем.

Крутицкий *(Мамаеву)*. Я, знаете ли, в нем сразу заметил...

Мамаев *(Крутицкому)*. И я сразу. В глазах было что-то.

Глумов. Ничего вы не заметили. Вас возмутил мой дневник. Как он попал к вам в руки — я не знаю. На всякого мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что, пока я был между вами, в вашем обществе,— я только тогда и был честен, когда писал этот дневник. И всякий честный человек иначе к вам относиться не может. Вы подняли во мне всю желчь. Чем вы обиделись в моем дневнике? Что вы нашли в нем нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите друг про друга, только не в глаза. Если б я сам прочел вам, каждому отдельно, то, что про других писано, вы бы мне аплодировали. Если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, так это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник. Вы у меня разбили всё: отняли деньги, отняли репутацию. Вы гоните меня и думаете, что это все — тем дело и кончится. Вы думаете, что я вам прощу. Нет, господа, горько вам достанется. Прощайте! *(Уходит.)*

Молчание.

Крутицкий. А ведь он все-таки, господа, что ни говори, деловой человек. Наказать его надо; но, я полагаю, через несколько времени можно его опять приласкать.

Городулин. Непременно.

Мамаев. Я согласен.

Мамаева. Уж это я возьму на себя.

БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Вместо пролога)

ЛИЦА:

Савва Геннадич Васильков, *провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги: когда же нет — вместо да; ни боже мой! — вместо отрицания, шабёр — вместо сосед. Провинциальность заметна и в платье.*

Иван Петрович Телятев, *неслужащий дворянин, лет 40.*

Григорий Борисович Кучумов, *лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене и по матери много титулованной родни.*

Егор Дмитрич Глумов.

Надежда Антоновна Чебоксарова, *пожилая дама с важными манерами.*

Лидия Юрьевна, *ее дочь, 24 лет.*

Андрей, *слуга Чебоксаровых.*

Григорий, *слуга Телятева.*

Николай, *слуга Кучумова.*

Мальчик *из кофейной.*

Гуляющие.

В Петровском парке, в саду Сакса; направо от зрителей ворота в парк, налево кофейная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Проходят гуляющие, некоторые останавливаются и читают афишу на воротах. Телятев и Васильков выходят из кофейной.

Телятев *(что-то жует)*. Ну да, ну да! *(В сторону.)* Когда он отстанет!

Васильков. Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная девица.

Телятев. Вот новость! Какое открытие вы сделали. Кто же этого не знает! *(Снимает шляпу и кланяется.)* Совершенная правда-с. Чебоксарова хороша — дважды два четыре. Вы еще такой бесспорной истины не знаете ли?

Васильков. Я хотел вам сказать, что она мне очень понравилась.

Телятев. Еще лучше. Да кому же она не нравится! Помилуйте вы меня! И что тут для меня интересного, что она вам нравится? Вы, должно быть, издалека приехали?

Васильков. Да, не близко-таки.

Телятев. Вот бы вы меня удивили, если б сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная. А что она вам нравится, диковины тут нет. Я знаю человек пятнадцать, которые в нее влюблены без памяти, только из взрослых людей, а если считать с гимназистами, так и конца нет. А вы знаете что? Вы попробуйте сами ей понравиться.

Васильков. Да разве ж это так трудно?

Телятев. Ну, да уж я вам скажу.

Васильков. А что ж нужно для того? Какие качества?

Телятев. Такие, каких нет у нас с вами.

Васильков. А позвольте, например?

Телятев. А например: полмиллиона денег или около того.

Васильков. Это ничего...

Телятев. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего.

Васильков. Хотя ни то, ни другое; но нынче такое время, что с большим умом...

Телятев. Вот, видите ли, с умом, да еще с большим. Значит, прежде надо ум иметь. А у нас большие умы так же редки, как и миллионы. Да оставимте луч-

ше об уме говорить; а то кто-нибудь из знакомых услышит, смеяться станут. Умные люди сами по себе, а мы сами по себе. Значит, ум побоку. Ну его! Где его взять, коли бог не дал!

Васильков. Нет, я не так скоро откажусь от этой способности. Но что же еще нужно, чтобы ей понравиться?

Телятев. Красивый гвардейский мундир, да чин, по крайней мере, полковника, да врожденную светскость, которой уж научиться никак нельзя.

Васильков. Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту девушку?

Телятев. Да как же она узнает про ваши качества ума и сердца? Астрономию, что ли, вы напишете да будете читать ей!

Васильков. Жалею, очень жалею, что она так недоступна.

Телятев. Да вам-то что же?

Васильков. Вот, видите ли, я с вами откровенно буду говорить; у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном.

Телятев. Ну, да мало ли что кому нужно! Что, вы богаты очень?

Васильков. Нет еще.

Телятев. Значит, надеетесь разбогатеть.

Васильков. В настоящее время...

Телятев. Да что вы все с настоящим временем!

Васильков. Потому более, что именно в настоящее время разбогатеть очень возможно.

Телятев. Ну, это кому как бог даст. Это еще буки. А в настоящее-то время вы имеете что-нибудь верное? Скажите! Я вас не ограблю.

Васильков. Я вполне уверен, что не ограбите. Верного я имею, без всякого риску, три лесные дачи при моем имении, что может составить тысяч пятьдесят.

Телятев. Это хорошо, пятьдесят тысяч деньги; с ними в Москве можно иметь на сто тысяч кредита; вот вам и полтораста тысяч. С такими деньгами можно довольно долго жить с приятностями.

Васильков. Но ведь надо же будет платить наконец.

Телятев. А вам-то какая печаль! Что вы уж очень заботливы! Вот охота лишнюю думу в голове иметь!

Это дело предоставьте кредиторам, пусть думают и получают, как хотят. Что вам в чужое дело мешаться: наше дело уметь занять, их дело уметь получить.

Васильков. Не знаю, таких операций не производил; наши операции имеют совсем другие основания и расчеты.

Телятев. Вы еще молоды, дойдете и до наших расчетов.

Васильков. Не спорю. Но позвольте просить вас познакомить меня с Чебоксаровыми. Хотя я имею мало вероятности понравиться, но надежда, знаете ли, никогда не покидает человека. Я как увидал ее с неделю тому назад, все о ней и мечтаю. Я узнал, где они живут, и в том же доме квартиру нанял, чтобы видеть ее почаще. Стыдно деловому человеку увлекаться; но, что делать, я в любви еще юноша. Познакомьте, прошу вас.

Телятев. Извольте, с удовольствием.

Васильков (*крепко жмет ему руку*). Если я вам могу быть чем-нибудь полезен...

Телятев. Бутылку шампанского, я других взяток не беру. Будет бутылка?

Васильков. Когда же нет! Во всякое время и сколько вам угодно. (*Крепко жмет Телятеву руку.*) Я, право, так вам благодарен.

Телятев. Да позвольте, позвольте руку-то! Это черт знает что!

Васильков (*оглядывается, не выпуская руки Телятева.* Кажется, они?

Телятев. Они, они.

Васильков. Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный!.. Вам, может быть, смешно.

Телятев. Да вы руку-то...

Васильков. Извините! Я надеюсь вас найти на этом месте.

Телятев. Надейтесь.

Васильков поспешно уходит. Входит Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Телятев и Глумов.

Глумов. Что за шут гороховый с тобой разговаривал?

Телятев. Это мне бог на шапку послал за мою простоту.

Глумов. Что ж тебе за барыш?

Телятев. Шампанским поит.

Глумов. А! Это недурно.

Телятев. Я вот погляжу, погляжу на него, да, должно быть, денег у него займу.

Глумов. Это еще лучше, коли даст, разумеется.

Телятев. Думаю, что даст; я ему нужен.

Глумов. Перестань, сделай милость! Кому и для чего ты можешь быть нужен!

Телятев. А вот слушай.

Глумов. Слушаю.

Телятев. Я увидал его в первый раз здесь, в парке, с неделю тому назад. Иду я по той аллее и издали вижу: стоит человек, разиня рот и вытаращив глаза; шляпа на затылке. Меня взяло любопытство, на что он так удивляется. Слона не водят, петухи не дерутся. Гляжу, и что ж бы ты думал, на кого он так уставился? Угадай!

Глумов. На кого? не знаю. Какое диво в парке может быть.

Телятев. На Чебоксарову.

Глумов. У него губа-то не дура.

Телятев. Коляска Чебоксаровых остановилась, кругом нее толпа молодежи; они обе разговаривали с кем-то, уж не знаю; а он стоит поодаль, так и впился глазами. Коляска тронулась, он бросился вслед за ней, человек пять сшиб с ног, и мне досталось. Стал извиняться, тут мы и познакомились.

Глумов. Поздравляю.

Телятев. А сегодня, представь себе, увидал, что я разговаривал с Чебоксаровыми, ухватил меня чуть не за ворот, втащил в сад, спросил бутылку шампанского, потом другую, ну, мы и выпили малым делом. А вот здесь открылся мне, что влюблен в Чебоксарову и желает на ней жениться. Видишь ты, по его делам,— а какие у него дела, сам черт не разберет,— ему именно такую жену нужно; ну, разумеется, просил меня познакомить его с ними.

Глумов. Ах он, эфиоп! Вот потеха-то! Приехал откуда-то из Камчатки и прямо женится на лучшей нашей невесте. Видишь ты, у него дела такие, что ему не-

пременно нужно жениться на ней. Какая простота! Мало ли у кого какие дела! Вот и у меня дела такие, что мне нужно на богатой невесте жениться, да не отдают. Что он такое за птица? Что он делает, по крайней мере?

Телятев. Это уж одному аллаху известно.

Глумов. Объясни мне его слова, манеры, и я тебе сразу скажу, кто он.

Телятев. Нет, пожалуй, и с двух не скажешь. Он дворянин, а разговаривает, как матрос с волжского парохода.

Глумов. Судохозяин, свои пароходы имеет на Волге.

Телятев. Стал расплачиваться за вино, вынул бумажник вот какой *(показывает руками)*, пол-аршина наверное. Чего там нет! Акции всякие, счеты на разных языках, засаленные письма на серой бумаге, писанные мужицким почерком.

Глумов. Да богат он?

Телятев. Едва ли. Говорит, что есть имение небольшое и тысяч на пятьдесят лесу.

Глумов. Невелико дело. Виноват, он не пароходчик.

Телятев. Он небогат или скуп; заплатил за вино и сейчас же при мне записал в книжку в расход.

Глумов. Не конторщик ли? А как характером?

Телятев. Прост и наивен, как институтка.

Глумов. Прост и наивен... не шулер ли?

Телятев. Не могу сказать. А вот пьет шампанское, так на диво: отчетливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылке, и хоть бы краска в лице прибавилась, хоть бы голос поднялся.

Глумов. Ну, так сибиряк, наверное сибиряк.

Телятев. Сигары курит дорогие, по-французски говорит отлично, только с каким-то акцентом небольшим.

Глумов. Теперь знаю, агент какого-нибудь торгового дома лондонского, и толковать нечего.

Телятев. Разбирай его, как знаешь! Вот задачу-то задал!

Глумов. Ну, да кто бы он ни был, а комедию сыграть нужно. Мы уж и то давно не смеялись, все приуныли что-то.

Телятев. Только в твоей комедии комические-то роли, пожалуй, достанутся нам.

Глумов. Нет, мы будем играть злодеев, по крайней мере я... И вот с чего начинается: ты познакомь этого чудака с Чебоксаровыми, а я скажу Надежде Антоновне, что у него золотые прииски; и будем любоваться, как она станет за ним ухаживать.

Телятев. А ну как узнают, что это вздор, как окажется, что у него только и есть чухломская деревня?

Глумов. А нам-то что! Мы скажем, что от него слышали, что он сам хвастал.

Телятев. Ну, зачем же!

Глумов. Что ж, тебе его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажем, что ошиблись, что у него не золотые прииски, а прииски брусники по лесам.

Подходит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Телятев, Глумов и Васильков.

Телятев. Нагляделись на свою красавицу?

Васильков. До сытости.

Телятев. Позвольте вас познакомить! Савва Геннадич Васильков, Егор Дмитрич Глумов.

Васильков *(крепко жмет руку Глумова)*. Очень приятно.

Глумов. А мне вот неприятно, что вы крепко руку жмете.

Васильков. Извините, провинциальная привычка.

Глумов. Вас зовут: «Савва»; ведь это не то, что Савватий?

Васильков *(очень учтиво)*. Нет, то другое имя.

Глумов. И не то, что Севастьян?

Васильков. Нет, Севастиан по-гречески значит: достойный почета, а Савва слово арабское.

Глумов. А Савёл?

Васильков. Ну, уж напрасно. Возьмите святцы и посмотрите.

Телятев. Вы и по-гречески знаете?

Васильков. Учился немного.

Глумов. А по-татарски?

Васильков. Простой разговор понимаю — казанское наречие, а вот в Крыму был, так с трудом объяснялся.

Глумов *(в сторону)*. Уж это черт знает что такое!

Телятев. А вы давно из Крыма?

Васильков. Дней десять, не более. Я проездом был, из Англии.

Глумов *(в сторону)*. Как врет-то!

Телятев. Как же вы из Англии в Крым попали?

Васильков. А на Суэцком перешейке земляные работы меня интересовали и инженерные сооружения.

Глумов *(в сторону)*. А может быть, и не врет. *(Василькову.)* Вы нас застали, когда мы про брак разговаривали, то есть не про тот брак, который бракуют, а про тот, который на простонародном языке законным называется.

Васильков. Хороший разговор.

Глумов. Вот я хочу посвататься на Чебоксаровой.

Васильков. Судя по ее красоте, вероятно, многие желают того же.

Глумов. Но эти многие глупы; они сами не знают, зачем хотят жениться. Красота им нравится, и они хотят только сами воспользоваться этой красотой, то есть похоронить ее, как мертвый капитал. Нет, красота не мертвый капитал, она должна приносить проценты. Только дурак может жениться на Чебоксаровой без расчета; на ней должен жениться или шулер, или человек, составляющий карьеру. У первого ее красота будет служить приманкой для неопытных юношей, у другого приманкой для начальства и средством к быстрому повышению.

Васильков. Я буду спорить.

Глумов. Вот вам расчет верный и благоразумный! Вот вам современный взгляд на жизнь.

Васильков. Я буду спорить.

Глумов. Все эти кислые толки о добродетели глупы уж тем, что непрактичны. Нынче век практический.

Васильков. Позвольте, я буду с вами спорить.

Глумов. Спорьте, пожалуй.

Васильков. Честные расчеты и теперь современны. В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее. Вы, кажется, не совсем верно понимаете практический век и плутовство считаете выгод-

ной спекуляцией. Напротив, в века фантазии и возвышенных чувств плутовство имеет более простора и легче маскируется. Обмануть неземную деву, заоблачного поэта, обыграть романтика или провести на службе начальника, который занят элегиями, гораздо легче, чем практических людей. Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство спекуляция плохая.

Телятев. Чебоксаровы подходят.

Васильков (*быстро хватая его за руку*). Познакомьте; умоляю вас!

Телятев. Ой! (*Отдергивает руку.*) С величайшим удовольствием.

Подходят Надежда Антоновна и Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков, Телятев и Глумов.

Телятев (*Надежде Антоновне*). Хотите, с миллионщиком познакомлю?

Надежда Антоновна. Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмешь.

Телятев. Ведь я даром: процентов с вас не возьму.

Надежда Антоновна. Познакомь! Да ведь ты дрянь, тебе верить нельзя.

Телятев. Ей-богу! Ну, вот еще!.. Савва Геннадич!

Надежда Антоновна. Погоди, погоди! Что за имя!

Телятев. Ничего! Не бойтесь! Миллионщиков всегда так зовут.

Васильков подходит.

Честь имею вам представить друга моего, Савву Геннадича Василькова.

Надежда Антоновна. Очень приятно.

Васильков. Искренне желал. Знакомства в Москве не имею.

Телятев. Отличный человек, по-гречески говорит. (*Отходит к Лидии.*)

Надежда Антоновна. Судя по вашему имени, вы в Греции родились?

Васильков. Нет, я в России, недалеко от Волги.

Надежда Антоновна. Вы где живете?

Васильков. В деревне, а то все в разъездах.

Надежда Антоновна (*Глумову*). Егор Дмитрич, сыщите моего человека!

Глумов подходит.

Васильков. Да позвольте, я бегом сбегаю. Его как зовут?

Надежда Антоновна. Андреем.

Васильков. Сию минуту отыщу вам.

Надежда Антоновна. Возьмите у него мою шаль, что-то сыро становится. (*Говорит тихо с Глумовым.*)

Васильков уходит.

Телятев (*Лидии*). Я против сырости меры принял.

Лидия. Жаль; вы такой добрый, вас можно бы любить, но вы такой развратный человек.

Телятев. Я развратный человек?.. Да вы добродетельней меня не найдете. Я вам сейчас докажу.

Лидия. Докажите!

Телятев. Извольте! Я вам представлю моего соперника, который уничтожит меня в вашем сердце.

Лидия. Это совсем не так трудно; гораздо легче, чем вы думаете.

Васильков с шалью почти бегом подбегает к Надежде Антоновне; за ним Андрей.

Васильков. Нашел, вот он здесь-с. (*Подает шаль.*)

Надежда Антоновна. Ах, как вы меня испугали! (*Надевает шаль.*) Благодарю вас, Андрей, вели коляске дожидаться у театра.

Андрей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Телятев (*Василькову*). Савва Геннадич!

Лидия. Какое имя!.. Он иностранец?

Телятев. Из Чухломы.

Лидия. Какая это земля? Я не знаю. Ее нет в географии.

Телятев. Недавно открыли.

Васильков подходит.

Позвольте вам представить моего друга Савву Геннадича Василькова.

Лидия кланяется.

Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в Тетюшах, в Казани; говорит, что видел красавиц, но подобных вам никогда.

Васильков. Да перестаньте же! Я конфужусь.

Лидия. Вы знаете в Казани мадам Чурило-Пленкову?

Васильков. Когда же нет!

Лидия. Она, говорят, разошлась с мужем.

Васильков. Ни боже мой!

Лидия. Подворотникова знаете?

Васильков. Он мой шабёр.

Лидия взглядывает на Телятева. Несколько времени молчания. Васильков, конфузясь, отходит.

Лидия. На каком он языке говорит?

Телятев. Он очень долго был в плену у ташкентцев. *(Говорят тихо.)*

Глумов *(Надежде Антоновне)*. У него прииски, самые богатые по количеству золота, из каждого пуда песку фунт золота намывают.

Надежда Антоновна *(взглядывает на Василькова)*. Неужели?

Глумов. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что все в тайге живет с бурятами.

Надежда Антоновна *(ласково смотрит на Василькова)*. Скажите! По наружности никак нельзя догадаться.

Глумов. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге на водку дает горстями.

Надежда Антоновна. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Глумов. А для кого же ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна *(очень ласково смотрит на Василькова)*. А он ведь и собой недурен...

Глумов. Да, между тунгусами был бы даже красавцем.

Надежда Антоновна *(Лидии)*. Пройдем, Лидия, еще раз. Господа, я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Кто с нами?

Васильков. Если позволите.

Надежда Антоновна *(приятно улыбаясь)*. Благодарю вас, очень рада.

Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов и Телятев.

Глумов. Ну, комедия начинается.

Телятев. Ты таки сказал?

Глумов. Разве я пропущу такой случай!

Телятев. То-то она поглядывала на него очень сладко.

Глумов. Пусть маменька с дочкой за ним ухаживают, а он тает от любви; мы доведем их до экстаза, да потом и разочаруем.

Телятев. Не ошибись. Поверь мне, что он женится на Чебоксаровой и увезет ее в Чебоксары. Мне страшно его, точно сила какая-то идет на тебя.

Подходит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Телятев, Глумов и Кучумов.

Кучумов *(издали)*. Ma in Ispania, ma in Ispania... mille e tre...[1] *(Подходит гордо, подымая голову кверху.)*

Телятев. Здравствуй, князинька!

Кучумов. Какую я сегодня кулебяку ел, господа, просто объяденье! Mille etre...

Глумов. Не на похоронах ли, не от кондитера ли?

Кучумов. Что за вздор! Ma in Ispania... Купец один зазвал. Я очень много для него сделал, а теперь ему нужно какую-то привилегию иметь. Ну, я обещал. Что для меня значит!

Глумов. Да и обещать-то ничего не значит.

---

[1] А в Испании... а в Испании... тысяча и три...

Кучумов. Какой у тебя, братец, язык злой! *(Грозит пальцем.)* Уж ты дождешься, выгонят тебя из Москвы. Смотри. Мне только слово сказать.

Глумов. Да ты давно бы сказал; может быть, бог даст, попаду в общество людей поумней вас.

Кучумов. Ну, ну! *(Махнув рукой.)* С тобой не сговоришь.

Телятев. А коли не сговоришь, так и не начинай. Я всегда так делаю.

Кучумов. Mille e trè... Да, да, да! Я и забыл. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысяч выиграл.

Телятев. Ты ли, не другой ли кто?

Глумов *(горячо)*. Где и как, говори скорей!

Кучумов. В купеческом клубе.

Телятев. И получил?

Кучумов. Получил.

Телятев. Рассказывай по порядку!

Глумов. Удивительно, если правда.

Кучумов *(с сердцем)*. Ничего нет удивительного! Будто уж я и не могу выиграть! Заезжаю я вчера в купеческий клуб, прошел раза два по залам, посмотрел карточку кушанья, велел приготовить себе устриц...

Глумов. Какие теперь устрицы!

Кучумов. Нет, забыл, велел приготовить перменей. Подходит ко мне какой-то господин...

Телятев. Незнакомый?

Кучумов. Незнакомый. Говорит: не угодно ли вашему сиятельству в бакару? Извольте, говорю, извольте! Денег со мной было много, рискну, думаю, тысчонку-другую. Садимся, начинаем с рубля, и повезло мне, что называется, дурацкое счастье. Уж он менял, менял карты, видит, что дело плохо; довольно, говорит. Стали считаться — двенадцать с половиной тысяч... Вынул деньги...

Глумов. Ты говорил одиннадцать.

Кучумов. Уж не помню хорошенько. Что-то около того.

Телятев. Кто же это проигрывает по двенадцати тысяч в вечер? Таких людей нельзя не знать.

Кучумов. Говорят, приезжий.

Глумов. Да я вчера был в купеческом клубе, там никакого разговора не было.

Кучумов. Я приехал очень рано, почти еще никого не было, и всю игру-то мы кончили в полчаса.

Глумов. С тебя ужин сегодня.

Телятев. Ужин у нас есть с Василькова, а ты нас поди коньячком попотчуй, что-то сыро становится.

Кучумов. Да ты, пожалуй, целую бутылку выпьешь; ведь это по рюмкам-то дорого обойдется.

Телятев. Нет, я рюмку, много две.

Кучумов. Коли две, пожалуй. А я вас в воскресенье обедом накормлю дома, дам вам севрюгу свежую, ко мне из Нижнего привезли живую, дупелей и такого бургонского, что вы...

Телятев *(берет его под руку)*. Пойдем, пойдем! У меня уж зубы начинают стучать от сырости; пожалуй, лихорадку схватишь.

Уходят. Подходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков и человек Чебоксаровых.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков и Андрей.

Надежда Антоновна *(Андрею)*. Вели коляске подъехать поближе!

Андрей. Слушаю-с! *(Уходит и скоро возвращается.)*

Надежда Антоновна *(Василькову)*. Благодарю вас, нам пора ехать. Прошу вас бывать у нас.

Васильков. Когда прикажете?

Надежда Антоновна. Когда угодно. Я принимаю от двух до четырех; лучше всего вы приезжайте к нам обедать запросто. По вечерам мы ездим гулять.

Васильков. Почту за счастье быть у вас при первой возможности. Лидия Юрьевна, я человек простой, позвольте мне выразить вам все мое удивление к вашей несравненной красоте.

Лидия. Благодарю вас. *(Отходит и заметя, что мать говорит с Васильковым, выражает нетерпение)*.

Надежда Антоновна. Так мы вас ждем.

Васильков. Не преминую. Завтра же воспользуюсь вашим обязательным приглашением. Я живу недалеко от вас.

Надежда Антоновна. Неужели?

Васильков. В одном доме, только по другой лестнице.

Надежда Антоновна, уходя, несколько раз оглядывается, Васильков долго стоит без шляпы неподвижно и смотрит им вслед.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Васильков один.

Васильков. Как она ласкова со мною! Удивительно! Должно быть, она или очень доброе сердце имеет, или очень умна, что через грубую провинциальную кору видит мою доброту. Но как еще я сердцем слаб! Вот что значит очень долго и постоянно заниматься чистой и прикладной математикой. При сухих выкладках сердце скучает, зато, когда представится случай, оно отмстит и одурачит математика. Так и мне сердце отмстило; я вдруг влюбился, как несовершеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая и я, как бы ни увлекался, из бюджета не выйду. Ни боже мой! Эта строгая подчиненность однажды определенному бюджету не раз спасала меня в жизни. *(Задумывается.)* О Лидия, Лидия! Как сердце мое тает при одном воспоминании о тебе! Но ежели ты бессердечна, ежели ты любишь одни только деньги!.. Да, такая красавица легко может взять власть над мой младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, ее покорным рабом. Хорошо еще, что у меня довольно расчета, и я никогда не выйду из бюджета.

Подходят Кучумов, Телятев и Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Васильков, Кучумов, Телятев и Глумов.

Телятев. Ну что, познакомились? Легче стало на душе? Поздравляю. *(Целует Василькова.)*

Васильков. Я вам много обязан и, поверьте, не забуду.

Телятев. Если забудете, я вам напомню. За вами бутылочка, поедемте ужинать, там и разопьем.

(Кучумову.) Князинька, вот наш новый приятель, Савва Геннадич Васильков.

Кучумов. А! Да! Вы приезжий?

Васильков. Приезжий, ваше сиятельство.

Телятев. Нет, он не сиятельство, он просто Гриша Кучумов, а это мы так его зовем оттого, что очень любим.

Кучумов. Да! Наше общество слишком взыскательно, слишком высоко, довольно трудно попасть новичку; много, много надо иметь...

Телятев. Что он вздор-то говорит!

Глумов. Кабы наше общество было взыскательнее, так бы нам с тобой туда не попасть.

Телятев. А вот что, не выпить ли здесь разгонную?

Васильков. Если общество желает. Человек, подай бутылку шампанского.

Глумов. И четыре больших стакана.

Кучумов. Ну да, четыре. Я тоже сделаю вам честь, выпью с вами.

Глумов. Отсюда прямо в клуб, вот нас партия. *(Кучумову.)* Мы твои вчерашние двенадцать тысяч-то пересчитаем.

Кучумов. Не приложи своих.

Телятев *(человеку, который стоит у ворот)*. Гришка! Григорий Алексеич!

Подходит Григорий.

Григорий Алексеевич, наденьте на меня пальто! Карета моя близко?

Григорий *(надев пальто)*. Здесь, сударь, у ворот.

Кучумов *(своему лакею)*. Николай.

Подходит Николай.

Ну, что ж ты рот разинул! Стой здесь! Посадишь меня в карету.

Мальчик из кофейной подает шампанское и стаканы.

Васильков. Пожалуйте, господа, покорно прошу.

Все берут стаканы.

Телятев. За успех! Хотя вероятности очень мало.

Глумов. За хлопоты, а успеха не будет.

Кучумов. За какой успех?

Глумов. Хочет жениться на Чебоксаровой.

Кучумов. Да как это возможно! Да, наконец, я не позволю.

Телятев. Твоего позволения и не спросят.

Васильков. Угодно три тысячи пари? Я один держу против троих, что женюсь на Чебоксаровой.

Кучумов. Я никогда не держу пари.

Глумов. Я бы и держал, да денег нет.

Телятев. А я боюсь проиграть.

Васильков. Ха, ха, ха! Господа москвичи! Вы струсили! Так зачем же было смеяться! Идет, что ли, начистоту? Вот три тысячи. *(Вынимает деньги, все кивают отрицательно.)* Вино развязало мне язык. Я полюбил Чебоксарову и женюсь на ней непременно. Что я сказал, то и будет, я даром слова не говорю. Поедемте ужинать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Чебоксарова.	Васильков.
Лидия.	Глумов.
Кучумов.	Андрей.
Телятев.	

Богато меблированная гостиная, с картинами, коврами, драпри. Три двери: две по бокам и одна входная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Васильков ходит взад и вперед, из дверей налево выходит Телятев.

Телятев. Я думал, что ты давно уехал. Что же ты нейдешь к дамам? Не хватает храбрости?

Васильков. Все мое несчастие, что я не умею поддерживать разговора.

Телятев. Какое тут уменье! Не нужно только заводить, особенно после обеда, ученых споров. Говори, что в голову придет, лишь бы только была веселость, остроумие, легкое злословие, а ты толкуешь об усеченных пирамидах, о кубических футах.

Васильков. Я уже теперь обдумал один веселый анекдот, который хочу рассказать.

Телятев. Так иди скорее, пока не забыл.

Васильков. А ты куда же торопишься?

Телятев. Меня Лидия Юрьевна за букетом послала.

Васильков. О, я вижу по всему, что ты мой самый опасный соперник.

Телятев. Не бойся, друг! Кто в продолжение двадцати лет не пропустил ни одного балета, тот в мужья не годится. Меня не страшись и смело иди рассказывать свой анекдот.

Васильков уходит в дверь налево; оттуда же выходит Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Телятев и Глумов.

Глумов. Этот еще здесь? Каков гусь! Нет, я вижу, пора его выгнать. Довольно потешились. Жаль, что мы не подержали пари.

Телятев. Я и теперь держать не стану.

Глумов. Однако он тогда, в купеческом, ловко нас обработал. Хорош Кучумов! Говорил, что двенадцать тысяч накануне выиграл, а тут шестьсот рублей отдать не мог. В первый раз человека видит и остался должен... Ты куда?

Телятев. На Петровку.

Глумов. Поедем вместе.

Уходят. Входят Кучумов и Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кучумов и Надежда Антоновна.

Кучумов. Muta d'accento e de pensier...[1]

Надежда Антоновна. С некоторых пор я только такие известия и получаю.

Кучумов. Хм, да... Неприятно! e de pensier.

Надежда Антоновна. Что ни день, то и жди какой-нибудь новости в таком роде.

Кучумов. Но что же он там делает, ваш муж? Как же это так... допустить?.. Не понимаю. Наш брат, человек со смыслом...

Надежда Антоновна. А что ж он сделать может! Ведь вы читали, что он пишет: неурожай, засуха,

[1] Меняет выражение и мысли.

леса все сожжены на заводе, а от завода каждый год убыток. Он пишет, что ему теперь непременно нужно тысяч тридцать, что имение уж назначено в продажу.

Кучумов. Да что ж он, чудак... Разве у него мало знакомства! Да вот я, например... Вы ему так и напишите, чтоб он ко мне адресовался прямо. Muta d'accento...

Надежда Антоновна. Ах, друг мой! Я всегда была в вас уверена.

Кучумов. Ну, да что такое, что за одолжение! По старому знакомству, я рад... Что для меня значит...

Надежда Антоновна. Григорий Борисыч, но... ради бога... Я откровенна только с вами, а для других мы пусть останемся богатыми людьми. У меня дочь, ей двадцать четыре года; подумайте, Григорий Борисыч!

Кучумов. Конечно, конечно.

Надежда Антоновна. Нам надо поддерживать себя... Пока еще есть кредит... но немного. Подойдет зима; театры, балы, концерты. Надо спросить у матерей, чего все это стоит. У меня Лидия ничего и слушать не хочет, ей чтоб было. Она ни цены деньгам, ни счету в них не знает. Поедет по магазинам, наберет товаров, не спрашивая цены, а потом я по счетам и расплачивайся.

Кучумов. А женихов не предвидится?

Надежда Антоновна. На ее вкус трудно угодить.

Кучумов. Такую девушку в прежнее время давно тихонько бы увезли. Да, кажется, если б у меня не старуха...

Надежда Антоновна. У вас шутки... А каково мне, матери! Столько лет счастливой жизни, и вдруг... Прошлую зиму я ее вывозила всюду, ничего для нее не жалела, прожила все, что было отложено ей на приданое, и все даром. А нынче, вот ждала от мужа денег, и вдруг такое письмо. Я уж и не знаю, чем мы жить будем. Как я скажу Лидиньке? Это ее убьет.

Кучумов. Да вы, пожалуйста, коли что нужно, без церемонии... Уж позвольте мне заменить Лидиньке отца на время его отсутствия. Я знаю ее с детства и люблю, поверьте мне, больше, чем дочь... люблю... да....

Надежда Антоновна. Не знаю, как вы любите, а для меня нет жертвы, которую бы я не принесла для нее.

Кучумов. И я то же самое, то же самое. Зачем у вас этот Васильков? Надо быть разборчивее.

Надежда Антоновна. Отчего ж ему не бывать?

Кучумов. Неприятен... Кто он такой, откуда взялся, никто не знает.

Надежда Антоновна. И я не знаю. Знаю, что он дворянин, прилично держит себя.

Кучумов. Да, ну так что ж?

Надежда Антоновна. Хорошо говорит по-французски.

Кучумов. Да. Невелико же достоинство.

Надежда Антоновна. Говорят, что у него какие-то дела, важные.

Кучумов. И только. Немного же вы знаете.

Надежда Антоновна. Кажется, неглуп.

Кучумов. Ну, уж об этом позвольте мне судить. Как же он к вам попал?

Надежда Антоновна. Не помню, право. Его представил кто-то; кажется, Телятев. У нас все бывают.

Кучумов. Уж не думает ли он жениться на Лидиньке?

Надежда Антоновна. Кто же знает, может быть, и думает.

Кучумов. А состояние есть?

Надежда Антоновна. Я, признаться сказать, так мало о нем думаю, что не интересуюсь его состоянием.

Кучумов. Толкует всё: «нынешнее время, да нынешнее время».

Надежда Антоновна. Теперь все так говорят.

Кучумов. Ведь этак можно и надоесть. Говори там, где тебя слушать хотят. А что такое нынешнее время, лучше ль оно прежнего? Где дворцы княжеские и графские? Чьи они? Петровых да Ивановых. Где роговая музыка, я вас спрашиваю? А, бывало, на закате солнца, над прудами, а потом огни, а посланники-то смотрят. Ведь это слава России. Гонять таких господ надо.

Надежда Антоновна. Зачем же? Напротив, я хочу приласкать его. В нашем положении всякие люди могут пригодиться.

Кучумов. Ну, едва ли этот на что-нибудь годится. Уж вы лучше на нас, старичков, надейтесь. Конечно, я

жениться не могу, жена есть. Ох, ох, ох, ох! Фантазии ведь бывают у стариков-то; вдруг ничего ему не жаль. Я сирота, у меня детей нет,— меня, куда хочешь, поверни, и в посаженые отцы, и в кумовья. Старику ласка дороже всего, мне свои сотни тысяч в могилу с собой не брать. Прощайте, мне в клуб пора.

Надежда Антоновна *(провожая до двери)*. Можно надеяться вас скоро видеть?

Кучумов. Да, разумеется. Я еще вашей дочери конфекты проиграл. Вот я какой старик-то, во мне все еще молодая кровь горит. *(Уходит.)*

Надежда Антоновна. Эх, не конфекты нам нужны. *(Стоит задумавшись.)*

Выходит Васильков и берет шляпу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Куда вы торопитесь?

Васильков. Честь имею кланяться.

Надежда Антоновна. Погодите! *(Садится на диван.)*

Васильков. Что прикажете?

Надежда Антоновна. Садитесь! *(Васильков садится.)* Я хочу с вами поговорить. Мы давно знакомы, а я совершенно не знаю вас; мы почти не разговаривали. Вы, должно быть, не любите старух?

Васильков. Нисколько. Но что же вам, сударыня, угодно знать обо мне?

Надежда Антоновна. Мне, по крайней мере, нужно знать вас настолько, чтоб уметь отвечать, когда про вас спрашивают; у нас бывает много народу, никто вас не знает.

Васильков. Оттого меня и не знают, что я жил в провинции.

Надежда Антоновна. Вы где воспитывались?

Васильков. В высшем учебном заведении, но более сам занимался своею специальностью.

Надежда Антоновна. Это прекрасно. Ваши родители живы еще?

Васильков. Только мать жива, но и она безвыездно в деревне.

Надежда Антоновна. Значит, вы почти одинокий человек. Вы служите?

Васильков. Нет, занимаюсь частными предприятиями, имею дело больше с простым народом: с подрядчиками, с десятскими.

Надежда Антоновна *(снисходительно кивая головой)*. Да, десятники, сотники, тысячники... Я слышала одну диссертацию...

Васильков. Нет, у нас только одни десятники.

Надежда Антоновна. Ах, это очень хорошо... Да, да, да, я вспомнила. Это теперь в моду вошло... и некоторые даже из богатых людей... для сближения с народом... Ну, разумеется, вы в красной шелковой... в бархатном кафтане. Я видела зимой в вагоне мильонщика и в простом бараньем... Как это называется?

Васильков. Полушубке.

Надежда Антоновна. Да, в полушубке и в бобровой шапке.

Васильков. Нет, я своей одёжи не меняю.

Надежда Антоновна. Но ведь, чтоб так проводить время, нужно иметь состояние.

Васильков. Во-первых, это самое дело уж очень доходно.

Надежда Антоновна. То есть весело, вы хотите сказать. Поют песни, водят хороводы,— вероятно, у вас свои гребцы на лодках.

Васильков. У меня ничего подобного нет; впрочем, вы правы: нашего дела без состояния начинать нельзя.

Надежда Антоновна. Ну, еще бы, конечно, я так и думала. С первого разу видно, что вы человек с состоянием. Вы что-то не в духе сегодня. *(Молчание.)* Зачем вы спорите с Лидией? Это ее раздражает, она девушка с характером.

Васильков. Что она с характером, это очень хорошо; в женщине характер — большое достоинство. А вот что жаль, Лидия Юрьевна имеет мало понятия о таких вещах, которые теперь уже всем известны.

Надежда Антоновна. Да зачем ей, скажите, мой друг, зачем ей иметь понятие о вещах, которые всем известны? Она имеет высшее образование. У нас богатая французская библиотека. Спросите ее что-нибудь из мифологии, ну, спросите! Поверьте, она так хорошо знакома с французской литературой и знает то,

о чем другим девушкам и не грезилось. С ней самый ловкий светский говорун не сговорит и не удивит ее ничем.

Васильков. Такое оборонительное образование хорошо при другом. Разумеется, я не имею права никого учить, если меня не просят. Я бы не стал и убеждать Лидию Юрьевну, если бы...

Надежда Антоновна. Что «если бы»?

Васильков. Если бы не надеялся принести пользу. С переменой убеждений в ней изменился бы взгляд на людей; она бы стала более обращать внимания на внутренние достоинства.

Надежда Антоновна. Да, на внутренние достоинства... Это очень хорошо вы говорите.

Васильков. Тогда мог бы и я надеяться заслужить ее расположение. А теперь быть приятным я не могу, а быть смешным не хочу.

Надежда Антоновна. Ах, нет, что вы! Она еще так молода, она еще десять раз переменится. А я, признаюсь, всегда с удовольствием вас слушала, и без вас часто говорила ваши слова дочери.

Васильков. Благодарю вас. Я хотел уже ретироваться, чтоб не играть здесь жалкой роли.

Надежда Антоновна. Ай, ай, стыдно!

Васильков. Мне ведь особенно унижаться не из чего: не я ищу, меня ищут.

Надежда Антоновна. Молодой человек, вы найдете во мне союзницу, готовую помогать вам во всех ваших намерениях. *(Таинственно.)* Слышите, во всех; потому что я нахожу их честными и вполне благородными.

Входит Лидия и останавливается у двери.

Васильков *(встает, целует руку Надежды Антоновны)*. До свиданья, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. До свиданья, мой добрый друг!

Васильков кланяется Лидии и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Надежда Антоновна и Лидия.

Лидия. Что вы с ним говорили? О чем? Он ужасен, он сумасшедший.

Надежда Антоновна. Уж поверь мне, я знаю, что делаю. Наше положение не позволяет нам быть очень разборчивыми.

Лидия. Какое положение! Его нельзя терпеть ни в каком положении. Он не знает нашей жизни, наших потребностей, он чужой.

Надежда Антоновна. Ах, он часто говорит правду.

Лидия. Да кто же ему дал право проповедовать! Что он за пророк! Согласитесь, maman, что гостиная не аудитория, не технологический институт, не инженерный корпус.

Надежда Антоновна. Лидия, ты уж очень безжалостна с ним.

Лидия. Ах, maman, да какое же есть терпение его слушать! Какие-то он экономические законы выдумал! Кому они нужны? Для нас с вами, надеюсь, одни только законы и есть — законы света и приличий. Если все носят такое платье, так я хоть умри, а надевай. Тут некогда думать о законах, а надо ехать в магазин и взять. Нет, он сумасшедший!

Надежда Антоновна. А мне кажется, он просто оригинальничает. Так многие делают. Он не очень образован, а может быть, и не умен, остроумием не отличается, а говорить надо что-нибудь, чтоб быть заметным: вот он и хочет показаться оригиналом. А вероятно, и думает, и поступает, как и все порядочные люди.

Лидия. Может быть, и так; но он надоел до невозможности.

Надежда Антоновна. Он человек с состоянием, к таким людям надо быть снисходительнее. Ведь прощаем же мы прочих; половина тех господ, которые к нам ездят, хвастуны и лгут ужасно.

Лидия. Мне что за дело, что они лгут, по крайней мере, с ними весело, а он скучен. Вот чего простить нельзя.

Надежда Антоновна. Есть, мой друг, и еще причина быть к нему снисходительнее, и я тебе советую...

Лидия. Что за причина? Говорите!

Надежда Антоновна. Ты благоразумна... Я надеюсь, что у тебя достанет присутствия духа выслушать меня хладнокровно.

Лидия *(с испугом)*. Что такое, что такое?

Надежда Антоновна. Я получила письмо от отца из деревни.

Лидия. Он болен, умирает?

Надежда Антоновна. Нет.

Лидия. Что же такое? Говорите!

Надежда Антоновна. Наши надежды на нынешний сезон должны рушиться.

Лидия. Каким образом? Я ничего не понимаю.

Надежда Антоновна. Я писала к мужу в деревню, чтоб он нам выслал денег. Мы много должны, да на зиму нам нужна очень значительная сумма. Сегодня я получила ответ...

Лидия. Что же он пишет?

Надежда Антоновна *(нюхая спирт)*. Он пишет, что денег у него нет, что ему самому нужно тысяч тридцать, а то продадут имение; а имение это последнее.

Лидия. Очень жаль! Но согласитесь, maman, что ведь я могла этого и не знать, что вы могли пожалеть меня и не рассказывать мне о вашем разорении.

Надежда Антоновна. Но все равно ведь после ты узнала бы.

Лидия. Да зачем же мне и после узнавать? *(Почти со слезами.)* Ведь вы найдете средства выйти из этого положения, ведь непременно найдете, так оставаться нельзя. Ведь не покинем же мы Москву, не уедем в деревню; а в Москве мы не можем жить, как нищие! Так или иначе, вы должны устроить, чтоб в нашей жизни ничего не изменилось. Я этой зимой должна выйти замуж, составить хорошую партию. Ведь вы мать, ужели вы этого не знаете? Ужели вы не придумаете, если уж не придумали, как прожить одну зиму, не уронив своего достоинства? Вам думать, вам! Зачем же вы мне-то рассказываете о том, чего я знать не должна? Вы лишаете меня спокойствия, вы лишаете меня беззаботности, которая составляет лучшее украшение девушки. Думали бы вы, maman, одни и плакали бы одни, если нужно будет плакать. Разве вам легче будет, если я буду плакать вместе с вами? Ну скажите, maman, разве легче?

Надежда Антоновна. Разумеется, не легче.

Лидия. Так зачем же, зачем же мне-то плакать? Зачем вы навязываете мне заботу? Забота старит, от нее морщины на лице. Я чувствую, что постарела на

десять лет. Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать. Я знаю магазины: белья, шелковых материй, ковров, мехов, мебели; я знаю, что, когда нужно что-нибудь, едут туда, берут вещь, отдают деньги, а если нет денег, велят commis [1] приехать на дом. Но откуда берут деньги, сколько их нужно иметь в год, в зиму, я никогда не знала и не считала нужным знать. Я никогда не знала, что значит дорого, что дешево, я всегда считала все это жалким, мещанским, копеечным расчетом. Я с дрожью омерзения отстраняла от себя такие мысли. Я помню один раз, когда я ехала из магазина, мне пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье! Мне так стало стыдно за себя, что я вся покраснела и не знала, куда спрятать лицо; а между тем я была одна в карете. Я вспомнила, что видела одну купчиху в магазине, которая торговала кусок материи; ей жаль и много денег-то отдать, и кусок-то из рук выпустить. Она подержит его да опять положит, потом опять возьмет, пошепчется с какими-то двумя старухами, потом опять положит, а commis смеются. Ах, maman, за что вы меня мучите?

Надежда Антоновна. Я понимаю, душа моя, что я должна была скрыть от тебя наше расстройство; но нет возможности. Если остаться в Москве,— мы принуждены будем сократить свой расход, надо будет продать серебро, некоторые картины, брильянты.

Лидия. Ах, нет, нет, сохрани бог! Невозможно, невозможно! Вся Москва узнает, что мы разорены; к нам будут являться с кислыми лицами, с притворным участием, с глупыми советами. Будут качать головами, ахать, и все это так искусственно, форменно,— так оскорбительно! Поверьте, что никто не даст себе труда даже притвориться хорошенько. *(Закрывает лицо руками.)* Нет! Нет!

Надежда Антоновна. Но что же нам делать?

Лидия. Что делать? Не терять своего достоинства. Отделывайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новые ливреи людям, берите новую мебель, и чем дороже, тем лучше.

Надежда Антоновна. Где же деньги?

Лидия. Он за все заплатит.

Надежда Антоновна. Кто он?

Лидия. Муж мой.

---

[1] приказчики.

Надежда Антоновна. Кто твой муж, где он?

Лидия. Кто бы он ни был.

Надежда Антоновна. Не делал ли кто тебе предложения?

Лидия. Никто не делал, никто не смел делать; мои женихи от меня, кроме презрения, ничего не видали. Я сама искала красавца с состоянием,— теперь мне нужно только богатого человека, а их много.

Надежда Антоновна. Не ошибись в своих расчетах.

Лидия. Неужели красота потеряла свою цену? Нет, maman, не беспокойтесь! Красавиц мало, а богатых дураков много.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия. Вот вам первый.

Надежда Антоновна *(Андрею)*. Проси!

Андрей уходит.

Лидия. Оставьте нас, не мешайте. Вот кто заплатит за все.

Надежда Антоновна. А если?..

Лидия. А если?.. Ну что ж? Вы говорите, что у Василькова большое состояние,— тогда пошлите за ним. У него золотые прииски, он глуп,— золото наше.

Надежда Антоновна *(уходя)*. Я лучше теперь пошлю, надо его приготовить. *(Уходит.)*

Входит Телятев с букетом.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Телятев и Лидия.

Лидия. Как вы проворны, как вы меня балуете! Говорите, зачем вы это делаете?

Телятев. Разве это новость для вас? Когда же я не исполнял ваших приказаний?

Лидия. Зачем же вы всегда меня балуете?

Телятев. Я уж так устроен для услуг,— это мое призвание. Что мне делать, больше у меня и дела никакого нет.

Лидия. Значит, развлечение, от скуки. Однако вы своими угождениями кружите мне голову.

Телятев. Я же виноват!

Лидия. Это или совсем не вина, или вина большая, смотря по тому, искренни ваши поступки или нет.

Телятев. Конечно, искренни.

Лидия. Но ведь постоянные угождения, постоянная лесть — это все своего рода удочки, на которые вы нас ловите. Вы заставляете предполагать в вас такую преданность, к которой нельзя оставаться равнодушной.

Телятев. Тем лучше; не все же нам одним быть неравнодушными, пора и вашему чувству проснуться.

Лидия. Да, хорошо вам говорить, когда у вас всякое чувство давно уже сделалось только фразой.. У вас в жизни было столько практики по этой части, что вы умеете владеть собой во всяком положении. А вы представьте неопытную девушку, у которой чувство проснется в первый раз,— ее положение очень трудно и опасно.

Телятев. Очень может быть. Я своего мнения сказать не могу: ни разу девушкой не был.

Лидия. Если раз обнаружить свое чувство, то или сделаешься игрушкой мужчины, или будешь смешна; и то, и другое нехорошо. Ведь нехорошо?

Телятев. Нехорошо.

Лидия. Так не кружите мне голову напрасно, будьте искреннее, я вас прошу об этом! Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вам не нравлюсь!

Телятев. Кто вам сказал! Помилуйте! Я всегда говорю то, что чувствую.

Лидия. Неужели?

Телятев. Даже меньше говорю, чем чувствую.

Лидия. Зачем же?

Телятев. Не смею... Разве позволите?

Лидия. Я прошу вас.

Телятев. Я перестаю верить ушам своим. Не во сне ли я? Что за счастливый день! Которое нынче число?

Лидия. Отчего счастливый день?

Телятев. Да мог ли я ждать! Вы любезны со мной, вы для меня сходите на землю с вашей неприступной высоты. Вы были Дианой, презирающей мужской род, с луной в прическе, с колчаном за плечами; а теперь вы преобразились в простую, сердечную, да-

же наивную пейзанку, из тех, которые в балетах пляшут, перебирая свой передник. Вот так. *(Делает обыкновенные пейзанские жесты.)*

Лидия. Разве это для вас счастье?

Телятев. Ведь я не «Медный всадник», не «Каменный гость».

Лидия. Как легко вас осчастливить! Что ж, я очень рада, что могу осчастливить вас.

Телятев. Меня осчастливить? Лидия Юрьевна, вы ли, вы ли это?

Лидия. Что вас удивляет? Разве вы не стоите счастья?

Телятев. Не знаю, стою ли; но ведь я с ума сойду.

Лидия. Сойдите!

Телятев. Я наделаю глупостей.

Лидия. Наделайте.

Телятев. Или вы зло шутите, или вы...

Лидия. Договаривайте!

Телятев. Или вы меня любите!

Лидия. К несчастию, последнее справедливее.

Телятев. Да какое же это несчастие? Это счастие, блаженство! Лучше придумать нельзя. *(Слегка обнимает Лидию.)*

Лидия. Jean, ты мой?

Телятев. Раб, раб, негр, абиссинец...

Лидия *(поднимая на него глаза)*. Надолго ли?

Телятев. На век, на всю жизнь, даже более, если это можно.

Лидия. Ах, как я счастлива!

Телятев. Нет, как я-то счастлив. *(Целует ее.)*

Лидия. Ах, боже мой, какое блаженство! Maman!

Телятев. Как, maman? Зачем тут maman? Нам третьего не нужно.

Лидия. Я знаю, Jean, что не нужно; но я так счастлива.

Телятев. Тем лучше.

Лидия. Моя душа так полна, мне хочется поделиться с ней моею радостью.

Телятев. Не надо ничем делиться! Нам больше останется.

Лидия. Да, да, твоя правда, радостью не надо делиться, ее и так немного на земле. Но все равно, должны же мы будем ей сказать.

Телятев. Вот уж не понимаю. Что ей сказать?

Лидия. А то, Jean, что мы любим друг друга и желаем быть неразлучны на всю жизнь.

Телятев. Да, вот что! Значит, по форме, как следует, законным браком. Ну, извините, я этого не ожидал

Лидия. Что я слышу? Чего же вы ожидали? Говорите!

Телятев. Быть вашим слугой, рабом, чем угодно. А что касается брака,— это уж не мое дело.

Лидия. Как же вы осмелились?

Телятев. Я ни на что не осмеливался. Я только не запрещал вам любить меня, и никому запрещать не буду.

Лидия. Да разве вы стоите моей любви?

Телятев. Совершенная правда, что не стою; но разве любят только тех, которые стоят? Что ж бы я был за дурак, если бы стал отказываться от вашей любви и читать вам мораль? Извините, учить вас морали я никак не возьмусь, это мне и не по способностям, и совсем не в моих правилах. По-моему, чем в женщине меньше нравственности, тем лучше.

Лидия. Вы чудовище! Вы гадкий!

Телятев. Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на вас.

Лидия уходит.

Вот было попался-то! Хорошо еще, что цел. Нет, эти игрушки надо бросить; так заиграешься, что и не увидишь, как в мужья попадешь. Долго ль до греха, человек слаб. *(Идет к дверям.)*

Входит Васильков.

Честь и место. *(Уходит.)*

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Здравствуйте! Очень рада! Вот видите, мне ваше общество сделалось необходимым. Сядьте ко мне поближе.

Васильков. Вы присылали за мной?

Надежда Антоновна. Извините, что побеспокоила. Мне нужно совета, я — существо совершенно

беспомощное, только одного серьезного человека и знаю, это — вас.

Васильков. Благодарю вас! Чем могу служить?

Надежда Антоновна. Я говорила с дочерью, мы хотим изменить свой образ жизни; нам надоело шумное общество; мы не станем никого принимать, кроме вас. Хотя у нас средства очень большие, но ведь это не обязывает беситься с утра до ночи.

Васильков. Я полагаю.

Надежда Антоновна. Лидия хочет докончить свое образование; в этом деле без руководителя нельзя; мы и решились обратиться к вам.

Васильков. Всей душой рад служить вам; но чему же я могу учить Лидию Юрьевну? Сферической тригонометрии?

Надежда Антоновна. Ах, да, именно, именно. Согласитесь, что быть учителем молодой девушки довольно приятно.

Васильков. Конечно; но для чего Лидии Юрьевне сферическая тригонометрия?

Надежда Антоновна. Она вообще с большими странностями, но добрая, очень добрая девушка. *(Таинственно.)* Она ведь не любит этих шаркунов.

Васильков. Удивляюсь.

Надежда Антоновна. Что касается до меня, я давно их не жалую. Вот вам каждая мать, без опасения, может доверить свою дочь. Простите меня, мой друг, за откровенность; но я очень бы желала, чтобы вы Лидии понравились.

Васильков. Благодарю вас.

Надежда Антоновна. Кажется, если б можно, я решилась бы употребить даже власть, чтоб только видеть ее счастливой!

Васильков. Разве другого средства уже нет?

Надежда Антоновна. Не знаю, попытайте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вам в глаза. Ну, не говорите, не говорите, я вижу; только ведь вы очень робки; хотите, я ей скажу за вас? А то заспорите и поссоритесь — сохрани бог.

Васильков. Позвольте мне самому! Мне еще нужно подготовиться к моему объяснению, подумать.

Надежда Антоновна. О чем думать, что готовить?

Входит Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Васильков, Надежда Антоновна и Лидия.

Надежда Антоновна. Вот, Лидия, Савва Геннадич делает тебе предложение через меня: он просит твоей руки. Хотя с своей стороны я согласна и очень рада, но твоей воли нисколько не стесняю.

Лидия. В таком деле, разумеется, я должна иметь свою волю, и если б мне кто-нибудь понравился, поверьте, maman, я скорее бы послушалась своего сердца, чем вашего совета. Но ко всем моим поклонникам я равнодушна одинаково: вы знаете, скольким женихам я уж отказала; а выйти замуж надо, пора уж, потому я и предоставляю себя в полное ваше распоряжение.

Васильков. Значит, вы меня не любите?

Лидия. Нет, не люблю. Зачем я буду вас обманывать! Но мы с вами после объяснимся. Maman, вы беретесь устраивать мою судьбу, помните, что вы же должны будете и отвечать за мое счастье.

Надежда Антоновна *(Василькову)*. Слышите, мой друг?

Васильков. Я очень жалею.

Лидия. О чем? Что я вас не люблю?

Васильков. Нет, что я поторопился.

Лидия. Откажитесь, еще есть время. Должно быть, и с вашей стороны любовь не очень сильна, когда вы так легко от меня отказываетесь. Не сердитесь, а благодарите меня, что я с вами откровенна; притвориться ничего не стоит, но я не хочу этого. Все невесты говорят, что влюблены в своих женихов, но вы не верьте им,— любовь приходит после. Отбросьте в сторону самолюбие и согласитесь! За что мне было полюбить вас? И лицо ваше не из красивых, и имя неслыханное, и фамилия какая-то мещанская. Все это мелочи, к этому можно привыкнуть, но не вдруг. За что вы сердитесь? Вы меня любите, благодарю вас. Заслужите мою любовь, и мы будем счастливы.

Надежда Антоновна. Главное, вы помните, что ни я, ни отец для нее ничего не жалели, решительно ничего. Все-таки она приносит для вас жертву.

Васильков. Я не хочу жертвы.

Лидия. Вы, кажется, сами не знаете, чего хотите.

Васильков. Нет, я знаю, чего хочу. Можно жениться без любви, любовь сама придет со временем, вы правы. Но я желаю, чтоб вы меня уважали, без этого уж брак невозможен.

Лидия. Все это разумеется само собой, иначе бы я не пошла за вас.

Васильков. Откровенность за откровенность. Вы мне сказали, что не любите меня, а я вам скажу, что я полюбил вас, может быть, прежде, чем вы того заслуживали. Вы должны тоже заслужить мою любовь; иначе, я не скрою от вас, она очень легко может перейти в ненависть.

Лидия. Вот как!

Васильков. Откажитесь от меня, еще есть время.

Лидия. Зачем отказываться? Ха, ха, ха! Будем играть комедию, заслуживать любовь друг друга.

Васильков. Я не комедии желаю, а светлой жизни и счастия.

Лидия. Нет, вы именно комедии желаете. Вы делаете мне предложение,— я изъявляю согласие; чего же вам еще? Вы меня любите, вы только должны быть бесконечно счастливы, а не рассуждать об обязанностях. Свои обязанности всякий должен знать про себя. О том, как жить, рассуждают только люди бедные, которым жить нечем.

Надежда Антоновна. Я вижу, вижу, что вы друг друга любите; и все споры ваши только, так сказать, литературные.

Васильков. Позвольте, в качестве жениха, поднести вам. Я сегодня нечаянно купил эти вещи, а вот они и пригодились. *(Подает коробку, в которой серьги и брошка.)*

Надежда Антоновна. О! Да эти вещи стоят несколько тысяч.

Васильков. Всего три.

Лидия. Мне кажется, есть возможность полюбить. *(Протягивает Василькову руку, он почтительно целует.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Надежда Антоновна.
Васильков.
Лидия, *его жена.*
Кучумов.
Телятев.
Глумов.
Василий, *камердинер Василькова.*
Андрей.
Горничная *Васильковых.*

Та же гостиная, что во втором действии, но богаче меблированная. Направо от зрителей дверь в кабинет Василькова, налево — в комнаты Лидии, посредине — выходная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из кабинета выходит Васильков, с портфелем и с газетами, быстро пробегает их глазами, потом звонит. Входит Василий.

Васильков. Казанское имение Чебоксаровых с заводом и лесом на днях продается. Жалко! И завод может приносить большой доход, и лесу много. Василий Иваныч, сходи к Павлу Ермолаеву, скажи ему, чтобы он сейчас же шел на биржу и подождал меня там. Мне нужно совершить на его имя доверенность. Скажи ему также, чтобы он был готов на всякий случай, я его пошлю в Казань.

Василий. Слушаю, сударь.

Васильков. Ты, Василий Иваныч, оделся бы как поскладнее.

Василий. Никак невозможно-с. Теперь, ежели эти сапоги, толстый спинжак и бархатный картуз, я выхожу наподобие как англичанин при машине; такая уж честь, и всякий понимает.

Васильков. Твое дело, Василий Иваныч. Ступай!

Василий уходит. Васильков вынимает счет и рассматривает. Из комнаты Лидии выходит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Васильков и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Медведь! Недавно женился и все за делом.

Васильков. Одно другому не мешает, маменька.

Надежда Антоновна. Что за маменька!

Васильков. Слово хорошее, ласкательное и верно выражает предмет.

Надежда Антоновна. Ну, хорошо, хорошо. *(Подходит к нему.)* Но счастлив ли ты? Скажи, счастлив ли, сынок? *(Берет его за ухо.)*

Васильков *(целуя ее руку)*. Да, я счастлив, совершенно счастлив. Я могу теперь сказать, что в моей жизни было несколько дней блаженства. Ах, маменька...

Надежда Антоновна. Опять маменька!

Васильков. Извините!

Надежда Антоновна. Я ничего другого и ожидать не могла, кроме счастья, иначе бы я и не отдала за тебя Лидиньку.

Васильков. Я был бы еще счастливее, если б... если б...

Надежда Антоновна *(садится)*. Что, если б? Чего вам еще мало, неблагодарный!

Васильков. Если б всю жизнь можно было разъезжать по Москве то с визитами, то по вечерам и концертам... ничего не делая; если б не стыдно было так жить и были бы на это средства.

Надежда Антоновна. Если все порядочные люди так живут, значит не стыдно, а средства нужны небольшие.

Васильков. Однако! По моим соображениям, я прожил много. Я не считаю, да и не знаю, сколько прожила Лидия; я в ее расчеты не мешаюсь.

Надежда Антоновна. И прекрасно делаете.

Васильков. У нее свое, у меня свое. Но я рассчитываю, много ли мне придется таким образом прожить в год.

Надежда Антоновна. Ах, какие пустяки! Да живите, как живется; ведь вас такие расходы стеснить не могут.

Васильков. Как не могут?! Ведь так в полгода проживешь тысяч двадцать пять.

Надежда Антоновна. Ну, много ли это! Неужели вам жаль? Я вас не узнаю.

Васильков. Совсем не в том вопрос, жаль или нет, а в том, где взять их.

Надежда Антоновна. Ну, уж это я не знаю. Вам это должно быть лучше известно.

Васильков. Чтоб так жить, надо иметь миллион.

Надежда Антоновна. Мы не запрещаем вам иметь их и два.

Васильков. Ни двух, ни одного нет у меня; мое состояние обыкновенное.

Надежда Антоновна. Надеюсь все-таки за полмиллиона. И это хорошо.

Васильков. У меня есть имение, есть деньги небольшие, есть дела; но все-таки я более семи, осьми тысяч в год проживать не могу.

Надежда Антоновна. А прииски?

Васильков. Какие прииски, что вы!

Надежда Антоновна. Золотые.

Васильков. Не только золотых, но и медных нет.

Надежда Антоновна *(встает)*. Зачем же вы нас обманули так жестоко!

Васильков. Чем я вас обманул?

Надежда Антоновна. Вы сказали, что у вас есть состояние.

Васильков. И действительно есть, очень порядочное.

Надежда Антоновна. Подите вы! Вы не понимаете, что говорите. Вы не знаете самых простых вещей, которые маленьким детям известны.

Васильков. Да позвольте! Чем же это не состояние. Что ж это такое?

Надежда Антоновна. Что? Нищета, бедность, вот что. Того, что вы называете состоянием, действительно довольно для холостого человека; этого состояния ему достанет на перчатки. Что же вы сделали с моей бедной дочерью?

Васильков. Я хотел сделать ее счастливою и постараюсь достигнуть.

Надежда Антоновна. Без состояния? Смешно.

Васильков. Я имею достаточно и стараюсь приобретать.

Надежда Антоновна. Что, достаточно? Ей нужно состояние, а состояние вам приобресть нельзя: откупов нет, концессии на железную дорогу вам не дадут. Состояние можно только получить по наследству, да еще при большом счастье выиграть в карты.

Васильков. Нет, еще есть средство: ограбить кого-нибудь. Не его ли вы мне посоветуете?

Надежда Антоновна. Вы думаете? Как хорошо вы меня знаете. Нет, я вижу, мне нужно принимать меры и поправлять нашу ошибку.

Васильков. Что поправлять? Какая ошибка? Прошу вас, не мешайтесь в чужие дела. *(Берет шляпу.)*

Надежда Антоновна. Вы уходите?

Васильков. Мне пора. До свидания. *(Уходит.)*

Надежда Антоновна. Вот еще, хлопоты с этим зятем! Впрочем, кто же бы взял Лидию, если б узнали, что у нее ничего нет? Надо будет для него постараться, уж нечего делать.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Надежда Антоновна. Вот кстати! *(Андрею.)* Проси.

Андрей уходит.

Я сейчас за него примусь.

Входит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Надежда Антоновна и Кучумов.

Кучумов. Pace e gioia son con voi [1].

Надежда Антоновна. Очень рада. Садитесь!

Кучумов *(садясь)*. Pace e gioia... А где ж наша нимфа?

Надежда Антоновна. Полетела с визитами, она сейчас будет.

Кучумов. А сатир, который у нас ее похитил?

Надежда Антоновна. Побежал по своим делам. У него все какие-то дела.

---

[1] Мир и радость пусть будут с вами.

Кучумов. Черствый человек! Впрочем, что ж ему! Он муж, а вот мы таем да облизываемся, как лисица на виноград.

Надежда Антоновна. Старичок, старичок, что вы!

Кучумов. Сердцем молод, Надежда Антоновна, волканическая натура.

Надежда Антоновна. Ах, да. Вы получили от мужа письмо?

Кучумов. Получил. Не беспокойтесь! Завтра же пошлю ему. Какая это сумма! Выкиньте из головы!

Надежда Антоновна. У меня еще до вас просьба.

Кучумов. Что такое, что такое! Рад, душевно рад.

Надежда Антоновна. Не можете ли вы доставить одному моему знакомому место повыгоднее да еще опеку, большую, или управление богатым имением?

Кучумов. Надо знать кому.

Надежда Антоновна (*пожимая плечами*). Зятю.

Кучумов. Что, видно, плохо дело! Я так и ожидал.

Надежда Антоновна. Да, мой истинный друг, мы немножко ошиблись.

Кучумов. Какое ж он право имел на вашу дочь? Прикидывался, чай, что золотом осыплет? А теперь вышло, что самого корми. Знаете, он, должно быть, хапуга по природе. В нем, вероятно, подьяческой крови много! Он для чего место ищет? Чтоб взятки брать. Как же мне его рекомендовать! Он, пожалуй, осрамит меня, каналья.

Надежда Антоновна. Вы меня-то пожалейте, он мне зять.

Кучумов. Да ведь вы сами говорили, что в нем ошиблись. То-то мне рожа-то его...

Надежда Антоновна. Ах, перестаньте! Неужели вам неприятно быть покровителем человека, у которого жена такая хорошенькая?

Кучумов. Как, неприятно! Кто вам сказал! Очень приятно.

Надежда Антоновна. Я Лидию знаю, она не захочет остаться неблагодарной.

Кучумов. Да я все средства... всех знакомых на ноги...

Надежда Антоновна. Вы думаете, женщины не умеют быть благодарными? Нет, если они захотят...

Кучумов. Да я лечу, сейчас лечу... Как, что, куда? Приказывайте.

Входит Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Надежда Антоновна, Кучумов и Лидия.

Кучумов. Ах, ах, немею!

Лидия. Очень жаль будет, если онемеете, вы так хорошо говорите. Измучилась. *(Садится на кресло.)* Всю Москву объездила.

Надежда Антоновна. Да, Лидия, Григорий Борисыч не только хорошо говорит, но хорошо и дела делает; он завтра посылает отцу твоему деньги на выкуп имения, да и нам оказывает услуги. Мы должны быть ему очень, очень благодарны. *(Взглядывает на дочь.)*

Входит Андрей.

Андрей. Господин Глумов.

Надежда Антоновна. Проси его ко мне, я его у себя приму. *(Уходит; за ней Андрей).*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кучумов и Лидия.

Лидия. Скажите, пожалуйста, что вы за благодетель такой! Ведь помогать другим — отнимать у себя. Что вас побуждает?

Кучумов. И вы, вы меня спрашиваете?

Лидия. Отчего ж мне не спрашивать?

Кучумов. Да я не только состоянием, я для вас готов жизнью...

Лидия. Всего вероятнее, что такая жертва мне будет не нужна. Но вы действительно посылаете отцу денег?

Кучумов. Завтра же.

Лидия. Это благородно. Нельзя не ценить такой дружбы.

Кучумов. Больше, чем дружба, Лидия Юрьевна, гораздо больше. Знаете что? Я лучше куплю это имение у вашего отца и подарю его вам.

Лидия. Ну что ж, купите и подарите. Я очень люблю подарки.

Кучумов. Я завтра же пишу вашему отцу, что покупаю у него имение, и пошлю ему в задаток тридцать тысяч. Что мне деньги! Мне ваше расположение, только ваше расположение.

Лидия. Как же может выразиться мое расположение? Вы у нас и так, как родной.

Кучумов *(подвигаясь)*. Как родной, как родной...

Лидия. Однако какая же вы можете быть мне родня? Для брата вы уж стареньки. Хотите быть папашей на время?

Кучумов *(опускаясь на колени и целуя ее руку)*. Папашей, папашей.

Лидия *(отнимая руку)*. Шалишь, папашка!

Кучумов. Шалю, шалю! *(Опять целует руку.)*

Глумов показывается на пороге и быстро уходит.

Лидия *(встает)*. Тебе стыдно шалить, ты не маленький.

Кучумов встает с колен. Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия. Проси.

Андрей уходит.

Кучумов, Addio mia carina![1] Лечу по вашим делам.

Лидия. По каким?

Кучумов. После узнаете. *(Уходит.)*

Входит Телятев.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лидия и Телятев.

Телятев. Казните, да только поскорее. Если вы хотите дуться на меня, так я убегу куда-нибудь в лес. Вы лучше прибейте меня, только потом смилуйтесь на-

[1] Прощай, моя дорогая!

до мной. Я не могу жить без вас, на меня нападает сплин, и я застрелюсь, как англичанин.

Лидия. За что мне сердиться на вас?

Телятев. Ну, вот какие слова! Ведь это кинжалы.

Лидия. Чем вы хуже других? Есть и хуже вас.

Телятев. Ну, вот опять! Терзать желаете? Говорите прямо, что негодяй.

Лидия. Не спорю. Вы много виноваты передо мной, очень много! Вы причина того, что я вышла за человека, которого не люблю.

Телятев. Не любите? Это очень хорошо.

Лидия. Да, кажется, и он меня не любит.

Телятев. Не любит! Бесподобно!

Лидия. Что же тут хорошего?

Телятев. Не знаю, как для вас, а для нашего брата, беспутного холостяка, это находка. Мы ведь сироты, всю жизнь таких случаев ищем.

Лидия. Вы безнравственный до мозга костей.

Телятев. Ну, еще как-нибудь побраните!

Лидия. Довольно бранить. За что? За то, что вы меня любите? За любовь разве можно бранить? За то, что вы не женились на мне, любя меня? Так ведь это прошло. Этой беды вам поправить нельзя.

Телятев. Жениться нельзя. Это верно. Любить можно.

Лидия. Разве я могу запретить? Это льстит женскому самолюбию. Чем больше поклонников, тем лучше.

Телятев. Ну, на что вам много? Возьмите пока одного.

Лидия. Вы еще плохо жизнь знаете. Одного-то и не хорошо, сейчас разговоры пойдут, а как много-то, так и подозрения нет. Как узнаешь, который настоящий?

Телятев. Так вы возьмите меня настоящего да еще человека четыре сверхштатных.

Лидия *(смеясь)*. Вы такой шут, что на вас решительно сердиться нельзя.

Телятев. Гнев прошел. Можно теперь любезные слова говорить?

Лидия. Говорите, я люблю вас слушать. Ведь вы милый! А?

Телятев. Ей-богу, милый. Как вы похорошели! Знаете, какая перемена в вас? Такая перемена всегда...

Лидия. Нет, вы, пожалуйста, пожалейте меня! Я еще недавно дама, не успела привыкнуть к вашим разговорам! Я знаю, какие вы вещи дамам рассказываете.

Телятев. Как жаль, что вы не привыкли! Привыкайте поскорей, а то скучно. Обратимся к старому. Скоро вы заведете cavalier servente? [1]

Лидия. Да разве у нас это принято?

Телятев. Надо завести этот прекрасный обычай. Хорошее перенимать не стыдно.

Лидия. А мужья что скажут?

Телятев. Привыкнут понемножку. Ну, конечно, сначала многих из нас, кавалеров, побьют довольно чувствительно, особенно купцы; многих сведут к мировым; а там дело и пойдет своим порядком. Первые должны пожертвовать собой, зато другим будет хорошо. Без жертв никакое полезное нововведение не обходится.

Лидия. Прекрасно, но едва ли это скоро введется.

Телятев. Уже начинаем, уж несколько жертв принесено: одного в синюю кубовую краску окрасили, с другим еще хуже было.

Лидия. Ну вот, когда этот похвальный обычай укоренится...

Телятев. Тогда вы возьмете меня.

Лидия. Если будете стоить. Вы очень ветрены.

Телятев. Отчего я ветрен, знаете ли?

Лидия. Оттого, что душа мелка.

Телятев. Нет! Оттого, что мне постоянным быть не для кого. Прикажите, и я буду постояннее телеграфного столба.

Лидия. Испытаем.

Телятев. Испытаете? Да я за одно это сейчас буду у ног ваших.

Лидия. Нет, уж от этой церемонии вы меня увольте! Можно и без нее обойтись.

Телятев. Как угодно. Однако я все-таки чувствую потребность оказать вам какую-нибудь видимую, осязательную ласку.

Лидия (*подает ему руку*). Целуйте!

Входит Глумов и остается в глубине.

---

[1] поклонника.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лидия, Телятев и Глумов.

Телятев *(не замечая Глумова)*. В перчатке? Что это за поцелуй! Электричество, которым так переполнено мое сердце и которое я желаю передать вам, не дойдет до вашего сердца через перчатку. Лайка — дурной проводник. *(Целует руку несколько выше перчатки.)*

Лидия. Ну, довольно! Вам нельзя ничего позволить! Вы всегда делаете больше того, что вам дозволяют.

Телятев. Да много ли больше-то? Всего на полвершка; стоит ли об этом разговаривать!

Лидия. Нынче на полвершка, завтра на полвершка, этак... *(Увидев Глумова.)* А! Егор Дмитрич! Мы вас и не видим.

Глумов. Ничего, продолжайте, продолжайте, я вам не мешаю.

Лидия. Что такое: продолжайте! Что за тон! Вы не хотите ли придать какую-нибудь важность тому, что я позволила Телятеву, моему старому другу, поцеловать мою руку? Я с охотой позволю и вам то же сделать. *(Протягивает ему руку.)*

Глумов. Покорно благодарю! Я рук не целую ни у кого. Я позволяю себе целовать руки только у матери или у любовницы.

Лидия. Ну, так вам моей руки не целовать никогда.

Глумов. Как знать! Жизнь велика; гора с горой не сходится...

Лидия. Пойдемте, Иван Петрович. *(Подает руку Телятеву.)* Он грубый человек. *(Глумову.)* Вы мужа дожидаетесь? Подождите, он скоро придет.

Глумов. Да-с, я вашего супруга дожидаюсь, у меня есть много интересного передать ему.

Лидия. Сделайте милость, рассмешите его чем-нибудь! Он такой задумчивый. Забавлять лучше вас никто не умеет, вы очень забавны.

Уходят Телятев и Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Глумов один, потом Василий.

Глумов. Да, я вас позабавлю! Ай, Лидия Юрьевна, браво! Я еще только задумал подъехать к ней с любезностями, а уж тут двое. Теперь остается только их стравить всех втроем, и с мужем. Василий!

Входит Василий.

Василий. Что, сударь, прикажете?

Глумов. Когда у вас Кучумов бывает, в какое время?

Василий. Завсегда, сударь, во втором часу. Барин в это время дома не бывает.

Глумов. Где же он бывает?

Василий. В своем заседании, съезжаются тоже всё люди богатые — разговор промеж них идет о делах.

Глумов. О каких делах?

Василий. Как все чтоб лучше, чтоб им денег больше.

Глумов. А твой барин богат?

Василий. Само собою.

Глумов. Ведь, по-вашему, у кого есть сторублевая бумажка, тот и богат.

Василий. Может, и не сто, и не тысяча, а и больше есть.

Глумов. Невелики деньги.

Василий. Поищем, так найдем. Да что говорить-то! Даже еще и не приказано, и не всякий понимать может. Тоже и наука, а не то что лежа на боку. Мы, может, ночи не спали, страху навиделись. Как вы обо мне понимаете? Я до Лондона только одиннадцать верст не доезжал, назад вернули при машинах. Стало быть, нам много разговаривать нельзя. *(Уходит.)*

Глумов. Что он тут нагородил! Кучумов бывает во втором часу, это важное дело, так мы и запишем.

Входят Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Глумов, Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Глумов (*Василькову*). Здравствуй!

Васильков. Здравствуй!

Глумов. Что ты так озабочен?

Васильков. Да ведь у меня дела-то не то, что у вас по улицам собак гонять. Господа кавалеры, вы меня извините, толкуйте с дамами; а мне некогда, у меня дел много, я пойду заниматься.

Телятев и Глумов. Ступай! Ступай!

Васильков. К обеду освобожусь. Коли хотите обедать, так оставайтесь без церемонии! Милости просим! А не хотите, так убирайтесь. (*Уходит в кабинет.*)

Надежда Антоновна. Учтиво, нечего сказать.

Телятев. Мы на него не сердимся, он добрый малый. А не убираться ли нам в самом деле?

Глумов. Поедем. Я домашних обедов, запросто, не люблю. В них всегда есть что-то фамильярное: либо квас посередине стола в большом графине, либо домашние наливки, либо миска с отбитой ручкой, либо пирожки свечным салом пахнут. У вас, конечно, все роскошно, но я все-таки предпочитаю обедать в гостинице или клубе.

Телятев. Поедем в Английский, нынче там обед.

Глумов. Поедем.

Раскланиваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Лидия, муж твой или скуп, или не имеет состояния.

Лидия (*с испугом*). Что вы говорите?

Надежда Антоновна. Он давеча сказал мне, что так жить ему не позволяют средства и что надо сократить расходы. Что ж будет, если он узнает, сколько мы сделали долгов до свадьбы и что все придется платить ему? Твоих долгов он и знать не хочет.

Лидия. А где ж прииски?

Надежда Антоновна. Выдумка Глумова.

Лидия. Я погибла. Я, как бабочка, без золотой пыли жить не могу; я умру, умру.

Надежда Антоновна. Мне кажется, у него есть деньги, только он скуп. Если б ты оказала ему побольше ласки... Переломи себя.

Лидия *(задумавшись)*. Ласки? Ласки? О, если только нужно, он увидит такую ласку, что задохнется от счастья. Это мне будет практикой. Мне нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка, и что она стоит на вес золота. Мне это годится вперед, мне без золота жить нельзя.

Надежда Антоновна. Страшные слова говоришь ты, Лидия.

Лидия. Страшней бедности ничего нет.

Надежда Антоновна. Есть Лидия: порок.

Лидия. Порок! Что такое порок? Бояться порока, когда все порочны, и глупо, и нерасчетливо. Самый большой порок есть бедность. Нет, нет! Это будет первый мой женский подвиг. Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись без стыда.

Надежда Антоновна. Ах, перестань, Лидия! Ужасно! Ужасно!

Лидия. Вы старуха, вам бедность не страшна; я молодая и хочу жить. Для меня жизнь там, где блеск, раболепство мужчин и безумная роскошь.

Надежда Антоновна. Я не слушаю.

Лидия. Кто богаче, Кучумов или Телятев? Мне это нужно знать, они оба в моих руках.

Надежда Антоновна. Оба они богаты и мотают, но Кучумов богаче и добрее.

Лидия. Только мне и нужно. Где у вас счеты из магазинов и лавок? Давайте сюда!

Надежда Антоновна *(достает из кармана)*. Вот все. *(Уходит.)*

Лидия берет их и решительным шагом идет в кабинет мужа. Навстречу ей выходит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лидия и Васильков.

Лидия. Я шла к тебе.

Васильков. А я к тебе.

Лидия. Вот и прекрасно. Мы сошлись на полдороге; куда же нам идти, к тебе или ко мне? Туда? *(Указывает на свои комнаты.)* Туда, что ли? Говори, милый ты мой! А? Ну!

Васильков. Остановимся пока на полдороге. Поболтаем полчасика до обеда. Ты меня, Лидия, прости, я тебя так часто оставляю одну.

Лидия. Чем реже я тебя вижу, тем дороже ты для меня. *(Обнимает его.)*

Васильков. Что с тобою, Лидия? Такая перемена меня удивляет.

Лидия. Да разве я не живой человек, разве я не женщина! Зачем же я выходила замуж? Мне нечего стыдиться моей любви к тебе! Я не девочка, мне двадцать четыре года... Не знаю, как для других, а для меня муж все,— понимаешь, все. Я и так долго дичилась тебя, но вижу, что это совершенно напрасно.

Васильков. Совершенно напрасно.

Лидия. Теперь уж, когда мне придет в голову задушить тебя в своих объятиях, так и задушу. Ты мне позволь.

Васильков. Да как не позволить.

Лидия. Я не знаю, что со мной сделалось. Я не любила тебя прежде и вдруг привязалась так страстно. Слышишь, как бьется сердце? Друг мой, блаженство мое! *(Плачет.)*

Васильков. Но об чем же ты плачешь?

Лидия. От счастия.

Васильков. Я должен плакать. Я искал в тебе только изящную внешность и нашел доброе, чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Лидия. Я тебя и так люблю, мой дикарь.

Васильков. Да, я дикарь; но у меня мягкие чувства и образованный вкус. Дай мне твою прелестную руку. *(Берет руку Лидии.)* Как хороша твоя рука! Жаль, что я не художник.

Лидия. Моя рука! У меня нет ничего моего, все твое, все твое. *(Прилегает к нему на грудь.)*

Васильков *(целуя руку Лидии)*. Дай мне обе!

Лидия прячет счеты в карман.

Что ты там прячешь?

Лидия. Ах, пожалуйста, не спрашивай меня! Друг мой, прошу тебя, не спрашивай!

В а с и л ь к о в. Зачем ты так просишь? Если есть у тебя тайна, так береги ее про себя, я до чужих тайн не охотник.

Л и д и я. Разве у меня могут быть тайны? Разве мы не одна душа? Вот мой секрет: в этом кармане у меня счеты из магазинов, по которым maman должна заплатить за мое приданое. Она теперь в затруднении, отец денег не высылает, у него какое-то большое предприятие. Я хотела заплатить за нее из своих денег, да не знаю, достанет ли у меня в настоящую минуту. Видишь, какой вздор.

В а с и л ь к о в. Покажи мне эти счеты!

Л и д и я *(отдает счеты)*. На! Зачем они тебе, не понимаю.

В а с и л ь к о в. А вот зачем: за то блаженство, которое ты мне нынче доставила, я заплачу за твое приданое. Все равно, ведь я мог жениться на бедной, пришлось бы делать приданое на свой счет. А еще неизвестно, любила ли бы она меня, а ты любишь.

Л и д и я. Нет, нет! Я тоже должна чем-нибудь заплатить матери за ее заботы обо мне.

В а с и л ь к о в. Береги свои деньги, дитя мое, для себя. Василий!

Входит В а с и л и й.

Подай со стола из кабинета счеты.

Василий приносит счеты и уходит. Входит Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Васильков садится к столу и начинает разбирать счеты.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

В а с и л ь к о в, Л и д и я и Н а д е ж д а А н т о н о в н а.

Л и д и я *(тихо Надежде Антоновне)*. Он все заплатит. *(Ложится на диван и берет книгу в руки. Громко.)* Maman, не будемте мешать ему, он занят. *(Надежде Антоновне, которая садится в головах Лидии,— тихо.)* Он у меня в руках.

В а с и л ь к о в. *(считая на счетах)*. Лидия, тут счет за обои и за драпировки, которые никак не могут идти в приданое.

Л и д и я. Ах, мой друг, все это надо было подновить к нашей свадьбе, к нам так много народу стало съезжаться. Не будь моей свадьбы, мы бы не решились на такую трату.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Простояло бы еще зиму.

В а с и л ь к о в. Ну, хорошо, хорошо. *(Считает).*

Л и д и я *(Надежде Антоновне тихо).* Я вам говорю, что он заплатит за все, решительно за все.

Входит г о р н и ч н а я, очень модно одетая, и подает Лидии счет; та показывает ей рукой на мужа. Горничная подает счет Василькову; тот, пробежав его, кивает головой на жену и продолжает стучать на счетах. Горничная опять подает счет Лидии, та берет его и небрежно бросает на пол. Горничная уходит. Входит Андрей с двумя счетами; повторяется точно та же история. Андрей уходит. Входит В а с и л и й с десятком счетов и подает их Василькову.

В а с и л и й. Вот их сколько, сударь! Что французов там дожидается!

В а с и л ь к о в. Подай барыне!

Василий подает, Лидия бросает их на пол.

В а с и л и й *(подбирая счеты).* Зачем же бросать! Счет — ведь это документ, по ём надо деньги платить.

Л и д и я. Вон отсюда! Я не могу видеть тебя!

Василий разглаживает каждый счет, кладет их аккуратно на стол и уходит.

В а с и л ь к о в *(встает и ходит по комнате).* Я кончил. Тут тридцать две тысячи пятьсот сорок семь рублей девяносто восемь копеек. Эта сумма для меня слишком значительна, но я заранее дал тебе слово и потому заплатить должен. Я займу сегодня, сколько будет нужно; но чтоб сохранить равновесие в бюджете, мы должны будем надолго значительно сократить наши расходы. Через улицу, напротив, есть одноэтажный домик в три окна на улицу; я его смотрел, он для нас будет очень достаточен. Надо распустить прислугу: я себе оставлю Василья, а ты одну горничную, подешевле,— повара отпустим и наймем кухарку. Лошадей держать не будем.

Л и д и я *(смеется).* Как же мы без лошадей останемся? Ведь лошади для того и созданы, чтоб на них ездить. Неужели вы этого не знаете? На чем мы выезжать будем? В аэростате ведь никто еще не ездил. Ха, ха, ха!

В а с и л ь к о в. Когда сухо — пешком, а грязно — на извозчике.

Л и д и я. Вот любовь-то ваша!

В а с и л ь к о в. Я оттого и не хочу разориться, что люблю тебя.

Л и д и я. Подите скорей! Commis дожидаются, они люди порядочные. Это неучтиво! Им надо заплатить.

В а с и л ь к о в. Платите вы, у вас есть свои деньги.

Л и д и я. Я не заплачу.

В а с и л ь к о в. Вас заставят судом.

Л и д и я. Но мне нечем заплатить! Боже мой! *(Закрывает лицо руками.)*

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(горячо)*. За что вы терзаете нас? Мы заслуживаем лучшей участи. Мы ошиблись — вы бедны, но мы же стараемся и поправить эту ошибку. Конечно, по грубости чувств, вы едва ли поймете нашу деликатность, но я приведу вам в пример моего мужа. Он имел видное и очень ответственное место; через его руки проходило много денег,— и знаете ли, он так любил меня и дочь, что, когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержания достоинства нашей фамилии или просто даже для наших прихотей, он... не знал различия между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, он пожертвовал собою для святого чувства семейной любви. Он был предан суду и должен был уехать из Москвы.

В а с и л ь к о в. И поделом.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Вы не умеете ценить его, оцените хоть нас! Вы бедны, мы вас не оставим в бедности; мы имеем связи. Мы ищем и непременно найдем вам хорошее место и богатую опеку. Вам останется только подражать моему мужу, примерному семьянину. *(Подходит к Василькову, кладет ему руку на плечо и говорит шепотом.)* Вы не церемоньтесь!.. Понимаете? *(Показывает на карман.)* Уж это мое дело, чтоб на вас глядели сквозь пальцы. Пользуйтесь везде, где только можно.

В а с и л ь к о в. Да подите ж прочь с вашими советами! Никакая нужда, никакая красавица меня вором не сделают. Если вы мне еще о воровстве заикнетесь, я с вами церемониться не буду. Лидия, перестань плакать! Я заплачу за тебя, но в последний раз и с таким условием: завтра же переехать в этот домик с тремя окнами,— там и для маменьки есть комната,— и вести жизнь скромную. Мы не будем никого принимать. *(Рассматривает счеты.)*

Л и д и я (*прилегая на плечо к матери*). Надо с ним согласиться. (*Тихо.*) У нас будут деньги, и мы с вами будем жить богато. (*Громко мужу.*) Мой друг, я согласна. Не противиться тебе, а благодарить тебя я должна. (*Тихо матери.*) Как я проведу его. (*Громко мужу.*) *Мы* не будем никого принимать.

В а с и л ь к о в (*считая*). Я знаю, что ты у меня умница.

Л и д и я. Но старик Кучумов, он благодетель всего нашего семейства, почти родственник.

В а с и л ь к о в (*считая*). Ну, Кучумова можно.

Лидия судорожно сжимает матери руку.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а (*тихо*). Ты что-то затеваешь?

Л и д и я (*тихо*). Затеваю. Никто так меня не унижал, как он. Я теперь не женщина, я змея! И я его больно ужалю.

В а с и л ь к о в. Однако ты порядочная мотовка!

Л и д и я (*кидается ему на шею*). Ну, прости меня, душа моя, жизнь моя! Я сумасшедшая, избалованная женщина; но я постараюсь исправиться. Мне такие уроки нужны, не жалей меня!

В а с и л ь к о в. Значит, мир?

Л и д и я. Мир, мир, надолго, навсегда.

В а с и л ь к о в. Ну вот и прекрасно, моя милая! По крайней мере, мы теперь знаем друг друга. Ты знаешь, что я расчетлив, я знаю, что ты избалована, но зато любишь меня и доставишь мне счастье, на которое грубому труженику нельзя было надеяться и которое мне дорого, очень дорого, моя Лидия, мой ангел! (*Обнимает жену.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Н а д е ж д а А н т о н о в н а.	Т е л я т е в.
В а с и л ь к о в.	Г л у м о в.
Л и д и я.	В а с и л и й.
К у ч у м о в.	

Весьма скромная зала, она же и кабинет; по сторонам окна, на задней стене, направо от зрителей, дверь в переднюю, налево — во внутренние комнаты, между дверей изразцовая печь; меблировка бедная: письменный стол, старое фортепьяно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Васильков сидит у стола и собирает бумаги, Василий стоит за стулом.

Васильков. Ну что, Василий Иваныч, барыня, кажется, начинает привыкать и к новой квартире, и к тебе?

Василий. Насчет квартиры не знаю, сударь, что сказать. Все смеются с маменькой по-французски. А про меня уж что! Как еще только я жив!

Васильков. Что ты, бог с тобою!

Василий. Да помилуйте, Савва Геннадич, сударь! Им нужно, чтоб в штиблетах, а я не могу. Какой же я камардин, коли я при вас служащий, все одно как помощник. Помилуйте, Савва Геннадич, мы, может быть, с вами нужду видали вместе, может быть, тонули вместе в реке по нашему делу.

Васильков. Ну да, да, конечно. *(Встает со стула.)*

Василий. Ну, и за фрукты тоже съела было совсем.

Васильков. За какие фрукты?

Василий. Конечно, по нашему званию... и всего-то вот сколько было. *(Показывает на пальце.)*

Васильков. Чего?

Василий. Редечки... всего-то вот столько было. Сидел в передней, доедал.

Васильков. Уж ты, Василий Иваныч...

Василий. Да невозможно, сударь, Савва Геннадич! Мы народ рабочий, на том воспитаны. Да мне дороже она бог знает чего.

Васильков. Так слушай, Василий Иваныч! Без меня, кроме Кучумова, никого не принимай!

Василий. Уж будьте покойны! *(Уходит.)*

Входит Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лидия одна.

Лидия. Что так долго не едет этот противный старичишка! Вот уж три дня я томлюсь в этой конуре, мне страшно подойти к окну. Теперь, чай, нарочно

ездят мимо, чтоб увидать меня в окне. У Глумова, пожалуй, и стихи готовы. Старичок, Кучуминька, миленький! Выручи меня из заключения! Переехали бы мы с maman на старую квартиру и зажили лучше прежнего. Развлечь себя хоть музыкой! Звуки вальса имеют много утешения. Что ни говори, а Страус и Гунгль лучшие знатоки женского сердца. *(Пробует фортепиано.)* Экая дрянь! Это он нарочно завел, чтоб меня унизить. Погоди же, мой друг, я тебя утешу. *(Прислушивается, слышит стук экипажа.)* Посмотрела бы, да стыдно светской даме подойти к косящату окну! Не Кучумов ли? Он всегда в два часа бывает. Он, он! Идет на крыльцо, слышу его походку. Ну, что-то будет?

За сценой голос Кучумова: «Дома барыня?» Голос Василия: «Пожалуйте! У себя-с!» Кучумов входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лидия и Кучумов.

Лидия. Наконец-то, а еще папаша.

Кучумов *(целуя руки Лидии, грозно оглядывает комнату)*. Что такое? Что такое? Куда это вы попали? Что за обстановка. Это постоялый двор какой-то. Но я вас спрашиваю, что все это значит? Мой ангел, не сердитесь на меня, что я так грубо вас спрашиваю! В таких комнатах иначе нельзя говорить, как грубо. Как это случилось? Чем вы себя довели до такого унижения? Вы срамите фамилию Чебоксаровых!

Лидия. Вы меня не упрекайте, а лучше пожалейте!

Кучумов. Нельзя вас жалеть, милостивая государыня. Вы позорите свой род. Что бы сказал ваш бедный отец, если бы узнал ваше унижение!

Лидия. Что же мне делать?

Кучумов. Бежать, сударыня, бежать без оглядки.

Лидия. Куда? У maman ничего нет. Он за нас все долги заплатил.

Кучумов. Его прямая обязанность. За обладание таким сокровищем, за то счастье, которое вы доставили этому моржу, он обязан исполнять все ваши желания.

Лидия. Видно, он не считает за большое счастие обладать мною.

Кучумов. А не считает, тем лучше. Вы должны знать цену себе. Переезжайте с maman на старую квартиру, в этом нет ничего дурного; а жить в курятнике позорно.

Лидия. Но, папаша, чем же нам жить! У maman нет ничего, у меня тоже. На кредит нельзя рассчитывать.

Кучумов. Кредит! Да на что вам кредит? Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мне. Вам стыдно было попросить у меня денег, а не стыдно фее жить в таком шалаше! Вы, фея наша легкокрылая, вы забыли свое могущество. Вам стоит сделать только один жест, и этот шалаш превратится во дворец.

Лидия. Какой жест, папаша?

Кучумов. Вы и как фея, и как женщина должны это знать лучше, чем мы, мужчины. У фей и женщин в запасе много жестов.

Лидия *(бросаясь ему на шею)*. Такой жест, папаша?

Кучумов. Так, так, так... *(Зажмурив глаза, опускается на стул.)* С тебя будет пока сорока тысяч на первый раз?

Лидия. Я не знаю, папаша.

Кучумов. Теперь вам много не нужно, вы переедете на старую квартиру, она отделана превосходно и еще не занята. Гардероб у тебя восхитительный! На первое время вам сорока тысяч слишком довольно. Послушай, если ты не возьмешь, я выброшу их из кареты, нарочно проиграю в клубе. Во всяком случае, я эту сумму уничтожу, если ты не хочешь взять ее.

Лидия. Ну, так давай, папаша!

Кучумов *(берется за карман)*. Ах, боже мой! Это только со мной одним случается. Нарочно положил на столе бумажник и позабыл. Дитя, прости меня! *(Целует у нее руку.)* Я тебе привезу их завтра на новоселье. Я надеюсь, что вы нынче же переедете. Закажу у Эйнем пирог, куплю у Сазикова золотую солонку фунтов в пять и положу туда деньги. Хорошо бы положить все золотом для счастья, да такой суммы едва ли найдешь. Все-таки полуимпериалов с сотню наберу у себя.

Лидия. Merci, merci, папаша. *(Гладит его по голове.)*

Кучумов. Блаженство! Блаженство! Что такое деньги! Имей я хоть миллионы, но если не вижу таких глаз, таких ласк, я нищий.

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лидия, Кучумов и Надежда Антоновна.

Лидия. Maman, Григорий Борисыч советует нам переезжать на старую квартиру.

Кучумов. Разумеется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя.

Надежда Антоновна. Ах, Григорий Борисыч, не говорите! Что я терплю! Как я страдаю! Вы знаете мою жизнь в молодости; теперь, при одном воспоминании, у меня делаются припадки. Я бы уехала с Лидией к мужу, но он пишет, чтоб мы не ездили. О ваших деньгах ничего не упоминает.

Кучумов. Не дошли. *(Считает по пальцам.)* Вторник, среда, четверг, пятница... Он их получил вчера вечером или сегодня утром.

Лидия. Maman, нам бы переехать сейчас же.

Надежда Антоновна. Ах, Лидия, нужно подумать. Мне все кажется, что твой муж притворяется, а что он очень богат.

Лидия. Богат он, беден ли, но он нас унизил, и между нами все кончено. Григорий Борисыч сделал для нас много и не желает, чтоб я жила с мужем. Наша жизнь будет вполне обеспечена, папашка мне обещал.

Надежда Антоновна. Папашка! Где ты научилась? Ах, Лидия, как ты говоришь! Невозможно, невыносимо слушать матери.

Лидия. Скажите! Стыдно? Я теперь решилась называть стыдом только бедность, все остальное для меня не стыдно. Maman, мы с вами женщины, у нас нет средств жить даже порядочно; а вы желаете жить роскошно, как же вы можете требовать от меня стыда! Нет, уж вам поневоле придется смотреть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всех матерей, которые воспитывают детей в роскоши и оставляют их без денег.

Кучумов. Benissimo[1]. Я никак не мог ожидать, чтобы в такой молодой женщине было столько житейской мудрости.

Лидия. Maman, папашка обещает нам на новоселье сорок тысяч.

Надежда Антоновна *(с радостью)*. Неужели? *(Кучумову)*. Вы очень добрый человек. Однако ж все-таки подумать надо.

Лидия. О чем думать! Здесь унижение, там — счастье.

Надежда Антоновна. Пойдемте в мою комнату, обсудимте вопрос со всех сторон. Главное, чтоб приличие было сохранено.

Лидия *(матери)*. В этом положитесь на меня.

Кучумов. Я уж не мальчишка, умею пользоваться счастьем втихомолку, много не болтаю.

За сценой голос Василия: «Не приказано принимать». Голос Глумова: «Что ты врешь!» Кучумов, Лидия, Надежда Антоновна уходят. Шляпа Кучумова остается на столе. Входят Глумов и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов и Василий.

Глумов. Что ты, болван, выдумываешь! Меня не велено принимать! Невозможно!

Василий. Совсем я не болван; на болванах чепчики шьют. А что не велено пущать, опять же не моя вина.

Глумов. Кто же не велел пущать, барин или барыня?

Василий. Да нешто для вас не все равно! Кто бы ни приказал, а, значит, пущать не буду. А коли хотите знать, так вот вам раз: и барин не велел, и барыня, и ни за что к вам не выдут.

Глумов. Ты глуп безгранично, исторически; но все-таки ты можешь знать причину, почему меня не велено принимать. Не знаешь ли? Не слыхал ли ты, любезный друг, хоть краем своего ослиного уха? Так поведай, рубль серебром деньга не малая.

Василий. Покорно благодарю. Пожалуйте. *(Берет рубль и прячет в карман.)* А что я вам пропове-

---

[1] Отлично.

даю? Известно, дела, обстоятельства. Вы придете, другой, третий; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а все расчет. А дела наши, барин говорит, по видимости, подходят тонкие. А вы рассудите сами! Пожалуй, корми дармоедов-то, пользы от них никакой, а все из кармана. Вот кабы знакомство хорошее, степенное, а то какое у нас знакомство!..

Глумов. Ну, довольно! Дай клочок бумаги и убирайся! Я напишу барину записку и уйду.

Василий. Да вот бумага-то на столе! Только вы от хорошей зря не рвите! А я, что ж, я уйду. *(Уходит.)*

Глумов *(берет бумагу и перо)*. Что бы такое ему написать? *(Замечает шляпу.)* Чья это шляпа? *(Берет ее в руки.)* Ба, ба, ба! Да это Кучумова. Значит, князинька здесь. Вот и прекрасно. Васильков теперь уж получил письмо. Телятев тоже; съедутся все вместе. Вот будет сцена! Напишу для отклонения подозрения что-нибудь. *(Пишет и читает.)* «Любезнейший друг, я заходил к тебе посоветоваться по одному делу. Жаль, что не застал. Завтра зайду пораньше. Твой Глумов». Написано крупно, положу посредине стола, чтоб он увидал сразу..

Голос Телятева: «Ну, а я все-таки войду». Входят Телятев и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Глумов, Телятев и Василий.

Телятев *(Глумову)*. Ты был у Лидии Юрьевны?

Глумов. Нет, зачем мне она? Я заходил к Савве, да не застал, записку ему оставил. Прощай! Если ты хочешь Василькова видеть, так ступай на биржу, он там целый день проводит.

Телятев. Тем лучше.

Глумов. Он, кажется, новою отраслью промышленности занялся, шелком маклерует.

Телятев. Отличное занятие.

Глумов. В хороший день рублей пять выторгует.

Василий. Вот уж это, сударь, что напрасно, то напрасно.

Глумов. Помнишь, сколько к нам провинциалов наезжало! Подумаешь, у него горы золотые,— так развернется. А глядишь, покутит недель шесть, либо в

солдаты продается, либо его домой по этапу вышлют, а то приедет отец, да как в трактире за волосы ухватит, так и везет его до самого дому верст четыреста. *(Глядит на часы.)* Однако мне пора. Как я заболтался. *(Быстро уходит.)*

Телятев *(садится к столу, держа свою шляпу в левой руке)*. Ну как же, Василий Иваныч, принимать не велели?

Василий. Да так же, сударь.

Телятев. Да вы это, Василий Иваныч, по глупости, может быть?

Василий. Нет, истинно, истинно. Что вы? Смею ли я!

Телятев. И вам, Василий Иваныч, меня не жаль?

Василий. Как не жаль, сударь! Известно, вы не как другие.

Телятев. Лучше?

Василий. Не в пример.

Телятев. Садитесь, Василий Иваныч!

Василий Иваныч садится и опирается руками в колена.

Давайте с вами разговаривать.

Василий. Вы думаете, не могу?

Телятев. Ничего я не думаю. Вы, я слышал, были в Лондоне, а в Марокко не были?

Василий. Этаких стран я, сударь, и не слыхивал. Морок, так он Мороком и останется, а нам не для чего. У нас, по нашим грехам, тоже этого достаточно, обморочат как раз. А знают ли они там холод и голод, вот что?

Телятев. Про голод не слыхал, а холоду не бывает оттого, что там очень жарко.

Василий. Ну и пущай они дохнут с голоду ли, с жару ли, а нам пуще всего уповать нужно.

Телятев. На что же уповать, Василий Иваныч?

Василий. Чтоб как все к лучшему. По нашему теперь тоже делу босоты и наготы навидались. Конечно, порядок такой, искони бе; а бог невидимо посылает.

Телятев. Василий Иваныч, в философии далеко уходить не годится.

Василий. Я и про что другое могу.

Телятев. Прощайте, Василий Иваныч. *(В рассеянии берет со стола правой рукой шляпу Кучумова и хочет надеть обе)*. Это как же, Василий Иваныч?

Василий. Грех, сударь, бывает со всяким.

Телятев. Какой же тут грех-то, Василий Иваныч?

Василий. Бывает, что и уносят.

Телятев. Вы, Василий Иваныч, заврались!

Василий. А вот что, сударь; померяйте обе, которая впору, та и ваша.

Телятев. Вот, Василий Иваныч, умные речи приятно и слушать. *(Примеривает сначала свою.)* Это моя. А это чья же? Да это князинькина. Значит, он здесь?

Василий *(таинственно)*. Здесь-с.

Телятев. Где же он?

Василий молча и величественно указывает на дверь во внутренние комнаты.

Отчего же его принимают, а меня нельзя?

Василий. Потому сродственник.

Телятев. Такой же сродственник, как и вы, Василий Иваныч. Уж вы меня извините, я останусь, а вы подите в переднюю.

Василий. Оно точно, что в это время барин никогда дома не бывает, а если в другой раз...

Телятев. Ну, довольно, Василий Иваныч! Учтивость за учтивость, а то я скажу вам: «Пошел вон!»

Василий. Можно, для вас все, сударь, можно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Телятев один.

Телятев *(вынимает из кармана письмо и читает)*:

Не будь, Телятев, легковерен,
Бывают в мире чудеса;
Князек надуть тебя намерен
У Васильковой в два часа.

И все так точно и надул. Он сродственник, а меня и принимать не приказано. Что же мне делать? Уступить даром как-то неловко, что-то за сердце скребет. Подожду их, посмотрю, как она его будет провожать. Вот удивятся, вот рты-то разинут, как я встану перед ними, как statua gentilissima![1] А статуя Командора,— мне один немец божился до того, что заплакал,— представляет совесть. Ужасно будет их положение. А не

[1] благороднейшая статуя.

лучше ли явиться к ним самому, оно, конечно, не совсем учтиво... Где они скрываются? *(Подходит к двери и прислушивается.)* Никого нет. Проникну далее. *(Отворяет осторожно дверь, уходит и так же осторожно затворяет.)*

Входят Васильков и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Васильков и Василий.

Васильков *(быстро)*. Был без меня кто-нибудь?

Василий. Господин Глумов. Вот и записку оставили.

Васильков *(строго)*. А еще кто?

Василий. Господин Кучумов... а...

Васильков. Ну, хорошо, ступай!

Василий уходит.

Кучумов так стар, что и подозревать нельзя; моя жена женщина со вкусом. *(Останавливается перед столом в задумчивости и видит записку Глумова. Вынимает из кармана письмо и сличает с запиской Глумова.)* Ничего не похоже, а я думал, что он. *(Читает письмо.)*

Из дома муж уходит смело
С утра на биржу делать дело
И верит, что жена от скуки
Сидит и ждет, сложивши руки.
Несчастный муж!
Для мужа друг велико дело,
Когда жена сидит без дела.
Муж занят, а жена от скуки,
Глядишь, и бьет на обе руки.
Несчастный муж!

«Будь дома в два часа непременно, и ты поймешь смысл этих слов». *(Короткое молчание.)* Что это, шутка или несчастие? Если это шутка, то глупо и непростительно шутить над человеком, не зная его сердца. Если это несчастие, то зачем же оно приходит так рано и неожиданно. Если б я знал свою жену, я бы не колебался. Как любит, как чувствует простая девушка или женщина, я знаю; а как чувствует светская дама, я не знаю. Я души ее не вижу; я ей чужой, и она мне чужая. Ей не нужно сердца, а нужны речи. А у меня речей нет. О, проклятые речи! Как легко мы перенимаем чужие речи и как туго перенимаем чужой ум.

Теперь говорят, как в английском парламенте, а думают все еще как при Аскольде. А делают... Да что здесь делают? Ничего не делают. Но что же, однако, значит это письмо? Пойду покажу его Лидии. Но если, если... боже! Что мне делать тогда, что мне делать? Как повести себя? Нет, нет, стыдно в таком деле готовиться, стыдно роль играть! Что подскажет мне глупое провинциальное сердце, то и сделаю. *(Открывает ящик с пистолетами, осматривает их, опять кладет на место; ящик остается открытым. Идет к двери; навстречу ему тихо, пятясь задом, показывается Телятев.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Васильков и Телятев.

Васильков. Телятев, так друзья не делают.

Телятев. А, здравствуй! *(Тихо.)* Постой, погоди, они сейчас выдут.

Васильков. Отвечай мне на мои вопросы, или я тебя убью на месте.

Телятев. Потише ты, я говорю тебе! *(Прислушивается.)* Ну, что нужно? Спрашивай!

Васильков. Ты к моей жене приехал?

Телятев. Да.

Васильков. Зачем?

Телятев. Приятно провести время, полюбезничать. Какие ты странные вопросы делаешь!

Васильков. Отчего же ты к моей жене едешь, а не к другой?

Телятев. Оттого, что у меня вкус хорош.

Васильков. Мы будем стреляться.

Телятев. Ну, хорошо, хорошо! Ты только не шуми. Я слышу голоса.

Васильков. Чьи бы голоса ни были, они мне не помешают.

Телятев. Ты с ума сошел, Савва! Опомнись, выпей холодной воды.

Васильков. Нет, Телятев. Я человек смирный, добрый; но бывают в жизни минуты... Ах, я рассказать тебе не могу, что делается в моей груди... Видишь, я плачу... Вот пистолеты! Выбирай любой.

Телятев. Коли ты подарить хочешь, так давай оба, к чему их рознить; а коли стреляться, так куда

торопиться, чудак! У меня сегодня обед хороший. После сытного обеда мне всегда тяжело жить на свете; тогда, пожалуй, давай стреляться.

Васильков. Нет, нет, сейчас, здесь, на этом месте, без свидетелей.

Телятев. Ну, уж ведь я тоже с характером, я здесь не буду, говорю тебе наотрез. Что за место? Всякое дело, Савва, нужно делать порядком. Да! Постой! Прежде всего скажи ты мне, зачем ты переехал в такую гнусную квартиру?

Васильков. Средств нет жить лучше.

Телятев. Так возьми у меня. *(Вынимает бумажник.)* Сколько тебе нужно? Да, пожалуй, бери все, я в Москве и без денег проживу.

Васильков. Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить жену у меня? *(Берет пистолет.)*

Телятев. Послушай, любезный друг! Ты меня лучше убей, только не оскорбляй! Я тебя уважаю больше, чем ты думаешь и чем ты стоишь.

Васильков. Извини! Я человек помешанный.

Телятев. Я просто предлагаю тебе деньги, по доброте сердечной, или, лучше сказать, по нашей общей распущенности: когда есть деньги, давай первому встречному, когда нет — занимай у первого встречного.

Васильков. Ну, хорошо, давай деньги! Сколько тут?

Телятев. Сочтешь после. Тысяч около пяти.

Васильков. Надо счесть теперь и дать тебе расписку.

Телятев. Уж от этого, сделай милость, уволь. С меня берут расписки, а я ни с кого; хоть бы я и взял, я ее непременно потеряю.

Васильков. Спасибо. Я тебе заплачу хорошие проценты.

Телятев. Шампанским, других процентов не беру.

Васильков. А все-таки за то, что ты ухаживаешь за моей женой, мы с тобой стреляться будем.

Телятев. Не стоит, поверь мне, не стоит. Если она честная женщина, из моего ухаживания ничего не выйдет, а мне все-таки развлечение; если она дурная женщина, не стоит за нее стреляться.

Васильков. Что же мне тогда делать в этом последнем случае? *(С отчаянием.)* Что мне делать?

Телятев. Бросить ее, и все тут.

Васильков. Я был так счастлив, она так притворялась, что любит меня! Ты только подумай! Для меня, для провинциала, для несчастного тюленя, ласки такой красавицы — ведь рай! И вдруг она изменяет. У меня оборвалось сердце, подкосились ноги, мне жизнь не мила; она меня обманывает.

Телятев. Так ты ее убей, а меня-то за что же?

Васильков. За то, что вы ее развратили. Она от природы создание доброе; в вашем омуте женщина может потерять все — и честь, и совесть, и всякий стыд. А ты развратней всех. Нет, нет, бери пистолет, а то я тебя убью стулом.

Телятев. Ну, черт с тобой! Ты мне надоел. Давай стреляться! *(Проходит к пистолетам и прислушивается у двери.)* Вот что: перед смертью попробуем спрятаться за печку!

Васильков. Нет, нет, стреляться!

Телятев *(берет его за плечо)*. Тише ты, тише, ради бога! *(Насильно уводит его за печку к выходной двери.)*

Входят Кучумов и Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Васильков, Телятев, Кучумов и Лидия.

Кучумов *(поет)*. In mia mano al fin tu sei![1]

Лидия. Прощай, папашка!

Кучумов *(поет)*. Лобзай меня! Твои лобзанья... Addio, mia carina![2]

Лидия. Изволь, папашка! *(Целует его.)*

Телятев и Васильков выходят из-за печки.

Лидия. Ай! *(Отходит в сторону.)*

Кучумов (грозя пальцем). Но, но, но, господа! Я по правам старой дружбы. Honni soit, qui mal y pense![3]

Васильков *(указывает на двери)*. Вон! Завтра я пришлю к вам секунданта.

---

[1] Ты, наконец, в моих руках.
[2] Прощай, моя дорогая!
[3] Да будет стыдно тому, кто плохо об этом думает.

Кучумов. Ни, ни, ни, молодой человек! Я с вами драться не стану; моя жизнь слишком дорога для Москвы, чтоб поставить ее против вашей, может быть, совсем бесполезной.

Васильков. Так я убью вас. *(Идет к столу.)*

Кучумов. Но! Молодой человек, но! Так не шутят, молодой человек, не шутят! *(Быстро уходит.)*

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Васильков, Телятев, Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Что за шум у вас!

Васильков. Возьмите от меня вашу дочь! Мы с вами в расчете. Я возвращаю ее вам такую же безнравственную, как и взял от вас; она жаловалась, что переменила свою громкую фамилию на мою почти мещанскую; зато я теперь вправе жаловаться, что она запятнала мое простое, но честное имя. Она, выходя за меня, говорила, что не любит меня; я, проживя с ней только неделю, презираю ее. Она шла за меня ни с чем,— я заплатил за ее приданое и за ее наряды; это пусть она зачтет за то, что я неделю пользовался ее ласками, хотя и не один.

Лидия. Ха, ха, ха! Какая трагедия!

Надежда Антоновна. Что вы! Что вы! У вас какое-то недоразумение. Бывают случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично.

Васильков *(Телятеву)*. Друг мой, не оставляй меня; мне нужно сделать некоторые распоряжения. Вот твои деньги, возьми их! Я хотел за твою доброту заработать тебе огромные проценты. Возьми их!

Отдает деньги Телятеву, тот кладет их небрежно в карман. Лидия пристально смотрит на деньги.

Нужно сделать некоторые распоряжения, написать к матушке... Я застрелюсь. *(Опускает голову на грудь.)*

Телятев. Полно, полно! Савва, ты дурачишься. У моего знакомого две жены бежали, что ж, ему два раза надо было застрелиться? Савва, ну, взгляни на

меня! Послушай, я человек благоразумный, я тебе много могу дать хороших советов. Во-первых, ты не вздумай стреляться в комнате,— это не принято: стреляются в Петровском парке; во-вторых, мы с тобой сначала пообедаем хорошенько, а там видно будет.

Васильков *(Надежде Антоновне)*. Берите скорее вашу дочь от меня. Берите ее скорей!

Лидия. Скорее, чем вы думаете. Мы сами сегодня хотели переехать. Мы наняли нашу старую квартиру и постараемся из ее зеркальных окон даже не глядеть на эту жалкую лачугу с жалким обитателем ее. Вы играли комедию, и мы играли комедию. У нас больше денег, чем у вас; но мы женщины, а женщины платить не любят. Я притворялась, что люблю вас, притворялась с отвращением; но мне нужно было, чтоб вы заплатили наши долги. Я в этом успела, с меня довольно. Оценили ли вы мою способность притворяться? С такой способностью женщина не погибнет. Застрелитесь, пожалуйста, поскорей! Телятев, не отговаривайте его. Вы мне развяжете руки, и уж в другой раз я не ошибусь в выборе или мужа, или... ну, сами понимаете, кого. Прощайте! Все мое желание — не видеть вас более никогда. *(Матери.)* Вы послали за экипажем?

Надежда Антоновна. Посылала, он готов. *(Уходит, за ней Лидия.)*

Васильков. Кончено, теперь все уже для меня кончено.

Телятев. Ну, где же кончено? Мало ли еще осталось в жизни?

Васильков. Нет, уж все. Если бы я сам был злой человек, как она, я бы теперь грыз себе руки, колотился головой об стену; если б я сам ее обманывал, я бы ее простил. Но я человек добрый, я ей верил, а она так коварно насмеялась над моей добротой. Над чем хочешь смейся: над лицом моим, над моей фамилией, но над добротой!.. Над тем, что я любил ее, что после каждой ласки ее я по часу сидел в кабинете и плакал от счастья! Друг, во мне оскорблено не самолюбие, а душа моя! Душа моя убита, осталось убить тело. *(Плачет.)*

Телятев. Послушай! Ты лучше замолчи! А то я сам расплачусь; хороша будет у меня физиономия! Перестань, Савва, перестань! Отдайся ты на мою волю

хоть на несколько часов! Мы с тобой пообедаем; чем я тебя буду кормить, поить — это мое дело.

Васильков *(берет пистолет и кладет в карман)*. Друг мой, что это? *(Подбегает к окну.)* Карета! Они уезжают! *(Совершенно убитый.)* Вези мой труп, куда хочешь, пока он не ляжет где-нибудь под кустом за заставой. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

Чебоксарова.	Телятев.
Лидия.	Глумов.
Васильков.	Андрей.
Кучумов.	Горничная.

Будуар в прежней квартире Чебоксаровых; направо от зрителей дверь в залу, прямо входная, налево зеркальное окно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лидия в утреннем костюме лежит на кушетке. Чебоксаров входит.

Надежда Антоновна. Что, не был?

Лидия. Нет еще.

Надежда Антоновна. Я совершенно потеряла голову. Что нам делать! Кучумов неделю тому назад, вместо того что обещал привезти на новоселье, дал мне только шестьсот тринадцать рублей, и то с такими гримасами, с такими ужимками, как будто он делает бог знает какое одолжение. У нас опять накопилась пропасть долгов. Не забудь, вся мебель новая, та продана твоим злодеем.

Лидия. Он обещал непременно привезти сегодня. Ему не верить стыдно, когда он сделал такое одолжение отцу.

Надежда Антоновна. Да сделал ли, я что-то сомневаюсь. Вот я сегодня получила письмо от мужа; он пишет, что никаких денег не получал, что имение его продано, а сам он теперь живет у своего приятеля. Он мне пишет, что после продажи, за удовлетворением долга, ему остается очень незначительная сумма и что

на нее он хочет с каким-то татарином или башкиром завести кумыс.

Лидия. Теперь я понимаю. Знаете, кто купил имение?

Надежда Антоновна. Кто?

Лидия. Кучумов. Он обещал купить и подарить его мне.

Надежда Антоновна. Едва ли. Твой отец пишет, что на торгах дал самую большую сумму какой-то Ермолаев, поверенный Василькова. Уж не он ли? *(Показывает на окно.)*

Лидия. Смешно! Где ему! Вы сами видели, что он занимал деньги у Телятева и обещал большие проценты; а большие проценты дают только в нужде. Да он и слишком глуп для такого дела. Не упоминать о нем будет гораздо покойнее.

Надежда Антоновна. Уж конечно.

Лидия. Я считаю себя опозоренной, что вышла за него. Мне надо, чтоб всякая память о нем изгладилась из моего воображения. Я бросила бы ему все его подарки, если б они не были так драгоценны. Я их велела все переделать, чтоб они не имели прежней формы.

Надежда Антоновна. Я пойду спрошу, привезли ли коляску. Я ухитрилась взять в долг у одного каретника и гербы велела сделать. Лошадей будем брать извозчичьих, а своей коляски не иметь нельзя. Извозчичий экипаж всегда заметен. *(Уходит.)*

Лидия. Да, опытность — великое дело. Я все еще очень доверчива. А с доверчивостью можно сделать ошибку неисправимую.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лидия и Кучумов.

Кучумов *(становясь на колена и целуя руку Лидии)*. Il segretto per esser felice [1].

[1] Секрет быть счастливым.

Лидия. Что за шалости! Садитесь, мне нужно поговорить с вами.

Кучумов. Какая холодность! Что за тон, дитя мое?

Лидия. Э! Полно! Довольно шутить! Послушайте! Вы меня заставили переехать от мужа; мы должаем, мне стыдно напоминать вам о деньгах, точно я у вас на содержании, вы сами навязались с деньгами.

Кучумов *(садится)*. Вам меня надо или убивать или прощать за мою рассеянность. Сейчас отсчитывал деньги в бумажник, чтобы взять с собой, вошла вдруг жена, я его кинул в стол и запер. Заболтался с ней, так и позабыл. Я вам привезу деньги через полчаса.

Лидия. А кто купил имение отца?

Кучумов. Разумеется, я.

Лидия. Отец пишет, что купил поверенный Василькова.

Кучумов. Иначе и быть не может, я дал доверенность Василькову, одному знакомому купцу. Я у него сына крестил. Он законов не знает и передоверил от себя другому. Какое он мне уморительное письмо прислал! Я вам привезу его через десять минут. *(Встает и оглядывает комнату. Поет.)* Io son rico! tu sei bella![1] Вот это мило и это недурно. Какой у вас вкус! Тут надо зелени. Я пришлю большую пальму и тропических растений. Здесь под пальмой будет место наших интимных разговоров. Я это сегодня же пришлю. *(Садится подле Лидии.)*

Лидия *(отодвигаясь)*. Ну вот, когда вы привезете нам деньги, я вас опять буду звать папашей и, может быть, полюблю.

Кучумов *(поет)*. Io son rico! tu sei bella! Так как в моей честности сомнения быть не может, то любви своей вам откладывать нечего, мое блаженство.

Лидия. Вы думаете? Я сегодня в дурном расположении духа, мне не до любви. Я уж сколько времени только и слышу о богатстве; у мужа золотые прииски, у вас золотые горы, Телятев чуть не миллионщик, и Глумов, говорят, вдруг богат стал. Все мои поклонники прославляют мою красоту, все сулят меня золотом осыпать, а ни муж мой, ни мои обожатели не хотят ссудить меня на время ничтожной суммой на булавки.

---

[1] Я богат! а ты прекрасна!

Мне не в чем выехать; я езжу в извозчичьей коляске на клячах.

Кучумов. Это ужасно! Но ведь через полчаса все будет поправлено. Я виноват, я признаюсь, я один виноват.

Лидия. Я живу без мужа, вы ко мне ездите каждый день в известный час; что подумают, что будут говорить?

Кучумов. Пища для разговора дана, следовательно, разговор будет, как вы строго себя ни ведите. По-моему, уж если переносить осуждения, так лучше недаром; терпеть напраслину дело ужасное, idol mio [1]. Ведь я вам говорю, через полчаса... ну... могут там встретиться обстоятельства: необходимые взносы; в конторе вдруг столько денег нет; ну через день, два... в крайнем случае, через неделю вы будете иметь все, больше чего желать невозможно.

Лидия *(встает)*. Через неделю? Через десять минут чтобы все было! Слышите, что я говорю! Иначе я вас пускать не велю.

Кучумов. Десять минут? Я не Меркурий, чтобы так быстро летать. Меня могут задержать дела.

Лидия. Никто вас не может задержать: деньги у вас в ящике, письмо, вероятно, в другом. До свидания.

Кучумов. Я себя оправдаю в ваших глазах; но я вам долго-долго *(грозит пильцем)* не прощу такого обращения со мной. *(Уходит.)*

Лидия. Вот когда моя самоуверенность колебаться начинает. Какой-то холод пробегает по мне. Кучумов обманывает меня или нет? *(Решительно.)* Обманывает. Он еще не исполнил ни одного своего обещания. Затем что ж у меня? Отчаяние и самоубийство или... тоже самоубийство, только медленное и мучительное...

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия *(задумчиво.)* Проси.

Андрей уходит. Входит Телятев.

---

[1] мой кумир.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лидия и Телятев.

Лидия. Что вас давно не видать? Где вы пропадаете?

Телятев. У человека, которому делать нечего, всегда дел много! Что вы так серьезны? Ай, ай, ай! *(Смотрит на нее пристально.)*

Лидия. Что вы? Что с вами?

Телятев. Морщинка, вот тут, на лбу; маленькая, маленькая, но морщинка.

Лидия *(с испугом)*. Не может быть.

Телятев. Посмотрите в зеркало! Ай, ай, ай! В ваши-то лета. Стыдно!

Лидия *(перед зеркалом)*. Не говорите лучше! Надоели.

Телятев. Думать не надобно, Лидия Юрьевна; больше всего думать остерегайтесь. Боже вас сохрани! У нас женщины тем и сохраняют красоту, что никогда ничего не думают.

Лидия. Ах, Иван Петрович, на моем месте поседеть легко. Как мне не думать! Кто ж за меня думать будет?

Телятев. Да чего же вам лучше? Ваше положение солидное: вы живете одни, в великолепной квартире, совершенно свободны, вы богаты, что я сам от вас слышал, поклонников у вас много, муж для вас не существует.

Лидия *(с радостью)*. Он застрелился?

Телятев. Нет, раздумал.

Лидия. Жаль. Можно вам поверить тайну?

Телятев. Очень можно.

Лидия. Вы умеете их беречь?

Телятев. Нет, не умею. Зато я умею их терять сейчас же, это лучше. Скажите мне в одно ухо, у меня в ту же минуту вылетит в другое; а через час, хоть убейте, никакой тайны не вспомню.

Лидия. Наши дела очень плохи, нам просто жить нечем.

Телятев. В редком семействе не найдется такой тайны.

Лидия. Слушайте! Вы несносны. Я переехала от мужа потому... Нет, мне стыдно.

Телятев. Ах, что вы! Продолжайте! Меня-то

стыдно? Я уж такой особенный человек, что меня никогда ни одна женщина не стыдилась.

Лидия. Ну, так и мне вас не стыдно. Я переехала от мужа в надежде на Кучумова; он мне обещал дать взаймы сорок тысяч.

Телятев. Ах, он чудак! Да отчего ж не восемьдесят?

Лидия. А он может и восемьдесят?

Телятев. Еще бы! Он и двести может, то есть обещать, а заплатить где же! У него редко и десять рублей найти в кармане можно.

Лидия. Вы лжете на него. Он выкупил отцово имение, оно стоит больших денег; я сама видела, как он дал моей maman шестьсот рублей.

Телятев. Насчет имения я сказать ничего не могу; а откуда у него шестьсот рублей, я знаю. Он пять дней бегал по Москве, искал их, насилу ему дали на месяц и взяли вексель в две тысячи рублей. Я думал, что он ищет денег для вашего мужа, которому он уже давно проиграл в клубе эту сумму и не заплатил.

Лидия *(в отчаянии)*. Вы меня убиваете!

Телятев. Чем? Он человек очень хороший. Вы не беспокойтесь. Мы все его любим; только он забывчив очень. У него точно было большое состояние, но он часто забывает, что все прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обеды, и балы, и ужины, и великолепные экипажи, только все это женино и все еще при жизни отдано племянницам. А ему собственно выдается деньгами не более десяти рублей на клуб. В именины и в праздники дают ему пятьдесят, а иногда сто рублей. Ну, вот тогда и посмотрите на него! Приедет в клуб, садится в конце стола, тут у него и трюфели, и шампанское, и устрицы; а как разборчив! Прислугу всю с ног собьет, человек пять так и бегают около него. А уж что достается бедным поварам!

Лидия *(бледнея)*. Что мне делать? Я столько задолжала.

Телятев. Есть отчего в отчаянье прийти! Кто нынче не должен!

Лидия. Телятев! У вас огромное состояние, пожалейте меня! Не дайте мне погибнуть!

Телятев опускает голову.

Телятев, поддержите честь нашей фамилии! Я могу полюбить вас! Вы добрый, милый.

Телятев еще ниже опускает голову.

Jean, я гибну! Спасите меня! Если вы мне поможете в этой беде, я ваша. *(Кладет ему обе руки на плечи и склоняется головой.)*

Телятев. Все это очень мило с вашей стороны, и я был бы совершенно счастлив; но, Лидия Юрьевна, я сам-то теперь не свой.

Лидия *(смотрит на него во все глаза)*. Как? Вы женитесь или женаты?

Телятев. Не женюсь и не женат, а должно быть, завтра свезут меня к Воскресенским воротам.

Лидия. Как к Воскресенским воротам?

Телятев. Так, привезут с квартальным и опустят.

Лидия. Не может быть! Где же ваши деньги? Я знаю, что вы давали мужу взаймы.

Телятев. Ну, что ж из этого! Разве мне чужих-то жалко?

Лидия. А своих у вас нет?

Телятев. Я уж и не помню, когда они были. Я вчера узнал, что я должен тысяч до трехсот. Все, что вы у меня видели когда-нибудь, все чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За все это денег не плачено, за все это писали счеты на меня, потом векселя, потом подали ко взысканию, потом получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиков видимо-невидимо. Все кредиторы завтра явятся ко мне; картина будет поразительная. Мебель, ковры, зеркала, картины взяты напрокат и нынче же обобраны. Коляска и лошади от Ваханского; платье портной возьмет завтра чем свет! Я уверен, что кредиторы насмеются досыта. Я их приму, разумеется, в халате, это единственная моя собственность; предложу им по сигаре, у меня еще с десяток осталось. Посмотрят они на меня да на пустые стены и скажут: «Гуляй, Иван Петрович, по белому свету!» Один за жену сердит; этот, пожалуй, продержит месяца два в яме, пока не надоест кормовые платить. Ну, а там и выпустят, и опять я свободен, и опять кредит будет, потому что я добрый малый, и у меня еще живы одиннадцать теток и бабушек и всем им я наследник. Что я гербовой бумаги извел на векселя, вы не поверите. Если ее с пуда продавать, так больше возьмешь, чем с меня.

Лидия. И вы так покойны?

Телятев. Что ж мне беспокоиться-то? Совесть моя так же чиста, как и карманы. Кредиторы мои давно получили с меня втрое, а взыскивают, только чтоб форму соблюсти.

Лидия. Где ж мне денег взять, то есть больших денег, много денег? Неужели нет ни у кого?

Телятев. Есть, как не быть!

Лидия. У кого же они?

Телятев. У деловых людей, которые их даром не бросают.

Лидия. Не бросают? Жаль!

Телятев. Еще как жаль-то! Теперь и деньги-то умней стали, все к деловым людям идут, а не к нам. А прежде деньги глупей были. Вот именно такие деньги вам и нужны.

Лидия. Какие?

Телятев. Бешеные. Вот и мне доставались всё бешеные, никак их в кармане не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у нас с вами бешеные деньги? Оттого, что не мы сами их наживали. Деньги, нажитые трудом,— деньги умные. Они лежат смирно. Мы их маним к себе, а они нейдут; говорят: «Мы знаем, какие вам деньги нужны, мы к вам не пойдем». И уж как их ни проси, не пойдут. Что обидно-то, знакомства с нами не хотят иметь.

Лидия. Я в актрисы пойду.

Телятев. Талант нужен, Лидия Юрьевна.

Лидия. Я в провинцию.

Телятев. Что за расчет! Увлечете какого-нибудь мушника Тулумбасова или уж много-много средней руки помещика. Что за карьера!

Лидия. Телятев, помогите, мне нужны деньги!

Телятев. А вот, пожалуйте сюда! *(Подводит ее к окну.)* Видите?

У ворот стоит
Домик-крошечка;
Он на всех глядит
В три окошечка.

Вот где деньги.

Лидия. У мужа?

Телятев. Да, у него. Он не только богаче всех нас, но так богат, что подумаешь — так голова закружится. Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто

их добывать умеет. Если у вашего мужа теперь наличных тысяч триста, так можно поручиться, что через год будет мильон, а через пять — пять.

Лидия. Не может быть. Я не верю вам. Подите прочь. Это он вас подослал ко мне.

Телятев. А вот послушайте. Когда вы его оставили, поехали мы обедать в Троицкий. Сидит, на свет не глядит, ни ухи не ест, ни вина не пьет. Подходили к нему какие-то странные личности, шептались что-то, он как будто стал поживее. Потом вдруг несут ему телеграмму, прочел ее, и глаза засияли. «Нет, говорит, глупо стреляться. Покутим, говорит, нынешний день, поздравь меня». Ну, я его поздравил, поцеловались, и поехали, и поехали. Познакомил я его кое с кем из старых своих знакомых, то есть не из старых, а из прежних, а они еще молоденькие.

Лидия *(глядя в окно)*. Погодите! Что это за коляска? Кружева! Неужели это maman взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь!

Телятев. Нет, вы ошиблись. Это коляска, которую он подарил моей знакомой, и с лошадьми, и кучера нанял такого, что в Зоологическом саду показывать можно. Вот она едет от него, блондиночка, а глаза — васильки.

Лидия. Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в этой коляске. Что со мною? Я его ненавижу и как будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Нос у нее и так невелик, а она его еще вздергивает.

Телятев. Это не ревность, а зависть.

Лидия. Он ее любит?

Телятев. Что? Коляску?

Лидия. Нет, блондинку.

Телятев. Зачем же? И любить да и деньги давать, уж слишком много расходу будет. Хотите слушать, что ваш муж мне рассказал про себя?

Лидия. Говорите!

Телятев. Учился он много, чему — уж не помню. Разные есть науки, Лидия Юрьевна, про которые мы с вами и не слыхали.

Лидия. Говорите, говорите!

Телятев. Поехал за границу, посмотрел, как ведут железные дороги, вернулся в Россию и снял у подрядчика небольшой участок. Сам с рабочими и жил в

бараках, да Василий Иваныч с ним. Знаете Василия Иваныча? Золото, а не человек.

Лидия. Ах, подите вы!

Телятев. Первый подряд удался, он взял побольше, потом еще побольше. Теперь получил какую-то телеграмму. «Ну, говорит, Вася, ближе мильона не помирюсь». А я говорю: «И не мирись». Что ж, мне ведь все равно, убытку не будет.

Лидия. Я умираю.

Телятев. Что с вами?

Лидия *(ложится на диван)*. Позовите maman! Позовите скорей!

Телятев *(в дверях)*. Надежда Антоновна!

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Лидия. Maman, ради бога!

Надежда Антоновна. Что с тобой, Лидия? Что с тобой, дитя мое?

Лидия. Ради бога, maman! Подите к моему мужу, позовите его сюда, скажите, что я умираю.

Телятев. Берите моих лошадей, Надежда Антоновна, и поезжайте скорее!

Надежда Антоновна *(всматривается в дочь)*. Да, да, я вижу, ты в самом деле нехороша. Я сейчас еду. *(Уходит.)*

Входит Андрей.

Андрей. Господин Глумов.

Лидия *(привстав)*. Принимать его или нет? Еще муж придет или нет, неизвестно. Утопающий хватается за соломинку. *(Андрею.)* Проси!

Андрей уходит. Входит Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лидия, Телятев и Глумов.

Глумов. Что с вами?

Лидия. Немного нездорова. А с вами что? Я слышала, что вы разбогатели.

Г л у м о в. Еще нет, а надеюсь. Очень выгодную должность занял.

Т е л я т е в. И совершенно по способностям.

Г л у м о в. Счастливый случай, больше ничего. Одна пожилая дама долго искала не то, чтоб управляющего, а как бы это назвать...

Л и д и я. Un secrétaire intime? [1]

Г л у м о в. Oui, madame! [2] Ей нужно было честного человека, которому бы она могла доверить...

Т е л я т е в. И себя, и свое состояние?

Г л у м о в. Почти так. У ней дома, имения, куча дел: где же ей управляться! С наследниками она в ссоре. Я стараюсь все обратить в капитал, на что имею полную доверенность, и пользуюсь значительными процентами за комиссию.

Т е л я т е в. Благородная, доверчивая женщина. Признайся, Глумов, ведь немного найдешь таких?

Г л у м о в. Да, должно быть, одна только осталась; я наперечет всех знаю.

Т е л я т е в. Мы сейчас только говорили о бешеных деньгах, что они перевелись, а ты счастливей нас, ты их нашел.

Г л у м о в. Зато как долго и прилежно я искал их.

Л и д и я. Значит, у вас теперь денег много?

Г л у м о в. «Много» — ведь это понятие относительное. Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно.

Л и д и я. Дайте мне взаймы тысяч двадцать.

Г л у м о в. Молоденьким, хорошеньким женщинам взаймы денег не дают, потому что неделикатно им напоминать, когда они забудут о долге, а взыскивать еще неделикатнее. Им или учтиво отказывают, или дарят.

Л и д и я. Ну, как хотите, только дайте.

Г л у м о в. Теперь не могу, извините. Помните, вы сказали, что мне никогда вашей руки не целовать? Я злопамятен.

Л и д и я. Целуйте.

Г л у м о в. Теперь уж поздно, или, лучше сказать, рано. Подождите меня год, я приеду целовать ваши

---

[1] Личный секретарь.

[2] Да, сударыня!

ручки. Я завтра отправляюсь со своей доверительницей в Париж; она не знает счета ни на рубли, ни на франки, я буду ее кассиром. Она страдает одышкой и общим ожирением; ей и здесь-то доктора больше года жизни не дают, а в Париже с переездами на воды и с помощью усовершенствованной медицины она умрет скорее. Вы видите, что мне некогда, год я должен сердобольно ухаживать за больной, а потом могу пожинать плоды трудов своих, могу и проживать довольно много, пожалуй, при вашем содействии, если вам будет угодно.

Лидия. Вы злой, злой человек!

Глумов. Прежде вам эта черта во мне нравилась; мы с этой стороны похожи друг на друга.

Лидия. Да, пока вы не переходили границ, а теперь прощайте.

Глумов. Прощайте! Я уезжаю с сладкою надеждой, что в год вы обо мне соскучитесь, что вы меня оцените и мы, вероятно, встретимся, как родные.

Лидия. Довольно, довольно!

Глумов. До свиданья.

Телятев. Прощай, Глумов. Счастливого пути! Вспомни обо мне в Париже: там на каждом перекрестке еще блуждает моя тень.

Глумов. Прощай, Телятев. *(Уходит.)*

Входит Надежда Антоновна с склянками, за ней горничная с подушками, кладет их на диван и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лидия, Телятев, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Тебе надо лечь, Лидия, непременно. Напрасно ты себя, мой друг, утомляешь! По лицу твоему видно, что ты ужасно страдаешь. Я так и мужу сказала. Он сейчас придет. Вот твой спирт и капли, которые тебе всегда помогали.

Лидия *(ложится на подушки)*. Как он вас принял?

Надежда Антоновна. Очень вежливо, хотя довольно холодно. Он спросил, серьезно ли ты больна; я отвечала, что очень. Что вы, Иван Петрович, смеетесь?

Телятев. Мне равнодушно нельзя оставаться: надо либо плакать, либо смеяться.

Надежда Антоновна. Вы не знаете ни натуры, ни сложения Лидии; она такая нервная, такая нервная... Это у нее с детства.

Телятев. Извините, я действительно не знаю сложения Лидии Юрьевны, это для меня тайна.

Лидия. Иван Петрович, вы такой болтун, вы меня рассмешите.

Надежда Антоновна. Да вы, пожалуй, в самом деле рассмешите, а он войдет.

Телятев. Скрыться прикажете?

Лидия *(томно)*. Нет, останьтесь! Мне так приятно видеть вас, вы мне даете силу.

Телятев. Если вам приятно, то я не только не уйду, а, как привинченный, буду стоять против вас. Смотрите на меня, сколько вам угодно. Только позвольте мне в этой комедии быть лицом без речей.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Васильков.

Лидия *(слабым голосом)*. Проси!

Андрей уходит, Надежда Антоновна оправляет подушки, Телятев подносит платок к глазам своим. Входит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лидия, Телятев, Надежда Антоновна и Васильков.

Васильков *(сделав общий поклон)*. Вы меня звали?

Лидия. Я умираю.

Васильков. В таком случае нужен или доктор, или священник; я ни то, ни другое.

Лидия. Вы нас покинули.

Васильков. Не я, а вы меня, и не простившись даже как следует.

Лидия. Так надо проститься?

Васильков. Если вам угодно.

Лидия. По-русски проститься — значит попросить прощенья.

Васильков. Просите.

Лидия. Я виновата только в том, что оставила вас, не сообразя своих средств; в остальном вы виноваты.

Васильков. Мы поквитались: я был виноват, вы меня оставили. О чем же больше говорить! Прощайте!

Лидия. Ах, нет, постойте!

Васильков. Что вам угодно?

Лидия. Вы за свою вину ничем не платите, а я могу поплатиться жестоко. Я кругом в долгу, меня посадят вместе с мещанками в Московскую яму.

Васильков. А! Вы вот чего боитесь? Вот какое бесчестье вам страшно? Не бойтесь! В яму попадают и честные люди, из ямы есть выход. Бояться Московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратом, в которой гибнет и имя, и честь, и благообразие женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, из которой уж нет возврата на честную дорогу?

Лидия. Кто вам позволил говорить здесь такие слова?

Васильков. А кто позволяет зрячему вывести на дорогу слепого, кто позволяет умному остеречь неразумного, кто позволяет ученому учить неученого?

Лидия. Вы не имеете права учить меня.

Васильков. Нет, имею. Это право — сострадание.

Лидия. Вам ли говорить о сострадании! Вы видите жену в таком положении и не хотите заплатить за нее ничтожного долга.

Васильков. Я даром денег не бросаю. Ни боже мой!

Надежда Антоновна. Я не понимаю вашей философии. Все это для меня какая-то новость, принесенная с луны. Разве платить за жену — значит бросать даром?

Васильков. Какая же она мне жена! Да она ж сама сказала, что у нее денег больше, чем у меня.

Надежда Антоновна. «Сказала». Мало ли что может сказать женщина в раздражении! Как бы жена ни оскорбила мужа, все-таки надо жалеть жену больше, чем мужа. Мы так слабы, так нервны, нам всякая ссора так дорого обходится. Горячая женщина скоро сделает глупость, скоро и одумается.

В а с и л ь к о в. Да она же не говорит, что одумалась.

Л и д и я. Я одумалась и раскаиваюсь в своем поступке.

В а с и л ь к о в. Не поздно ли?

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Ах, нет! Она может увлечься, но до падения себя не допустит.

В а с и л ь к о в. Я знаю, что не допустила: ваша прислуга гораздо больше получала от меня, чем от вас. Но я не знаю, что спасло ее от падения — честь, или недостаток денег у Кучумова. *(Лидии.)* Чего же вам угодно?

Л и д и я. Я бы хотела жить опять вместе с вами.

В а с и л ь к о в. Невозможно. Вы так быстро меняете свои решения, что, пожалуй, завтра же захотите уехать от меня. Для меня одного позора довольно, я двух не хочу.

Л и д и я. Но вы должны меня спасти.

В а с и л ь к о в. Как я вас спасу? Есть только одно средство: я вам предложу честную работу и за нее вознаграждание.

Л и д и я. Какую работу и какое вознаграждение?

В а с и л ь к о в. Подите ко мне в экономки, я вам дам тысячу рублей в год.

Л и д и я *(встает с дивана)*. Ступайте вон!

Васильков уходит.

Т е л я т е в *(отнимая платок от глаз)*. Теперь вы выздоровели, я могу перестать плакать.

Л и д и я. Ах, теперь не до шуток! Бегите, догоните, воротите его, во что бы то ни стало.

Телятев убегает.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Ах, какой он упрямый! Какой несносный! Человек из порядочного общества так поступать не может, он скорее убьет жену, а такого предложения не сделает.

Возвращаются В а с и л ь к о в и Т е л я т е в.

Л и д и я. Вы меня извините, я не поняла вас. Объясните мне, что значит слово «экономка» и какие ее обязанности?

В а с и л ь к о в. Извольте, объясню; но если вы не примете моего предложения, я больше не вернусь к

вам. Экономка — значит женщина, которая занимается хозяйством. Это ни для кого не унизительно. А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство — она вас выучит: грибы солить, наливки делать, варенья варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде.

Л и д и я. Ужасно, ужасно!

В а с и л ь к о в. Прикажете кончить?

Л и д и я. Продолжайте!

В а с и л ь к о в. Когда вы изучите в совершенстве хозяйство, я вас возьму в свой губернский город, где вы должны ослепить губернских дам своим туалетом и манерами. Я на это денег не пожалею, но из бюджета не выйду. Мне тоже, по моим обширным делам, нужно такую жену. Потом, если вы будете со мною любезны, я свезу вас в Петербург, Патти послушаем, тысячу рублей за ложу не пожалею. У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужно такую жену, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно. У вас все есть для этого, только вам надо будет отучиться от некоторых манер, которые вы переняли от Телятева и прочих.

Т е л я т е в. Но разве я знал, что Лидии Юрьевне предстоит такая блестящая перспектива от деревенского подвала до петербургского салона.

В а с и л ь к о в *(глядя на часы)*. Согласны вы на мое предложение или нет? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой и довольно долго.

Л и д и я. Пожалейте меня, пожалейте мою гордость! Я дама, дама с головы до ног. Сделайте мне какую-нибудь уступку.

В а с и л ь к о в. Никакой! Мне ли жалеть вашу гордость, когда вы не жалели моей простоты, моей доброты сердечной! Я и теперь предлагаю вам звание экономки, любя вас.

Л и д и я. Ну, хоть слово измените, оно жестоко для моего нежного уха.

В а с и л ь к о в. Нет, это слово хорошее.

Л и д и я. Я должна подумать.

В а с и л ь к о в. Думайте.

Телятев. Ах, кабы меня кто взял в экономки!

Входит Андрей.

Андрей. Следственный пристав желает описать имущество.

Лидия и Надежда Антоновна. Ах, ах! Ай, ай! *(Лидия прячется в подушки.)*

Телятев. Что вы испугались? Утешьтесь! Вчера описали мебель у двух моих знакомых, сегодня у вас, завтра у меня, послезавтра у вашего Кучумова. Это нынче такое поветрие.

Лидия *(мужу)*. Спасите меня от стыда! Я на все согласна! Что делать? Я хотела блистать неугасающей звездой, а вы хотите сделать меня метеором, который блестит на минуту и погаснет в болоте. Но я согласна, согласна. Умоляю вас, спасите меня.

Васильков уходит с Андреем. Андрей возвращается.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Я думаю принять его.

Телятев. Примите.

Лидия *(Андрею)*. Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов, потом Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лидия, Надежда Антоновна, Телятев, Кучумов, потом Васильков.

Кучумов *(напевая)*. Io son rico... Что с вами?

Лидия. У меня описывают имущество, привезли вы сорок тысяч?

Кучумов. Io son rico... Нет, вы представьте себе, какое со мной несчастье.

Входит Васильков и останавливается у двери.

Мой человек, которого я любил, как сына, обокрал меня совершенно и убежал, должно быть, в Америку.

Телятев. Очень жаль мне твоего человека! С тем, что у тебя можно украсть, не только до Америки, но и до Звенигорода не доедешь.

Кучумов. Не шути, я не люблю. Я разослал телеграммы по всем трактам; вероятно, его скоро

схватят, отберут деньги, и тогда я вам, дитя мое, доставлю их.

Т е л я т е в. Не все же он украл, ведь осталось же что-нибудь.

К у ч у м о в. Как не остаться! Я без тысячи рублей из дому не выезжаю.

В а с и л ь к о в. Так отдайте мне шестьсот рублей, которые должны по картам.

К у ч у м о в. А! Вы здесь! И очень хорошо. Я давно хотел с вами расчесться. Карточный долг для меня первое дело. *(Вынимает бумажник.)* Что за вздор такой? Вероятно, я как-нибудь обложился, положил в левый карман. Ах, да я не тот сюртук надел. Впрочем, вы можете получить эти деньги с Надежды Антоновны.

В а с и л ь к о в. Хорошо, я получу. Лидия Юрьевна, я ваш долг заплатил. Вам нужно ехать в деревню.

Л и д и я. Когда хотите.

В а с и л ь к о в. Я еду завтра, будьте готовы!

Л и д и я *(подает мужу руку)*. Благодарю вас, что на целый день вы даете волю моим слезам. Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моем унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастия валится с своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми.

Т е л я т е в. Каково это слушать нам, бездельникам!

К у ч у м о в *(поет)*. Io son rico...

Т е л я т е в. Неправда. Noi siamo poveri [1].

Л и д и я. Вот другая жертва, которую я приношу вам.

В а с и л ь к о в. Жертв не надо.

Л и д и я. Я вижу, что нашла коса на камень. Извольте, я призна́юсь. Я принимаю ваше предложение, потому что нахожу его выгодным.

---

[1] Мы бедны.

В а с и л ь к о в. Но знайте, что я из бюджета не выйду.

Л и д и я. Ох, уж мне этот бюджет!

В а с и л ь к о в. Только бешеные деньги не знают бюджета.

Т е л я т е в. Ты говоришь святую истину; скажу более, что ты повторяешь мои слова.

В а с и л ь к о в *(Телятеву)*. Прощай, друг, мне тебя от души жаль. Ты завтра будешь без крова и без пищи.

Т е л я т е в. Ты не хочешь ли мне денег дать взаймы? Не давай, не надо. Пропадут, ей-богу, пропадут. Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки будем иметь и почет, и кредит. Долго еще каждый купчик будет за счастье считать, что мы ужинаем и пьем шампанское на его счет. Вот портные — от тех уважения мало. Но и старую шинель, и старую шляпу можно носить с таким достоинством, что издали дают тебе дорогу. Прощай, друг Савва. Не жалей нас. И в рубище почтенна добродетель. *(Обнимаются с Кучумовым.)*

Лидия робко подходит к Василькову, кладет ему руку на плечо и склоняется головой.

Картина.

НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА

Сцены из московской жизни

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Дарья Федосеевна Круглова, *вдова купца, 40 лет.*
Агния, *ее дочь, 20 лет.*
Ермил Зотыч Ахов, *богатый купец, лет 60.*
Ипполит, *его приказчик, лет 27-ми.*
Маланья, *кухарка Кругловой.*

Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителей дверь во внутренние комнаты; с той же стороны, ближе к зрителям, диван; перед ним стол, покрытый цветною скатертью; два кресла. На правой стороне два окна с чистыми белыми занавесками; на окнах цветы, между окон зеркало; ближе к зрителям пяльцы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Круглова (на диване); Агния (у окна грызет кедровые орехи).

Агния. Погода-то! Даже удивительно! А мы сидим. Хоть бы погулять куда, что ли!

Круглова. А вот, погоди, дай срок, сосну полчасика, пожалуй, погуляем.

Агния. Кавалеров-то у нас один, другой — обчелся, гулять-то не с кем.

Круглова. А кто виноват? Не мне же ловить для тебя кавалеров! Сети по улицам-то не расставить ли?

Агния. Разве вот Ипполит зайдет.

Круглова. И .то, гляди, зайдет; день сегодня праздничный, что ему дома-то делать! Вот тебе и кавалер; не я искала, сама обрящила. Вольница ты у меня. Ты его как это подцепила?

Агния. Очень просто. Шла я как-то из городу, он меня догнал и проводил до дому. Я его поблагодарила.

Круглова. И позвала?

Агния. С какой стати!

Круглова. Как же он у нас объявился?

Агния. Позвала я его, да после. Стал он мимо окон ходить раз по десяти в день; ну, что хорошего, лучше уж в дом пустить. Только слава.

Круглова. Само собой.

Агния. Все говорить?

Круглова. Да говори уж заодно.

Агния *(равнодушно и грызя орехи)*. Потом он мне письмо написал с разными чувствами, только нескладно очень...

Круглова. Ну? А ты ему ответила?

Агния. Ответила, только на словах. Зачем вы, говорю, письма пишете, коли не умеете. Коли что вам нужно мне сказать, так говорите лучше прямо, чем бумагу-то марать.

Круглова. Только и всего?

Агния. Только и всего. А то что же еще?

Круглова. Много очень воли ты забрала.

Агния. Заприте.

Круглова. Болтай еще.

Входит Маланья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Круглова, Агния, Маланья.

Маланья *(говорит медленно)*. Шла я тут-то по вулице...

Круглова. Так что ж?

Маланья. Так он... Как его?

Круглова. Кто, он-то?

Маланья. Как, бишь, его?.. В суседях-то...

Круглова. Что же?

Маланья. Да нешто их тут, всех... Много их. Такой черноватый...

Круглова. Седой, что ли?

Маланья. Да, седой. Что я!.. А я черноватый...

Круглова. Ахов, что ли?

Маланья. Надо, что он... Ахов его... что ли. Большой такой...

Круглова. Среднего росту?

Маланья. Да, пожалуй, что и так.

Круглова. Ну, что же он? Проснись ты, сделай милость!

Маланья. Что проснись!.. Не походя я сплю, а когда время... так что кому! Кланяйся, говорит.

Круглова. Немного ж ты сказала.

Маланья. Что ж мне еще говорить? *(Уходит и сейчас же возвращается.)* Да, забыла... Зайду, говорит.

Круглова. Когда?

Маланья. Кто ж его... Мне почем знать? *(Уходит и возвращается.)* Да! Из головы вон... Нынче, говорит, зайду. Ахов он, что ли, прозывается? Черноватый такой...

Круглова. Седой весь?

Маланья. Да и то седой. Эка память! Господи! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Круглова и Агния.

Круглова. Нашу слугу Личарду только послом посылать. Растолкует дело, как по-писаному. Как начнет толковать, так точно у ней в голове-то жернова поворачиваются.

Агния. Этот ваш Ахов дядя Ипполиту?

Круглова. Да, дядя.

Агния. Вот придет, помешает нам гулять идти. Зачем это он?

Круглова. Кто ж его знает! Вот что значит богатый-то человек! Распостылый он мне, распостылый. а все-таки гость. Никакого мне от него барыша нет, и не ожидаю; а как ты ему скажешь, миллионщику: поди вон! Вот какое дело! И какая это подлость в людях, что завели такой обычай — деньгам кланяться! Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почет, и не то, что из корысти, а так, будто он в самом деле путный. Отчего это не скажут таким людям, что не надо, мол, нам тебя и со всеми твоими деньгами, потому как ты скот бесчувственный. Да вот не скажут в глаза. Женщины на это скорей; кабы только нам разуму побольше. И что это он к нам повадился?

Агния. Должно быть, влюблен.

Круглова. В кого?

Агния. Да я так думаю, в вас.

Круглова. Не в тебя ли?

Агния. Ну, какая я ему пара! А вы, маменька, в самый раз.— Что ж, богатой купчихой будете. Чего еще приятнее?

Круглова. Да и кажется... Господи-то меня сохрани! Видела я, дочка, видела эту приятность-то. И теперь еще, как вспомню, так по ночам вздрагиваю. А как приснится, бывало, по началу-то, твой покойный отец, так меня сколько раз в истерику ударяло. Веришь ты, как я зла на них, на этих самодуров проклятых! И отец-то у меня был такой, и муж-то у меня был еще хуже, и приятели-то его все такие же; всю жизнь-то они из меня вымотали. Да, кажется, привелись только мне, так я б одному за всех выместила.

Агния. Уж будто бы?

Круглова. Уж потешила бы свою душеньку; да не приходится. А и то сказать: что хвастать-то! Душа-то у нас коротка, перед деньгами-то, пожалуй, и растаешь. Проклятые ведь они.

Агния. Особенно коли их нет.

Круглова. Ну, я спать пошла.

Агния. С богом.

Круглова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агния, потом Ипполит.

Агния (*взглянув в окно*). Опять мимо ходит. Что это у них за манера. (*Открывает окно и кланяется.*) Что, вы потеряли что-нибудь?

Ипполит за окном: «Окромя сердца ничего-с».

Что же вы ходите взад и вперед? Отчего вы прямо не войдете?

Ипполит за окном: «Не смею-с».

Кого же вы боитесь?

Ипполит за окном: «Маменьки вашей».

Чего же ее бояться? Она спит.

Ипполит за окном: «В таком случае, сейчас-с».

Такой видный, красивый молодой человек, а какой робкий.

Ипполит входит. Он одет чисто и современно; с маленькой бородкой, довольно красив.

Еще здравствуйте!

Ипполит. Наше почтение-с.

Агния. А мы вас ждали; хотим вместе гулять идти. Вы пойдете?

Ипполит. Даже с великим моим удовольствием-с. (*Оглядывается по сторонам.*)

Агния. Да не бойтесь, не бойтесь; я вам говорю, что спит.

Ипполит. Не то, чтоб я боялся, а как собственно, что без их приглашения.

Агния. Все равно, я вас пригласила.

Ипполит. Все равно, да не одно-с. А вдруг выдет сама да скажет: «непрошеные гости вон!» Со мной такие-то разы бывали. Однако, оно довольно конфузно-с.

Агния. Да разве можно? Что вы!

Ипполит. Очень можно-с; особливо если хозяин или хозяйка с характером. И пойдешь, как не солоно хлебал; да еще оглядываешься, в затылок не провожают ли.

Агния (*смеется*). А вас провожали?

Ипполит. Кабы не провожали, так я бы про эту самую деликатность и не знал.

Агния. Да не может быть.

Ипполит. От образованных людей, конечно, ожидать нельзя, а по нашей стороне всего дождешься. Кругом нас какое невежество-то свирепствует,— страсть! Каждый хозяин в своем доме, как султан Махнут-Турецкий; только что голов не рубит.

Агния. Вы, должно быть, трус.

Ипполит. За что же такая критика?

Агния. Всего вы боитесь.

Ипполит. Совсем напротив-с; я так себя чувствую, что во мне даже отчаянности достаточно.

Агния. И против кого?

Ипполит. Против всех-с.

Агния. И против хозяина?

Ипполит. И хозяин тоже, если что не дело, так немного у меня возьмет. Тоже осажу в лучшем виде.

Агния. Да правда ли?

Ипполит. С тем возьмите.

Агния. Ну, смотрите же! Я трусов не люблю, я вам вперед говорю.

Ипполит. Зачем же-с! Конечно, я не в том звании родился, нас с малолетства геройству не обучают, а ежели взять на себя смелость...

Агния. Так берите ее почаще.

Ипполит. Такой ваш совет-с?

Агния. Да, мой совет. И не бойтесь моей маменьки.

Ипполит. Так точно все и будет в аккурате исполнено-с.

Агния. Ну, и прекрасно. И во всем меня так слушайтесь.

Ипполит. Да оно теперь и самое время вам учить меня.

Агния. Почему же?

Ипполит. Я чувствую, что я совсем потерянный, и даже в мыслях разбивка пошла, врозь.

Агния. Что же с вами сделалось?

Ипполит. От чувств.

Агния. Скажите, пожалуйста, какой вы чувствительный!

Ипполит. Я-то? Сам себе не рад, вот как-с! Только что складу в словах не знаю, вот одно.

Агния. А то что ж бы было?

Ипполит. Сейчас бы все стихами.

Агния. Ну, можно и без них обойтись.

Ипполит *(берет с пяльцев вышитую ленточку для закладки книги)*. Это вы для кого же сувернир-с?

Агния. Вам что за дело?

Ипполит. Значит, мы сейчас конфискуем.

Агния. Кто вам позволит еще?

Ипполит. А ежели без позволения-с?

Агния. Как, без позволения? За это к мировому.

Ипполит. А я мировому скажу, что на знак памяти.

Агния. В знак памяти просят, а не сами берут.

Ипполит. А ежели в случае, от вас не дождешься-с?

Агния. Значит, вы не стоите. Положите опять на место.

Ипполит. Хоша на один день позвольте попользоваться.

Агния. Ни на один час.

Ипполит. Жестокости пошли.

Агния. А вот за эти слова, сейчас положите на место и не смейте трогать. Для вас и вышивала, а теперь не отдам.

Ипполит. А коль скоро для меня, имею полное мое право.

Агния. Никакого права не имеете. Подайте! *(Хочет отнять ленточку.)*

Ипполит *(поднимая руку)*. Не достанете.

Агния. Вы думаете, у меня силы нет? *(Хочет нагнуть его руку. Ипполит ее целует.)* Это что еще? Как вы смеете?

Ипполит. Как есть, кругом виноват-с.

Агния. Стыдно вам! *(Садится к пяльцам и опускает голову.)*

Ипполит. Оно точно, что стыдно; конечно, что невежество с моей стороны, а только ежели утерпеть нет никакой возможности... Хоша я человек теперича не вполне, потому как живу в людях и во всем зависим, но при всем том, ежели я вам сколько-нибудь не противен, я вашей маменьке во всем могу открыться как должно.

Агния молчит.

Со временем тоже и я могу человеком быть, и по своему делу даже очень много противу других понятия имею.

Агния молчит.

Мне теперича ежели что страшно, так это, собственно, какое от вас мне решение выдет.

Агния молчит и еще более опускает голову.

Хоть одно слово.

Агния молчит.

Ужли же так, без внимания меня оставите? Имейте сколько-нибудь снисхождения! Может, не верите моим чувствам? Всею душою заверить вас могу. Кабы ежели я не чувствовал, разве б я смел...

Агния (*потупившись*). Ну, хорошо, я вам верю. А долго дожидаться, когда вы вполне человеком будете?

Ипполит. Когда хозяин настоящее жалованье положит.

Агния. Ну, вот тогда и скажете маменьке; я и сама тоже поговорю. (*Весело.*) А ленточку все-таки подайте!

Ипполит. Нет уж, теперь собственность.

Агния. Ну, как не собственность! Отыму ведь. Только вы смотрите, ежели опять...

Ипполит. Как можно-с!

Агния отнимает ленточку. Ипполит ее целует.
Входит Круглова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Круглова, Агния, Ипполит.

Круглова. Что это за возня! Покою нет. Вот славно!

Агния (*тихо вскрикивает*). Ах! (*Садится на стул за пяльцами.*)

Ипполит отходит в глубину комнаты и робко стоит у притолоки.

Круглова. Что ж это такое?

Агния. Что? Ничего.

Круглова. Как ничего? Я своими глазами видела, как он тебя целовал.

Агния. Эка важность, поцеловал!

Круглова. По-твоему, это не важность?

Агния. Да, конечно. Вот, кабы укусил, это нехорошо.

Круглова. Ты в своем разуме или рехнувшись? А срам, стало быть, ничего?

Агния. Какой срам! Срам-то бывает у богатых; а мы, как ни живи, никому до того дела нет. И хорошо и худо, все для себя, а не для людей. Хорошо живи, люди не похвалят, и дурно живи, никого не удивишь.

Круглова. Извольте подумать, чем она занимается!

Агния. А вы думали, я все еще в куклы играю?

Круглова. Потихоньку-то от матери...

Агния. Да я и при вас, пожалуй.

Круглова. Стыдочку-то, стало быть, немного.

Агния. На что его нужно, на то он есть.

Круглова. А все-таки нехорошо, что мать-то не знает.

Агния. Знать-то вам нечего; еще ничего верного-то нет. Придет время, не беспокойтесь, скажем; мы этот порядок знаем.

Круглова. С тобой говорить-то, что больше, то хуже. Лучше бросить; а то еще, пожалуй, у тебя сама виновата останешься. А что правда, то правда: не вовремя вы христосоваться начали.

Агния. Вперед зачтите. Конечно, удержать себя можно; да для чего? Молодость-то наша и так не красна; чем ее вспомнить будет?

Круглова *(Ипполиту)*. Ну, а ты? Разве я тебя за тем в дом-то пускаю? Хорош, хорош!

Ипполит. От меня оправданиев не услышите.

Круглова. Такие вы люди, чтоб вам верить, как же! Пусти козла в огород!

Ипполит. Я теперича без слов, все одно, как убитый. На все ваша воля.

Круглова. Притворяйся сиротой-то. Вот я погляжу, что будет от тебя, а то и турну, брат.

Агния. Да будет вам!

Круглова. Не любите слушать-то?

Агния. Гулять пойдемте.

Круглова. Гулянье на уме-то?

Агния. Да уж довольно, маменька. Свое дело исправили, побранили, ну и будет.

Круглова. Ну, шут вас возьми, и то сказать. Собираться, видно, да гулять пойти.

Входит Ахов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Круглова, Агния, Ипполит, Ахов.

Ахов. Вот и я к тебе забрел, в твою хижину убогую.

Круглова. Милости просим! Благодарим, что не гнушаетесь.

Ахов. Не гнушаюсь, не гнушаюсь, Федосевна; цени это! Ждали ль такого гостя-то? *(Поглядывает косо на Ипполита.)*

Круглова. И ждали, и нет.

Ахов. Как же? Ведь я с твоей дурой-то приказывал вам, чтоб ждали.

Круглова. Да ведь слуга-то у нас антик; не дождешься ее, пока у ней язык-то поворотится.

Ахов *(Агнии)*. Весело ль прыгаешь?

Агния. Понемножку.

Ахов. Что ж так? А ты живи веселей! Коли мать обижать будет, так ты мне на нее жалуйся.

Круглова. Просим покорно садиться.

Ахов *(косясь на Ипполита)*. Сяду, сяду, не проси. *(Садится на диван.)*

Круглова. Чем потчевать прикажете, Ермил Зотыч?

Ахов. Погоди еще потчевать-то, дай гостям усесться хорошенько.

Круглова. Усаживайтесь.

Ахов. Усаживайтесь! Ты погляди сначала кругом-то! Уселся я, да порядку у тебя в доме нет; вот что!

Круглова. Не знаю, батюшка, что ты говоришь.

Ахов *(Ипполиту)*. Ну!

Ипполит. Что, дяденька, прикажете?

Ахов. Не знаешь?

Ипполит. Что же вам будет угодно-с?

Ахов. Да ты приди в себя! Где ты?

И п п о л и т. У Дарьи Федосевны-с.

А х о в *(передразнивая его)*. У Дарьи Федосевны! Знаю, что у Дарьи Федосевны. Значит, по-твоему, тебе здесь и надо быть?

И п п о л и т. Я в гости пришел-с.

А х о в. А я зачем?

И п п о л и т. Так полагаю, дяденька, что вы тоже-с.

А х о в. Ну, так ты мне компания или нет? Догадался теперь?

И п п о л и т. Чего же я должен догадаться-с?

А х о в. Что где хозяин, там тебе не место. Понял?

И п п о л и т. Понимаю-с.

А х о в. Ну, и, значит, поди вон!

К р у г л о в а. За что ж ты его гонишь?

А г н и я. Для нас гости все равны.

А х о в. Много вы знаете! Не ваше это дело! *(Ипполиту.)* Ты, как завидел хозяина, так бежать должен; шапку не успел захватить, так без шапки беги. Был, да и след простыл, словно тебя ветром сдунуло с лица земли. Что ж, кому я говорю?

И п п о л и т. Но позвольте-с...

А х о в. За волосы, что ль, тебя вытащить отсюда?

И п п о л и т. Как же это можно-с? При дамах даже-с...

А х о в. При дамах! Очень мне нужно. Вытащу, да и все тут.

И п п о л и т. За что же такая обида-с? Я здесь на благородном счету-с.

А х о в *(привстает)*. Пошел вон, говорят тебе.

И п п о л и т *(берет шляпу)*. Ежели вы непременно того желаете...

А г н и я *(Ипполиту)*. Струсили?

А х о в *(топая ногами)*. Вон без разговору, вон.

Ипполит уходит.

А г н и я *(вслед ему)*. Стыдно, стыдно трусить!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

А х о в, К р у г л о в а, А г н и я.

А х о в. У меня струсишь; у меня и не такой, как он, струсит.

А г н и я. Что же вы, страшны, что ли, очень?

А х о в. Не страшен я; страшен-то черт да еще пугало страшное на огороде ставят, ворон пугать. Говорить-то ты не умеешь! Не страшен я, а грозен. *(Кругловой.)* А ты еще усаживаешь да потчуешь при мальчишке-то!

К р у г л о в а. Чем он тебе помешал, не понимаю.

А х о в. Пора понимать; не за мужиком замужем-то была. Порядок-то тоже в доме был заведен; чай, ученье-то мужнино и теперь помнишь? Что за невежество!

К р у г л о в а. Никакого тут невежества нет. Да что ты, в самом деле, учить меня стал! Поздно уж, да и не нуждаюсь я.

А х о в. Да мне что? Живи, как хочешь; тебе же хуже.

К р у г л о в а. Прожила век-то как-нибудь, теперь уж немного доживать осталось.

А х о в. Да ты только рассуди, как ему с хозяином в одной комнате? Может, я и разговорюсь у вас; может, пошутить с вами захочу; а он, рот разиня, слушать станет? Он в жизни от меня, кроме приказу да брани, ничего не слыхивал. Какой же у него страх будет после этого? Он скажет, наш хозяин-то такие же глупости говорит, как и все прочие люди. А он знать этого не должен.

К р у г л о в а. Ну, уж где нам эту вашу политику понимать!

К р у г л о в а. Мы иногда сберемся, хозяева-то, так безобразничаем, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Так нам и пустить к себе в компанию приказчиков, чтоб они любовались на нас?

К р у г л о в а. Это уж твое дело.

А х о в. То-то я и говорю. Вот ты, как только меня увидала, прежде чем сажать-то меня да потчевать, вытолкнула бы его за дверь; и ему на пользу, да и мне приятнее.

К р у г л о в а. Чаем просить прикажете?

А х о в. Не хочу, обидели. Я к вам было всей душой, а вы меня уважить не хотели.

К р у г л о в а. Трудно угодить-то на тебя.

А х о в. Нет, ты постой! Уважать нас оченно надобно. Особенное нам должно идти уважение супротив

других людей. А почему так? Я тебе скажу, если не знаешь.

Круглова. Скажи, послушаем.

Ахов. Ты богатого человека, коли он до тебя милостив, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имеешь; нужда али что, к кому тебе кинуться? А второе: разве ты знаешь, разве тебе чужая душа открыта, за что богатый человек к тебе милостив? Может, он так только себе отвагу дает, а может, сурьез!! Потому что для нашего брата, ежели что захотелось, дорогого нет; а у вас, нищей братии, ничего заветного нет; все продажное. И вдруг из гроша рубль. Поняла?

Круглова. Ну, не вдруг-то.

Ахов. А вот сейчас тебе... *(Агнии.)* Можешь ты меня поцеловать теперь, при матери?

Агния. Могу, коли захочу.

Ахов. Ну, так захоти, в накладе не будешь.

Агния. Да и барыша мне не надо; а чтоб только из пустяков лишнего разговору не заводить, извольте. *(Целует его.)*

Ахов. *(Кругловой)*. Видела?

Круглова. Что видеть-то? Я и не то видала. Чмокнуть-то губами невелико дело! Хошь бы тебя она теперь! Это что! Все равно, что горшок об горшок; сколько ни бей, а масла не будет. А то есть дело, которое совсем другого рода; тогда уж мать смотри только.

Ахов. Нет, ты слушай! Ведь богатство-то чем лестно? Вот чем: что захотел, что задумал только — все твое.

Агния. Ну, если б я знала, что вы так будете мое снисхождение понимать, ни за что б вас не поцеловала.

Ахов. Ты молчи, ты молчи! Худого ты не сделала. Нет, я говорю, коли вся жизнь-то... может, не одной даже сотни людей в наших руках, так как нам собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенького хочется... А что уж про тех, кому и вовсе-то есть нечего! Ой, задешево людей покупали, ой, задешево! Поверишь ли, иногда даже жалко самому станет.

Круглова. Что капиталом-то гордиться!

Ахов. А то чем же? *(Со вздохом.)* Сила, Федосевна, сила!

Круглова. Ну, да что говорить!

Ахов. Ну, так вот ты и обсуди, да подумай одна на досуге, с подушкой; авось дело-то ладней пойдет. *(Встает.)* Ну, прощайте покудова. А вы ничего, я не сержусь.

Круглова. Ну, и ладно, коли не сердишься. Что хорошего сердиться!

Ахов. Разумеется, как давно ты в бедности, так от настоящих порядков отвыкла; а дай тебе деньги-то, так ты опять.

Круглова. Еще бы.

Ахов. Так ты вникни, Дарья Федосевна! *(Значительно.)* Советую. Помни одно: никто, как бог! *(Агнии.)* Прощай, стрекоза!

Агния. Прощайте, Ермил Зотыч.

Ахов. Я ведь, пожалуй, и опять скоро. Меня к вам ровно что тянет... Конечно, что и с вашей стороны нужно... Ну да будет. Завтра приходить, что ль?

Круглова. Что за спрос? Да когда только тебе угодно!

Ахов. Ладно, ладно. *(Тихо Кругловой.)* Завтра приду.

Круглова. Да что за секрет!

Ахов *(толкает ее локтем)*. Толкуй с тобой. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Круглова, Агния.

Агния. Маменька, когда Ипполит придет, гоните его без милосердия.

Круглова. Не Ермила ли гнать-то?

Агния. За что его? Он чем виноват? Как же ему не возноситься, когда ему все покоряются.

Круглова. Ты что ни говори, а мне Ипполита жалко.

Агния. Что его жалеть-то; он не маленький. Кабы у него совесть, так он сам бы стыдился, что его жалеют. Какого маленького обидели! Видеть его не могу.

Круглова. Что так грозно?

Агния. Ну, будь он женат, да с женой здесь, каково бы ей бедной!

Круглова. Попробуй-ка с Ермилом-то сговорить.

Агния. Не канатом он с Ермилом-то связан, бросил да и пошел. А я было чуть не полюбила его, плаксу.

Круглова. У тебя, видно, сколько дней на неделе, столько и пятниц. Не успела полюбить, да уж и разлюбила.

Агния. Да-таки и разлюбила.

Круглова. А я так больше полюбила.

Агния. Ну, и поздравляю.

Круглова. И тебе советую.

Агния. Ну, уж напрасно.

Круглова. Потому, что он добрый.

Агния. Противный, распротивный.

Круглова. Ахов лучше?

Агния. И сравнения нет.

Круглова. Уж куда как хорош! Ну, и целуйся с своим Аховым.

Агния. Да, разумеется, лучше, чем с Ипполитом.

Круглова. Тебе бы об этом прежде догадаться.

Агния. Не попрекайте, не попрекайте, я уж и то себя проклинаю.

Круглова. Я тебя не попрекаю; а уж, по-моему, коли понравился человек, так и держись одного.

Агния. Как же не так; стоит он! Я еще вот что сделаю, я напишу ему, чтоб он не смел к нам и показываться. *(Идет в другую комнату.)*

Круглова. Что писать-то напрасно; только даром руки марать!

Агния. Совсем не напрасно. *(Уходит.)*

Круглова. Как не напрасно; ведь вот, погодя немного, другое письмо писать примешься, что приходите поскорее.

Агния *(из другой комнаты)*. Да ни за что, ни за что на свете.

Круглова. Поверю я, как же.

Агния. И не говорите лучше! Конец знакомству — вот и все.

Круглова. Посмотрим, сказал слепой. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Круглова.
Агния.
Ахов.
Ипполит.
Феона, *ключница Ахова и дальняя родственница.*
Маланья.

Декорация первой сцены.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Круглова (на диване), Феона (на кресле) пьют чай. На столе самовар. У двери стоит Маланья (подперши рукой щеку).

Круглова. Ты, Феонушка, от обедни?

Феона. От обедни, матушка.

Круглова. Где стояла?

Феона. В Хамовниках.

Круглова. А далеко ведь?

Феона. Конечно, что не моим бы ногам, только что усердие, так уж... *(Ставит чашку.)*

Круглова *(наливая)*. Пей еще!

Феона. Выпью, не обессудьте.

Маланья. А вот... в лени живущим все тяжело, которые ежели себя опущают. Другой раз поутру-то... так тебя нежит-томит... ровно тебя опоили, плоть-то эта самая точно в рост идет, по суставам-то ровно гудет легонечко... Не токма, чтобы какое дело великое, что по христианству тебе следует, а самовар, и тот лень поставить... все бы лежала.

Феона. А ты, девушка, блажь-то с себя стряхивай,— старайся! В струне себя норови... а то, долго ль, и совсем одубеешь У нас так-то было с одной — вся как свинцом налитая сделалась. Ни понятия, говорит, ни жалости во мне ни к чему не стало.

Маланья. Само собой, что грехи... наши; а то я... про что же!

Феона. Пожила бы ты у нашего Ермила Зотыча. Он еще до заутрени чаю-то напился.

Маланья. Ишь ты, как его...

Круглова. Что ж у него за дело — спешное?

Феона. Да какое дело, окромя, что ворчать ходить, да чтоб не спали? Ненавистник! Уж очень он за свою хлеб-соль обидчик! Его куском-то подавишься; он им тебя раз десять в день-то попрекнет. Кричит: «Я вас кормлю, да жалованье плачу», а чужой работы не считает. Ему, кажись, кабы можно из рабочего дня-то два сделать, так он был бы рад-радостью. Вот и бродит спозаранку, и по двору бродит, и по саду бродит, по сараям, по конюшням бродит. Потом на фабрику поедет, там тоже только людям мешает: человек за делом бежит, а он его остановит, ругать примется ни за что; говорит: для переду годится. А с фабрики приедет, с детьми стражается — вот и все наши дела.

Круглова. Ты мне не говори; свой такой же чадо был. Один, видно, их портной кроит. Одна разница: мой-то нас мучил, мучил, да чуть не с сумой оставил; а ваш-то зарылся по горло в деньгах, и счет потерял, так и завяз там.

Феона. Да что и деньги-то! Только грех один. Хорошо, как в руки попадут, а то, кто его знает, что у него на уме. Один сын бежал из дому, Николай Ермилыч-то.

Круглова. Давно ли?

Феона. Бежал, матушка; бежал к теще. Еще на той неделе съехал. И кроткий человек, а не стерпел. Веришь ты, исхудал весь, ходит, да так всем телом и вздрагивает. Да и жена его, женщина молодая, изменилась совсем; в слезах встает, в слезах и ложится. Все старик их наследством попрекает. «Смерти моей, говорит, желаете, денег дожидаетесь, воли вам мало? Подождите, говорит, подождите; я с своими коплеными не скоро расстанусь; прежде я вас жить поучу, за свое добро над вами покуражусь так, что вы и деньгам не обрадуетесь».

Маланья. А и аспид же он у вас.

Феона. Аспид, как есть аспид. *(Ставит чашку на стол.)* Благодарю покорно!

Круглова. А еще?

Феона. Нет уж, вволю напилась, сколько хотенья было. Еще дома, приду, пить буду. Что ж делать от скуки-то? А сама что ж не пьешь?

Круглова. Уж мы с Агничкой напились. Это я так, с тобой балую. Маланья, убирай чай!

Маланья принимает самовар, поднос с чашками и уходит.

Феона. А вот Гриша у нас, другой-то, матушка...

Круглова. Знаю, знаю.

Феона. Не таков, озорноват; видно, в батюшку удался.

Круглова. Его-то хоть любит ли?

Феона. Никак нельзя его, матушка, любить-то; очень уж нескладен, да и бестолков так, что не накажи господи! Одно только и знает, что отцу в ноги кланяться, а уж пить да буянить — другого не найдешь. От этого от самого-то зрение у него притупилось. Как приедет откуда пьяный, или привезут его, глаза вытаращит, как баран, уставится в одну сторону, и давай перед отцом лбом в пол стучать. Тот его простит, а он опять закатится. Что жалоб на него было, что за него денег плачено! Вот недавно задурил; привезли его, из каких теплых мест, уж не знаю, только связанного. И двое побитых с ним, да одного, говорят, в Москве-реке топил. Ну, нечего делать, заплатил отец побитым за изъян, а тонущего, и которые его из воды тащили, еще и вином напоили, окромя денег. И сослал его отец на фабрику, чтоб держали там взаперти до усмирения.

Круглова. Эки дела! Как богатые-то купцы живут! Не позавидуешь и богатству-то их.

Феона. Что, матушка, в нем завистного! В этом богатстве-то чужих слез больно много, вот они и отзываются — до седьмого колена, говорят.

Круглова. Значит, старик-то теперь один; то-то он и повадился ко мне ходить.

Феона. Почитай, что один. Дом-то у нас старый княжеский, комнат сорок — пусто таково; скажешь слово, так даже гул идет; вот он и бродит один по комнатам-то. Вчера пошел в сумерки да заблудился в своем-то дому; кричит караул не благим матом. Насилу я его нашла да уж вывела. Это он со скуки к тебе бродит. Гришу-то опять с фабрики привезли, матушка, только больного. Доктор ездит, да еще старичок-раскольник ходит, живых линей ему к подошвам прикладывает. На фабрике-то у нас елехтор немец, Вандер. и такой-то злой пить, что, кажется, как только утроба человеческая помещает; и что ни пьет, все ему ничего, только что еще лучше, все он цветней да глазастей становится. Ну, а наш-то еще молод, и не перенес, и нашло на него ума помрачение. Стал выбегать на балкон, да в мужиков из ружья стрелять. Само собой, что

не своей волей он это творил. Может, они еще к нему в Москве приступили, да нам-то невдомек было. Стали, говорит, они кругом его сначала как шмели летать, а потом уж в своем виде показались, как им быть следует. И все-то он теперь от них прячется. Ох, пойти! А то сам-то, пожалуй, заругается.

Круглова. Посиди. Кто ж у вас делом-то правит?

Феона. Племянник, матушка.

Круглова. Ипполит?

Феона. Он, матушка, он, Аполит. И по конторе и по фабрике — все он.

Круглова. Каков он, парень-то, я давно у тебя хотела спросить.

Феона. Мученик, матушка, одно слово. Страстотерпец. Один за всех дело делает, покою не знает; а кроме брани, себе ничего не видит.

Круглова. Не пьет он?

Феона. И, что ты, матушка! Ни маковой росинки. А должно, что запьет, я так полагаю, надо быть, в скорости.

Круглова. Отчего так?

Феона. Не стерпит, невозможно. У нас все одно: что честно себя содержи, что пьянствуй — все одна цена-то; от хозяина доброго слова не дождешься; так что за напасть, из чего себя сокращать-то. Прежде Аполит все-таки повеселее ходил, а теперь такой пасмурный, из всего видно, что запить сбирается. Ну, и деньгами бьется, бедный; положения ему нет, а что даст хозяин из милости.

Круглова. Эко, бедный, а!

Феона. Да ты что про него спрашиваешь-то? Аль сватаешь кого?

Круглова. А хоть бы и сватаю; разве дурное дело?

Феона. Кто ж говорит. Уж ты не свою ли?

Круглова. Что ж, и моя невеста.

Феона. Ну, вот дуру нашла; поверю я, как же! Что тебе за охота за подначального человека!

Круглова. Я и за хозяином была, да горе-то видела. Разумеется, попадется состоятельный человек, мы брезгать не станем.

Феона. Зачем брезгать! Давно и по всему видно, что твоей птичке в золотой клетке быть.

Круглова. Ах, Феонушка, клетка — все клетка, как ты ее ни золоти.

Феона. Что-то наш старик уж очень стал твою дочку похваливать.

Круглова. Пущай его хвалит, нам убытку нет.

Феона. Что ж не похвалить! И всякий похвалит. Да блажной ведь он старичишка-то; говорит такое, что ему не следует. Ведь ему давно за шестьдесят, она ему во внучки годится. А он на-ко-поди, ровно молоденький.

Круглова. Что ты говоришь?

Феона. Будто ты его не знаешь? От него все станется.

Круглова. Ну, где же!

Феона. Да уж верно, коли я говорю. Не в первый раз ему Москву-то срамить. Он, было, и за богатеньких брался, ума-то у него хватило, да местах в трех карету подали; вот теперь уж другое грезит. «Изберу я себе из бедных, говорит, повиднее. Ей моего благодеяния всю жизнь не забыть, да и я от ее родных сто поклонов земных увижу! Девка-то девкой, да и поломаюсь досыта».

Круглова. А ведь эти старики богатые только сами много мечтают о себе, а ума в них нет.

Феона. Нет, матушка, нет, один форс. А собьют с него форс-то этот самый, так он что твоя ворона мокрая. Ай, батюшки! Засиделась я.

Круглова. Прощай, Феонушка!

За сценой голос Агнии: «Ты не плачь, не тоскуй, душа-девица».

Феона. Это дочка, чай?

Круглова. Агничка.

Феона. Веселенькая какая, бог с ней.

Входит Агния.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Круглова, Феона, Агния.

Агния. Здравствуй, бабушка.

Феона. Здравствуй, родная! Что ж замолчала? Пой, день твой. Ты знаешь ли, что в тебе поет-то?

Агния. Что?

Феона. Воля. А вот, придет время, бросишь песенки-то.

Агния. Да я в неволю не пойду.

Феона. И рада б не пошла, да коли так предуставлено. Счастливо оставаться! Что вы меня не гоните! Прощайте! *(Уходит.)*

Агния садится к пяльцам и задумывается.

Круглова. Посоветуйся с матерью-то! Что ты все одна вздыхаешь! Я ведь тебе друг, а не враг.

Агния. Нет, маменька, боюсь расплачусь; а плакать что хорошего. *(Работает.)*

Круглова. Сказать тебе новость?

Агния. Скажите!

Круглова. Ты Ермилу Зотычу очень понравилась.

Агния. Ах! Убили!

Круглова *(улыбается)*. Мое дело сказать тебе; а там уж, как хочешь.

Агния. Ну, да уж, конечно.

Круглова. Воли я с тебя не снимаю.

Агния *(работая)*. Покорнейше вас благодарю.

Круглова. Деньги никому еще на свете не надоели.

Агния. Еще бы!

Круглова. А как их нет, так и подавно.

Агния. Что и говорить!

Круглова. Ну, и почет тоже что-нибудь да значит.

Агния. Само собой.

Круглова. Завидный жених.

Агния. И спорить нечего.

Круглова. Стар только.

Агния. Ничего.

Круглова. Да нравом лют.

Агния. Это у него, бог милостив, пройдет.

Круглова. Да что ты вздурилась, что ли?

Агния. А что?

Круглова. Я таких речей от тебя прежде не слыхивала.

Агния. И я от вас не слыхивала. Коли вы шутите, ну, и я шучу; коли вы серьезно, и я серьезно.

Круглова. Я пошутила, да уж и не рада стала. Кто тебя знает, ты мудреная какая-то!

Агния. А вы не шутите в другой раз.

Круглова. А ну, как он, в самом деле, присватается?

Агния. Уж будто вы и слов не найдете?

Круглова. Слов-то как не найти!

Агния. Так чего же вам еще?

Круглова. А если он тебя спросит, ты что скажешь?

Агния. Я девушка-ангел, я скажу: «как маменьке угодно!»

Круглова. Ну, и ладно.

Входит Ипполит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Круглова, Агния, Ипполит.

Ипполит. Наше вам почтение-с.

Круглова. Здравствуй, голубчик.

Агния молча слегка кланяется.

Садись, что стоишь!

Ипполит *(садясь)*. Собственно мне некогда-с; в момент надо при деле быть. За получением еду.

Круглова. Подождут.

Ипполит. С векселями ждут-то, а не с деньгами-с. Полчаса промешкал, и лови его в Красноярске.

Круглова. По-моему, уж лучше не заходить, коли некогда. Что за порядок: повернулся, да и ушел. Терпеть не могу.

Ипполит. По направлению пути должен был мимо вас ехать, так счел за невежество не зайти.

Круглова. Ну, спасибо и за то. Что новенького?

Ипполит. Старое по-старому, а вновь ничего-с.

Круглова. Жалованья просить скоро будешь?

Ипполит. Как его просить, коли и заикаться не велели. Вот, что дальше будет, посмотрю.

Круглова. И дальше то же будет, коли зевать будешь. Приставай к горлу — вот и все тут.

Ипполит. Не на таких я правилах основан-с.

Круглова. Как хочешь! Я тебе добра желаю.

Ипполит. А при всем том, я об вашем разговоре подумаю-с.

Круглова. Думай! Не все тебе малолетним быть! Что у тебя впереди-то?

Ипполит. Сулит большое вознаграждение. Только, если на него надеяться, надо будет при своей мечте в больших дураках остаться.

Круглова. В дураках-то бы ничего, как бы хуже не было!

Ипполит. Конечно, я за собой наблюдаю, сколько есть силы-возможности; а другой, на моем месте, давно бы в слабость ударился и сейчас в число людей, не стоящих внимания, попал. В младенчестве на брань и на волосяную расправу терпимость есть, все это, как будто, приличное к этому возрасту. А ежели задумываешь об своей солидности и хочешь себя в кругу людей держать на виду, и вдруг тебя назад осаживают, почитай что в самую физиономию! Обидно!

Круглова. Разумеется, обидно.

Ипполит. Ты, по своим трудам, хочешь быть в уважении и по всем правам полным гражданином, и вдруг тебя опять же на мальчишеское положение поворачивают, тогда в душе большие перевороты бывают к дурному.

Круглова. А кто тебя держит? Ты ведь не крепостной у него.

Ипполит. А куда же я пойду-с? На триста рублей в год в лавку? И должен я лет пять биться в самом ничтожном положении. Когда же я человеком буду во всей форме? Теперь все-таки одно лестно, что я при большом деле, при богатом дяде в племянниках. Все-таки мне почет.

Круглова. Где? В трактире?

Ипполит. Хоша и в трактире.

Круглова. Ну, так сам виноват, нечего тебя и жалеть!

Ипполит. Может, он когда и войдет в чувство.

Круглова. Дожидайся от него чувства-то!

Ипполит. Я так понимаю, что мне с него тысяч пятнадцать по всем правам следует.

Круглова. Понимай, что хочешь, а слушать тебя скучно. Пойти работу взять. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агния и Ипполит.

Агния. Зачем же вы мне лгали вчера, что вы не боитесь хозяина?

Ипполит. Да уж очень обидно признаться-то-с. Ну, и говоришь про себя, как лучше, чтоб тебя за человека считали.

Агния. Вы трус, да и лгун еще. По вашему характеру, денег вы от хозяина не дождетесь, а вернее всего, что он сам вас прогонит.

Ипполит. Помилуйте, за что же? В таком случае, против его невежества можно и самому невежливым быть.

Агния. Давно бы вам догадаться.

Ипполит. Нешто вооружиться!

Агния. Вооружайтесь!

Ипполит. Коли вы одобряете, так и будет-с. Коль скоро человек своего должного не понимает и слов не чувствует, надо ему на деле доказать, чтоб он от своего необразования сколько-нибудь очувствовался.

Агния. Чем же вы ему докажете?

Ипполит. Даже очень немногим-с. Вот и сейчас он в моих руках. *(Показывает векселя.)* Всему только делу остановка, что у меня совести довольно достаточно.

Агния. И хорошо, что ее достаточно. Человека бессовестного любить нельзя.

Ипполит. Хорошо, что вы мне это заранее сказали-с.

Агния. А вы не знали?

Ипполит. Почем же я могу ваш характер знать-с! Обыкновенно у женщин больше такое понятие-с, что хоть на разбой ходи, только для нее и для дому будь добычник.

Агния. Я воров не люблю, а другие, как хотят — не мое дело.

Ипполит. Значит, только из одного того, чтоб любовь вашу заслужить?

Агния. Не говорите мне о любви, пожалуйста!

Ипполит. Почему же так-с?

Агния. Я не хочу мальчика любить. Какой вы мужчина?

Ипполит. По вашим словам, я самый ничтожный человек-с...

Агния. Это ваше дело.

Ипполит. Ото всех в презрении.

Агния. Кто ж виноват?

Ипполит. Заместо того, чтоб мне от вас утешение...

Агния. Вас станут бить, как мальчишку, а я должна вас утешать! Да с чего вы выдумали?

Ипполит. Кто же меня пожалеет-с?

Агния. Мне-то что за дело! Смеяться над вами, а не жалеть.

Ипполит. После этого уж только помирать остается на моем месте.

Агния. Конечно, лучше.

Ипполит. Стало быть, вы обо мне очень низкого понятия?

Агния. Очень.

Ипполит. Однако, такой удар от вас! Я даже, как его перенести, не знаю.

Агния. Очень рада.

Ипполит. И никакого, значит, к человечеству снисхождения?

Агния. И не ждите.

Ипполит. Однако же, влетел я ловко! Вот так обман для моих чувств! Ошибался я в своей жизни...

Агния (*отирая слезы*). Не вы ошиблись, я ошиблась. Уйдите, пожалуйста! Уйдите, говорят вам. Стыдно мне, взрослой девушке, не уметь людей разбирать. Меня никто не тянул к вам.

Ипполит. Но позвольте мне в свое оправдание...

Агния. Подите, подите!

Ипполит. Но, однако, хоть малость пожалейте!

Агния. Послушайте! Нынче же выпросите себе у хозяина хорошее жалованье или отходите от него и ищите другое место! Если вы этого не сделаете, лучше и не знайте меня совсем, и не кажитесь мне на глаза!

Ипполит. Это уж от вас последнее слово-с?

Агния. Последнее.

Ипполит. Ну, так я знаю, что мне делать-с. Я эту штуку давно в уме держу.

Агния. Делайте, что хотите, только честно.

Ипполит. Это я не знаю, там сами рассудите.

Опосля, хоть голову с меня снимите, только я от своего не отступлюсь.

Агния. Ваше дело.

Ипполит. Так прощайте-с!

Агния *(кланяясь)*. Прощайте.

Ипполит. Стало быть, прощанье сухое будет?

Агния. Это что еще?

Ипполит. Хоша ручку-с.

Агния. Ни одного пальчика.

Входит Круглова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Круглова, Агния, Ипполит, потом Маланья.

Ипполит *(Кругловой)*. Поддержите-с!

Круглова. В чем?

Ипполит. Хочу с хозяином войну начинать.

Агния. Не заплачьте перед хозяином, вместо войны-то!

Ипполит. Что за насмешки-с! Нет уж, теперича душа моя горит.

Круглова. Да я-то тут при чем? Не понимаю, голубчик.

Ипполит. Чрез полчаса я вам объясню в точности.

Входит Маланья и молча вздыхает.

Агния. Каких чудес не бывает!

Ипполит. Да уж докажу себя перед вами.

Маланья. Дединька идет.

Круглова. Какой召 дединька!

Маланья *(вздыхая)*. Седенький.

Ипполит. Уж не хозяин ли?

Маланья. Должно, что хозяин. Да он и есть; что я говорю-то. *(Уходит.)*

Ипполит. Вот было попался.

Круглова. Пройдите чрез мою комнату, и не встретитесь.

Ипполит уходит в комнату Кругловой. Круглова встречает в передней Ахова и входит вместе с ним.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Круглова, Агния, Ахов.

Круглова. Пожалуйте, Ермил Зотыч! Милости просим!

Агния кланяется.

Ахов. Да! Милости просим! Милости просим! За что нас везде любят? Везде: «милости просим!»

Круглова. Ты думаешь, за богатство за твое?

Ахов. Притворяйся еще! Что ни толкуй, Федосевна, а против других отличка есть?

Круглова. Ну, само собой.

Ахов. Бедный человек пришел, хочешь — ты им занимаешься, хочешь — прогонишь, а богатый хоша бы и невежество сделал, ты его почитаешь. *(Указывая на Агнию.)* Работает?

Круглова. Работает.

Ахов. Да! Это хорошо.

Круглова. Для скуки.

Ахов. А много ль ей годов? Все я не спрошу у тебя.

Круглова. Двадцать лет.

Ахов. Еще не стара. *(Тихо.)* Об женихах думает?

Круглова. Ну, какие женихи без приданого?

Ахов. Таким бог невидимо посылает.

Круглова. Что-то не слыхать.

Ахов. Нет, ты не говори, бывает... за добродетель. Особенно, которые кроткие, покорные, вдруг откуда ни возьмется человек, чего и на уме не было, об чем и думать-то не смели.

Круглова. Бывает-то бывает, да очень редко.

Ахов. Молиться нужно хорошенько,— вот и будет.

Круглова. Да и то молимся.

Ахов. К Пятнице Параскеве ходила?

Круглова. Ходила.

Ахов. Ну, и жди. Только ты уж с покорностью; посватается человек, особенно с достатком, сейчас и отдавай. Значит, такое определение. А за бедного не отдавай!

Круглова. Что за крайность!

Ахов. Мало ли дур-то! Выдать недолго, да что толку! Есть и такие, которые совсем своего счастья не понимают через гордость через свою.

Круглова. Мы не горды.

Ахов. Да чем вам гордиться-то! Богатый человек, ну, гордись, превозносись собой; а твое дело, Федосевна, только кланяйся. Всем кланяйся, и за все кланяйся, что-нибудь и выкланяешь, да и глядеть-то на тебя всякому приятнее.

Круглова. Спасибо за совет! Дай бог тебе здоровья.

Ахов. Верно я говорю. Ты сирота и дочь твоя сирота; кто вас призрит, ну, и благодетель, и отец родной, ну, и кланяйся тому в ноги. А не то, чтобы, как другие, от глупости чрезмерной, нос в сторону от благодетелев.

Круглова. Да уж не учи, знаю.

Ахов. Ты-то знаешь, тебе пора знать; тоже школу-то видела при покойном. Страх всякому человеку на пользу; оттого ты и умна. А вот молодые-то нынче от рук отбиваются. Ты свою дочь-то в страхе воспитывала?

Круглова. В страхе, Ермил Зотыч, в страхе. Да вот поговори с ней; а я пойду за Маланьей, посмотрю, что она там делает. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Агния, Ахов.

Ахов. Ну, об чем же мы с тобой говорить будем?

Агния. Об чем хотите.

Ахов. Ты закон знаешь?

Агния. Какой закон?

Ахов. Обыкновенно, какой, как родителев почитать, как старших?

Агния. Знаю.

Ахов. Да мало его знать-то, надобно исполнять.

Агния. Я исполняю: я все делаю, что маменьке угодно, из воли ее не выхожу.

Ахов. Вот так, так. Что мать только тебе скажет, от самого малого и до самого большого...

Агния. Да, от самого малого и до самого большого...

Ахов. Вот за это люблю.

Агния. Покорно вас благодарю.

Ахов. Да еще как люблю-то! Ты не гляди, что я стар! Я ух какой! Ты меня в скромности видишь, может, так обо мне и думаешь; в нас и другое есть. Как

мне вздумается, так себя и поверну; я все могу, могущественный я человек.

Агния. Приятно слышать.

Ахов. Ты слыхала ль, что есть такие старики-прокураты, что на молоденьких женятся?

Агния. Как не слыхать! Я слышала, что есть такие и девушки, которые за стариков выходят.

Ахов. Ну, да это все одно.

Агния. Нет, не все одно. Старику приятно жениться на молоденькой, а молоденькой-то что за охота?

Ахов. Ты этого не понимаешь?

Агния. Не понимаю.

Ахов. Ну, я тебе растолкую.

Агния. Растолкуйте!

Ахов. Вот ты, например, бедная, а пожить тебе хочется; ну, там, как у вас, по-женски? Салоп, что ли, какой али шляпку, на лошадях на хороших проехать, в коляске в какой модной.

Агния. Да, да. Ах, как хорошо!

Ахов. Ну, вот то-то же! Я душу-то твою всю насквозь вижу; что на уме-то у тебя, все знаю. Вот и думаешь: «выйду я за бедного, всю жизнь буду в забвении жить; молодой да богатый меня не возьмет: дай-ка я послушаю умных людей да выйду за старичка с деньгами». Так ведь ты рассуждаешь?

Агния. Так, так.

Ахов. «Старик-то мне, мол, за любовь мою и того, и сего». *(Очень серьезно.)* Какие подарки делают! Страсть!

Агния. Неужели?

Ахов. Тысячные, я тебе говорю, тысячные! Еще покуда женихами, так каждый вечер и возят, и возят!

Агния. Вот жизнь-то!

Ахов. Да это еще что! А как женится-то, вот тут-то жене житье, тут-то веселье!

Агния. Да, да.

Ахов. Что? лестно?

Агния. Как же не лестно! Ни горя, ни заботы, только наряжайся.

Ахов. Весело небось?

Агния. Очень весело. Да и то еще приятно думать, что вот через год, через два, муж умрет, не два же века ему жить; останешься ты молодой вдовой с деньгами на полной свободе, чего душа хочет.

Ахов. Ну, это ты врешь; сама, может, прежде умрешь.

Агния. Ах, извините!

Ахов. Ты все хорошо говорила, а вот последним-то и изгадила. Ты этого никогда не думай и на уме не держи. Это грех, великий грех! Слышишь?

Агния. Я и не буду никогда думать; это так, с языка сорвалось. Я стану думать, что молодые прежде умирают.

Ахов. Да, ну вот так-то лучше.

Агния. Вы, пожалуйста, этого маменьке не говорите.

Ахов. Что, боишься?

Агния. Боюсь.

Ахов. Это хорошо. Страх иметь — это для человека всего лучше.

Агния. А вы имеете?

Ахов. Да мне перед кем? Да и не надо, я и так умен. Мужчине страх на пользу, коли он подначальный; а бабе — всякой и всегда. Ты и матери бойся, и мужа бойся, вот и будет тебе от умных людей похвала.

Агния. Чего лучше.

Входит Круглова.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Агния, Ахов, Круглова.

Ахов. Ну, теперь я вас понял обеих, что вы за люди.

Круглова. И слава богу, Ермил Зотыч.

Ахов *(встает)*. Я теперь у вас запросто; а ужо к вечеру ждите меня гостем, великим гостем.

Круглова. Будем ждать.

Ахов. Ты не траться очень-то! Зачем?

Круглова. Это уж мое дело.

Ахов. Думала ли ты, гадала ли, что я тебя так полюблю?

Круглова. И во сне не снилось.

Ахов. Ну, прощайте! Покуда что́ разговаривать! Будет время. *(Агнии.)* Прощай, милая!

Агния. Прощайте, Ермил Зотыч!

Ахов и Круглова подходят к двери.

Ахов. А дочь у тебя умная.

Круглова. И я ее хвалю.

Ахов. А ведь другие есть... наказанье! Мать свое, она — свое. Никому смотреть не мило. *(Агнии.)* Слушай ты меня! Коли что тебе мать приказывает, — уж тут перст видимый!

Агния. Конечно.

Ахов. Ну, прощайте! *(Уходит и возвращается.)* Ты каким это угодникам молилась, что тебе такое счастье привалило?

Круглова. За простоту мою.

Ахов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Круглова и Агния.

Круглова. Была ль я жива, уж не знаю.

Агния. Кабы вы послушали, он мне тут горы золотые сулил.

Круглова. Про горы-то золотые он мастер рассказывать, а про слезы ничего не говорит, сколько его жена покойная плакала.

Агния. Нет, промолчал.

Круглова. А есть что послушать. Дома-то плакать не смела, так в люди плакать ездила. Сберется будто в гости, а сама заедет то к тому, то к другому, поплакать на свободе. Бывало, приедет ко мне, в постель бросится да и заливается часа три, так я ее и не вижу; с тем и уедет, только здравствуй да прощай. Будто за делом приезжала. Да будет тебе работать-то!

Агния. И то кончила. *(Покрывает работу и уходит.)*

Входит Ипполит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Круглова, Ипполит, потом Маланья.

Ипполит. Скоро я слетал-с? А еще в Московский забежал, два полуторных коньяку притащил.

Круглова. Это зачем же?

Ипполит. Для куражу-с. Как на ваш взгляд-с, ничего не заметно?

Круглова. Ничего.

Ипполит. Ну, и ладно. А кураж велик! Выпил на полтину серебра, а смелости у меня рублей на десять прибыло, коли не больше.

Круглова. Купленная-то смелость ненадежна.

Ипполит. Коли своей мало, так за неволю прикупать приходится. Позвольте-ка, я в зеркало погляжусь. *(Оправляется перед зеркалом.)* Ничего, все в аккурате. Прощайте-с! Может, со мной что неладно будет, так не поминайте лихом!

Круглова. Ты, в самом деле, глупостей-то не затевай!

Ипполит. Никаких глупостей! Однако ж, и так жить нельзя. Давешние слова вашей дочки у меня вот где! *(Ударяет себя в грудь.)* Да вот что! Поберегите это покудова! *(Подает толстый пакет.)*

Круглова. Что это? Деньги?

Ипполит. Деньги-с.

Круглова. Не возьму, не возьму, что ты! Может, это хозяйские?

Ипполит. Не ваше это дело-с! Мои собственные.

Круглова. Еще с тобой в беду попадешь.

Ипполит. Да помилуйте, нешто у меня духу достанет вам неприятное сделать! Я на себя не надеюсь, человек пьяный, отдам вам под сохранение на один час времени. А там мои ли, хозяйские ли, вам все одно.

Круглова. Не возьму.

Ипполит. Ах! Не понимаете вы меня. Я сейчас оставлю у вас деньги, явлюсь к хозяину: так и так, потерял пьяный. Что он со мной сделает?

Круглова. Ишь, что придумал! Нет, уж ты меня не путай!

Ипполит. Так не возьмете?

Круглова. Ни за что на свете.

Ипполит. А коли так-с... *(Громко.)* Маланья, ножик!

Круглова. Что ты! Что ты!

Маланья подает нож и уходит.

Ипполит *(берет нож)*. Ничего, не бойтесь! *(Кладет нож в боковой карман.)* Только и всего-с.

Круглова. Что от тебя будет, смотрю я.

Ипполит. А вот что-с! У вас рука легка?

Круглова. Легка.

Ипполит. Пожалуйте на счастье! *(Берет руку Кругловой.)* Только всего-с. Прощенья просим. *(Уходит.)*

Круглова. Напрасно мы его давеча подзадоривали на хозяина. Эти головы меры не знают: либо он молчит, хошь ты его бей, либо того натворит, что с ним наплачешься. Пословица-то эта про них говорится: заставь дурака богу молиться, так он себе лоб разобьет. *(Уходит.)*.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

Ахов, Ипполит, Феона.

Небольшая комната в доме Ахова, вроде кабинета, мебель дорогая и прочная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Феона, Ипполит.

Феона. Войди, Аполит, войди!

Ипполит. И то войду. Что хозяин делает?

Феона. Спит покуда. Да хошь бы и не спал, не съест он тебя.

Ипполит. Знаю, что не съест. Толкуй еще!

Феона *(вглядываясь)*. Чего это ты, словно...

Ипполит. А что?

Феона. Да не в своем разуме?

Ипполит. Мудреного нет; потому как я запил.

Феона. Слава богу! Есть чем хвастаться.

Ипполит. Ты еще погоди, то ли от меня будет.

Феона. Не удивишь, брат, никого. Давно уж от тебя этого ожидать надо было.

Ипполит. По каким таким приметам?

Феона. Потому задумываться ты стал не в меру.

Ипполит. Это я от любви, от чрезвычайной.

Феона. А от любви разве не запивают, особенно, коли неудача, брат?

Ипполит. Мне-то неудача? Не надеюсь; потому, я по этим делам...

Феона. Ну, да ведь уж как же! Держи карман-то шире! И не таких, как ты, молодцов за нос-то водят.

Ипполит. Я даже внимания не возьму говорить-то с тобой об этом.

Феона. Как тебе можно со мной разговаривать! Больно высок стал. Каким чином пожаловали, не слыхать ли?

Ипполит. При чине я все при том же; а про любовь свою никому не объясню; это пущай в тайне сердца моего останется. Ежели кто может понимать, статья высокая.

Феона. Ну, да. Прынцеса какая-нибудь, гляди. Уж никак не меньше. А я так полагаю: богатые по богатым разойдутся, умные по умным; а вашему брату валежник останется подбирать.

Ипполит. Ни богатые, ни умные от нас не уйдут.

Феона. Где уйти! Все твои будут, ты всех так и заполонишь. Одна твоя беда, умом ты у нас не вышел.

Ипполит. Это я-то?

Феона. Ты-то.

Ипполит. Я так полагаю, что я никого на свете не глупее.

Феона. Ну, какой в тебе ум? Делом тебе надо заниматься, а ты про любовь в голове держишь. И вся эта мечта твоя ни к чему хорошему не ведет, окромя к пьянству. Сколько еще в тебе, Аполитка, глупости этой самой, страсть! Учат тебя, учат, а все еще она из тебя не выходит.

Ипполит. Ну, все теперь твои наставления к жизни я слышал, или еще что у тебя осталось?

Феона. Да ведь что стене горох, что вам слова,— все одно; так что и язык-то трепать напрасно.

Ипполит. И как это довольно глупо, что ты говоришь. Ты что видела на свете? Кругом себя на аршин. А я весь круг дела знаю. Какие в тебе понятия к жизни или к любви? Никаких. Разве есть в тебе образование или эти самые чувства? Что в тебе есть? Одна за-

коренелость, только и всего. А еще ты меня учишь жить, когда я в полном совершенстве теперь и лет, и всего.

Феона. Твое при тебе и останется.

Ипполит. Значит, всей этой материи конец; давай новую начинать! Сердит дяденька?

Феона. Нет, кто его знает, что-то весел, брат. Все ходит да смеется.

Ипполит. Что за чудеса!

Феона. Да и то чудеса. Нагнал это сегодня из города небельщиков, обойщиков; весь дом хочет заново переделывать. Бороду подстриг, сюртук короткий надел.

Ипполит. Что ж, он рехнулся, что ли? Под старость-то, говорят, бесятся.

Феона. Есть что-то у него на уме; только кто его поймет! Темный он человек-то.

Ипполит. Да кому нужно понимать-то его! Пусть творит, что чуднее. У человека умного можно понять всякое дело, потому у него ко всему есть резон; а если у человека все основано на одном только необразовании, значит, он как во сне, кто же его поймет! Да мне уж теперь все одно, как он ни чуди.

Феона. Отчего ж так?

Ипполит. Всему конец,— прощай навек!

Феона. Неужто оставить нас хочешь?

Ипполит. И даже — так, что глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

Феона. Что ты говоришь только! Нескладный!

Ипполит *(печально качая головой)*. Черный ворон, что ты вьешься над моею головой!

Феона. Да батюшки! В уме ли ты?

Ипполит. Всему конец, прости навек.

Феона. Ах, Аполитка, Аполитка, хороший ты парень, а зачем это только ты так ломаешься? К чему ты не от своего ума слова говоришь,— важность эту на себя напускаешь?

Ипполит. Это много выше твоего разума. Есть люди глупые и закоснелые; а другие желают, в своих понятиях и чувствах, быть выше.

Феона. Вот от глупых-то ты отстал, а к умным-то не пристал, так и мотаешься.

Ипполит. Ну, да ладно. Когда дяденька проснется, скажи мне. Всему конец, прости навек! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ф е о н а, потом А х о в.

Ф е о н а. Гриша совсем рехнулся, вот и этот на линии, да и старик бесится. Сам рядится, дом отделывает, не нынче, так завтра, того и гляди, петухом запоет, либо собакой залает. Эка семейка приятная! Рассадить их на цепь по разным комнатам, да и любоваться на них ходить. По крайности, дома свой зверинец будет; за деньги можно показывать.

Голос Ахова: «Феона!»

Проснулся чадо-то.

Голос Ахова: «Феона, ты здесь?»

Ну, заблудился никак опять! Здесь.

А х о в выходит.

А х о в. Что ты здесь делаешь?

Ф е о н а. Одно у меня дело-то: сидеть да в пустой угол глядеть.

А х о в. Ну, так я тебе другое найду.

Ф е о н а. Найди, сделай милость; одуреешь так-то.

А х о в. И чтоб это сейчас, одна нога здесь, а другая там. Ты вот снеси к Дарье Федосевне этот самый презент и скажи: мол, Ермил Зотыч приказали вам отдать в знак вашей ласки! Слышишь? Ты так и скажи: в знак вашей ласки! Ну, как ты скажешь, старая?

Ф е о н а. Молодой! Авось не проповедь какая! Умею сказать-то!

А х о в. Да, может, они без внимания возьмут, так ты заставь их рассмотреть хорошенько.

Ф е о н а. Да уж рассмотрим, рассмотрим; только давай!

А х о в *(отдает коробочку)*. Ты их тычь носом-то хорошенько, чтоб чувствовали, что это, мол, денег стоит.

Ф е о н а. Ну, еще бы.

А х о в. Тысячи стоит. Сами-то вы того, мол, не стоите, что вам дарят.

Ф е о н а. Ну, да уж как же!

А х о в. Кажется, мол, можно чувствовать! Может, не почувствуют, так ты им объясни: что вот купил я, деньги бросил большие, так чтоб знали они... Что можно им дрянь какую подарить, и то они очень довольны будут, а что я вот что... Так чтоб уж... ну, в ноги не в

ноги, а чтоб было в них это чувство: что вот, мол, как нас... чего мы и не стоим! Ты пойми! Чтоб я недаром бросил деньги-то, чтоб видел я от них, из лица из их, что я вот их вроде как жалую свыше всякой меры. А то ведь жалко денег-то, ежели так, безо внимания. Может, они в душе-то и почувствуют, да ежели не выскажут, так все одно, что ничего. А чтоб видел я в них это самосознание, что нестоящие они люди, и что я вот кому хочу, тому и дарю, не взирая.

Феона. Да уж поймем, поймем.

Ахов. А ежели начнут у тебя про меня спрашивать, выведывать что, так ты все к лучшему, и так меня рекомендуй, что я очень добрый. А ежели что про семью знают, так говори, что все от детей, что разбойники, мол, уродились; характером, мол, не в отца, а в мать, покойницу.

Феона. Ну, уж не в мать.

Ахов. Ты чей хлеб ешь? Какое ты свое рассуждение иметь смеешь? Коли я тебе даю приказ, должна ты его исполнять?

Феона. Да уж хорошо.

Ахов. Ну, и все, и ступай!

Феона. Аполит у нас повредился.

Ахов. А кому печаль? Пущай его. Что ты мне об нем рассказываешь, коли я тебя не спрашиваю? Может, я не хочу его и в мыслях держать? Он теперича мне и вовсе не нужен. Я все дела кончаю, фабрику сдаю канпаньону, так, значит, на что ж мне Ипполит. Прогоню его, вот и конец. Нешто я долго с ним разговаривать стану? Эка велика птица твой Ипполит! Оченно мне нужда до него! Ты свое дело делай, что тебе приказано, а с хозяином разговаривать не лезь, чего тебя не спрашивают. Оченно мне интересно! Тебя с разговорами-то и по затылку можно. Пошла!

Феона. Иду.

Ахов. Стой! Слышишь ты! Коли спросят, рекомендуй меня так, что я самый добрый человек.

Феона. Слушаю. *(Уходит.)*

Ахов. Ипполита я сейчас же с двора долой. Потому мне теперь в доме таких скакунов держать не приходится. Больно они, подлецы, с бабами ласковы. И говорит-то с молодой бабой или девкой не так, как с прочими людьми. Язык-то свой точно петлей сделает,— так и опутывает, так и захлестывает, мошенник. А ба-

бам-то любо; и скалят, и скалят зубы-то на их россказни. Я Ипполитку и к двору-то близко не подпущу. Они ведь, оглашенные, благодетелев не разбирают, им все одно. А тут это родство дальнее, десятая вода на киселе, еще хуже. Будь она ему просто хозяйка, он бы в другой раз и подойти не смел; а тут «тетенька» да «тетенька». Да этак, глядя на них, в чахотку придешь. Нет, шабаш! С двора его долой!

Входит Ипполит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ахов, Ипполит.

Ахов. Ты зачем?

Ипполит. К вам, дяденька-с.

Ахов. Как же ты смеешь, коли я тебя не звал!

Ипполит. Стало быть, мне нужно.

Ахов *(строго)*. А мне не нужно, так поди вон!

Ипполит. Но, однако, я желаю...

Ахов. Поди вон, говорят тебе!

Ипполит. Но, позвольте-с! Коль скоро я пришел...

Ахов. Коль скоро ты пришел, толь скоро и уйдешь.

Ипполит. Я не с тем, чтоб... а как собственно...

Ахов. Долго ты будешь разговаривать? Знай свое место, контору! Как ты смеешь лезть к хозяину! Разве у меня только делов-то, что ты? Видел я твою образину сегодня, и будет с меня! Значит, поди вон без разговору!

Ипполит. Нет, уж это надо оставить. Коль скоро я пришел, так уж вон не пойду.

Ахов. А вот я тебя за вихор.

Ипполит. Не то что за вихор, пальцем тронуть не позволю.

Ахов. Как! Ты бунтовать?

Ипполит. Хоша бы и бунтовать. Потому, главная причина, на это закон теперь есть и права.

Ахов. Какой для тебя закон писан, дурак? Кому нужно для вас, для дряни, законы писать? Какие такие у тебя права, коли ты мальчишка, и вся цена тебе грош? Уж очень много вы о себе думать стали! Написаны законы, а вы думаете это про вас. Мелко плаваете, чтобы для вас законы писать. Вот покажут тебе

законы! Для вас закон — одна воля хозяйская, а особенно, когда ты сродственник. Ты поговорить пришел, милый? Ну, говори, говори, я слушаю; только не пеняй потом, коли солоно придется. Что тебе надо?

Ипполит. Я насчет жалованья.

Ахов. Какого жалованья? Ты по какому уговору жил?

Ипполит. Кто ж теперь себе враг, чтоб стал даром служить?

Ахов. Так не служи, кто тебя держит. Оно и пристойней тебе будет самому убраться, пока тебя в три шеи не прогнали.

Ипполит. А это, что я жил, значит втуне?

Ахов. Да разве ты за деньги жил? Ты жил породственному.

Ипполит. А работал?

Ахов. Еще бы тебе не работать! На печи, что ль, лежать? Ты по-родственному служил, я по-родственному помогал тебе, сколько моей к тебе милости было. Чего ж еще тебе?

Ипполит. Но напредки я на таком положении жить не согласен.

Ахов. Да напредки мне тебя и не нужно. Отдай завтра отчет и убирайся.

Ипполит. За всю мою службу я должен слышать от вас одно, что убирайся.

Ахов. Не хочешь убираться, так жди, пока метлами не прогонят. Это твоя воля.

Ипполит. А награждение-с?

Ахов. Ну, это я еще подумавши. За что это награждение? За грубости-то? Вас дяденька вон приглашают — а вы нейдете. И за это вам награждение?

Ипполит. Однако обещали.

Ахов. Обещал посулить, да теперь раздумал. Аль ты мало наворовал, что награждения просишь?

Ипполит. Этому я не подвержен и морали брать на себя не хочу.

Ахов. Связался я с тобой говорить; а говорить мне тошно. Либо ты глуп, либо ты меня обманываешь. Русской пословицы ты не знаешь: воруй да концы хорони? Не знаешь? Поверю я тебе, как же! А коли, в самом деле, ты, живя у меня, ничего не нажил, так кто ж виноват! Цена вам, брат, всем одна, Лазарем ты мне не прикидывайся! На честность твою я, брат, не расчув-

ствуюсь, потому ничем ты меня в ней не уверишь. Отчего вам хозяева мало жалованья дают? Оттого, что сколько тебе ни дай, ты все воровать будешь; так хоть на жалованье хозяину-то выгоду соблюсти. А награжденьем вас, дураков, манят, чтоб вы хоть немножко совесть помнили, поменьше грабили.

Ипполит. Значит, вы, дяденька, и сами обманываете и желаете, чтоб вас обманывали? Жаль, поздно сказали. Но я был совсем на других правилах, и по тому самому считаю за вами, по крайности, тысяч пятнадцать.

Ахов. Считай больше, считай больше, уж все одно. Двух грошей медных я тебе, милый, не дам. Что я за дурак!

Ипполит. За всю мою службу мне от вас такой результат?

Ахов. Это что еще за слово дурацкое! Ты меня словами не удивишь!

Ипполит. Я не словами, я вам делом докажу, сколь много я против вас благороднее. *(Подает Ахову деньги.)*

Ахов. Ты это по векселям получил?

Ипполит. По векселям-с.

Ахов. Какое же тут твое благородство, коли это твоя обязанность?

Ипполит. Ваша обязанность мне за службу заплатить, а вы не платите, все одно и я на тех же правах. Деньги под сокрытие, а вам доложить, что потерял их, пьяный...

Ахов. Об двух ты головах, что ли?

Ипполит. Дело обмозговано, страшного нет-с. Даже, может, с адвокатами совет был. Действуй, говорят, оправим. Но не беспокойтесь, я сейчас рассудил, что не ко времени мне деньги. Потому все тлен. Мне уж теперь от вас ничего не нужно; будете силой навязывать, так не возьму. Во мне теперь одна отчаянность действует. Был человек, и вдруг стала земля... значит на что же деньги? Их с собой туда не возьмешь.

Ахов. Это правда, что не возьмешь. Только, ежели тебя связать теперь, так я полагаю, что дело будет вернее.

Ипполит. Теперича уж поздно меня вязать.

Ахов. Нет, я думаю, самое время.

Ипполит. Ошибетесь.

Ахов. Неужели? А что же ты сделаешь?

Ипполит *(вынимает из кармана нож)*. А вот сейчас — раз! *(Показывает на свою шею.)* Чик — и земля.

Ахов *(в испуге)*. Что ты делаешь, мошенник! Что ты, что ты! *(Топает на одном месте ногами.)*

Ипполит. Глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

Ахов. Вот я тебя! Вот я тебя! *(Топает.)*

Ипполит. Чем вы меня, дяденька, испугать можете, коли я сам своей жизни не рад. Умерла моя надежда, и скончалася любовь — значит, всему конец. Ха-ха-ха! Я теперича жизнь свою жертвую, чтобы только люди знали, сколь вы тиран для своих родных.

Ахов. А вот я людей кликну, да за полицией пошлю.

Ипполит. Невозможно. Потому, ежели вы с места тронетесь или хоть одно слово, я сейчас — чик, и конец.

Ахов. Что же ты со мной делаешь, разбойник? Ипполит, послушай! Послушай ты меня: поди разгуляйся, авось тебя ветром обдует. *(Про себя.)* С двора-то его сбыть, а там режься, сколько душе угодно!

Ипполит. Нет, дяденька, эти шутки надо вам оставить; у нас с вами всурьез пошло.

Ахов. Всурьез?

Ипполит. Всурьез.

Ахов. Ну, а коли всурьез, так давай и говорить сурьезно. А я думал, ты шутишь.

Ипполит. Стало быть, мне не до шуток, когда булат дрожит в моей руке.

Ахов. Что ж тебе от меня нужно?

Ипполит. Разочтите, как следует.

Ахов. Как следует? Мало ли, что тебе следует? Ты говори толком.

Ипполит. Вот и весь будет толк! *(Вынимает из кармана бумагу.)* Подпишите!

Ахов. Что ж это за бумага? К чему это?

Ипполит. Аттестат.

Ахов. Какой такой аттестат?

Ипполит. А вот: что, живши я у вас в приказчиках, дело знал в точности, вел себя честно и благородно даже сверх границ.

Ахов. Все это тут и прописано?

Ипполит. Все и прописано. Жалованья получал две тысячи в год.

Ахов. Это когда же?

Ипполит. Так только, для видимости. Ежели я к другому месту...

Ахов. Да? Людей обманывать? Ну, пущай. Ничего — можно.

Ипполит. И по окончании, за свое усердие, выше меры, награждение получил пятнадцать тысяч...

Ахов. Тоже для видимости?

Ипполит. Нет, уж это в подлинности.

Ахов. Да что в подлинности-то? Рублев пятьсот, чай, за глаза?

Ипполит. Все полным числом-с.

Ахов. Нет, уж это, брат, шалишь!

Ипполит. Ежели вы опять за свою политику, так ведь вот он! *(Показывает нож.)* Сейчас — чик, и конец!

Ахов. Да что ты все — чик да чик! Наладил!

Ипполит. Отчаянность!

Ахов. Тысячу рублей — и шабаш! Давай подпишу.

Ипполит. Ежели мне моя жизнь не мила, так разве от тысячи рублей она мне приятней станет? Мне жить тошно, я вам докладывал; мне теперь, чтоб опять в настоящие чувства прийти, меньше пятнадцати тысяч взять никак невозможно; потому мне надо будет себя всяческими манерами веселить.

Ахов. Ну, грех пополам! Давай руку!

Ипполит. Давайте пятнадцать тысяч без гривенника, и то не возьму.

Ахов. Этакую силу денег? За что?

Ипполит. За десять лет. Чужому бы больше заплатили.

Ахов. Само собой, что больше, да не вдруг. А вдруг-то жалко. Пойми! Пойми!

Ипполит. Извините, дяденька! Я теперь не в себе, понимать ничего не могу.

Ахов. Ну, возьми половину, а остальные завтра. Жаль мне вдруг-то. Понял?

Ипполит. Я вам говорю, что понимать ничего я не в состоянии, значит, пожалуйте все сейчас!

Ахов. Ну, что с тобой делать! Давай бумагу!

Ипполит подает бумагу. Ахов подписывает.

Бери деньги! Да только ты чувствуй это! *(Отсчитывает из денег, принесенных Ипполитом.)*

Ипполит (*берет деньги и бумагу*). Покорно вас благодарю.

Ахов. Благодари хорошенько!

Ипполит. Чувствительнейше вам благодарен.

Ахов. Поклонись в ноги, братец!

Ипполит. Это уж зачем же-с?

Ахов. Сделай милость поклонись, потешь старика! Ведь ты мне какую обиду, какую болезнь-то сделал! А поклонишься, все мне легче будет.

Ипполит. За свое кланяться, где же это видано.

Ахов. Ну, я тебя прошу, сделай ты мне это почтение! Авось у тебя спина-то не переломится?

Ипполит. Нет, право, дяденька, что-то стал чувствовать; к погоде, что ли, лом стоит, никак не согнешься.

Ахов. Разбойник ты, разбойник! Врешь ведь ты! Тебе ж хуже; не кланяйся родным-то, так и счастья не будет ни в чем.

Ипполит. Ну, уж мой грех, на себя и плакаться буду.

Ахов. Будешь, будешь. Мне твоя эта непокорность тяжелей, чем эти самые пятнадцать тысяч.

Ипполит. Что ж делать, дяденька, я и сам не рад, да не могу-с, потому к погоде, что ли...

Ахов. Ну, скажи ты мне теперь, на что тебе эти деньги. Ведь прахом пойдут, промотаешь.

Ипполит. Оченно много ошиблись, я жениться хочу.

Ахов. Дело недурное; только ведь хорошую за тебя не отдадут. Разве по мне? Что дядя у тебя знаменит везде...

Ипполит. Надо думать, что по вас.

Ахов. Где же ты присвататься думаешь?

Ипполит. Чтоб далеко не ходить, тут, по соседству-с.

Ахов. Да тут, по соседству, нет.

Ипполит. Ежели поискать хорошенько, так найдется. Вот Круглова Агничка... Но сколь мила девушка!

Ахов. Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то?

Ипполит. Что мне спрашивать, коли я сам по себе.

Ахов. Да она-то не сама по себе. Ах ты, обезьяна.

Входит Феона.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ахов, Ипполит, Феона.

Ахов. Ну, что?

Феона. Приняли, благодарить приказали.

Ахов. Рады, небось?

Феона. Еще бы! Ведь денег стоит. Придешь, так, гляди-ка, как благодарить станут. Агничка так и скачет, как коза.

Ипполит. *(Феоне)*. Зачем же это они такой моцион делают-с?

Феона. Запрыгаешь, как Ермил Зотыч подарок ей тысяч в пять отвалил.

Ипполит. Ежели только они пошли на деньги, нет слов, я убит.

Ахов *(Феоне)*. Подай шляпу!

Феона *(подавая шляпу)*. Ты не убит, а поврежденный в уме.

Ахов *(Ипполиту)*. Бери шапку, пойдем! Я тебе всю твою глупость, какова она есть, как на ладони покажу.

Ипполит. Дяденька! Но куда вы меня ведете?

Ахов. К Кругловой.

Ипполит. Это значит, на лютую казню. Лучше расказните меня здесь; но не срамите.

Ахов *(берет его за руку)*. Нет, пойдем, пойдем!

Все уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА:

Круглова. Ипполит.
Агния. Маланья.
Ахов.

Декорация первой сцены.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Круглова, Агния (выходят из другой комнаты).

Круглова. Однако дело-то до большого дошло. Вот он какими кушами бросает; тут уж не шуткой пахнет.

Агния. Думать долго некогда, надо решать сейчас.

Круглова. Легко сказать: решать! Ведь это на всю жизнь. А ну, мы этот случай пропустим, а вперед тебе счастья не выйдет; ведь мне тогда терзаться-то, мне от людей покоры-то слышать. Говорят, не в деньгах счастье. Ох, да правда ли? Что-то и без денег-то мало счастливых видно. А и то подумаешь: как мне тебя на муку-то отдать? Другая бы, может, еще и поусумнилась: «может, дескать, ей за ним и хорошо будет,— может, он с молодой женой и переменится». А у меня уж такого сумнения нет, уж я наперед буду знать, что на верную тебя муку отдаю. Как же нам быть-то, Агничка?

Агния. Почем я знаю! Что я на свете видела!

Круглова. Да ведь твое дело-то. Что тебе сердчишко-то говорит?

Агния. Что наше сердчишко-то! На что оно годится? На шалости. А тут дело вековое, тут либо счастье, либо горе на всю жизнь. У меня, как перед бедой перед какой, я не знаю куда сердце-то и спряталось, где его и искать-то теперь. Нет, маменька! Видно, тут, кроме сердчишка-то, ум нужен; а мне где его взять!

Круглова. Ох, и у меня-то его немного.

Агния. А вот что, маменька! Я никогда к вам не ласкалась, никогда своей любви к вам не выказывала; так я вам ее теперь на деле докажу. Как вы сделаете, так и хорошо.

Круглова. Что ты, дочка! Так уж ничего мне и не скажешь?

Агния. Что мне говорить-то? Только путать вас! Вы больше жили, больше знаете.

Круглова. А бранить мать после не будешь?

Агния. Слова не услышите.

Круглова. Ах ты, золотая моя! Ну, так вот что я тебе скажу: как идти мне сюда, я у себя в спальне помолилась, на всякий случай; вот, помолившись-то, и подумаю.

Агния. Подумайте, подумайте; а я ожидать буду себе...

Круглова. Что тебе долго ждать-то, мучиться?..

Агния. Погодите, погодите, я зажмурю глаза. *(Зажмуривает глаза.)*

Круглова. Хоть весь свет суди меня, а я вот что

думаю: мало будет убить меня, если я отдам тебя за него.

Агния. Ох, отлегло от сердца.

Круглова. Потому как ни мало я сама страдала, и опять ежели взять старого или молодого, какая разница!.. Одно дело...

Агния. Ну, довольно, довольно! Уж я знаю, что вы скажете. *(Целует мать.)*

Круглова. А все-таки я рада, что он... Хоть посмеюсь вволю.

Входит Маланья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Круглова, Агния, Маланья.

Маланья. Дединька седенький и с ним этот... как его, бишь... беловатый?

Агния. Не черный ли?

Маланья. И то; никак черный.

Круглова. Кто же это? Неужели Ипполит?

Маланья. Да он и есть... самый... Мне вдруг-то... затмило...

Круглова. Вот чудо-то! Вместе?

Агния. А вот увидим.

Маланья уходит. Входят Ахов и Ипполит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Круглова, Агния, Ахов, Ипполит.

Ахов *(чинно раскланиваясь)*. Здравствуйте! Опять здравствуйте!

Круглова. Пожалуйте, пожалуйте!

Ахов. Получили?

Круглова. Покорно благодарим, Ермил Зотыч

Агния молча кланяется.

Покорнейше благодарим! Уж больно ты расщедрился! По нас-то уж это и дорого, кажись. *(Кланяется.)* Напрасно беспокоились.

Ахов *(очень довольный)*. Хе, хе, хе! Как так напрасно?

Круглова. Да ведь, чай, дорого заплатил?

Ахов. Что ты мне поешь? Кому дорого, а мне нет. Не разорил я себя, не дом каменный вам подарил! Дрянь какую-то прислал, а ты уж и разохалась, что дорого.

Круглова. А коли для тебя дрянь, так нам же лучше; не так совестно принять от тебя.

Ахов. Совесть еще какую-то нашла! Чудно мне на вас! *(Указывая на Ипполита.)* Вот не жалуйтесь, что я его давеча прогнал, я его сам привел.

Круглова. Благодарим покорно! Прошу садиться!

Ахов. Он теперь важный человек стал; свои капиталы имеет.

Круглова. Да ведь и пора уж.

Ахов. А вы как об нем думали? Вы ведь, поди, чай, то же, что и все добрые люди, думали, что он мальчишка, никакого внимания не стоящий? Нет, уж теперь подымай выше!

Круглова. Да будет тебе его!.. Что в самом деле!

Ахов. А для чего ж я его с собой и взял-то! Без дураков ведь скучно. В старину хоть шуты были, да вывелись. Ну, и пущай он нас, заместо шута, тешит. А коль не хочет в этой должности быть, зачем шел? Кто его здесь держит?

Ипполит. Мне идти некуда-с. От вас обида мне не в диковину. А уж я подожду, когда здешние хозяйки меня полным дураком поставят, чтоб уж вдосталь душа намучилась.

Ахов. Ну, вот слышишь? Да коли вы хотите смеяться, так я вас не так рассмешу. Он жениться хочет. Нет ли у тебя невесты, Дарья Федосевна?

Круглова. Одна у меня невеста, другой нет.

Ахов. Не посадить ли нам их рядом?

Круглова. Отчего ж не посадить.

Ипполит. Помилуйте, за что же такие насмешки-с?

Агния *(тихо)*. Садитесь, нужды нет.

Садятся рядом.

Ахов. Чем не пара?

Круглова. Да и то.

Ахов *(Ипполиту)*. Посидел с невестой? Ну, и будет, пора честь знать.

Ипполит. Отчего же так-с?

Ахов. Оттого, что эта невеста слишком хороша для тебя, жирно будет.

Ипполит. Ничего не жирно-с; по моим чувствам, в самый раз.

Ахов. А ты у ней прежде спроси: нет ли у нее жениха получше тебя! *(Агнии.)* Говори, не стыдись!

Агния. Это как маменьке угодно.

Ахов. Что тут маменька! У ней, у старой, чай, от радости ушки на макушке.

Круглова. Не знаю, батюшка, Ермил Зотыч, об чем ты говоришь.

Ахов. Как, не знаешь? Ты сыми маску-то, сыми! *(Указывая на Ипполита)*. Ты его, что ль, совестишься? Так он свой человек; да и есть он тут или нет его, это все одно, по его ничтожеству. Сыми маску-то! Тебя ведь уж давно забирает охота мне в ноги кланяться, а ты все ни с места.

Круглова. Отчего не кланяться! Да за что? За какие твои милости?

Ахов *(сердито)*. Не вовремя, да и не к месту твои шутки. Аль ты от радости разум потеряла? Стар уж я шутить-то надо мной.

Круглова. Да мы не шутим.

Ахов. От меня поклону ждешь, так не дождешься. Что ты, как статуй, стоишь! Головы у вас в доме нет, некому вас прибодрить-то хорошенько, чтобы вы поворачивались попроворней. Кабы муж твой был жив, так вы бы давно уж шатались по дому-то, как кошки угорелые. Что вы переминаетесь? Стыдно тебе кланяться, так не кланяйся; а все ж таки благослови нас как следует. Будешь икону в руках держать, так и я тебе поклонюсь, дождешься этой чести.

Круглова. Благословить-то не долго; только ты спроси, подымутся ль руки-то у меня! Я вот как рассудила, Ермил Зотыч; если дашь ты мне подписку, что умрешь через неделю после свадьбы,— и то еще я подумаю отдать дочь за тебя.

Ахов. Что вы! Нищие, нищие, одумайтесь! Ведь мне только рассердиться стоит да уйти от вас, так вы после слезы-то кулаком станете утирать. Не вводите меня в гнев!

Круглова. Сердись ты или не сердись,— твоя воля.

А х о в. Что с тобой? Тут чуда нет ли какого? Не упал ли тебе миллион с неба? Нет ли у тебя жениха богаче меня? Только ведь одно.

К р у г л о в а. Нет, не одно. Женихов у нас нет. Есть один парень на примете; только подняться ему, бедному, нечем. Кабы было у него дело верное, так отдала бы, не задумалась.

И п п о л и т *(отдает Кругловой деньги)*. А вот позвольте вам предоставить для сохранности. Я нынче за всю службу гуртом получил-с. Теперь своим делом могу основаться-с.

К р у г л о в а. Ну, и чего ж еще лучше! Да тут много что-то.

И п п о л и т. Копейка в копейку пятнадцать тысяч.

А г н и я. Теперь можно и помириться с вами.

А х о в. Так вот на какие деньги вы пировать-то сбираетесь! Вот на какие деньги польстились! Эти деньги чуть не краденые. Он у меня их сегодня выплакал да выкланял.

И п п о л и т. Не выкланял, а вытребовал, что должное за службу свою.

А х о в. Да тебе бы и в живых-то не быть. От напрасной смерти я тебя спас. Вижу, человек резаться хочет...

И п п о л и т. Помилуйте, дяденька, что вы! Как можно резаться?

А х о в. Так бы и зарезался. Ты как чумовой стал, перепугал меня до смерти.

И п п о л и т. Что вы, дяденька! Какой мне расчет резаться в моих таких цветущих летах?

А х о в. А зачем у тебя ножик был? Зачем ты его к горлу приставлял?

И п п о л и т. Игра ума.

А х о в. Разбойник! *(Хочет взять его за ворот)*.

И п п о л и т *(отстраняя его)*. Позвольте-с! Чем я разбойник? Я чужого ни копейки. А нешто я виноват, что от вас добром не выпросишь!

А х о в. Не будет тебе счастья, не будет.

И п п о л и т. Что ж делать! Как-нибудь и без счастья одним уменьем проживем, дяденька.

А х о в. Не проживешь! Не проживешь! У тебя нету ни отца, ни матери, я тебе старший; я тебя прокляну; на внуках и правнуках отзовется.

Круглова. Полно! Что ты бога-то гневишь!

Ахов (*Агнии*). Брось ты его! Что в нем хорошего? Мать у тебя глупа, растолковать тебе не может. Я лучше его; я добрый, ласковый. Денег-то у меня что? Тебе на наряды. Дом-то у меня какой! Большой, каменный, крепкий.

Агния. И крепка тюрьма, да кто ей рад!

Ахов. Ты тоже, видно, в мать уродилась! Ума-то у тебя столько же, что и у ней. (*Кругловой сквозь слезы.*) Федосевна, пожалей ты меня! Ведь я сирота, в этаком-то доме один я путаюсь, даже страх находит.

Круглова. Что тебя жалеть! Ты с деньгами себе всегда компанию найдешь, коли захочешь.

Ахов. Найдешь компанию! Спасибо, что надоумила! Знаю, что найду. Не ей чета, и красивее ее найду. Ты думаешь, я в самом деле, что ль, влюблен! Тьфу. Одно мне больно, одно обидно: непокорность ваша. Ведь я почетный, первостатейный, ведь мне все в пояс кланяются; а в этакой лачуге мне почету нет! Мне!! От вас!! Непокорность!! Курам насмех! Видано ль, слыхано ль? Хорошо ты сделала? Хорошо? Очувствуйся! Встряхни головой-то! Ведь это ты от глупости, а не от ума. Вы все одно, что в лесу живете, свету не видите. В такую лачугу, коли зашел наш брат, именитый человек,— так он там как дома; а то ему и ходить незачем; а хозяин-то, как слуга: «что угодно; да как прикажете?» Вот как от начала мира заведено, вот как водится у всех на свете добрых людей! Это все одно, что закон. А вы, дураки непросвещенные, одичали, тут живши-то. (*Кругловой.*) И сердиться-то на тебя нельзя и взыскать-то с тебя нечего; потому ты никаких настоящих порядков не знаешь. Как ты живешь! День да ночь, и сутки прочь. У тебя все одно: что богатый, что бедный, что мануфактур, что шатун! Невежество! У тебя для всех один резон, один разговор! А ты возьми, что значит образование-то: вчера ко мне благородная просить на бедность приходила; так она языком-то, как на гуслях играла. Превосходительством меня называла, в слезы ввела. А ты что? Дуб. С тебя взыску нет. Сам виноват. Кабы ты знала, что такое уважение, что такое честь...

Круглова. Как чести не знать.

Ахов. Оно и видно, что ты ее знаешь! Была у вас честь да отошла. Делал я вам честь, бывал у вас; так

у вас и в комнатах-то было светлей, оттого только, что я тут. Была бы вам честь, кабы дочь твоя купчихой Аховой называлась. Вот это честь! Я брошу вас, и опять в потемках жить будете. А то честь! Да вам всю жизнь не узнать, в чем она и ходит-то.

Круглова. Ну, довольно ты пел. Теперь меня послушай. Хочешь ты у нас гостем быть, так садись; а то так нам не мешай. Не порти ты нашу бедную, чистую радость своим богатым умом!

Ахов. Да ты, никак, забылась! Гостем! Что ты мне за компания! Я таких-то, как ты, к себе дальше ворот и пускать не велю. А то еще гостем! Не умели с хорошими людьми жить, так на себя пеняй! Близко локоть-то, да не укусишь! *(Уходит в переднюю и сейчас возвращается.)* Да нет, постой! Ты меня с толку сбила. Как мне теперь людям глаза показать? Что обо мне добрые люди скажут?..

Круглова. Не плакать же нам об этом, батюшка Ермил Зотыч.

Ахов. Нет; ты виновата, ты и поправляй.

Круглова. Палец об палец для тебя не ударю, батюшка Ермил Зотыч. Вот как ты мне сладок.

Ахов. Да не даром,— за деньги, за большие деньги. Угоришь.

Круглова. Что ж такое за дело у тебя? Что за ворожба будет?

Ахов. С ними я говорить не хочу. Я их презрил. Ниже каблука своего считаю, вот где. А с тобой разговор заведем. Ведь, чай, тебе нужно и приданое? Не так отдашь, в чем она есть? Нужно приданое?

Круглова. Как не нужно, конечно, нужно.

Ахов. Так вот слушай! Чтобы этот разговор нарушить, что мне вы, ничтожные люди, нос утерли, мы будем ладить такую статью, что я Ипполитку женю.

Круглова. Что ж, это пожалуй.

Ахов. Обед у меня после свадьбы, какой не слыхано. И Фомина и всех цветами ограблю, по всем комнатам постановка будет. Две музыки, одна в комнатах, другая на балконе для зрителев. Официанты в штиблетах. Ефект?

Круглова. Ефект.

Ахов. Опосля всего Ипполитке награждение свыше меры. Не веришь, так за руки отдам... И вперед тебе на приданое...

Круглова. Да что дальше-то?

Ахов. А вот какой уговор! Жених с невестой, как из церкви, вся шестерня серых, как к воротам,— стой! А в вороты чтобы не въезжать! И сейчас им дворник по метле; и чтобы вымели они до крыльца... Ты не бойся, чисто будет, еще до них все выметут. А они чтобы только пример показали. А я с гостями буду на балконе стоять. Вот тогда я вас прощу и в честь вас произведу. И будете вы у меня промежду всеми гостями все равно, что равные.

Круглова. Да осыпь ты меня золотом с ног до головы, так я все-таки дочь свою на позорище не отдам.

Ахов. Не отдашь?

Круглова. Не отдам.

Ахов. Ну, так грязь грязью и останется; и будьте вы прокляты отныне и до века! Как жить? Как жить? Родства народ не уважает, богатству грубить смеет! Дядя говорит: поклонись по-родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищий, хоть за деньги! Не хочу. Умереть уж лучше поскорей, загодя. Все равно ведь, разве свет-то на таких порядках долго простоит. А как отцы-то жили! Куда они делись, те порядки, старые, крепкие? Разврат, что ли, в мире пошел? Так его и прежде, пожалуй, еще больше было! Бес, что ли, какой промежду людьми ходит да смущает их? Отчего вы не лежите теперь в ногах у меня по-старому; а я же стою перед вами весь обруганный, без всякой моей вины?

Круглова. Оттого, Ермил Зотыч, говорит русская пословица, что не все коту масленица, бывает и великий пост. *(Обнимает Ипполита и Агнию.)*

ПРАВДА — ХОРОШО, А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Амос Панфилыч Барабошев, *купец, лет за 40, вдовый.*
Мавра Тарасовна, *его мать, полная и еще довольно свежая старуха, лет за 60; одевается по-старинному, но богато; в речах и поступках важность и строгость.*
Поликсена, *дочь Барабошева, молодая девушка.*
Филицата, *старая нянька Поликсены.*
Никандр Мухояров, *приказчик Барабошева, лет 30.*
Глеб Меркулыч, *садовник.*
Палагея Григорьевна Зыбкина, *бедная женщина, вдова.*
Платон, *ее сын, молодой человек.*

Действие происходит в Москве.

Сад при доме Барабошевых; прямо против зрителей большая каменная беседка с колоннами; на площадке, перед беседкой, садовая мебель: скамейки с задками на чугунных ножках и круглый столик; по сторонам кусты и фруктовые деревья; за беседкой видна решетка сада.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Филицата и Зыбкина.

Зыбкина. Ах, ах, ах! Что ты мне сказала! Что ты мне сказала! То-то, я смотрю, девушка из лица изменилась, на себя не похожа.

Филицата. Все от любви, сердце ноет. И всегда так бывает, когда девушек запирают. Сидит, как в тюрьме,— выходу нет, а ведь уж в годах, уж давно замуж пора. Так чему дивиться-то?

Зыбкина. Да, да. Что же вы ее замуж-то не отдаете? Неужели женихов нет?

Филицата. Как женихов не быть! Четвертый год сватаются, и хорошие женихи были; да бабушка у нас больно характерна. Коли не очень богат, так и слышать не хочет; а были и с деньгами, так, вишь, развязности много, ученые речи говорит, ногами шаркает, одет пестро; что-нибудь да не по ней. Боится, что уважения ей от такого не будет. Ей, видишь ты, хочется зятя и богатого, и чтоб тихого, не из бойких, чтоб он с затруднением да не про все разговаривать-то умел; потому она сама из очень простого звания взята.

Зыбкина. Скоро ль ты его найдешь такого!

Филицата. И я то же говорю. Где ты нынче найдешь богатого да неразвязного? Кто его заставит длинный сертук надеть али виски гладко примазать? Вяжет-то человека что? Нужда. А богатый весь развязан и уж, обыкновенно, в цветных брюках. Ничего не поделаешь.

Зыбкина. Уж само собой, что в цветных; потому, какая ж ему неволя!..

Филицата. Мудрит старуха над женихами, а внучка, между тем временем, влюбилась да и сохнет сердцем. Кабы у нас знакомство было да вывозили Поликсену почаще в люди, так она бы не была так влюбчива; а из тюрьмы-то первому встречному рад: понравится и сатана лучше ясного сокола.

Зыбкина. Одного я понять не могу: в этакой крепости сидючи, за пятью замками, за семью сторожами, только и свету, что в окне,— как тут влюбиться? Мечтай, сколько хочешь, а живого-то нет ничего. Ведь чтоб влюбиться очень-то, все-таки и видеться нужно, и поговорить хоть немножко.

Ф и л и ц а т а. Ох, все это было, и не немножко. Разумеется, завсегда в этом мы, няньки, виноваты: мы — баловницы-то. Да ведь как и не побаловать! Вижу: в тоске томится — пусть, мол, поболтает с парнем для времяпровождения. А случай как не найти? Хоть сюда в сад проведу, никому и в лоб не влетит. А вот оно что вышло-то.

З ы б к и н а. Очень разве уж полюбила-то?

Ф и л и ц а т а. До страсти полюбила. Сама суди: характер огневой, упорный, вся в бабушку. Вдруг ей придет фантазия: хочу, говорит, его видеть беспременно! А в другой раз никак нельзя, а ей вынь да положь,— вот и вертись нянька, как знаешь. И день, и ночь ноги трясутся: так вот и жду, так вот и жду, что до бабушки дойдет — куда мне тогда деваться-то? А моя ль вина? Я давно твержу: «Пора, пора, что вы ее переращиваете, куда бережете?» Так бабушка-то у нас совсем состарилась, девичье-то положение понимать перестала. Я, говорит, живу же, ни об чем помышления не имею. На-ка! В семьдесят-то лет! А ты свою молодость вспомни!

З ы б к и н а. Диковинное дело, что у такого богатого, знаменитого купца дочь засиделась.

Ф и л и ц а т а. Какой он богатый, какой знаменитый! Бабушка характерна, а он — балалайка бесструнная: никакого толку и не жди от них. Старуха-то богата, а у него своего ничего нет; он торгует от нее по доверенности,— дана ему небольшая; во сколько тысяч, уж не знаю. Да и то старуха за него каждый год приплачивает.

З ы б к и н а. Что ж им за радость в убыток торговать?

Ф и л и ц а т а. Бабушка так рассуждает: хоть и в убыток, все-таки ему занятие; нарушь торговлю — при чем же он останется. Да уж морщится сама-то: видно, тяжело становится; а он — что дальше, то больше понятие терять начинает. Приказчик есть у нас, Никандра, такой-то химик, так волком и смотрит; путает хозяина-то еще пуще, от дела отводит; где хозяину — убыток, а ему — барыш. Слышим мы, на стороне-то так деньгами и пошвыривает, а пришел в одном сертучишке.

З ы б к и н а. Знаю я все это; сын мне сказывал.

Ф и л и ц а т а. Ты за каким делом к хозяину-то пришла?

З ы б к и н а. Все об сыне. Да занят, говорят, хозяин-то; подождать велели. Взять я сына-то хочу, да опять беда — долг меня путает. Как поставила я его к вам на место, так хозяин мне вперед двести рублей денег дал — нужда была у меня крайняя. И взял хозяин-то с меня вексель, чтоб сын заживал. Да вот горе-то мое: нигде Платоша ужиться не может!

Ф и л и ц а т а. Отчего бы так? Кажется, он парень смирный.

З ы б к и н а. Такой уж от рождения. Ты помнишь, когда он родился-то? В этот год дела наши расстроились; из богатства мы пришли в бедность; муж долго содержался за долги, а потом и помер — сколько горя-то было у меня. Вот, должно быть, на ребенка-то и подействовало, и вышел он с повреждением в уме.

Ф и л и ц а т а. Какого же роду повреждение у него?

З ы б к и н а. Все он, как младенец, всем правду в глаза говорит.

Ф и л и ц а т а. В совершенный-то смысл не входит?

З ы б к и н а. Говорит очень прямо; ну, значит, ничего себе в жизни составить и не может. Учился он хоть на медные деньги, а хорошо, и конторскую науку он всю понял; учителя все его любили и похвальные листы ему давали — и теперь у меня в рамках на стенке висят. Ну, конечно, всякому мило в ребенке откровенность видеть, а он и вырос, да такой же остался. Учатся бедные люди для того, чтоб звание иметь да место получить; а он чему учился-то, все это за правду принял, всему этому поверил. А по-нашему, матушка, по-купечески: учись, как знаешь, хоть с неба звезды хватай, а живи не по книгам, а по нашему обыкновению, как исстари заведено.

Ф и л и ц а т а. Что ж ему у нас-то не живется?

З ы б к и н а. Да нельзя, матушка. Поступил он к вам в контору булгахтером, стал в дела вникать и видит, что хозяина обманывают; ему бы уж молчать, а он разговаривать стал. Ну, и что же с ним сделали? Начали все над ним смеяться, шутки да озорства делать, особенно Никандра; хозяину сказали, что он дела не смыслит, книги путает; оттерли его от должности и поставили шутом. *(Оглядываясь.)* Какой у вас сад распрекрасный!

Филицата. Сама старуха за всем наблюдает, и сохрани бог, коли кто хоть одно яблоко тронет. А куда бережет? Ведь не торговать ими. Ужо, к вечеру, я пойду со двора, так занесу тебе десяточек, либо два.

Зыбкина. Спасибо.

Филицата. Надо мне сходить по нашему-то делу: колдуна я нашла.

Зыбкина. Ужли колдуна?

Филицата. Колдун не колдун, а слово знает. Не поможет ли он моей Поликсене? Все его в Москве не было, увидала я его третьего дня, как обрадовалась!

Входит Глеб, крутя в зубах веревку из мочалы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филицата, Зыбкина и Глеб.

Филицата. Меркулыч, ты мешок-то с яблоками убрал бы куда подальше, а то в кустах-то его видно. Сама пойдет да заметит — сохрани господи!

Глеб. Прибрано.

Филицата. То-то же.

Глеб. А ты почем знаешь, что он с яблоками? Может, там у меня жемчуг насыпан?

Филицата. Не жемчуг; видела я.

Глеб. Понюхала. Эко у вас любопытство! Ну уж!

Филицата. Тебя же берегу, Меркулыч.

Глеб. Не надо, я сам себя поберегу. Кабы в сад, окромя меня да хозяев, никому ходу не было — ну, был бы я виноват; а то всякий ходит — значит, с меня взыскивать нечего.

Филицата. Толкуй с тобой! Кому нужны ваши яблоки? Хоть и сшалит кто — ну, десяток, много два во все лето, а ты мешками таскаешь.

Глеб. Я виноват не останусь, ты не сумлевайся.

Филицата. Да мне что!

Зыбкина. Заходи ко мне, как пойдешь к колдуну-то!

Филицата. Да, уж пойду; там что ни выдет, а попробую я эту ворожбу. Вон никак сама идет, пойдем за ворота, постоим, потолкуем. *(Уходят.)*

Глеб. Я себе оправдание найду.

Входят Мавра Тарасовна и Поликсена. Глеб отходит к стороне и подвязывает сук у дерева.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мавра Тарасовна, Поликсена и Глеб.

Мавра Тарасовна. Нет уж, миленькая моя, что я захочу, так и будет; никто, кроме меня, не властен в доме приказывать.

Поликсена. Ну, и приказывайте, кто ж вам мешает!

Мавра Тарасовна. И приказываю, миленькая, и все делается по-моему, как я хочу.

Поликсена. Ну, вот прикажите, чтоб солнце не светило, чтоб ночь была.

Мавра Тарасовна. К чему ты эти глупости! Нешто я могу, коли божья воля?

Поликсена. И много вы, бабушка, не можете; так только уж очень вы об себе высоко думаете.

Мавра Тарасовна. Что бы я ни думала, а уж знаю я, миленькая, наверно, что ты-то вся в моей власти: что только задумаю, то над тобой и сделаю.

Поликсена. Вы полагаете?

Мавра Тарасовна. Да что мне полагать? Я без положения знаю. Полагайте уж вы, как хотите; а мое дело — вам приказы давать, вот что.

Поликсена. Стало быть, вы воображаете, что мое сердце вас послушает: кого прикажете, того и будет любить?

Мавра Тарасовна. Да что такое за любовь? Никакой любви нет: пустое слово выдумали. Где много воли дают, там и любовь проявляется, и вся эта любовь — баловство одно. Покоряйся воле родительской — вот это твое должное; а любовь не есть какая необходимая, и без нее, миленькая, прожить можно. Я жила, не знала этой любви, и тебе незачем.

Поликсена. Знали, да забыли.

Мавра Тарасовна. Вот как не знала, что я — старуха старая, а мне и теперь твои слова слушать стыдно.

Поликсена. Прежде так рассуждали, а теперь уж совсем другие понятия.

Мавра Тарасовна. Ничего не другие, и теперь все одно, потому женская природа все та же осталась; какая была, такая и есть, никакой в ней перемены нет; ну, и порядок все тот же: прежде вам воли не давали,

стерегли да берегли,— и теперь умные родители стерегут да берегут.

Поликсена *(смеясь)*. Ну и берегите, да только хорошенько! *(Отходит к стороне.)*

Мавра Тарасовна *(Глебу)*. Вижу я, Меркулыч, что тебе у нас жить надоело,— больно хорошо место, не по тебе. Так ищи себе такого, где от вас дела не спрашивают да пропажу не взыскивают! Оглядись хорошенько, что у нас в саду-то! Где ж яблоки-то! Точно Мамай с своей силой прошел — много ль их осталось?

Глеб. Убыль есть, Мавра Тарасовна, это я вижу, это — правда ваша; у вас глаз на это верный, золотой глаз,— убыль есть, это так точно.

Поликсена *(смеясь)*. Яблоков уберечь не можете, а хотите...

Мавра Тарасовна. Погоди, Глеб, постой! До тебя очередь после дойдет! *(Медленно подходит к Поликсене.)* Это ты что же, миленькая, с кем так разговариваешь?

Поликсена. Сама про себя. Да я уж и забыла, что сказала.

Мавра Тарасовна. Ты не огорчайся, что ты позабыла; я запомню. Будешь ты сидеть дома под замком вплоть до свадьбы.

Поликсена. До какой свадьбы?

Мавра Тарасовна. А вот когда я найду тебе, миленькая, жениха по своей мысли.

Поликсена. А коли найдете по своей мысли, так сами за него и выходите, а мне какая надобность!

Мавра Тарасовна. Уж извини, надобностей твоих мы разбирать не станем, а отдадим за кого нам нужно.

Поликсена. Утешайтесь в мыслях-то, утешайтесь!

Мавра Тарасовна. Да не то что в мыслях, а и на деле будет то самое. Знаю я это твердо и так-то покойна, как нельзя быть лучше.

Поликсена. Бывает, что и бегают из дому-то.

Мавра Тарасовна. Бегают, у кого привязки нет.

Поликсена. А меня что удержит?

Мавра Тарасовна. Приданое богатое. Пожалеешь его, миленькая, не бросишь. Да вот что: уж

очень ты разговорилась, а птица ты еще не велика, и не пристало мне с тобой много разговорных слов говорить. Есть у тебя охота, так болтай с нянькой. На то она в доме, чтоб твои глупости слушать, за то ей и жалованье платят. Ты грезишь, словно к зубам, а она поддакивает — вот вам и занятие, будто дело делаете. Мне распорядок в доме вести, а не балясы с вами точить. А ты мне убегом не грози! Коли замки у нас старые плохи, так слесаря нам, по знакомству, новые сделают, покрепче.

Поликсена. И вы мне, бабушка, замками не грозите! Кому неволя опротивеет, кто захочет из нее вырваться, тот себе дорогу найдет.

Мавра Тарасовна. Куда это, не слыхать ли?

Поликсена *(на ухо бабушке)*. В могилу. *(Уходит.)*

Мавра Тарасовна *(вслед ей)*. Ну, миленькая, не вдруг-то туда сберешься — подумаешь прежде.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мавра Тарасовна и Глеб.

Мавра Тарасовна. Где же, Меркулыч, яблоки-то?

Глеб. Яблоки? Это точно, как я теперь замечаю, их бы надо больше быть,— умаление есть.

Мавра Тарасовна. Да от чего умаление-то?

Глеб. Вот что, сударыня, Мавра Тарасовна: я их стеречь приставлен...

Мавра Тарасовна. Ну, да, ты; я с тебя и спрашиваю.

Глеб. Позвольте! Я их стеречь приставлен, так вы себя успокойте: я вам вора предоставлю.

Мавра Тарасовна. Давно бы тебе догадаться. Да ты, пожалуй, далеко искать станешь, так не скоро найдешь; не поискать ли нам самим поближе?

Глеб. Я вам вора предоставлю; потому мне тоже слушать такие слова от вас — ой-ой!

Мавра Тарасовна. Напраслину терпишь, миленький, задаром обидели?

Глеб. Что угодно говорите — на все ваша воля... А только я вам вот что скажу: нам без ундера никак нельзя.

Мавра Тарасовна. Какого, миленький, ундера, на что он нам?

Глеб. У ворот поставить. Сторожка у нас новая построена, вот он тут и должен существовать.

Мавра Тарасовна. У нас дворники есть.

Глеб. Ну, что дворники! Мужики — одно слово.

Мавра Тарасовна. Ундер ундером, это наше дело; а я с тобой об яблоках толкую.

Глеб. Да ундер для всего лучше, особливо если с кавалерией... Кто идет — он опрашивает: к кому, за чем? Кто выходит — он осмотрит, не несет ли чего из дому. Как можно! Первое дело — порядок, второе дело — вид. Купеческий дом, богатый, да нет ундера у ворот — это что ж такое!

Мавра Тарасовна. Ундера, это правда, для всякой осторожности... Я прикажу поискать.

Глеб. А вора, вы не беспокойтесь, я вам найду, я его устерегу. Не для вас, а для себя постараюсь, потому этот вор должен меня оправдать перед вами. Вам обидно, я вижу, вижу; но однако и мне... такое огорчение... это хоть кому...

Мавра Тарасовна. Ты с огорчения-то, пожалуй...

Глеб. Ну, уж не знаю, перенесу ли. Я вам наперед докладываю. Вон хозяин в сад вышел... *(Уходит.)*

Входят Барабошев и Мухояров.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мавра Тарасовна, Барабошев и Мухояров.

Мухояров *(Барабошеву)*. Давно я вас приглашаю: пожалуйте в контору; потому — хозяйский глаз... без него невозможно...

Барабошев. Не в расположении. *(Матери.)* Маменька, я расстроен. *(Мухоярову.)* Мне теперь нужен покой... Понимай! Одно слово и довольно. *(Матери.)* Маменька, я сегодня расстроен.

Мавра Тарасовна. Уж слышала, миленький, что дальше-то будет?

Барабошев. Все так и будет, в этом направлении. Я не в себе.

Мавра Тарасовна. Ну, мне до этих твоих

меланхолиев нужды мало; потому ведь не божеское какое попущение, а за свои же деньги, в погребке или в трактире расстройство-то себе покупаете.

Барабошев. Верно... Но при всем том и обида...

Мавра Тарасовна. Так вот ты слушай, Амос Панфилыч, что тебе мать говорит.

Барабошев. Могу.

Мавра Тарасовна. Нельзя же, миленький, уж весь-то разум пропивать; надо что-нибудь, хоть немножко, и для дому поберечь.

Барабошев. Я так себя чувствую, что разуму у меня для дому достаточно.

Мавра Тарасовна. Нет, миленький, мало. У тебя и в помышлении нет, что дочь — невеста, что я к тебе третий год об женихах пристаю...

Барабошев. Аккурат напротив того, как вы рассуждаете: потому как я постоянно содержу это на уме.

Мавра Тарасовна. Да что их на уме-то содержать, ты нам-то их давай.

Барабошев. Через этих-то самых женихов я себе расстройство и получил. Вы непременно желаете для своей внучки негоцианта?

Мавра Тарасовна. Какого негоцианта! Так, купца попроще.

Барабошев. Все одно — негоцианты разные бывают: полированные и не полированные. Вам нужно черновой отделки, без политуры и без шику, физиономия опойковая, борода клином, старого пошибу, суздальского письма? Точно такого негоцианта я в предмете и имел; но на деле вышел конфуз.

Мавра Тарасовна. Почему же так, миленький?

Барабошев. Извольте, маменька, понимать; я сейчас вам буду докладывать. Сосед Пустоплесов тоже дочери жениха ищет.

Мавра Тарасовна. Знаю, миленький.

Барабошев. Стало быть, нам нужно ту осторожность иметь, чтоб себя против него не уронить. Спрашиваю я его: «Кого имеете в предмете?» — «Фабриканта»,— говорит. Я думаю: «Значит, дело вровень, ушибить ему нас нечем». Только по времени слышу от него совсем другой тон. Намедни сидим с ним в трактире, пьем мадеру, потом пьем лафит «Шато ля роз», новый сорт, мягчит грудь и приятные мысли произво-

дит. Только опять зашла речь об этих женихах-мануфактуристах. «Вы,— говорит,— отдавайте: дело хорошее, вам такого и надо, а я раздумал».— «Почему?» — спрашиваю. «А вот увидишь»,— говорит. Только вчера встречаю его, едет в коляске сам-друг, кланяется довольно гордо и показывает мне глазом на своего компаниона. Гляжу — полковник, в лучшем виде и при всем параде.

Мухояров. Однако плюха!

Мавра Тарасовна. Ай, ай, миленький!

Барабошев. Как я на ногах устоял, не знаю. Что я вина выпил с огорчения! «Шато ля роз» не действует, а от мадеры еще пуще в жар кидает. Велите-ка, маменька, дать холодненького.

Мавра Тарасовна. Прохладиться-то, миленький, еще успеешь... Видела я, сама видела, что к ним военный подъезжал. Как же нам думать с Поликсеной-то?

Барабошев. Ты скажи, маменька: обида это или нет?

Мавра Тарасовна. Ну как не обида! Само собой, обида.

Барабошев. Поклонился, да глазами-то так и скосил на полковника: на-ка, мол, Барабошев, почувствуй!

Мавра Тарасовна. Ведь зарезал, миленький, зарезал он нас!

Мухояров. Он теперь в мыслях-то подобно как на колокольне, а вы с грязью вровень-с.

Мавра Тарасовна. Но до этого случая ему возноситься над нами было нечем. Амос Панфилыч ни в чем ему переду не давал.

Барабошев. И теперь не дадим. Раскошеливайся, маменька, камуфлет изготовим.

Мавра Тарасовна. Да какой такой камуфлет?

Барабошев. К ним в семь часов господин полковник наезжает, и все они за полчаса ждут у окон, во все глаза смотрят... И сейчас — без четверти семь, подъезжает к нашему крыльцу... генерал! Вот мы им глазами-то и покажем.

Мухояров. Закуска важная! Сто твоих помирил, да пятьсот в гору.

Мавра Тарасовна. Да где ж ты, миленький, генерала возьмешь?

Барабошев. В образованных столицах, где живут люди просвещенные, там на всякое дело можно мастера найти. Ежели вам нужно гуся, вы едете в Охотный ряд, а ежели нужно жениха...

Мавра Тарасовна. Ну, само собой, к свахам.

Барабошев. К этому самому сословию мы и обращались и нашли настоящую своему делу художницу. Никандра, как она себя рекомендовала?

Мухояров. «Только птичьего молока от меня не спрашивайте, потому негде взять его; а то нет того на свете, чего бы я за деньги не сделала».

Барабошев. Одно слово: баба — орел; из себя королева, одевается в бархат, ходит отважно, говорит с жаром, так даже, что крылья у чепчика трясутся, точно он куда лететь хочет.

Мавра Тарасовна. И тебе не страшно будет, миленький, с генералом-то разговаривать?

Барабошев. У меня разговор свободный, точно что льется, без всякой задержки и против кого угодно. Такое мне дарование дано от бога разговаривать, что даже все удивляются. По разговору мне бы давно надо в думе гласным быть или головой; только у меня в уме суждения нет и что к чему — этого мне не дано. А обыкновенный разговор, окромя сурьезного, у меня все равно что бисер.

Мавра Тарасовна. У тебя есть дарование, а мне-то как, миленький?

Барабошев. И вы так точно, под меня подражайте.

Мавра Тарасовна. А денег-то сколько нужно? Как это генералу полагается?

Барабошев. Деньги — всё те же; но лучше отдать их вельможе, чем суконному рылу.

Мавра Тарасовна. Да шутишь ты, миленький, или вправду?

Барабошев. Завтрашнего числа развязка всему будет: придет сваха с ответом, и тогда у нас рассуждение будет, какой генералу прием сделать.

Мавра Тарасовна. Нам хоть кого принять не стыдно: дом как стеклышко.

Барабошев. Об винах надо будет заняться основательно, сделать выборку из прейс-курантов.

Мавра Тарасовна. Да, вот еще, не забыть бы:

нужно нам ундера к воротам для всякого порядку; а теперь, при таком случае, оно и кстати.

Барабошев. Это — дело самое настоящее; я об ундере давно воображал.

Мавра Тарасовна. Так я велю поискать, нет ли у кого из прислуги знакомого. *(Уходит.)*

Входит Зыбкина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Барабошев, Мухояров и Зыбкина.

Зыбкина *(кланяясь.)* Я к вам, Амос Панфилыч.

Барабошев. Очень вижу-с. Чем могу служить? Приказывайте!

Зыбкина. Наше дело — кланяться, а не приказывать. Насчет сынка.

Барабошев. Что же будет вам угодно-с?

Зыбкина. Коли он к вашему делу не нужен, так вы его лучше отпустите!

Барабошев. В хорошем хозяйстве ничего не бросают: потому всякая дрянь пригодиться может.

Зыбкина. Да что ж ему у вас болтаться? Он в другом месте при деле может быть.

Барабошев. И сейчас при должности находится: он у нас заместо Балакирева.

Зыбкина. Он должен свое дело делать, чему обучен; ему стыдно в такой должности быть.

Барабошев. А коли это звание для него низко, мы его можем уволить. Сам плакать об нем не буду и другим не прикажу.

Зыбкина. Так уж сделайте одолжение, отпустите его!

Барабошев. Я против закону удерживать его не могу, потому всякий человек свою волю имеет. Но из вашего разговора я заключаю так, что вы деньги принесли по вашему документу.

Зыбкина. Уж деньги-то я вас покорно прошу подождать.

Барабошев. Да-с, это, по-нашему, пустой разговор называется. Разговаривать нужно тогда, когда в руках есть что-нибудь; а у вас нет ничего, значит, все ваши слова — только одно мечтание. Но мечтать вы

можете сами с собой, и я вас прошу своими мечтами меня не беспокоить. У нас, коммерсантов, время даже дороже денег считается. Затем до приятного свидания *(кланяется),* и потрудитесь быть здоровы! *(Мухоярову.)* Никандра, какие у нас дела по конторе спешные?

Мухояров. Задержка в корреспонденции, побудительные письма нужно подписать; потому платежи в большом застое.

Барабошев. Скажи Платону Иванову Зыбкину, чтобы он все, что экстренное, сюда принес.

Мухояров уходит.

Зыбкина. Я одного боюсь, Амос Панфилыч: как бы он на ваши шутки вам не согрубил; пожалуй, что обидное скажет.

Барабошев. Никак не может; потому обида только от равного считается. Мы над кем шутим, так даже и ругаться дозволяем; это для нас одно удовольствие.

Зыбкина. Нечего делать, надо будет денег искать.

Барабошев. Сделайте одолжение! И ежели где очень много найдете, так покажите и нам, и мы в оном месте искать будем. Честь имею кланяться.

Зыбкина уходит. Входят Мухояров и Платон Зыбкин; в руках у него письма и чернильница с пером.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Барабошев, Мухояров и Платон.

Барабошев. Корреспонденция?

Платон. Совершенно справедливо-с. *(Кладет письма на столик и ставит чернильницу.)*

Барабошев. А сколько писем? Чтоб не было мне утомления...

Платон. Подпишете без утомления, потому только пять.

Барабошев *(шутя).* Почему, братец, нечетка? Как ты неаккуратен!

Мухояров. Сколько чего — вы его не спрашивайте: он в счете сбивчивость имеет.

Платон. Нет, я счет твердо знаю и тебя поучу.

Мухояров. Извольте подписывать, после сосчитаем. *(Подкладывает еще письмо и делает знак Барабошеву.)*

Барабошев *(подписывая)*. Я пять подписал, а вот еще. *(Берет письмо, которое подложил Мухояров.)*

Мухояров. Я говорю, что счету не знает-с.

Платон. Моих пять, а шестого я не знаю-с.

Барабошев. Кто же из нас кого обманывает? Чья это рука?

Мухояров. Его-с. А ты, Платон, не отпирайся, нехорошо.

Платон *(подходя)*. Позвольте! Я свою руку знаю. *(Смотрит на письмо, потом с испугом хватается за карман.)* Это письмо у меня украли... Оно сюда не принадлежит... Пожалуйте! Это я сам про себя... Это — мое сочинение. *(Хочет взять письмо.)*

Барабошев. Осади назад, осади назад! Ты мне сам его подал, значит, я вправе делать с ним, что хочу.

Платон. Позвольте, позвольте! Что я вам скажу... вы, может, не знаете... Да ведь это неблагородно, это довольно даже низко, Амос Панфилыч, чужие письма читать.

Барабошев. Что для меня благородно, что низко — я сам знаю; ни в учителя, ни в гувернеры я тебя не нанимал. Не пристань ты ко мне, я б твою литературу бросил, потому, окромя глупости, ты ничего не напишешь; а теперь ты меня заинтересовал, пойми!

Платон. Амос Панфилыч, ну имейте сколько-нибудь снисхождения к людям!

Барабошев. Стало быть, это тебе будет неприятно?

Платон. Да не то что неприятно, а для чувствительного человека это — подобно казни, когда над его чувствами смеются.

Барабошев. А ты разве чувствительный человек? Мы, братец, этого до сих пор не знали. Сейчас мы вставим двойные стекла *(надевает пенсне)* и будем разбирать твои чувствия.

Платон *(отходя)*. В пустой чердак двойных стекол не вставляют.

Барабошев. Вы полагаете, что в пустой?

Платон. Да уж это так точно. *(Хватаясь за голову.)* Но за что же, боже мой, такое надругательство?

Барабошев. А вот за эти ваши каламбуры.

Мухояров. И за два года вперед зачти!

Барабошев. По вашим заслугам надо бы вам еще по затылку награждение сделать...

Платон. Что ж, деритесь! Все это вы можете, и драться, и чужие письма читать; но при всем том мне вас жалко, очень мне вас жалко, да-с.

Барабошев. Отчего ж это такая подобная скорбь у вас?

Платон. Оттого, что вы — купец богатый, известный, а такие ваши поступки, и даже хотите драться...

Барабошев. Так что же-с?

Платон. А то, что это есть верх необразования и подлость в высшей степени.

Входит Мавра Тарасовна, за ней Филицата и Поликсена, которые останавливаются в кустах.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Барабошев, Мухояров, Платон, Мавра Тарасовна, Филицата и Поликсена.

Барабошев. Пожалуйте, маменька! Очень вы кстати; сейчас мы вам развлечение доставим: будем читать сочинение господина Зыбкина.

Мавра Тарасовна садится. Поликсена прислушивается из кустов.

Платон. Вот уж благодарю, вот уж покорно вас благодарю. Куда как благородно!

Барабошев *(читает)*. «Красота несравненная и душа души моей». Важно! Ай да Зыбкин!

Платон. Ах! Как это довольно подло, что вы делаете!

Барабошев *(читает)*. «Любить и страдать — вот что мне судьба велела. Нельзя открыть душу, нельзя показать чувства — невежество осмеет тебя и растерзает твое сердце. Люди необразованные имеют о себе высокое мнение только для того, чтоб иметь высокое давление над нами, бедными. Итак, я должен молчать и в молчании томиться».

Мавра Тарасовна *(сыну)*. Что ж это, миленький, такое написано?

Барабошев. Любовное письмо от кавалера к барышне.

Мавра Тарасовна. Какой же это кавалер?

Барабошев. А вот рекомендую: чувствительный человек и несостоятельный должник! Он должен мне по векселю двести рублей, на платеж денег не имеет и от этого самого впал в нежные чувства.

Мавра Тарасовна. К кому же это он, любопытно бы...

Барабошев. И даже очень любопытно. *(Платону.)* Слышишь, Зыбкин: нам с маменькой любопытно знать твой предмет; так потрудись объяснить, братец.

Платон. Мало ли кому что любопытно! Нет уж, будет с вас. Я так, про себя писал.

Мухояров. Да ты тень-то не наводи, говори прямо!

Мавра Тарасовна. Скажи, миленький! Вот и посмеемся все вместе: все-таки забава.

Платон. Умру, не скажу.

Барабошев. Он сейчас, маменька, скажет; у меня есть на него талисман. *(Вынимает вексель.)* Видишь свой документ? Коли скажешь, год буду деньги ждать.

Платон. Да невозможно. Смейтесь надо мной одним — чего вам еще нужно?

Мухояров. Как есть храбрый лыцарь, но, при всем том, без понятия к жизни.

Барабошев. Мало тебе этого? Ну, изорву, коли скажешь.

Платон. Жилы из меня тяните — не скажу.

Барабошев. Ну, так пеняй на себя! Сейчас пишу уплату: двадцать пять рублей тебе за месяц — ставлю бланк, без обороту на меня. *(Пишет на векселе.)* Передаю вексель доверенному моему. *(Отдает вексель Мухоярову.)* Видишь?

Платон. Что ж, ваша воля: отдавайте, кому хотите.

Барабошев *(Мухоярову)*. Завтра же представь вексель, получи исполнительный лист и *(показывая на Зыбкина)* опусти его в яму.

Платон *(с испугом)*. Как в яму! Зачем? Я — молодой человек; помилуйте, мне надо работать, маменьку кормить.

Барабошев. Ничего, братец, посиди, там не скучно; мы тебя навещать будем.

Мавра Тарасовна. Да, миленький, в богатстве-то живя, мы бога совсем забыли, нищей братии мало помогаем; а тут будет в заключении свой человек: все-таки вспомнишь к празднику, завезешь калачика, то, другое — на душе-то и легче.

Барабошев. Покорись, братец.

Платон *(опустив голову)*. Ну, в яму — так в яму! Но только я теперь ожесточился.

Мавра Тарасовна. Какой ты, миленький, глупый! Двести рублей для вас — велики деньги. Хоть бы мать-то пожалел.

Платон. Ах, уж не мучьте вы меня!

Мавра Тарасовна. Ведь так, чай, какая-нибудь полоумная либо мещаночка забвенная. Хорошая девушка, из богатого семейства, тебя не полюбит: ну, что ты за человек на белом свете?

Платон. Ничем я не хуже вас — вот что! Я молодой человек; наружность мою одобряют, за свое образование — я личный почетный гражданин.

Мухояров. Нет, не личный, а ты лишний почетный гражданин.

Барабошев. Вот это верно, что ты лишний.

Платон. Нет, вы — лишние-то, а я — нужный; я — ученый человек, могу быть полезен обществу. Я патриот в душе и на деле могу доказать.

Барабошев. Какой ты можешь быть патриот? Ты не смеешь и произносить, потому это высоко и не тебе понимать.

Платон. Понимаю, очень хорошо понимаю. Всякий человек, что большой, что маленький,— это все одно, если он живет по правде, как следует, хорошо, честно, благородно, делает свое дело себе и другим на пользу,— вот он и патриот своего отечества. А кто проживает только готовое, ума и образования не понимает, действует только по своему невежеству, с обидой и с насмешкой над человечеством, и только себе на потеху, тот — мерзавец своей жизни.

Барабошев. А как ты обо мне понимаешь? Ежели я ни то, ни другое и, промежду всего этого, хочу быть сам по себе?

Платон. Да уж нельзя; только два сорта и есть, податься некуда: либо патриот своего отечества, либо мерзавец своей жизни.

Барабошев. В таком случае поди вон и ожидай себе по заслугам.

Мухояров. А вот он у меня другую песню запоет.

Платон. Всю жизнь буду эту песню петь; другой никто меня не заставит.

Барабошев. Однако у меня от этих глупых прениев в горле пересохло. Маменька, попотчуйте холодненьким, не заставьте умереть от жажды!

Мавра Тарасовна. Пойдем, миленький, и я с тобой выпью. Какое это вино расчудесное, ежели его пить с разумом.

Платон. Прощайте, бабушка.

Мавра Тарасовна. Прощай, внучек! Бабушка я, да только не тебе.

Барабошев. Господин Зыбкин, до свидания у Воскресенских ворот! *(Мухоярову.)* Проводи его честь-честью!

Платон. Чему вы рады? Кого вы гоните? Разве вы меня гоните? Вы правду от себя гоните — вот что!

Уходит, за ним Мухояров, Мавра Тарасовна и Барабошев. Из кустов выходят Поликсена и Филицата.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Поликсена и Филицата.

Поликсена. Няня, няня! Филицата!

Филицата *(не слушая)*. Ай, что он тут наделал-то, что натворил! На-ка, хозяевам в глаза так прямо!

Поликсена. Филицата, да слушай ты меня!

Филицата. Ну, что, что тебе?

Поликсена. Чтобы ночью, когда все уснут, он был здесь в саду! Слышишь ты, слышишь? Непременно.

Филицата. Что ты, что ты? Опомнись! Тебя хотят за енарала отдавать, а ты ишь что придумываешь!

Поликсена. Я тебе говорю: чтобы он был здесь ночью! И ничего слышать не хочу; ты меня знаешь.

Филицата. Что ты об своей голове думаешь? На что он тебе? Он тебе совсем не под кадрель. Ну, хоть будь он какой советник, а то люди говорят, что он какой-то лишний на белом свете.

Поликсена. Так ты не хочешь? Говори прямо: не хочешь?

Филицата. Да с какой стати, и с чем это сообразно, коли тебя за енарала...

Поликсена *(доставая деньги)*. Так вот что: поди купи мне мышьяку.

Филицата. Ай, батюшки! Ай, что ты, греховодница!

Поликсена *(отдавая деньги)*. Купи мне мышьяку! А если не купишь — я сама найду. *(Уходит.)*

Филицата. Ай, погибаю, погибаю! Вот когда моей головушке мат пришел.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Зыбкина.
Платон.
Мухояров.
Филицата.
Сила Ерофеич Грознов, *отставной унтер-офицер, лет 70, в новом очень широком мундире старой формы, вся грудь увешана медалями, на рукавах нашивки, фуражка теплая.*

Бедная, маленькая комната в квартире Зыбкиной; в глубине дверь в кухню, у задней стены диван, над ним повешаны в рамках школьные похвальные листы; налево окно, направо шкафчик, подле него обеденный стол; стулья простой, топорной работы, на столе тарелка с яблоками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зыбкина (сидит у окна), входит Платон.

Платон *(садится утомленный)*. Готово. Теперь чист молодец: все заложил, что только можно было. Семи рублей не хватает, так еще часишки остались.

Зыбкина. А как жить-то будем?

Платон. А как птицы живут? У них денег нет. Только бы долг-то отдать, а то руки развязаны. Вот деньги-то! *(Подает Зыбкиной деньги.)* Приберегите! Завтра снесем.

Зыбкина. А как жалко-то; столько денег в руках, и вдруг их нет.

Платон. Да ведь нечего делать: и плачешь, да отдаешь.

Зыбкина. Уж это первое дело — долг отдать, петлю с шеи скинуть,— последнего не пожалеешь. Бедно, голо, да зато совесть покойна; сердце на месте.

Платон. Как это, маменька, приятно, что у нас с вами мысли одинакие.

Зыбкина. А ты думаешь, ты один честный-то человек? Нет, и я понимаю, что коли брал, так отдать надо. Просто уж это очень.

Платон. А как я давеча этой ямы испугался!

Зыбкина. Ну, вот! Да разве я допущу? Я последнее платье продам. Мухояров за тобой из трактира присылал: дело какое-то есть.

Платон. Надо идти: у него знакомства много, работу не достану ли через него.

Зыбкина. Поди! Убытку не будет, дома-то делать нечего.

Платон уходит.

Перечесть деньги-то да в комод запереть. *(Считает деньги и запирает в шкафчик.)*

Входит Филицата.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Зыбкина и Филицата.

Филицата. Снова здорово, соседушка!

Зыбкина. Здравствуй, Филицатушка! Садись! Как дела-то? По-прежнему, аль что новое есть?

Филицата. Ох, уж и не говори! Голова кругом идет.

Зыбкина. Была у колдуна-то?

Филицата. Была. До утра ворожбу-то отложили; уж завтра натощак — что бог даст; а теперь другая забота у меня. Вот видишь ли: хозяева наши хотят ундера на дворе иметь, у ворот поставить.

Зыбкина. Что ж, дело хорошее, при большом доме не лишнее.

Филицата. Вот я и ездила за ним, у меня знакомый есть; да куда ездила-то! В Преображенское.

Привезла было его с собой, да не вовремя: видишь, дело-то к ночи, теперь хозяевам доложить нельзя, забранятся, что безо времени беспокоят их, а до утра чужого человека в доме оставить не смеем.

Зыбкина. Так вели ему завтра пораньше явиться, а теперь пусть домой идет.

Филицата. Что ты, что ты! Уж куда ему назад плестись да завтра опять такую даль колесить! Я его и сюда-то, в один конец, насилу довезла, боялась, что дорогой-то развалится.

Зыбкина. Старенький?

Филицата. Ветхий старичок.

Зыбкина. Так на что ж вам такого?

Филицата. Да что ж у нас работа, что ль, какая! У ворот-то сидеть — трудность невелика. У нас два дворника, а его только для порядку; он — кандидат, на линии офицера, весь в медалях,— вахмистр, как следует. Состарился, так уж это не его вина: лета подошли преклонные, ну и ослаб; а все ж таки своего геройства не теряет.

Зыбкина. Где ж он у тебя?

Филицата. У калитки на лавочке сидит, отдыхает; растрясло, никак раздышаться не может. Так вот я тебя и хочу просить: приюти ты его до утра; он человек смирный, солидный.

Зыбкина. Что ж, ничего! Пусть ночует; за постой не возьму...

Филицата. Смирный он, смирный, ты не беспокойся. А уж я тебе за это сама послужу. Дай ему поглодать чего-нибудь, а уснет — где пришлось: солдатская кость, к перинам непривычен. *(Подходит к окну.)* Сила Ерофеич, войдите в комнату! *(Зыбкиной.)* Сила Ерофеич его зовут-то. Сын-то у тебя где?

Зыбкина. По делу побежал недалечко.

Филицата. А и мне его нужно бы. Ну, да я к тебе еще зайду; далеко ль тут? Всего через улицу перебежать. Кстати, тебе яблочков кулечек принесу.

Зыбкина. Да у меня и прежние твои еще ведутся. Вон на столе-то!

Филицата. Ну, все-таки не лишнее, когда от скуки пожуешь; у меня ведь не купленные.

Входит Грознов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зыбкина, Филицата и Грознов.

Грознов *(вытягиваясь во фрунт)*. Здравия желаю!

Зыбкина. Здравствуйте, Сила Ерофеич.

Филицата. Это моя знакомая — Палагея Григорьевна... Вот вы, Сила Ерофеич, здесь и ночуете.

Грознов. Благодарю покорно.

Зыбкина. Садитесь, Сила Ерофеич!

Грознов садится к столу.

Яблочка не угодно ли?

Грознов *(берет яблоко с тарелки)*. Налив?

Зыбкина. Белый налив, мягкие яблоки.

Грознов. В Курске яблоки-то хороши... Бывало, набьешь целый ранец.

Зыбкина. А дешевы там яблоки?

Грознов. Дешевы, очень дешевы.

Зыбкина. Почем десяток?

Грознов. Ежели в саду, так солдату задаром, а с прочих — не знаю, и на рынке тоже не покупал.

Зыбкина. Да, уж это на что дешевле!

Филицата. Ну, мне пора домой бежать. *(Подходит к Грознову.)* Вот что, Сила Ерофеич: чтоб вас завтра скорей в дом-то к нам допустили, вы, отдохнувши, сегодня же понаведайтесь к воротам. У нас завсегда либо дворник, либо кучер, либо садовник у ворот сидят; поговорите с ними, позовите их в трактир, попотчуйте хорошенько! Своих-то денег вам тратить не к чему, да вы и не любите, я знаю; так вот вам на угощение! *(Дает рублевую бумажку.)*

Грознов. Это хорошо, хорошо. Я так и сделаю, я люблю в компании-то, особенно ежели на чужие-то...

Филицата. А завтра, когда придете, скажите, что мой родственник; вас прямо ко мне наверх и проводят задним крыльцом.

Грознов. Я скажу — кум. Я все, бывало, так-то и смолоду: когда нужно повидать либо вызвать кого, так кумом сказывался. Хе-хе-хе.

Филицата. Значит, вас учить нечего.

Грознов. Что ученого учить! Тоже ведь ходок был.

З ы б к и н а. Да вы и сейчас на вид-то не очень чтобы... еще мужчина бравый.

Г р о з н о в. Что ж? Я еще хоть куда, еще молодец; ну, а уж кумовство все ушло, прежнего нет — тю-тю!

Ф и л и ц а т а. Вот вы и потолкуйте. Вы, Сила Ерофеич, расскажите, в каких вы сражениях стражались, какие страсти-ужасти произошли, каких королей, принцев видели; вот у вас время-то и пройдет. А я через час забегу, сына твоего мне нужно видеть непременно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

З ы б к и н а и Г р о з н о в.

З ы б к и н а. И рада бы я вас послушать: очень я люблю, когда страшное что рассказывают, ну и про королей, про принцев тоже интересно, да на уме-то у меня не то, свое горе одолело.

Г р о з н о в. Я про сражения-то уж плохо и помню,— давно ведь это было. Прежде хорошо рассказывал, как Браилов брали, а теперь забыл. Я больше двадцати лет в чистой отставке; после-то все в вахмистрах да в присяжных служил, гербовую бумагу продавал.

З ы б к и н а. Всё у денег, значит, были?

Г р о з н о в. Много их через мои руки перешло.

З ы б к и н а. А мы вот бьемся, так бьемся деньгами-то. Уж как нужны, как нужны!

Г р о з н о в. Кому они не нужны! Жить трудно стало; за все деньги плати.

З ы б к и н а. Жить-то бы можно; а вот долг платить тяжело.

Г р о з н о в. Да, платить тяжело; занимать гораздо легче.

З ы б к и н а. Ну, не скажите! Вот я понабрала деньжонок долг-то отдать, а все еще не хватает, да на прожитие нужно рублей тридцать бы призанять теперь; а где их возьмешь? У того нет...

Г р о з н о в. А у другого и есть, да не даст. Вот у меня и много, а я не дам.

З ы б к и н а. Что вы говорите!

Г р о з н о в. Говорю: денег много, а не дам.

З ы б к и н а. Да почему же?

Грознов. Жалко.

Зыбкина. Денег-то?

Грознов. Нет, вас.

Зыбкина. Как же это?

Грознов. Я проценты очень большие беру.

Зыбкина. Скажите! Да на что вам: вы, кажется, человек одинокий?

Грознов. Привычка такая. А вы кому должны?

Зыбкина. Купцу.

Грознов. Богатому?

Зыбкина. Богатому.

Грознов. Так и не платите. Об чем горевать-то? Вот еще! Нужно очень себя разорять.

Зыбкина. Да ведь по векселю.

Грознов. Так что ж за беда, что по векселю? Нет, что вы, помилуйте! И думать нечего! Не платите — да и все тут. А много ли должны-то?

Зыбкина. Да без малого двести рублей.

Грознов. Двести? Ни, ни, ни! Что вы, в уме ли? Столько денег отдать? Да ни под каким видом не платите!

Зыбкина. Да ведь он документ взял, говорю я вам.

Грознов. Ну, а взял, так чего ж ему еще? И пусть его смотрит на документ-то.

Зыбкина. Да ведь посадит сына-то.

Грознов. Куда?

Зыбкина. В яму, к Воскресенским воротам.

Грознов. Что ж? Это ничего, пущай посидит, там хорошо... пищу очень хвалят.

Зыбкина. Да ведь срам, помилуйте!

Грознов. Нет, ничего: там и хорошие люди сидят, значительные, компания хорошая. А бедному человеку — так и на что лучше: покойно, квартира теплая, готовая, хлеб все больше пшеничный.

Зыбкина. Это, действительно, правда ваша, только жалко, сын ведь.

Грознов. Что его жалеть-то! Посидит да опять домой придет. Деньги-то жальче — они уж не воротятся: запрет их купец в сундук, вот и идите домой ни с чем. А спрятать их подальше да вынимать понемножку на нужду — так на сколько их хватит! Ну, пропади у вас столько денег, что бы вы сказали?

Зыбкина. Сохрани бог! С ума можно сойти.

Грознов. Украдут — жалко, а своими руками отдать не жалко? Смешно. Руки-то по локоть отрубить надо, которые свое добро отдают.

Зыбкина. Справедливы ваши речи, очень справедливы; а все-таки у меня-то сомнение! Чужие деньги, взятые,— как их не отдать?

Грознов. Да вы разве на сбереженье брали? Коли на сбереженье брали, да они у вас целы,— так отдавайте. А я думал, это трудовые. Трудовые-то люди жалеют, берегут.

Зыбкина. Так вы не советуете отдавать?

Грознов. Купец от ваших денег не разбогатеет, а себя разорите.

Зыбкина. Уж как я вам благодарна. Женский ум, что делать-то — всего не сообразишь. А ежели сын требовать будет?

Грознов. А что сын? Сиди, мол, вот и все! Надоест купцу кормовые платить, ну и выпустит; либо к празднику кто выкупит.

Зыбкина. Как это все верно, что вы говорите.

Входят Платон и Мухояров. Грознов садится сзади стола у шкафа и жует яблоко.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Зыбкина, Грознов, Платон и Мухояров.

Мухояров *(садится, разваливается и надевает пенсне)*. Скажите, пожалуйста, я вас спрашиваю: ваш сын имеет в себе какой-нибудь рассудок?

Зыбкина. Не знаю, как вам сказать. Кажется, бог не обидел; ну, и учили мы его.

Мухояров. Однако и образования настоящего по бухгалтерской части я не вижу.

Платон. Фальшивые балансы-то тебе писать? Нет, уж это на что же!

Мухояров. Не с вами говорят, а с вашей маменькой. Но я даю ему работу и очень интересную: баланс стоит сто рублей; я предлагаю полтораста, но он не берет.

Платон. Совести не продам, сказано тебе, и не торгуйся лучше.

Мухояров. Какой же ты бухгалтер! От тебя твоей науки сейчас требуют, а не совести; значит, ты не своим товаром торгуешь.

Платон. Да уж будет разговаривать-то. Тысячи рублей не возьму — вот тебе и сказ.

Мухояров. Твоя глупость при тебе, — я спорить не стану. Мы людей найдем. *(Зыбкиной.)* У нас дело вот какого роду: много денег в кассе не хватает; хозяин издержал на свои развлечения; так нам требуется баланс так оттушевать, чтобы старуха разобрать ничего не могла. *(Показывая на Грознова.)* Что это у вас за орангутант?

Зыбкина. Какой орангутант, помилуйте! Это — кавалер. Ваша нянька хочет его к вам в ундеры поставить. *(Грознову, указывая на Платона.)* Вот Сила Ерофеич, сынок-то мой, про которого говорили.

Грознов. Парень знатный! *(Манит рукой Платона.)* Поди-ка сюда поближе!

Платон подходит.

Кто это? *(Указывая на Мухоярова.)*

Платон. Приказчик от Барабошева.

Грознов. О!.. А я думал!.. *(Отворачивается и жует яблоко.)*

Мухояров *(вставая)*. Хорош мужчина!

Грознов. Недурен. А ты как думал?

Зыбкина. Он в разных сражениях бывал, королей, императоров и всяких принцев видел.

Мухояров. Врет все: ничего он не видел, за пушкой лежал где-нибудь.

Грознов. Нет, видел.

Мухояров. На картинке?

Грознов *(сердито)*. В натуре.

Мухояров. Которого?

Грознов. Австрицкого, прежнего.

Мухояров. А какой он из себя? Мал, велик, толст, тонок? Вот и не скажешь.

Грознов. Нет, скажу.

Мухояров. А скажешь — так и говори! Вот мы твою правду и узнаем. Ну, какой?

Грознов *(передразнивая)*. Какой, какой! Солидный человек, не тебе, прохвосту, чета. *(Встает.)* Ну, я пойду.

Зыбкина. Идите, Сила Ерофеич!

М у х о я р о в. Куда нам такую ветошь? У нас не Матросская богадельня. Разве для потехи?

Г р о з н о в. Поживи-ка с мое, так сам в богадельню запросишься, а я еще на своих харчах живу. А у Барабошевых тебя держать станут ли, нет ли, не знаю, а я жить буду. А коли будем жить вместе, не прогонят тебя, так ты мне вот как будешь кланяться. Не больно ты важен: видали и почище. *(Уходит.)*

М у х о я р о в. Я прихожу к вам вроде как благодетель, интересую вас работой, но вы сами не хотите, значит, прощайте! Между прочим сказать, я вам не опекун. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

З ы б к и н а и П л а т о н.

П л а т о н. Поняли, маменька?

З ы б к и н а. Нечего мне понимать, да и незачем.

П л а т о н. Какую штуку-то гнет! Сами обманывать не умеют, так людей нанимают.

З ы б к и н а. Кого обманывать-то?

П л а т о н. Старуху, Барабошеву старуху. Какую работу нашел — скажите!

З ы б к и н а. Да ты эту работу умеешь сделать?

П л а т о н. Как не уметь, коли я этому учился.

З ы б к и н а. Деньги дадут за нее?

П л а т о н. Полтораста посулил.

З ы б к и н а. Мильонщики мы?

П л а т о н. Мы не мильонщики, но я, маменька, патриот.

З ы б к и н а. Изверг ты — вот что! *(Утирает платком глаза.)*

П л а т о н. Об чем же вы плачете? Вы должны хвалить меня; я вот последние часишки продал.

З ы б к и н а. Зачем это?

П л а т о н. Чтобы долг заплатить. *(Достает деньги.)* Вот, приложите к тем.

З ы б к и н а. Нет, оставь у себя, пригодятся. Без денег-то везде плохо.

П л а т о н. Да ведь там не хватает.

З ы б к и н а. Чего не хватает?

Платон. Долг-то отдать; не все ведь!

Зыбкина. Да уж я раздумала платить-то. Совсем было ты меня с толку сбил; какую глупость сделать хотела! Как это разорить себя...

Платон. Маменька, что вы! что вы!

Зыбкина. Хорошо еще, что нашлись умные люди, отсоветовали. Руки по локоть отрубить, кто трудовые-то отдает.

Платон. Маменька, маменька, да ведь меня в яму, в яму!

Зыбкина. Да, мой друг. Уж поплачу над тобой, да, нечего делать, благословлю тебя да и отпущу. С благословением моим тебя отпущу, ты не беспокойся.

Платон. Маменька, да ведь с триумфом меня повезут, провожать в десяти экипажах будут, пустых извозчиков наймут, процессию устроят, издеваться станут — только ведь им того и нужно.

Зыбкина. Что ж делать-то? Уж потерпи, пострадай!

Платон. Маменька, да ведь навещать будут, калачи возить — всё с насмешкой.

Зыбкина. Мяконький калачик с чаем, разве дурно?

Платон. Ну, а после чаю-то, что мне там делать целый день? Батюшки мои! В преферанс я играть не умею. Чулки вязать только и остается.

Зыбкина. И то дело, друг мой: все-таки не сложа руки сидеть.

Платон *(с жаром)*. Так готовьте мне ниток и иголок, больше готовьте, больше!

Зыбкина. Приготовлю, мой друг, много приготовлю.

Платон *(садится, опустя голову)*. От вас-то я, маменька, не ожидал! Признаться сказать, никак не ожидал!

Зыбкина. Зато деньги будут целее, милый друг мой!

Платон. Всю жизнь я, маменька, сражаюсь с невежеством, только дома утешение и вижу, и вдруг какой удар: в родной матери я то же самое нахожу.

Зыбкина. Что то же самое? Невежество-то? Брани мать-то, брани!

Платон. Как я, маменька, смею вас бранить. Я не такой сын. А только ведь оно самое и есть.

З ы б к и н а. Обижай, обижай! Вот посидишь в яме-то, так авось поумней будешь.

П л а т о н. Что ж мне делать-то? Кругом меня необразование, обошло оно меня со всех сторон, одолевает меня, одолевает. Ах! Пойду брошусь, утоплюсь.

З ы б к и н а. Не бросишься.

П л а т о н. Конечно, не брошусь, потому это глупо. А я вот что, вот что. *(Садится к столу, вынимает бумагу и карандаш.)*

З ы б к и н а. Это что еще?

П л а т о н. Стихи буду писать. В таком огорчении всегда так делают образованные люди.

З ы б к и н а. Что ты выдумываешь?

П л а т о н. Чувств моих не понимают, души моей оценить не могут и не хотят — вот все это тут и будет обозначено.

З ы б к и н а. Какие ж это будут стихи?

П л а т о н. «На гроб юноши». А вам читать да слезы проливать. Будет, маменька, слез тут ваших много, много будет. *(Задумывается, пишет и опять задумывается.)*

Входит Ф и л и ц а т а с узлом.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

З ы б к и н а, П л а т о н и Ф и л и ц а т а.

Ф и л и ц а т а. Вот я тебе яблочков принесла! Нака! *(Отдает узел.)* Салфеточку-то не забудь,— хозяйская.

З ы б к и н а. Спасибо, Филицатушка, об салфетке попомню.

Ф и л и ц а т а. Освободи-ка нас на минутку: нужно мне Платону два слова сказать.

З ы б к и н а. Об чем же это?

Ф и л и ц а т а. Наше дело; мы с ним только двое и знаем.

З ы б к и н а. Я уйду, говорите. Говори, что хочешь, только бы нам на пользу шло. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Платон и Филицата.

Филицата. Послушай-ка ты, победитель!

Платон. Погоди, не мешай! Фантазия разыгрывается.

Филицата. Брось, говорю. Не важное какое дело-то пишешь, не государственное! Я послом к тебе.

Платон *(пишет)*. Ничего хорошего от тебя не ожидаю.

Филицата. В гости зовут.

Платон. Когда?

Филицата. Сейчас, пойдем со мной! Провожу я тебя в сторожку, посидишь там до ночи, а потом в сад, когда все уснут. По обыкновению, как и прежде бывало, ту же канитель будем тянуть.

Платон. Не до того; я очень душой расстроен.

Филицата. А ты выручи меня! Приказала, чтоб ты был беспременно.

Платон. Да ведь это мука моя! Ведь тиранство она надо мной делает.

Филицата. Что ж делать-то! Не ровня она тебе... а ты бы уж и рад... Мало ль что? Чин твой не позволяет.

Платон. Скоро что-то; давно ль виделись! Прежде, бывало, дней через пять, через шесть.

Филицата. Значит, нужно. Оказия такая случилась.

Платон. Что еще? Говори, не скрывай.

Филицата. Слушай меня! Надежды ведь ты никакой на нее не имеешь?

Платон. Какая надежда! На что тут надеяться!

Филицата. Значит, и жалеть о ней тебе много нечего.

Платон. Не знаю. Как сердце примет. Тоже ведь оно у меня не каменное.

Филицата. Ну, авось не умрешь. Ее за енарала отдают.

Платон. За генерала?

Филицата. Да. Так уж ты тут при чем? Что ты против енарала можешь значить?

Платон. Где уж! Такая-то мелочь, такая-то ме-

лочь, что самому на себя глядеть жалко. *(Качая головой.)* Но кто ж этого ожидал!

Филицата. Так пойдем. Должно быть, проститься с тобой хочет.

Платон. Приказывает, так надо идти. Вот она, жизнь-то моя,— одно горе не оплакал, другое на плечи валится. *(Махнув рукою.)* Одни стихи не кончил, другие начинай! *(В задумчивости.)* Вот и повезут, и повезут нас врозь: ее в карете венчаться с генералом, а меня судебный пристав за ворот в яму.

За сценой голос Грознова: «Если б завтра да ненастье, то-то б рада я была».

Это что ж такое?

Филицата. Должно быть, Сила Ерофеич вернулся: в трактире был с нашими, с дворником да с садовником.

Голос за сценой: «Если б дождик, мое счастье».

Ну, он и есть.

Входят Зыбкина и Грознов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Платон, Филицата, Зыбкина и Грознов

Грознов *(поет)*. «За малинкой б в лес пошла». *(Садится на стул.)*

Филицата *(Зыбкиной)*. Угомони ты его! Он теперь уснет, как умрет. А сына твоего я с собой уведу.

Зыбкина. Пущай идет. Своя воля — не маленький.

Филицата и Платон уходят.

Грознов *(поет)*. «За малинкой б в лес пошла». Где он тут?

Зыбкина. Кто он-то?

Грознов. Приказчик этот. Вот он теперь поговори со мной. Я его! У-у-у! *(Топает ногами.)*

Зыбкина. Он давно ушел, Сила Ерофеич.

Грозно в. Подайте его сюда! Смеяться над Грозновым!.. Вот я ему задам!

Зыбкина. Да где же его взять-то?

Грознов. Ты смеяться надо мной? Ах ты, молокосос! Что ты, что ты? Ты знаешь ли, что такое Грознов... Сила Грознов?.. Грознов — герой... одно слово... пришел, увидел, ну и кончено. Какие дела Грознов делал... какие дела? Это только уму... у... у... непостижимо.

Зыбкина. Ах, скажите, пожалуйста.

Грознов. Молодой Грознов... ну да, не теперь, а молодой...

Зыбкина. Ах, как это интересно.

Грознов. Была женщина красавица, и были у нее станы ткацкие, на Разгуляе... там далеко... в Гав... в Гав... в Гавриковом переулке и того дальше... Только давно это было... перед турецкой войной. Тогда этот турка взбунтовался, а мы его... били... за это... Вот каков Грознов! А ты шутить!.. Мальчишка!

Зыбкина. Ну, и что же эта женщина, Сила Ерофеич?

Грознов. Вот и полюбила она Грознова... и имел Грознов от нее всякие продукты и деньги... И услали Грознова под турку... и чуть она тогда с горя не померла... так малость самую... в чем душа осталась. А Грознов стал воевать... Вот каков Грознов, а ты мальчишка! У... у... у... *(Топает ногами.)*

Зыбкина. Дальше-то, дальше-то что, Сила Ерофеич?

Грознов. Только умереть она не умерла, а вышла замуж за богатого купца... очень влюбился... такая была красавица... по всей Москве одна. Первая красавица в Москве, и та любила Грознова... Вот он какой, вот он какой!

Зыбкина. И уж вы после эту женщину не видали?

Грознов. Как не видать — видел. *(Поет.)* «За малинкой б в лес пошла».

Зыбкина. Чай, не узнала вас, отвернулась, будто и не знакомы?

Грознов. Ну, нет. Тут такая история была, такая история, что и думать — так не придумаешь.

Зыбкина. Уж вы, будьте столь добры, доскажите все до конца.

Грознов. Вот пришел я в Москву в побывку, узнал, что она замужем... расспросил, как живет и где живет. Иду к ней; дом — княжеские палаты; мужа на ту пору нет; провели меня прямо к ней... Как увидала она меня, и взметалась, и взметалась... уж очень испугалась... Муж-то ее в большой строгости держал... И деньги-то мне тычет... и перстни-то снимает с рук, отдает; я все это беру... Дрожит, вся трясется, так по стенам и кидается; а мне весело. «Возьми, что хочешь, только мужу не показывайся!» Раза три я так-то приходил... тиранил ее... Ну, и стал прощаться; надо в полк идти, а она-то себя не помнит от радости, что покойна-то будет. И что же я с ней тогда сделал... по научению умных людей?.. Мудрить-то мне над ней все хотелось... Взял я с нее такую самую страшную клятву, что ежели эту клятву не исполнить, так разнесет всего человека... С час она у меня молилась, все себя проклинала, потом сняла образ со стены... А клятва эта была в том, что ежели я ворочусь благополучно и что ни истребую у нее, чтоб все было... А на что мне? Так, пугал... И клятва эта вся пустая, так, слова дурацкие: на море на окияне, на острове на буяне... В шею бы меня тогда... а она всурьез... Так вот каков Грознов!

Зыбкина. А что ж дальше-то?

Грознов. Ничего. Чему быть-то?.. Я всего пять дней и в Москве-то... Умирать на родину приехал, а то все в Питере жил... Так чего мне?.. Деньги есть; покой мне нужен — вот и все... А чтоб меня обидеть — так это нет, шалишь... Где он тут? Давайте его сюда! Давайте его сюда! Давайте сюда! *(Топает ногами, потом дремлет.)* «За малинкой б в лес пошла».

Зыбкина. Ложились бы вы, храбрый воин, почивать.

Грознов *(стряхивая дремоту)*. Зорю били?

Зыбкина. Били.

Грознов. Ну, теперь одно дело — спать.

Зыбкина. Вот сюда, на диванчик, пожалуйте!

Грознов *(садясь на диван, отваливается назад и поднимает руки)*. Царю мой и боже мой!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Мавра Тарасовна.
Барабошев.
Поликсена.
Мухояров.
Платон.
Филицата.
Глеб.

Декорация первого действия.

Лунная ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глеб (один).

Глеб. Какая все, год от году, перемена в Москве: совсем другая жизнь пошла. Бывало, в купеческом доме в девять часов хозяева-то уж второй сон видят, так для людей-то какой простор! А теперь вот десять часов скоро, а еще у нас не ужинали, еще проклажаются, по саду гуляют. А что хорошего? Только прислуге стеснение. Вот мешки-то с яблоками с которых пор валяются, никак их со двора не сволочешь, не улучишь минуты за ворота вынести: то сам тут путается, то сама толчется. Тоже ведь и нам покой нужен; вот снес бы яблоки — и спать, а то жди, когда они угомонятся.

Входят Мавра Тарасовна и Филицата.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глеб, Мавра Тарасовна и Филицата.

Глеб. Я вот, Мавра Тарасовна, рассуждаю, стою, что пора бы нам яблоки-то обирать. Что они мотаются! Только одно сумление с ними да грех; стереги их, броди по ночам, чем бы спать, как это предуставлено человеку.

Мавра Тарасовна. Я свое время знаю, когда обирать их.

Глеб. То-то, мол. Отобрать бы: которые в мочку, которые в лежку, опять ежели варенье...

Мавра Тарасовна. Уж это, миленький, не твое дело.

Глеб. Да мне что! Я со всем расположением... уж я теперь неусыпно... Нет, я за ум взялся: стеречь надо, вот что!

Мавра Тарасовна. Стереги, миленький, стереги!

Глеб. А вора я вам предоставлю... Что я виноват, уж это... нет, едва ли! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мавра Тарасовна и Филицата.

Мавра Тарасовна. Амос Панфилыч давно уехал?

Филицата. Да он, матушка, дома.

Мавра Тарасовна. Что так замешкался?

Филицата. Да, видно, не поедет: и лошадей не закладывают, да и кучер со двора отпросился.

Мавра Тарасовна. По будням все ночи напролет гуляет, а в праздник дома; чему приписать, не знаю.

Филицата. Что человека из дому-то гонит? Отвага. А ежели отваги нет, ну и сидит дома. Вот какое дело; а то чему ж другому и быть-то?

Мавра Тарасовна. Куда ж эта его отвага девалась?

Филицата. Первая отвага в человеке — коли денег много; а деньги под исход — так человек скромнее бывает и чувствительнее, и об доме вспомнит, и об семействе.

Мавра Тарасовна. Так от безденежья, ты думаешь?

Филицата. Одно дело, что прохарчился, матушка.

Мавра Тарасовна. Ты с приказчиками-то, миленькая, дружбу водишь, так что́ говорят-то? Ты мне, как на духу!

Филицата. Да что уж! Тонки дела, тонки.

Мавра Тарасовна. Торговля плоха, стало быть?

Филицата. Да что торговля! Какая она ни будь, а если нынче из выручки тысячу, завтра две, да так постепенно выгребать, много ли барыша-то останется? А тут самим платить приходится; а денег нет: вот отчего и тоска, и уж такого легкого духу нет, чтоб тебя погулять манило.

Мавра Тарасовна. А много ль Амос Панфилыч на себя забрал из выручки-то?

Филицата. Говорят, тысяч двадцать пять в короткое время.

Мавра Тарасовна. Ну, что ж, миленькая, пущай: мы люди богатые, только один сын у меня; в кого ж и жить-то?

Филицата. Да что уж! Только б быть здоровыми.

Мавра Тарасовна. Еще чего не знаешь ли? Так уж говори кстати, благо начали!

Филицата. Платона даром обидели — вот что! Он хозяйскую пользу соблюдал и такие книги писал, что в них все одно что в зеркале, сейчас видно, кто и как сплутовал. За то и возненавидели.

Мавра Тарасовна. Конечно, такие люди дороги: а коли грубит, так ведь одного дня терпеть нельзя.

Филицата. Ваше дело; мы судить не смеем.

Проходят. С другой стороны входят Барабошев и Мухояров.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Барабошев и Мухояров.

Барабошев. Почему такое, Никандра, у нас в кассе деньги не в должном количестве?

Мухояров. Такая выручка, Амос Панфилыч, ничего не поделаешь.

Барабошев. Мне нужно тысячи две на мои удовольствия, и вдруг — сюрприз.

Мухояров. Уплаты были, сроки подошли.

Барабошев. А как, братец, наш портфель?

Мухояров. Портфель полнехонек, гербовой бумаги очень достаточно.

Барабошев. В таком разе дисконтируй!

Мухояров. Где прикажете?

Барабошев. Никандра, ты меня удивляешь. Ступай, братец, по Ильинке: налево один банк, направо другой.

Мухояров. Да-с, это точно-с. Вот если бы вы сказали: ступай по Ильинке, налево один трактир, дальше — другой, в одном спроси полуторный, в другом порцию солянки закажи,— так это все осуществить можно-с. А ежели заходить в банки, так это один моцион и больше ничего-с; хоть налево заходи, хоть направо — ни копейки за наши векселя не дадут.

Барабошев. Но мой бланк чего-нибудь стоит?

Мухояров. Еще хуже-с.

Барабошев. Значит, я тебя буду учить, коли ты настоящего не понимаешь. Нужны деньги — процентов не жалей, дисконтируй в частных руках, у интересантов.

Мухояров. Все это мне давно известно-с! Но в частных руках полторы копейки в месяц за хорошие-с.

Барабошев. А за наши?

Мухояров. Ни копейки-с.

Барабошев. Получение предвидится?

Мухояров. Получения много; только получить ничего нельзя-с.

Барабошев. А платежи?

Мухояров. А платежи завтрашнего числа, и послезавтра, и еще через неделю.

Барабошев. Какая сумма?

Мухояров. Тысяч более тридцати-с.

Барабошев. Постой, постой! Ты, братец, должен осторожнее. Ты меня убил. *(Садится на скамейку.)*

Мухояров. У Мавры Тарасовны деньги свободные-с.

Барабошев. Но у нее у сундука замок очень туг.

Мухояров. Придите поклонимся!

Барабошев. Она любит, чтобы ей вприсядку кланялись до сырой земли.

Мухояров. И ничего не зазорно-с, потому родительница.

Барабошев. Хрящи-то у меня срослись, гибкости, братец, прежней в себе не нахожу.

Мухояров. Оно точно-с: выделывать эти самые па довольно затруднительно,— но, при всем том, обойтись без них никак невозможно-с.

Барабошев. Поклоны-то — поклонами, эту эпитимию мы выдержим, но для убеждения нужна и словесность.

Мухояров. За словесностью остановки не будет, потому как у вас на это дар свыше. Пущайте против маменьки аллегорию, а я в ваш тон потрафлю — против вашей ноты фальши не будет.

Барабошев. Значит, спелись.

Входит Мавра Тарасовна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Барабошев, Мухояров и Мавра Тарасовна.

Мавра Тарасовна. Ты дома, миленький? На чем это записать? Как это ты сплоховал, что тебя ночь дома застала, соловьиное время пропустил?

Барабошев. Соловьиное время только до Петрова дни-с.

Мавра Тарасовна. Для тебя, миленький, видно, круглый год поют; вечерняя заря тебя из дому гонит, а утренняя загоняет. Дурно я об сыне думать не могу; так все полагаю, что ты соловьев слушаешь. Уж здоров ли ты?

Барабошев. Болезни во мне никакой, только воздыхание в груди частое и оттого стеснение.

Мавра Тарасовна. Не от вина ли? Ты бы ему немножко отдохнуть дал.

Барабошев. Вино на меня действия не имеет. А ежели какой от него вред случится, только недельку перегодить и на нутр цапцапарель принимать, — все испарением выдет, и опять сызнова можно, сколько угодно. Скорей же я могу расстроиться от беспокойства.

Мавра Тарасовна. Что же тебя, миленький, беспокоит?

Барабошев. Курсы слабы. Никандра, как на Лондон?

Мухояров. Двадцать девять пять осьмых-с.

Барабошев. А дисконт?

Мухояров. Приступу нет-с.

Мавра Тарасовна. Да на что тебе Лондон, миленький?

Барабошев. Лондон, конечно, будет в стороне; но мне от дисконту большой убыток. Денег в кассе наличных нет...

Мавра Тарасовна. Куда же они делись?

Барабошев. Я на них спекуляцию сделал в компании с одним негоциантом. Открыли натуральный сахарный песок, так мы купили партию.

Мавра Тарасовна. Как так — натуральный?

Барабошев. По берегам рек.

Мавра Тарасовна. Как же он не растает?

Барабошев. В нашей воде точно растаять должен, а это — в чужих землях... Где, Никандра, нашли его?

Мухояров. В Бухаре-с. Там такие реки, что в них никогда воды не бывает-с.

Мавра Тарасовна. Так ты с барышом будешь, миленький?

Барабошев. Интересы будут значительные; но в настоящее время есть платежи и нужны наличные деньги, а их в кассе нет.

Мавра Тарасовна. Так бы ты и говорил, что нужны, мол, деньги, а сахаром-то не подслащал.

Барабошев. Я вам в обеспечение ваших денег представлю векселей на двойную сумму.

Мавра Тарасовна. Пойдем, миленький, в комнатах потолкуем, да векселя и все счеты мне принесите! Я хоть мало грамотна, а разберу кой-что.

Барабошев. Захвати, Никандра, все нужные документы!

Уходят Мавра Тарасовна, Барабошев и Мухояров. Входит Глеб.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Глеб, потом Филицата и Поликсена.

Глеб. Насилу-то их унесло. Теперь мешки на плечи: один по одному, да по заборчику; по холодку-то оно любо. Хоть и тяжеленьки, меры по две будет в каждом, да своя ноша не тянет. Где они тут?

Входят Поликсена и Филицата.

Вот еще принесло! Эх, наказанье!

Филицата подходит. Поликсена остается вдали.

Что на вас угомону нет? Полуночники, право, полуночники!

Филицата. Да тебе что за печаль?

Глеб. Ну, уж дом! Попал я на местечко!

Филицата. Не греши! Чего тебе мало? Завсегда сыт, пьян, хоть не сплошь, так уж через день аккуратно; с хорошего человека и довольно бы.

Глеб. Вы долго прогуляете?

Филицата. Ты сторожем, что ль, при нас приставлен?

Глеб. Я — при яблоках.

Филицата. Говорить-то тебе нечего. Шел бы спать, расчудесное дело.

Глеб. Стало быть, я вам мешаю?

Филицата. Да что торчишь тут? Какая приятность смотреть на тебя?

Глеб. А может, ты мне мешаешь-то, знаешь ли ты это?

Филицата. Как не знать! Премудрость-то не велика: бери мешок-то, тащи, куда тебе надобно; мы и видели, да не видали.

Глеб. Да у меня их два.

Филицата. За другим после придешь.

Глеб. Это вот дело другого роду, так бы ты и говорила. (*Берет из куста мешок на плечи и уходит.*)

Поликсена подходит ближе.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Поликсена и Филицата.

Поликсена. Где же он?

Филицата. Погоди, не вдруг; дай садовнику пройти. Он у меня в сторожке сидит, дожидается своего сроку.

Поликсена. Какая ты милая, добрая! Уж как тебя благодарить — не знаю.

Филицата. Вот будешь енаральшей-то, так не оставь своими милостями; ты мне на лоб-то галун нашей.

Поликсена. Полно глупости-то! Поди, поди!

Ф и л и ц а т а. Куда идти, зачем? Мы ему сигнал подадим. *(Отходит к кустам и достает что-то из-под платка.)*

П о л и к с е н а. Что там у тебя? Покажи, что?

Ф и л и ц а т а. Что да что! Тебе что за дело? Ну, телеграф.

П о л и к с е н а. Как телеграф? Какой телеграф?

Ф и л и ц а т а. Какой телеграф да какой телеграф! Отстань ты! Ну, котенок. Вот я ему хвост подавлю, он замяучит, а Платон услышит и придет — так ему приказано.

Котенок мяукает.

П о л и к с е н а. Да будет тебе его мучить-то!

Ф и л и ц а т а. А он служи хорошенько; я его завтра за это молоком накормлю. Ну, ступай! Теперь ты свою службу кончил. *(Пускает котенка за кусты.)*

П о л и к с е н а. Как это тебе в голову приходит?

Ф и л и ц а т а. Твои причуды-то исполнять, так всему научишься. На все другое подозрение есть: стук ли, собака ли залает — могут выйти из дому, подумают, чужой. А на кошку какое подозрение, хоть она разорвись,— мало ль их по деревьям да по крышам мяучит?

Входит П л а т о н.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

П о л и к с е н а, Ф и л и ц а т а, П л а т о н, потом Г л е б.

Ф и л и ц а т а. Вот и побеседуйте! Нате вам по яблочку, чтоб не скучно было. *(Уходит в беседку, садится у окна, потом постепенно склоняет голову и засыпает.)*

П о л и к с е н а *(потупясь)*. Здравствуй, Платоша!

П л а т о н. Здравствуйте-с!

П о л и к с е н а. Ты идти не хотел, я слышала.

П л а т о н. Да что мне здесь делать! Я в последний раз вам удовольствие, а себе муку делаю; так имейте сколько-нибудь снисхождения. Я и так судьбой своей обижен.

П о л и к с е н а. Как ты можешь жаловаться на свою судьбу, коли я тебя люблю! Ты должен за счастие считать.

Платон. Да где ж она, ваша любовь-то?

Поликсена. А вот я тебе сейчас ее докажу. Садись! Только ты подальше от меня. *(Садятся на скамейку.)* Ну, вот слушай!

Платон. Слушаю-с.

Поликсена. Я тебя полюбила.

Платон. Покорно вас благодарю.

Поликсена. Может быть, ты и не стоишь; да и конечно не стоишь.

Платон. Лучше бы уж вы не любили, мне бы покойнее было.

Поликсена. Нет, это я так, к слову, чтоб ты больше чувствовал. А я тебя люблю, люблю и хочу доказать.

Платон. Доказывайте!

Поликсена. Миленький мой, хорошенький! Так бы вот и съела тебя!

Платон подвигается.

Только ты не подвигайся, а сиди смирно.

Платон. При таких ваших словах смирно сидеть невозможно-с.

Поликсена. Нет, нет, отодвинься.

Платон отодвигается.

Вот так! Как бы я расцеловала тебя, мой миленький!

Платон. Кто же вам мешает-с? Сделайте ваше одолжение!

Поликсена. Нет, этого нельзя. Вот видишь, что я тебя люблю, вот я и доказала!

Платон. Только на словах-с.

Поликсена. Да, на словах. А то как же еще? Ну, теперь ты мне говори такие же слова.

Платон. Нет, уж я другие-с.

Поликсена. Ну, какие хочешь, только хорошие, приятные; я и глаза зажмурю.

Платон. Уж не знаю, приятны ль они будут, только от всей души.

Поликсена. Ну, говори, говори, я дожидаюсь.

Платон. Не только любви, а никакого чувства настоящего и никакой жалости в вас нет-с.

Поликсена. Так разве это у меня не любовь? Что же это такое?

П л а т о н. Баловство одно, только свой каприз тешите. Одна у вас природа с Амосом Панфилычем — вот что я замечаю.

П о л и к с е н а. Конечно, одна, коли он мой отец.

П л а т о н. И одно у вас удовольствие — издеваться над людьми и тиранить. Вы воображаете, что в вас существует любовь, а совсем напротив. Года подошли, пришло такое время, что уж пора вам любовные слова говорить; вот вы и избираете кого посмирнее, чтоб он сидел да слушал ваши изъяснения. А прикажет вам бабушка замуж идти, и всей этой любви конец, и обрадуетесь вы первому встречному. А мучаете вы человека так, от скуки, чтоб покуда, до жениха, у вас даром время не шло. И сиди-то он смирно, и не подвигайся близко, и никакой ему ласки; все это вы бережете суженому-ряженому, какому-то неизвестному. Обрящет вам тятенька где-нибудь в трактире, шут его знает, какого оглашенного, и вы сейчас ему на шею, благо дождались своего настоящего.

П о л и к с е н а. Как ты смеешь?..

П л а т о н. Позвольте! Так уж вы посадите куклу такую, да и выражайте ей свою любовь! Ни чувствовать она не может, ни казниться не будет, а для вас все одно.

П о л и к с е н а. Как ты смеешь такие слова говорить!

П л а т о н. Отчего же и не говорить, коли правда?

П о л и к с е н а. Да ты и правду мне не смей говорить!

П л а т о н. Нет, уж правду я никому не побоюсь говорить. Самому лютому зверю — льву и тому в глаза правду скажу.

П о л и к с е н а. А он тебя растерзает.

П л а т о н. Пущай терзает. А я ему скажу: терзай меня, ну, терзай, а правда все-таки на моей стороне.

П о л и к с е н а. Не за тем я тебя звала.

П л а т о н. Не за тем вы звали, да за тем я шел. Кабы я вас не любил, так бы не говорил. А то я вас люблю и за эту самую глупость погибаю. Все надо мной смеются, издеваются; хозяин из меня шута сделал; мне бы давно бежать надо было, а я все на вас, на вашу красоту любовался.

Поликсена подвигается.

Куда же вы подвигаетесь?

Поликсена. Не твое дело.

Платон. А теперь вот из дому выгнали; а я человек честный, благородный. Да в яму еще сажают; завтра повезут, должно быть. Прощайте!

Поликсена подвигается.

Вот уж вы и совсем близко.

Поликсена. Ах, оставь ты меня! Я так желаю, это мое дело.

Платон. Да ведь я живой человек, не истукан каменный.

Поликсена *(подвигаясь очень близко)*. И очень хорошо, что живой. Я ведь ничего тебе не говорю, ничего не запрещаю.

Платон. Да, вот так-то лучше, гораздо благороднее. *(Обнимает Поликсену одной рукой.)* Вот как я люблю-то тебя, слышала ты? А от тебя что я вижу?

Поликсена. Так как же мне любить-то тебя? Научи!

Платон. А вот ты почувствуй любовь-то хорошенько, так уж сама догадаешься, что тебе делать следует.

Поликсена ложится к нему на плечо.

Что ж это ты со мной делаешь, скажи на милость?

Поликсена. Постой, погоди; не трогай, не мешай мне. Я думаю.

Входит Глеб.

Глеб *(издали)*. Вот они дела-то! Чужой человек в саду. Ну, теперь я виноват не останусь. *(Уходит.)*

Поликсена. Я теперь знаю, что мне делать; я выдумала: я скажу завтра бабушке, что люблю тебя и, кроме тебя, ни за кого замуж не пойду.

Платон. Вот это с твоей стороны благородно; только от бабушки никакого благородства ждать нельзя: она беспременно подлость какую-нибудь выдумает.

Поликсена. Скажу: коли не хотите обидеть меня, так дайте приданое, а то и не надо... я и без приданого — только б за него.

Платон. Вот это по душе...

Поликсена *(печально)*. Да, по душе. Только ты не очень-то, видно, рад? А говорил, что живой человек.

Платон. Что ж? Да как? Я, право, не знаю,

П о л и к с е н а. Ты хоть бы мне спасибо сказал за мою любовь... ну... поцеловал бы, что ли...

П л а т о н. Вот уж это я дурак! *(Целует ее)*. Извини! Не суди строго! Все чувства убиты.

П о л и к с е н а *(обнимая Платона)*. Как я тебя люблю! Как я тебя люблю! Вот когда ты сидел далеко, я так тебя не любила, а теперь, когда ты близко, я, кажется, все для тебя на свете, ну все, что ты хочешь.

П л а т о н. Вот теперь мне и в яму не так горько идти.

П о л и к с е н а. Да забудь ты про все, забудь! Знай ты во всем мире только меня одну, твою Поликсену. Милый ты мой, хороший!

Входит Г л е б.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

П л а т о н, П о л и к с е н а и Г л е б.

Г л е б *(Поликсене)*. Эх, Поликсена Амосовна! Дурно, очень дурно! Ничего нет хорошего! Вон тятенька с бабушкой идут.

П о л и к с е н а. Ах! Ну, спасибо, Глеб. *(Платону.)* Беги скорей! Прощай! *(Уходит в беседку.)*

Платон идет в кусты.

Г л е б. Ты куда? Нет, ты погоди!

П л а т о н. Да что ты? В уме ли? Зачем ты меня держишь?

Г л е б. Пустить нельзя! Шалишь, брат.

П л а т о н. Ну, сделай милость! Ну, не губи ты меня и Поликсену Амосовну.

Г л е б. Ее дело сторона: она хозяйская дочь, может в саду во всякое время; а ты как сюда попал, какой дорогой?

П л а т о н. Да что тебе за дело?

Г л е б. Как что за дело? Да кому ж дело-то, как не мне? Мне за вас напраслину терпеть, место терять?

П л а т о н. Да об чем ты?

Г л е б. Об чем? Об яблоках. *(Громко.)* Караул!

Входят М а в р а Т а р а с о в н а, Б а р а б о ш е в, М у х о я р о в.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Платон, Глеб, Мавра Тарасовна, Барабошев. Мухояров. В беседке Поликсеиа и Филицата.

Барабошев (*Глебу*). Что, братец, за дебош? Коль скоро ты поймал вора, сейчас крути ему назад лопатки и представь на распоряжение полицейской администрации.

Мухояров (*Глебу*). Как ты хозяев до беспокойства доводишь, караул кричишь? Нынче уж эта песня из моды выходит: приглашают полицию, составляют акт, без этого невежества.

Глеб. Я вам докладывал, что вора предоставлю: вот, извольте, и с поличным! (*Берет у Платона из рук яблоко.*)

Барабошев. Да это Платон Зыбкин. На словах ты, братец, патриот, а на деле фрукты воруешь.

Платон. Я не вор.

Барабошев. В таком случае, зачем твои променажи в чужом саду?

Платон. Я не вор.

Мавра Тарасовна. Так ты, миленький, не воровать приходил?

Платон. Да нет же, говорю я вам! На что мне ваши яблоки?

Мавра Тарасовна. Что ж вы на парня напали? За что его обижаете? Он не вор; он гулять в наш сад приходил, время провести. С кем же ты, миленький, здесь в саду время проводил?

Барабошев. От таких твоих променажей может быть урон для нашей чести. У нас каменные заборы и железные вороты затем и поставлены, что в нашей фамилии существует влюбчивость.

Мавра Тарасовна. Уж ты не утаивай от меня, я хозяйка. Коли есть в доме такие гулёны, так их унять можно.

Платон (*решительно*). Вяжите меня скорей! Я вор, я за яблоками, я хотел весь сад обворовать.

Поликсена (*выходя из беседки*). Не верьте ему! Он ко мне приходил.

Барабошев. Маменька, удар! Я даже разговору лишился и не имею слов. Обязан я убить его сейчас, на месте, или эту казнь правосудию предоставить? Я в недоумении.

Мавра Тарасовна. Погоди. миленький! Ничего я тут особенного не вижу; это часто бывает. Сейчас я все дело рассужу. Кто виноват, с того мы взыщем, а для чего мы девушку здесь держим? И не пристало ей пустые разговоры слушать, и почивать ей пора. Ну-ка ты, стража неусыпная!

Филицата. Кому что, а уж мне будет.

Мавра Тарасовна. Веди ты ее, укладывай почивать! Коли бессонница одолеет, сказочку скажи!

Поликсена *(обнимая Платона)*. Бабушка, поздно вы хватились! Нас разлучить невозможно.

Мавра Тарасовна. Да зачем вас разлучать, кому нужно? Только не сейчас же вас венчать; вот уж завтра, что бог даст. Утро вечера мудренее. А спать-то тебе надо, да и ему пора домой идти. Ишь, он как долго загостился. Иди-ка, иди с богом!

Поликсена *(целуя Платона)*. Прощай, мой милый! Я слово сдержу. Мое слово крепко, вот так крепко, как я тебя целую теперь.

Мавра Тарасовна. Ну, вот так-то, честь честью — чего лучше! Уж еще поцелуйтесь! При людях-то оно не так зазорно.

Поликсена целует Платона и уходит.

Небось хорошо, сладко?

Платон. Чудесно-с! Но ежели вы меня убивать — так сделайте ваше одолжение, поскорей!

Мавра Тарасовна. Погоди, твоя речь впереди! Чтоб не было пустых разговоров, я вам расскажу, что и как тут случилось. Вышла Поликсеночка погулять вечером да простудилась, и должна теперь, бедная, месяца два-три в комнате сидеть безвыходно, а там увидим, что с ней делать. Парень этот ни в чем не виноват, на него напрасно сказали; яблоков он не воровал — взял, бедный, одно яблочко, да и то отняли, попробовать не дали. И отпустили его домой с миром. Вот только и всего, больше ничего не было — так вы и знайте!

Платон. Очень, очень премного вами благодарен.

Мавра Тарасовна. Не за что, миленький.

Платон. Есть за что: рук не вязали, оглоблей не били. Только душу вынули, а членовредительства — никакого.

Барабошев. Красноречие оставь! Тебе оно нейдет.

Мавра Тарасовна. Не тронь его, пусть поговорит. Проводить успеем.

Платон. Вы разговору моему не препятствуете? И за это я вас благодарить должен. Все вы у меня отняли и убили меня совсем, но только из-под политики, учтиво... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Уж на что еще учтивее и политичнее: дочь-девушку, богатую невесту, при себе целовать позволяете! И кому же? Ничтожному человеку, прогнанному приказчику! Ах, благодетели, благодетели вы мои! Замучить-то вы и ее и меня замучите, высушите, в гроб вгоните, да все-таки учтиво, а не по-прежнему. Значит, наше взяло! Ура!! Вот оно — правду-то вам в глаза говорить почаще, вот!.. Как вы много против прежнего образованнее стали! А коли учить вас хорошенько, так вы, пожалуй, скоро и совсем на людей похожи будете.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Мавра Тарасовна.
Барабошев.
Поликсена.
Мухояров.
Платон.
Грознов.
Филицата.

Большая столовая; прямо стеклянная дверь в буфетную, через которую вход в сени и на заднее крыльцо; направо две двери: одна ближе к авансцене, в комнату Мавры Тарасовны, другая в комнату Поликсены; налево две двери: одна в гостиную, другая в коридор, между дверями ореховый буфет, посередине обеденный стол, покрытый цветной скатертью. Мебель дорогая, тяжелая.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из средней двери выходит Филицата и Грознов.

Филицата. Вот это у нас столовая, Сила Ерофеич! Вот буфет: тут посуда, столовое белье, серебро.

Грознов. Много серебра-то?

Филицата. Пуды лежат, шкаф ломится: и старого, и нового есть довольно.

Грознов. Хорошо, у кого серебра-то много.

Ф и л и ц а т а *(у двери гостиной)*. Уж на что лучше. А вот это у нас комнаты не живущие: гостиная, да еще другая гостиная, а там зала.

Г р о з н о в. Как полы-то лоснятся!

Ф и л и ц а т а. В год два раза гости бывают, а каждую неделю натирают — вот они и лоснятся. А вот комната Мавры Тарасовны! *(Отворяет дверь.)*

Г р о з н о в. Ишь ты, какой покой себе, какую негу нажила!

Ф и л и ц а т а. И деньги свои, и воля своя — так кто ж ей запретит?

Г р о з н о в. А сундук-то железный — с деньгами, чай?

Ф и л и ц а т а. С деньгами.

Г р о з н о в. Чай, много их там?

Ф и л и ц а т а. Большие тысячи лежат. А внизу у нас две половины: в одной Амос Панфилыч живет, а в другой — приказчики да контора. Вот, Сила Ерофеич, я вам все наши покои показала; а теперь подождите в моей коморке! Теперь скоро сама-то приедет. Когда нужно будет, я вас кликну. Только уж вы ничего не забудьте, всё скажите.

Г р о з н о в. Ну, вот еще! Меня учить не надо.

Ф и л и ц а т а. А я вам поднесу для храбрости. *(Провожает Грознова в среднюю дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ф и л и ц а т а *(одна)*. Эка тишина, точно в гробу! С ума сойдешь от такой жизни! Только что проснутся, да все как и умрут опять. Раз пять дом-то обойдешь, пыль сотрешь, лампадки оправишь — только и занятия. Бродишь одна по пустым комнатам — одурь возьмет. Муха пролетит — и то слышно.

П о л и к с е н а показывается из своей двери.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ф и л и ц а т а и П о л и к с е н а.

П о л и к с е н а. Тоска меня загрызла, места не найду.

Ф и л и ц а т а. Уж нечего делать, потерпи; может, моя ворожба и на пользу будет. Утопающий за соло-

минку хватается. Сама видишь: я рада для тебя в ниточку вытянуться.

Поликсена. Ты где же была все утро?

Филицата. Все в хлопотах. Снарядивши бабушку к обедне, к соседям сбегала, провела сюда, пока самой-то дома нет.

Поликсена. И Платоша здесь?

Филицата. Здесь, у меня в коморке. Ведь мало ль что? Я куражу не теряю.

Поликсена *(с нетерпением)*. Что ж это бабушка-то так долго?

Филицата. Должно быть, зашла к Кирилушке.

Поликсена. К какому Кирилушке?

Филицата. Блаженненький тут есть; просто сказать, дурачок.

Поликсена. Так зачем она к нему?

Филицата. За советом. Ведь твоя бабушка умная считается; за то и умной зовут, что все с совету делает. Какая ж бы она умная была, кабы с дураком не советовалась?

Поликсена. Да об чем ей советоваться?

Филицата. А как тебя тиранить лучше. Ты думаешь, своим-то умом до этого скоро дойдешь? Нет, матушка: на все на это своя премудрость есть. Вот позвонил кто-то. Ты поди к себе, посиди пока, да погоди сокрушаться-то! Бог не без милости, казак не без счастья.

Поликсена уходит. Входит Мавра Тарасовна и садится к столу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мавра Тарасовна и Филицата.

Филицата *(подобострастно)*. Утрудились?

Мавра Тарасовна. Никто меня не спрашивал?

Филицата. Амос Панфилыч раза два наведывались, в город ехать сбираются.

Мавра Тарасовна. Подождет; не к спеху дело-то. Вели сказать ему, чтобы зашел через полчаса. Пошли ко мне Поликсену.

Филицата *(в дверь Поликсене)*. Поди, бабушка тебя кличет. *(Уходит.)*

Входит Поликсена.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мавра Тарасовна и Поликсена.

Мавра Тарасовна. Ты, миленькая, помимо нашей воли, своим умом об своей голове рассудила? Нешто так можно?

Поликсена. Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна. Да, пойдешь, если позволят.

Поликсена. Вы меня приданым попрекали; я пойду за него без приданого! Возьмите себе мое приданое!

Мавра Тарасовна. Ты меня, миленькая, подкупить не хочешь ли? Нет, я твоим приданым не покорыстуюсь; мне чужого не надо; оно тебе отложено и твое всегда будет. Куда б ты ни пошла из нашего дому, оно за тобой пойдет. Только выходов-то тебе немного: либо замуж по нашей воле, либо в монастырь. Пойдешь замуж — отдадим приданое тебе в руки; пойдешь в монастырь — в монастырь положим. Хоть и умрешь, боже сохрани, за тобой же пойдет: отдадим в церковь на помин души.

Поликсена. Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна. Коли тебе такие слова в удовольствие, так, сделай милость, говори. Мы тебя, миленькая, не обидим, говорить не закажем.

Поликсена. Зачем вы меня звали?

Мавра Тарасовна. Поговорить с тобой. Сделаем-то мы по-своему, а поговорить с тобой все-таки надо.

Поликсена. Ну вот, вы слышали мой разговор?

Мавра Тарасовна. Слышала.

Поликсена. Может быть, вы не хорошо расслушали, так я вам еще повторю: я пойду за того, кого люблю. Нынче всякий должен жить по своей воле.

Мавра Тарасовна. Твои «нынче» и «завтра» для меня все равно что ничего; для меня резонов нет. Меня не то что уговорить, в ступе утолочь невозможно. Не знаю, как другие, а я своим характером даже очень довольна.

Поликсена. А у меня характер: делать все вам напротив; и я своим тоже очень довольна.

Мавра Тарасовна. Так, миленькая, мы и запишем.

Поликсена уходит. Входит Филицата.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мавра Тарасовна и Филицата.

Мавра Тарасовна. Поди-ка ты сюда поближе!

Филицата. Ох, иду, иду. *(Подходит.)* Виновата. *(Кланяется, касаясь рукой пола.)*

Мавра Тарасовна. Мне из твоей вины не шубу шить. Как же это ты не доглядела? Аль, может, и сама подвела?

Филицата. Ее дело молодое, а все одна да одна,— жалость меня взяла... Ну, думаешь: поговорят с парнем да и разойдутся. А кто ж их знал? Видно, сердце-то не камень.

Мавра Тарасовна. Уж очень ты жалостлива. Ну, сбирайся.

Филицата. Куда сбираться?

Мавра Тарасовна. С двора долой. В хорошем доме таких нельзя держать.

Филицата. Вот выдумала! А еще умной называешься. Кто тебя умной-то назвал, и тот дурак. Сорок лет я в доме живу, отца ее маленьким застала, все хороша была, а теперь вдруг и не гожусь.

Мавра Тарасовна. С летами, ты, значит, глупеть стала.

Филицата. Да и ты не поумнела, коли так нескладно говоришь. Виновата я, ну, побей меня, коли ты хозяйка; это, по крайности, будет с умом сообразно; а то на-ка, с двора ступай! Кто ж за Поликсеной ходить-то будет? Да вы ее тут совсем уморите.

Мавра Тарасовна. Что за ней ходить, она не маленькая.

Филицата. И велика, да хуже маленькой. Я вчера, как мы из саду вернулись, у ней изо рту коробку со спичками выдернула. Вот ведь какая она глупая! Нешто этим шутят?

Мавра Тарасовна. Кто захочет что сделать над собой, так не остановишь. А надо всеми над нами

бог; это лучше нянек-то. А тебя держать нельзя: ты больно жалостлива.

Ф и л и ц а т а. Такая уж я смолоду. Не к одной я к ней жалостлива, и к тебе, когда ты была помоложе, тоже была жалостлива. Вспомни молодость-то, так сама внучку-то пожалеешь.

М а в р а Т а р а с о в н а. Нечего мне помнить: чиста моя душенька.

Ф и л и ц а т а. А ты забыла, верно, как дружок-то твой вдруг налетел? Кто на часах-то стоял? Я от страху-то не меньше тебя тряслась всеми суставами, чтобы муж его тут не захватил. Так меня после целую неделю лихорадка била.

М а в р а Т а р а с о в н а. Было, да быльем поросло, я уж в этом грехе и каяться перестала. И солдатик этот бедненький давно помер на чужой стороне.

Ф и л и ц а т а. Ох, не жив ли?

М а в р а Т а р а с о в н а. Никак нельзя ему живым быть, потому я уж лет двадцать за упокой его души подаю: так нешто может это человек выдержать?

Ф и л и ц а т а. Бывает, что и выдерживают.

М а в р а Т а р а с о в н а. Что я прежде и что теперь — большая разница; я теперь очень далека от всего этого и очень высока стала для вас, маленьких людей.

Ф и л и ц а т а. Ну, твое при тебе.

М а в р а Т а р а с о в н а. Так ты пустых речей не говори, а сбирайся-ка, подобру-поздорову! Вот тебе три дня сроку!

Ф и л и ц а т а. Я хоть сейчас. Поликсену только и жалко, а тебя-то, признаться, не очень. *(Отворив стеклянную дверь.)* Матушка, да вот он!

М а в р а Т а р а с о в н а. Кто он-то?

Ф и л и ц а т а. Сила Ерофеич твой. *(Уходит.)*

Входит Г р о з н о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

М а в р а Т а р а с о в н а, Г р о з н о в, потом Ф и л и ц а т а.

Г р о з н о в. Здравия желаю!

М а в р а Т а р а с о в н а. Батюшки! Как ты? Кто тебя пустил?

Грознов. Меня-то не пустить, Грознова-то? Да кто ж меня удержит? Я Браилов брал, на батареи ходил.

Мавра Тарасовна. Да уж не окаянный ли ты, не за душой ли моей пришел?

Грознов. Нет, на что мне душа твоя? Давай жить да друг на друга любоваться.

Мавра Тарасовна. Да как же ты жив-то? Я давно, как ты в поход ушел, тебя за упокой поминаю. Видно, не дошла моя грешная молитва!

Грознов. Я добрей тебя; я молился, чтоб тебе бог здоровья дал, чтоб нам опять свидеться. Да вот и дожил до радости.

Мавра Тарасовна. Ну, сказывай, не томи: зачем ты теперь ко мне-то?

Грознов. Да ты помнишь клятву, свою клятву страшную?

Мавра Тарасовна. Ох, помню, помню. Как ее забудешь? Ну, чего ж тебе от меня надобно?

Грознов. Хочу стать к тебе на квартеру. Выберу у тебя гостиную, которая получше, да и оснуюсь тут: гвоздей по стенам набью, амуницию развешаю.

Мавра Тарасовна. Ах, беда моей головушке!

Грознов. А вы каждое утро ко мне всей семьей здороваться приходите, в ноги кланяться, и вечером опять то же, прощаться, покойной ночи желать. И сундук ты тот, железный, ко мне в комнату под кровать поставь.

Мавра Тарасовна. Да как ты, погубитель мой, про сундук-то знаешь?

Грознов. Грознов все знает, все.

Мавра Тарасовна. Варвар ты был для меня — варвар и остался.

Грознов. Нет, не бранись, я шучу с тобой.

Мавра Тарасовна. Так денег, что ль, тебе нужно?

Грознов. И денег мне твоих не надо — у меня свои есть. На что мне? Я одной ногой в могиле стою; с собой не возьмешь.

Мавра Тарасовна. Мне уж и не понять, чего ж тебе?

Грознов (*утирая слезы*). Угол мне нужен, век доживать; угол — где-нибудь в сторожке, подле конуры собачьей.

Мавра Тарасовна *(утирая слезы)*. Ах ты, миленький, миленький!

Грознов. Да покой мне нужен, чтоб ходил кто-нибудь за мной: тепленьким когда напоить,— знобит меня к погоде. У тебя есть старушка Филицата — вот бы мне и нянька.

Мавра Тарасовна. А я только что ее прогнать рассудила.

Грознов. Ну, уж для меня сделай милость! Не приказываю, а прошу.

Мавра Тарасовна. Чего я для тебя не сделаю! Все на свете обязана.

Грознов *(оглядывая комнату)*. А то — нет, где уж мне в такие хоромы! Ты пшеничная, ты в них и живи; а я оржаной — я на дворе.

Мавра Тарасовна *(с чувством)*. А еще-то чего ты, сирота горькая, от меня потребуешь?

Грознов. И еще потребую, за тем пришел; только уж не много и никакого тебе убытку.

Мавра Тарасовна. Только б не деньги, да чести моей посрамления не было; а то все — с великим удовольствием. Вижу я, что не грабитель ты, а как есть степенный человек стал; так уж мне и горя нет, и не задумаюсь я, всякую твою волю исполню.

Грознов. Ну, и ладно, ну, и ладно.

Мавра Тарасовна. И в ножки я тебе поклонюсь, только сними ты с меня ту прежнюю клятву, страшную.

Грознов. А! Что! Вот ты и знай, каков Грознов!

Мавра Тарасовна. Каково жить всю жизнь с такой петлей на шее. Душит она меня.

Грознов. Сниму, сниму; другую возьму, полегче.

Мавра Тарасовна. Да я и без клятвы для тебя все...

Грознов. А сделаешь — так и шабаш, вничью разойдемся. Вот и надо бы мне поговорить с тобой по душе, хорошенько!

Мавра Тарасовна. Так пойдем ко мне в комнату. Филицата! Филицата!

Входит Филицата.

Чай-то готов у меня?

Филицата. Готов, матушка, давно готов.

М а в р а Т а р а с о в н а. Подай рому бутылку, водочки поставь, пирожка вчерашнего — ну, там, что следует.

Ф и л и ц а т а. Слушаю, матушка. *(Уходит.)*

Г р о з н о в. Говорят, тебе ундер нужен?

М а в р а Т а р а с о в н а. Да, миленький; ищем мы ундера-то, ищем.

Г р о з н о в. Так чего ж тебе лучше,— вот я!

М а в р а Т а р а с о в н а. Значит, и жалованье тебе положить?

Г р о з н о в. Так неужто задаром? Я везде хорошее жалованье получал, я кавалерию имею.

М а в р а Т а р а с о в н а. А много ль с нас-то запросишь?

Г р о з н о в. Четырнадцать рублей двадцать восемь копеек с денежкой; я на старый счет.

М а в р а Т а р а с о в н а. Ну, уж с нас-то возьми, по знакомству, двенадцать.

Г р о з н о в. Ах ты! *(Топнув ногой.)* Полтораста!

М а в р а Т а р а с о в н а. Ну, четырнадцать, так четырнадцать... Четырнадцать, четырнадцать, я пошутила.

Г р о з н о в. Не четырнадцать, а четырнадцать двадцать восемь копеек с денежкой! И денежки не уступлю. А как харчи?

М а в р а Т а р а с о в н а. Харчи у нас людские — хорошие, по праздникам водки подносим; ну, а тебя-то когда Филицата и с нашего стола покормит.

Г р о з н о в. Я разносолов ваших не люблю: мне чего помягче.

М а в р а Т а р а с о в н а. Да, да, состарелся ты, ах, как состарелся!

Г р о з н о в. Кто? Я-то? Нет, я еще молодец, я куда хочешь. А вот ты так уж плоха стала, больно плоха.

М а в р а Т а р а с о в н а. Что ты, что ты! Я еще совсем свежая женщина.

Г р о з н о в. А как жили-то мы с тобой, помнишь, там, в Гавриковом, у Богоявленья?

М а в р а Т а р а с о в н а. Давно уж время-то; много воды утекло.

Г р о з н о в. Теперь только мне и поговорить-то с тобой; а как поселюсь в сторожке, так ты — барыня, ваше степенство, а я — просто Ерофеич.

Входит Ф и л и ц а т а.

Филицата. Пожалуйте! Готово!

Мавра Тарасовна. Ну, пойдем. Закуси, чем бог послал. *(Филицате.)* Коли кто спросит, так вели здесь подождать. *(Уходит; Грознов за ней.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Филицата *(одна)*. Ну как мне себя не хвалить! Добрая-то я всегда была, а ума-то я в себе что-то прежде не замечала: все казалось, что мало его, не в настоящую меру; а теперь выходит, что в доме-то я умней всех. Вот чудо-то: до старости дожила, не знала, что я умна! Нет, уж я теперь про себя совсем иначе понимать буду. Какую силу сломили! Ее и пушкой-то не прошибешь, а я вот нашла на нее грозу.

Входят Барабошев и Мухояров.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Филицата, Барабошев и Мухояров.

Барабошев. Но где же маменька?

Филицата. Подождать приказано.

Барабошев. У нас серьезное финансовое дело, никакого замедления не терпит.

Филицата. У тебя серьезное, а у нас еще серьезнее. Там у нее ундер.

Барабошев. Ундер — чин незначительный.

Филицата. Незначительный, а беспокоить не велели. Да авось над нами не каплет — подождать-то можно.

Голос Мавры Тарасовны: «Филицата!»

Вон, зовут! *(Уходит.)*

Барабошев. Никандра, наши обстоятельства в упадке! В таком кризисе будь в струне!

Мухояров. Первый голос вы, а я ваш акомпаниман.

Выходит Филицата.

Филицата *(говорит в дверь)*. Хорошо, матушка. А Платон сейчас будет здесь, он тут недалеко.

Барабошев. Какой Платон, и какая в нем в настоящую минуту может быть надобность?

Филицата. Дело хозяйское, не наше. *(У двери Поликсены.)* Красавица, утри слезки-то да выползай! *(Отворяя стеклянную дверь.)* Платоша, требуют!

Барабошев. Для чего этот весь конгресс, это даже трудно понять.

Мухояров. А я так по всему заключаю, что тут будет для нас с вами неожиданный оборот.

Входят Мавра Тарасовна, Поликсена, Платон и Грознов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Барабошев, Мухояров, Мавра Тарасовна, Поликсена, Платон, Грознов и Филицата.

Мавра Тарасовна. Здравствуйте! Садитесь все!

Все садятся, кроме Филицаты и Грознова, который стоит бодро, руки по швам.

Вот, миленькие мои, вздумала я порядок в доме завести, вздумала, да и сделала. Первое дело: чтоб порядок был на дворе, наняла я ундера. Амос Панфилыч, вот он!

Грознов. Здравия желаю, ваше степенство!

Барабошев. Как прозываешься, кавалер?

Грознов. Сила Ерофеев Грознов.

Барабошев. Ундер в порядке: и нашивки имеет, и кавалерию; я его одобряю.

Грознов. Рады стараться, ваше степенство!

Мавра Тарасовна. Я тебе, Ерофеич, весь наш дом под присмотр отдаю: смотри ты за чистотой на дворе, за всей прислугой, ну и за приказчиками не мешает, чтоб раньше домой приходили, чтоб по ночам не шлялись. *(Мухоярову.)* А вы его уважайте! Ну, теперь на дворе хорошо будет, я покойна — надо в доме порядок заводить. Слышала я, Платон, что заставляли тебя меня обманывать, фальшивые отчеты писать?

Платон. Про хозяина сказать не смею, а Мухояров заставлял — это точно.

Мавра Тарасовна. И деньги тебе, миленький, обещал, да ты сказал, что тысячи рублей не возьмешь?

Платон. Да напрасно меня и просить: это смешно даже.

Мавра Тарасовна. Вот, для порядку, и назначаю я Платона главным приказчиком и всю торговлю и капитал ему доверяю.

Барабошев. Но он несостоятельный должник: у меня его вексель.

Мавра Тарасовна. Дай-ка вексель-то сюда!

Барабошев подает.

Вот тебе и вексель. *(Разрывает и бросает на пол.)*

Барабошев. Маменька, у меня к вам финансовый вопрос.

Мавра Тарасовна. Погоди, и до тебя очередь дойдет.

Мухояров. Значит, я своей должности решен?

Мавра Тарасовна. Нет, зачем же! Ты умел над Платоном шутить, так послужи теперь у него под началом! А вот тебе работа на первый раз! Поди напиши билетец: «Мавра Тарасовна и Амос Панфилыч Барабошевы, по случаю помолвки Поликсены Амосовны Барабошевой с почетным гражданином Платоном Иванычем Зыбкиным, приглашают на бал и вечерний стол». А число мы сами поставим.

Поликсена. Бабушка, так Платоша мой? Ну, вот я говорила...

Мавра Тарасовна. Никто не отнимает, не бойся!

Поликсена *(Платону)*. Пойдем в гостиную, к роялю, я тебе спою: «Вот на пути село большое».

Мавра Тарасовна. Сиди, сиди! Что заюлила!

Барабошев. Но как же, маменька, генерал?

Мавра Тарасовна. Куда уж нам? Высоко очень!

Барабошев. Значит, Пустоплёсов над нами преферанс возьмет?

Филицата. Ты у меня про Пустоплёсова-то спроси! У них вчера такая баталия была, что чудо. Сам-то пьяный согрубил что-то жениху, так тот за ним по всему дому не то с саблей, не то с палкой бегал,— уж не знаю хорошенько. Так все дело и врозь.

Барабошев. В таком случае, я на этот брак согласен. Но, маменька, финансовый вопрос... Мне надо в город ехать, по векселям платить...

Мавра Тарасовна. Ты хотел Платона-то в яму сажать, так не сесть ли тебе, миленький, самому на его место? На досуге там свой цапцапарель попьешь — лик-то у тебя прояснится.

Барабошев. Если со мной такое кораблекрушение последует, так на все семейство мараль; а мы затеваем бракосочетание и должны иметь свой круг почетных гостей.

Мавра Тарасовна. А не хочешь в яму, так Платону кланяйся, чтоб он заплатил за тебя; и уж больше тебе доверенности от меня не будет.

Платон. Вот она правда-то, бабушка! Она свое возьмет.

Мавра Тарасовна. Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся! Кабы не случай тут один, так плакался бы ты с своей правдой всю жизнь. А ты вот как говори: не родись умен, а родись счастлив — вот это, миленький, вернее. Правда — хорошо, а счастье лучше.

Филицата *(Грознову)*. Ну-ка, служивый, поздравь нас.

Грознов. Честь имею поздравить Платона Иваныча и Поликсену Амосовну! Тысячу лет жизни и казны несметное число. Ура!

СОДЕРЖАНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

ПЬЕСЫ

Островский А. Н.

О 77 Записки замоскворецкого жителя: Художественная проза. Пьесы. / Ил. и оформл. О. Б. Рытман.— М.: Правда, 1987.— 512 с., ил.

В сборнике произведений великого русского драматурга А. Н. Островского (1823—1886) представлены художественная проза и избранные пьесы, главным «действующим лицом» которых является Москва с ее бытом, языком, обычаями и нравами.

О $\frac{4702010100-1361}{080(02)-87}$ **1361—87** 84 Р 1

Александр Николаевич ОСТРОВСКИЙ

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

Редактор С. А. Суркова

Художественный редактор В. В. Масленников

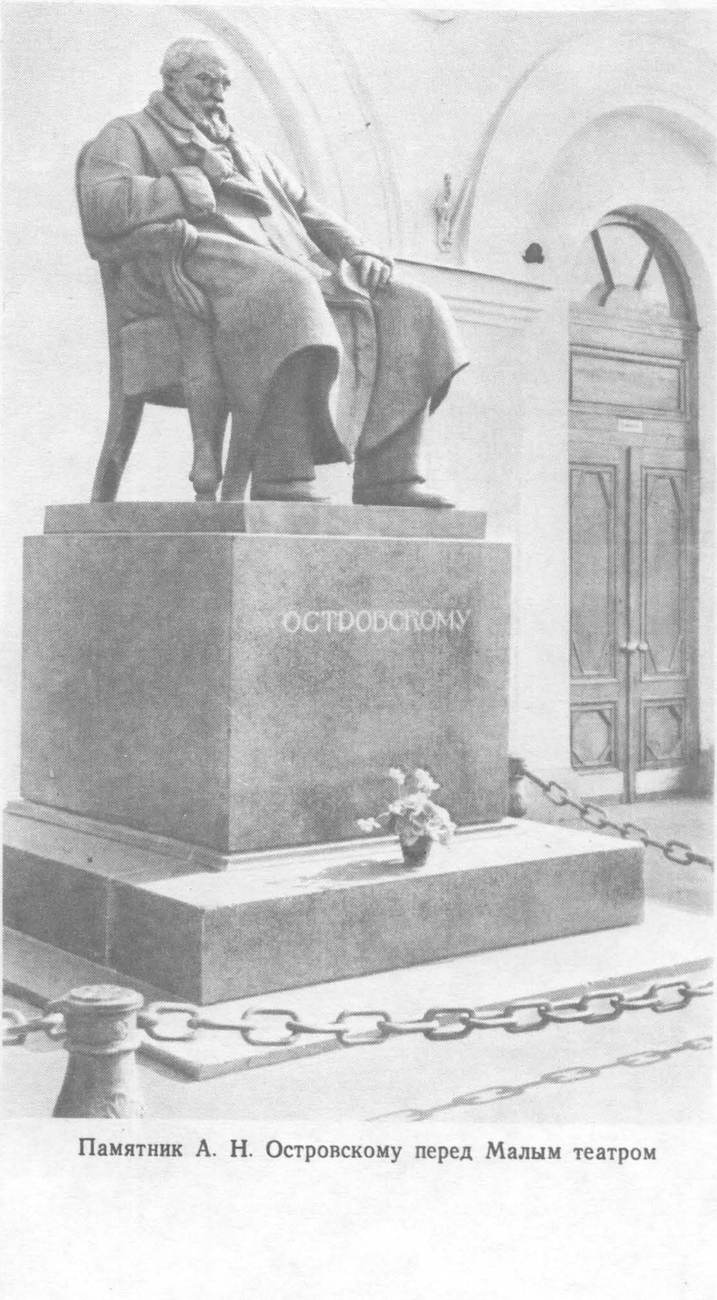
Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 1361

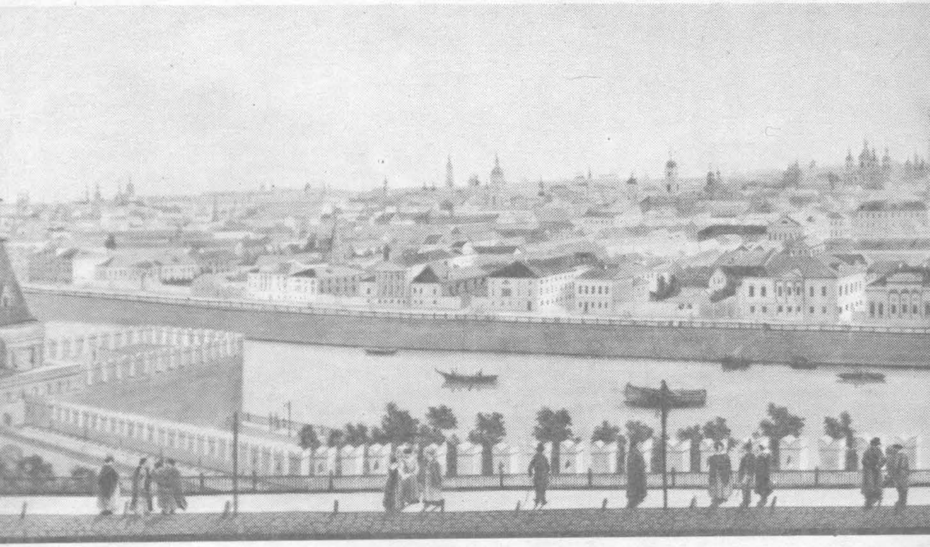
Сдано в набор 30.07.86. Подписано к печати 08.10.86.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 27,72. Усл. кр.-отт. 28,98. Уч.-изд. л. 26,63.
Тираж 500 000 экз. (7-й завод: 300 001 — 350 000).
Заказ № 3799. Цена 2 р. 50 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии «Курская правда», 305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

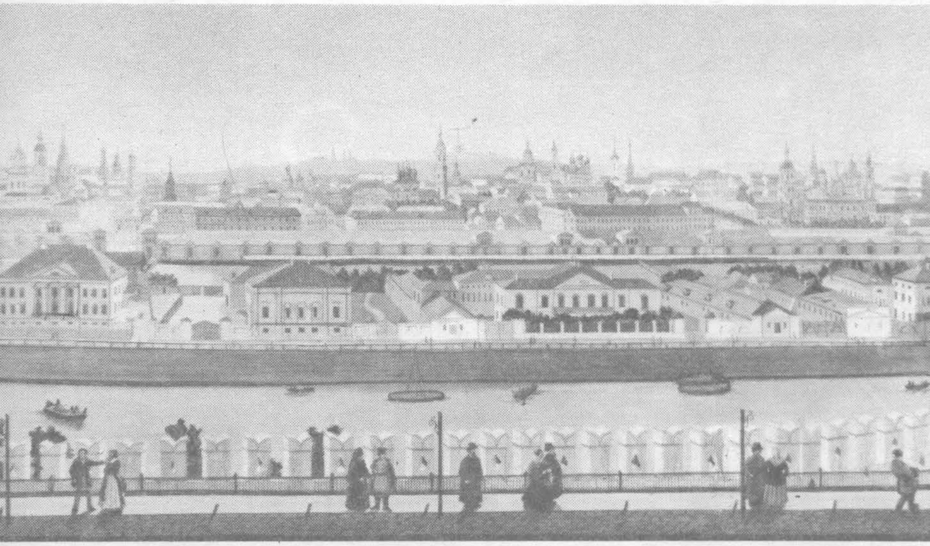
Памятник А. Н. Островскому перед Малым театром

Панорама Замоскворечья

Улица Знаменка. Слева — часть бокового фасада дома Пашкова

Никольские ворота

Вид на город от Ильинских ворот на юго-запад

Кузнецкий мост

Зарядье и старый Москворецкий мост

Церковь Параскевы Пятницы на Пятницкой улице

Ледоход на Москве-реке

Тверской бульвар

Тверская улица

Улица Петровка

Памятник Пушкину в начале Тверского бульвара

ССУДН
С. А. СМИРНОВ

Смоленский рынок. Гостиница «Ялта»

Торговец на бульваре

Торговля скобяными изделиями

Продавец семечек

Продажа платков

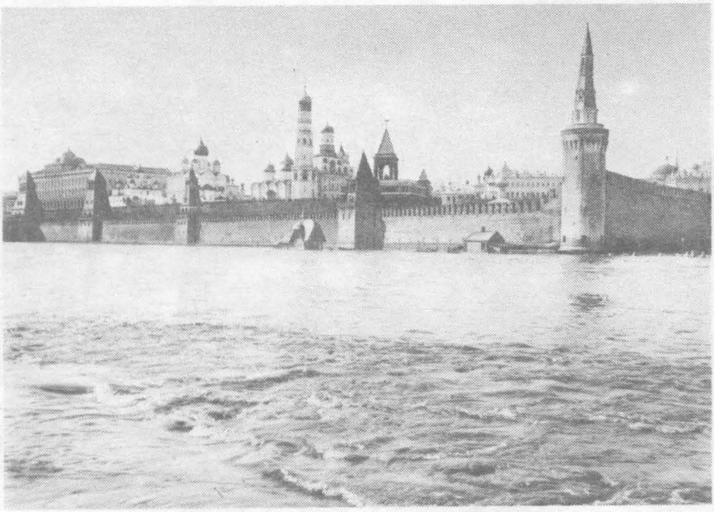
Болотный рынок

Ворота на Манежную площадь

Грибной рынок на набережной перед Кремлем

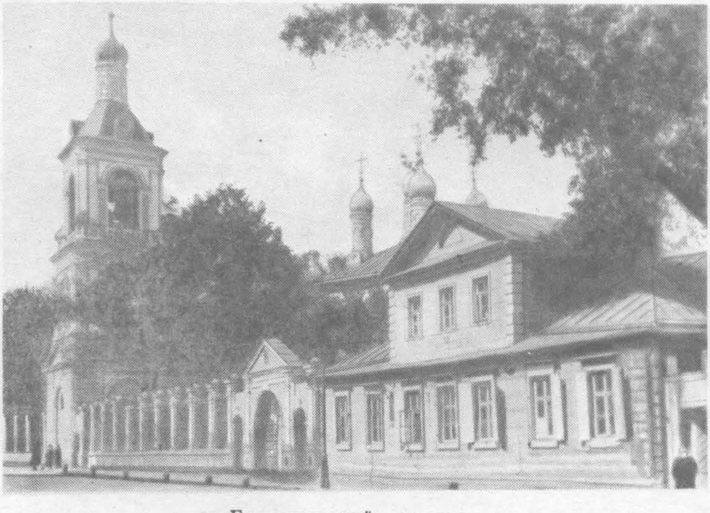
Кремль. Наводнение 1908 года

Донская улица во время наводнения в 1908 году

Дом на Софийской набережной

Голутвинский переулок

Угол Толмачевского и Лаврушинского переулков.
Церковь Николы в Толмачах

Деревянный дом в Овчинниках (район Пятницкой улицы)

2 р. 50 к.

